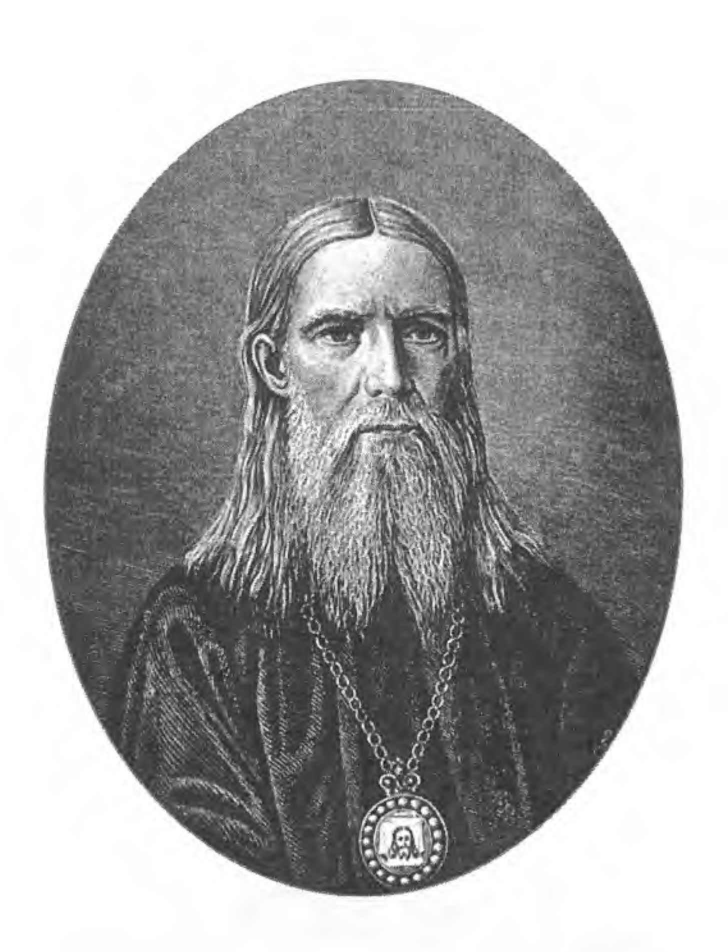
СВЯТИТЕЛЬ
ФЕОФАН ЗАТВОРНИК
Толкование
послания
апостола Павла
К ЕФЕСЯНАМ

Духовное наследие
святителя Феофана Затворника



СВЯТИТЕЛЬ
ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

Толкование послания апостола Павла

К ЕФЕСЯНАМ

Москва 2004

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Слово Божие распространилось по всей земле и многим людям служит путеводителем по жизни. Но наряду со Священным Писанием всегда есть необходимость в руководстве, чтобы правильно его понимать, избежать искажений его лжеучителями, иметь объяснение многих неясных в нем мест.

Преосвященный Феофан – несравненный знаток и комментатор Священного Писания – оставил нам просто и доступно изложенные труды, не превзойденные по проникновенной глубине понимания священного текста и по полноте и широте его изъяснения.

Много лет посвятил святитель Феофан толкованию посланий Апостола Павла.

С детства посвященный отцом на служение религии, воспитанник фарисейской школы, ученик Гамалиила, одного из ученейших мужей Иерусалима, гонитель первых христиан, он был обращен Самим Господом и стал исключительным орудием Промысла Божия в деле просвещения язычников, «Апостолом языков», в душе которого жило убеждение в призвании ко Христу всего человеческого рода.

Послание к Ефесянам написано Апостолом Павлом в темнице, куда он попал за проповедь Евангелия в Иерусалиме. Обращение язычников по воле Божией уже началось. А сейчас, в уединении, как бы перед лицом Господа, он духом созерцает Божественную тайну: образование Царства Христова – Церкви. Изъяснение великого единения всех христиан, как единого тела под Главой Христом, составляет большую часть послания к Ефесянам.

ПОСЛАНИЕ
К ЕФЕСЯНАМ,
ИСТОЛКОВАННОЕ
СВЯТИТЕЛЕМ
ФЕОФАНОМ

1. Основание Ефесской Церкви

Ефес — приморский город в Малой Азии, на реке Каистре, окружен долиною, окаймливаемою горами. Против него море делает просторное углубление в земле, на котором к южной стороне лежит остров Самос. Выгодное положение Ефеса сделало его центром торговли, и он исстари главенствовал в области ионян. В начатках христианства он был митрополиею проконсульской асийской провинции.

Кроме торговли, в нем процветали и искусства; он был центром и учености. Святой Златоуст пишет о нем: «Ефес есть главный город Азии. Он был посвящен Артемиде, где она и пользовалась особым уважением, как высшая богиня. Благоговение к ней почитателей ее было так велико, что они не хотели сделать известным имени того, кто сжег храм ее; а он был сожжен. Оттоле были многие философы; да и теперь еще можно найти там многих философов».

Здесь было седалище и языческой магии, исходившей из мистерий Артемиды. Писали какие-то слова, отрывочно или в фразах, которых смысла никто не понимал, но которым приписывали большую силу. О них поминает Климент

Александрийский в своих Строматах. Называли их ἐφέσια γράμματα, которые кто заучивал на память, кто брал написанными на клочках пергамента и носил вроде амулетки, как об этом пишет Плутарх в своих Симпосиаках.

В Ефесе жило немало иудеев, и они имели здесь свою синагогу, но не видно, чтоб они приобрели в каком-либо отношении преобладающее положение. Во множестве язычников, при разнообразно развивавшейся жизни языческой, они были почти незаметны.

Судя по всему этому, святому Павлу немало здесь предлежало труда и борьбы; но благодать Божия, действовавшая в нем и им руководившая, помогла ему и научила его все препобедить и основать здесь знаменитую христианскую Церковь, наследницу славы и влияния Церквей Иерусалима и Антиохии.

Когда святой Павел в первый раз посетил Ефес, там не было еще христиан. Это было в конце второго проповеднического путешествия Павла Апостола, после полуторагодичного пребывания его в Коринфе, на пути из которого в Иерусалим пришлось ему останавливаться в Ефесе. Имея несколько свободного времени и не желая потерять его даром, святой Павел сошел в город и, вошедши в синагогу, рассуждал с иудеями, конечно, о надеждах Израиля. Сеемое Апостолом слово находило себе здесь благоприят-

ную почву. Слышавшие его и верно понявшие силу его просили святого Павла побыть у них долее. Но он, имея нужду быть в Иерусалиме на приближавшемся празднике, не согласился на это, а обещал нарочно прибыть к ним снова, если Господу угодно будет (Деян. 18, 19–21).

Это была первая Евангельская проповедь, слышанная в Ефесе. Был ли кто обращен ею, не замечается; но когда прибыл святой Павел сюда во второй раз, то нашел здесь и христиан, и полухристиан. Продолжатели начатой им проповеди были после него Акилла и Прискилла, вместе с ним прибывшие в Ефес и здесь им оставленные. Как ревнители о славе Христа Господа, они, конечно, не молчали, а простирали слово о Нем, где приходилось и где обещался успех. — К их слову скоро присоединилась смелая и сильная речь Аполлоса, иудеянина, мужа красноречивого и сведущего в Писании, пришедшего в ту пору из Александрии в Ефес. Он был наставлен в начатках пути Господня и, горя духом, говорил и учил о Господе правильно, зная только крещение Иоанново. Он начал смело говорить в синагоге. Услышав его, Акилла и Прискилла приняли его и точнее объяснили ему путь Господень. Конечно, это обстоятельство послужило не к ослаблению, а к большему возгрению учительской ревности Аполлоса. Но ему нельзя было долго оставаться в Ефесе, и он, не дождавшись святого

Павла, отплыл в Коринф. Ефесские братия дали ему рекомендательные письма к тамошним христианам, чтоб расположить их принять его побратски (Деян. 18, 24—27).— Вот уже и братия в Ефесе, под которыми недостаточно разуметь только Акиллу и Прискиллу, хотя, надо положить, они были во главе других, как лично знакомые с коринфскими братиями о Христе.

Между тем как это происходило в Ефесе, святой Павел, побывши в Иерусалиме и Антиохии и прошедши Фригию, Галатию и верхние страны, прибыл наконец в Ефес, как обещался, и, конечно, был встречен и принят понявшими его в первый раз и познавшими уже путь Господень с обрадованным сердцем. Тотчас начались и труды Апостола по благовестию.

Прежде всего он довершил недовершенных. Было человек с двенадцать между веровавшими, кои, подобно Аполлосу, знали только и приняли крещение Иоанново. Не дивно, что то были ученики Аполлоса. Поняв, что они суть, святой Павел доучил их, чего они еще не знали, и преподал им, чего еще они не имели. Отличие христиан — благодать и дар Святого Духа, от помазания Которым они и имя свое имеют. Между тем ученики те даже и не слыхали, что есть Дух Святой, крестившись только крещением Иоанновым. Святой Павел объяснил им, что крещение Иоанново есть только преддверие в Царство Божие.

Дверь же в него есть крещение во имя Господа Иисуса, а совершение сынов Царствия — благодать Святого Духа. Приняв с полною верою слово Апостола, они крестились христианским крещением и, по возложении на них рук Апостола, приняли наитие Духа Святого и стали говорить иными языками и пророчествовать (Деян. 19, 2—7).

За сим началось оглашение ефесян Евангелием. Сначала святой Павел, по обычаю, обратился к иудеям. Три месяца ходил он в синагогу, небоязненно проповедуя и удостоверяя всех, что Царствие Божие пришло в Господе Иисусе Христе. Но как успеха было мало, а напротив, с ним спорили, ожесточались против него и святого учения его, понося путь Господень, то святой Павел оставил синагогу, отделил уверовавших и перешел к язычникам с проповедию, которую и предлагал каждодневно в училище некоего Тиранна (9).

Два года учил здесь Апостол. К нему приходили иудеи и эллины, местные и неместные, близкие и дальние,— так что все жители Асии слышали проповедь о Господе Иисусе. Церковь Божия пустила широкие ветви (10).

Верно не щадил святой Апостол трудов и слова, возвещая волю Божию и истолковывая глубочайшие тайны веры, как замечает святой Златоуст. Но успех — не от убеждений словесных, а от силы Духа, приводившего в движение

Апостольское слово, особенно же от впечатлительных знамений и чудес. Сказанное святым Марком: *они же* (Апостолы), *изшедше, проповедаша всюду, Господу поспешествующу и слово утверждающу последствующими знаменми* (Мк. 16, 20), повторялось с каждым Апостолом. Это было и со святым Павлом, как во всех местах его проповеди, так и в Ефесе. Святой Лука замечает в Деяниях: *Бог же творил немало чудес руками Павла, так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них* (Деян. 19, 11—12).

И славилось имя Господа Иисуса, святым Павлом проповедуемого, так что какие-то заклинатели стали употреблять сие поклоняемое имя над имеющими злых духов, чтоб изгонять их. Вероятно, бывали и действия от сего, подобно тому, как были они еще при жизни Господа на земле, как доносил Ему святой Иоанн (Лк. 9, 49). Это могло быть по страшливости бесов, кои, быв поражены Господом вконец, от одного звука имени Его не знали, куда деваться, по слову Писания: *бегает нечестивый, ни единому же гонящу* (Притч. 28, 1),— тем паче бес, как замечает святой Антоний Великий в слове, сохраненном святым Афанасием Великим в житии его. Сам Господь терпел это до времени. Но потом надлежало всем показать, что в области Божией не

слова и имена страшны, а паче дух веры, с коим они произносятся. Почему разрешил бесу в одном бесноватом восстать на сих заклинателей, и он с словом: *Иисуса знаю и Павла свем, вы же кто есте? — бросился на них... и, одолев их, взял над ними такую силу, что они нагие и избитые выбежали из того дома*, где был бесноватый. Их было семеро (Деян. 19, 13—16).

Когда весть об этом разнеслась между иудеями и эллинами, напал на всех страх, и величаемо было имя Господа Иисуса. От этого обаяние чародейства исчезло и чернокнижничество утратило цену. Сами чернокнижники, собрав книги свои, сожгли их пред всеми. Жертва — немалая. Цена книг в сложности простиралась до пятидесяти тысяч драхм. Это обозначало, что язычество здесь надломлено и корень его расшатан. Число веровавших возросло, и обращавшиеся приходили и исповедовали дела свои злые, конечно с обетом воздерживаться от них, как требовалось от всякого приступающего к крещению, в чаянии принять и дар Святого Духа, чрез возложение рук Апостольских. *С такою силою возрастало и возмогало слово Господне* (20).

Деятельность святого Павла, в такое долгое пребывание в Ефесе, надо полагать, не ограничивалось одним этим городом, а простиралась на всю Асию и даже за пределы ее. Поминаемые в Апокалипсисе Церкви Асийские, кроме Ефеса,

в Смирне, Пергаме, Фиатире, Сардисе, Филадельфии и Лаодикии (Апок. 1, 11), также в Колоссах и Иераполе (Кол. 4, 13), вероятно, теперь получили свое начало, или лично от самого Павла, или чрез сотрудников его, по его указанию и руководству. В этом отношении, можно сказать, что Ефес теперь стал тем же для Апостола, чем доселе была Антиохия — исходным пунктом его Апостольской деятельности. Известно также, что отсюда писал святой Павел послания к Галатам и первое к Коринфянам; то — в начале пребывания в Ефесе, а это пред самым концом.

Наконец, видя, что здесь положены очень прочные основы христианству, святой Павел предположил оставить Ефес и, посетив церкви македонские и ахайские, побыть в Иерусалиме, а потом направиться в Рим. Он уже сделал об этом распоряжение, послав пред собою в Македонию Тимофея и Эраста, как в Ефесе поднялся немалый мятеж против пути Господня, возбужденный Димитрием среброковачем. Это ускорило отбытие святого Павла из Ефеса, и он, по прекращении мятежа благоразумием местного блюстителя порядка, дав нужные наставления ученикам, простился с ними и пошел в Македонию (Деян. 19, 21—20, 1).

Посетив македонские церкви и преподав верующим всюду обильные наставления, пришел он в Елладу, где мог пробыть только три месяца,

потому что возмущение против него, поднятое иудеями, заставило его оставить сию страну (2—3).

Возвращался Апостол оттуда опять чрез Македонию. Путь лежал потом мимо Ефеса, но святой Павел рассудил не заходить в него, чтоб не замедлить в Асии, ибо ему желалось поспеть к Пятидесятнице в Иерусалим. Корабль останавливался в Милете, немного южнее Ефеса. Время позволяло, и Апостол пригласил сюда из Ефеса и, вероятно, из других мест настоятелей церковных, чтоб дать им последние наставления и проститься с ними (14—17).

Когда они пришли, он сказал им: вы знаете, как действовал я среди вас с того дня, как пришел в Асию. Всенародно и по домам учил я вас и не пропустил ничего полезного,— возвещая иудеям и эллинам *покаяние пред Богом и веру* в Господа нашего Иисуса Христа. Ныне, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там будет со мною; только по всем городам Дух Святой свидетельствует, что меня ждут там узы и скорби. Но я не дорожу жизнию, лишь бы как следует совершить мне служение, которое *я принял от Господа Иисуса Христа — проповедать Евангелие благодати Божией*. Вы более не увидите лица моего. Но я возвестил уже вам всю волю Божию. Блюдите преданное и продолжайте созидаться на положенном основании. *Внимайте себе и стаду, в немже вас Дух Святый*

постави епископы пасти Церковь Господа и Бога, которую стяжал Он Своею кровию. После меня войдут к вам волки, не щадящие стада, и из вас самих восстанут люди суемудрые, которые будут отвлекать от истины вслед своих мудрований. Бодрствуйте же, памятуя, что три года*, день и ночь, со слезами учил я каждого из вас. Отныне Бог и благодать Его да назидают вас более и более, чтоб, совершив, довесть до наследия со всеми освященными.— Помянув затем, как, живя среди их, он не только ни от кого ничего не брал, но, трудами рук своих содержа себя и бывших с ним, уделял еще и неимущим, памятуя слово Господа, что блаженнее есть паче даяти, нежели приимати,— святой Павел, падши на колена, со всеми ими помолился. Все плакали и, падая на выю его, целовали его, скорбя особенно о том, что, как сказал он, они не увидят более лица его. Так проводили его до корабля и простились с ним (17—38).

Тем кончились личные сношения святого Павла с ефесянами; но не кончились заботы его об них и общение с ними духовное, как свидетельствует писанное к ним послание.

---

* Замечены в Деяниях — три месяца, проведенные в синагоге, и два года — в училище Тиранна. Девять месяцев где? — И прежде два года, и здесь три года сказаны, может быть, круглым числом. Два года посему могли быть больше двух лет, и три года — меньше трех лет. Или, может быть, Апостол здесь положил счет времени с того случая, как в первый раз мимоходом держал он проповедь в синагоге.— *Авт.*

2. Обстоятельства написания послания к Ефесянам

Где написано?

Послание сие писано святым Павлом из уз, как неоднократно поминается о том в нем самом (3, 1; 4, 1; 6, 20). Но узы святого Павла начались скоро после прощания его с ефесянами. Вслед за отплытием его из Милета, в местах, куда он заходил, слышатся из уст пророков решительные указания на неизбежные для него узы, которые и сам он предчувствовал (Деян. 21, 4, 10—14). А как только показался он в Иерусалиме, чрез несколько дней был схвачен асийскими иудеями и предан ненависти народа, которым и был бы лишен жизни, если б не вступилось за него языческое начальство. Оно взяло его и держало в узах, сначала в Кесарии, а потом и в Риме. Так язычники сохранили на нужное время свыше определенного для них проповедника Евангельской истины!

Так узы святого Павла начались еще в Иерусалиме, длились года два в Кесарии и закончились после двухгодичного продолжения их в Риме. Написание послания можно относить к какому угодно месту узничества Апостола. Но в Иерусалиме некогда было писать; надо полагать — в Кесарии или в Риме. Где же? — Лучше положить — в Кесарии. Склониться на это предположение заставляет то, что при этом удобнее будет решить некоторые недоумения, возникающие

по поводу особенностей послания, как увидим. Но можно находить некоторые намеки на это и в самом послании.

В послании нет ни малейшего указания на какие-либо изменения в Церкви Ефесской, в добрую или худую сторону. Оно видит ее такою же, какая оставлена она была святым Павлом. Если б произошло там что-либо достойное замечания, Апостол не преминул бы помянуть о том, как сделал потом в послании к Колоссянам. Судя по изменчивости дел человеческих, надо допустить, что, если ефесяне все те же были, когда святой Павел писал сие послание, то, верно, потому, что некогда еще было им измениться и что, следовательно, оно писано к ним скоро после отбытия оттуда святого Павла. Если так, то оно писано из Кесарии, ибо писание из Рима уже не будет скоро, а на третьем или четвертом году после разлучения с ними Апостола. В такой же промежуток времени мало ли что могло случиться в Ефесе, как видим на Солуни, Коринфе и Галатах?! – И Апостол не умолчал бы о том.

На это же может наводить и то, что Апостол просит ефесян молиться, чтоб дано ему было слово, устами своими *открыто, с дерзновением, возвещать тайну благовествования* (Еф. 6, 19). Эта молитва идет более к кесарийскому узничеству, чем к римскому: ибо в Риме Апостол пользовался большею свободой, а в Кесарии он был

точно заключен, и только некоторым позволялось входить к нему (Деян. 24, 23).

К тому же можно взять во внимание и следующее. Два года в Кесарии (Деян. 24, 27) ужели провел святой Павел без дела? Не мог он сидеть здесь сложа руки; но как не имел возможности лично входить в сношения с обращенными им в христианство и действовать на обращение других, то, вероятно, писал. Может быть, в это время писаны им некоторые из тех посланий, которые считаются потерянными. Но ближе всего писал к ефесянам, с которыми только что расстался и память о которых теснилась в его сознании.

Что расположило написать такое послание?

В послании не указывается никакого особенного повода к написанию его, как было уже замечено. Но, судя по воодушевлению и высокому тону всего послания, можно считать вероятным, что святого Павла расположило написать его желание сообщить ефесянам те высокие созерцания, в которые введен он был Духом Божиим в его узничестве и которые восхищали дух его.

Войдем к сему Богом водимому узнику. Узы терпел он за свободу христианскую и за проповедь Евангелия языкам, к чему призван он Самим Господом, подтвердившим сие призвание незадолго пред тем в Иерусалиме (Деян. 23, 11).

Внимание святого Павла и прежде не могло не держаться на этом предмете; теперь же оно было приковано к нему узами. Как в узах кесарийских позволяли приходить к святому Павлу только некоторым близким, и то послужения ради (Деян. 24, 23), то он все почти время был только сам с собою. Естественно было ему, стоя пред лицем Господа в умной беседе, более углубляться в дело, которое возлагалось на него. Дело призывания язычников уже началось, по явной воле Божией и по указанию свыше. Простая вера и всякое событие освещает включением его в планы Промышления Божия. Но самое созерцание места и значения текущих событий в ряду действий Промысла Божия не всем дается, и не все усиливаются входить в него. Виден был перст Божий в призывании язычников, и Апостол осязал его. Но в самые тайны Божии о сем он еще не входил, и Дух Божий не вводил его туда: ибо и избранникам Божиим не вдруг всесторонне открываются истины, а постепенно, по мере нужды в них и подготовленности к принятию их. И вот теперь только Дух Божий, влекший Апостола в Иерусалим для уз, вводит дух его в полное созерцание тайны Божией в призывании языков наряду с иудеями и образовании из тех и других единого спасительного Царства Христова.

Что призываются иудеи, не дивно: они избраны на то издревле. Но что есть призвание

языков? — Входя в это, Апостол не останавливался на одном внешнем явлении сего события, но восходил к самому началу его в предвечном совете Божием, поставлял в соотношение с лицами Пресвятой Троицы, с миром Ангельским, человеческим и со всеми тварями, и простирался за движением его чрез все века, — до возглавления всяческих во Христе Иисусе в вечности.

И он был служителем сей тайны. Чрез него Бог во Христе сочетавал иудеев и язычников, чтоб из тех и других образовать новый род, который бы, единясь с Богом в Господе Иисусе и в себе пребывая соединенным духом любви и братского взаимообщения, возрастал в совершенстве, подобно телу здоровому, стройно развивающемуся, или прочному зданию, мудро устрояемому.

Исполненному таких созерцаний духу Апостола естественно было желать — поделиться ими с возлюбленными чадами своими духовными и передать их им в сообразном слове. Последняя Церковь, над которою он столько трудился, была Церковь Ефесская. Ей и сообщает он изображение сей полноты премудрости Божией в устроении Церкви и спасения всех затем только, чтоб и они стали причастниками сего ведения и обрадованы были им. Оттого он не касается никаких частных случаев в Церкви Ефесской, ни своего среди их пребывания. Все это не представляло ничего особенного, что гармонировало бы с тем,

чем занят был дух его. Высота созерцаний не позволяла ему низойти долу. Он весь вниманием своим в великой тайне Божией, то как она есть в Боге, то как осуществляется в Господе Иисусе Христе, то как восприемлется земнородными, то как усматривается и небесными, то как раскроется наконец в вечности во всей славе своей. Только в изображении обязанностей христианского общежития спускается он на землю, но и тут вы видите, что он на все смотрит с точки зрения той же тайны сочетания всех во едино тело под главою Христом.

Что все сие воодушевленно излагает он ефесянам затем, чтобы и они познали тайну премудрости Божией и порадовались, — об этом прямо говорится в послании. Так в начале его святой Павел молится, *да Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, даст им Духа премудрости и откровения в познание Его: просвещенна очеса сердца, яко уведети, кое есть упование звания Его, и кое богатство славы достояния Его во святых* (1, 16—18). И в конце опять преклоняет *колена к Отцу Господа нашего... да даст* им... *разумети со всеми святыми, что широта и долгота и глубина и высота* (сей тайны)... *разумети же преспеющую разум любовь Христову* (явленную в призвании их в Свое Царство) (3, 14—19). Так ощутительно в сих словах желание Апостола, чтобы и ефесяне вошли

в созерцание той же тайны и исполнились того блаженного восхищения, какое осеняло его самого.

Но тогда как такое соображение достаточно объясняет происхождение послания к Ефесянам, по-человечески судя, — Дух Божий, действовавший в духе Апостола, не мог этим ограничиться. Можно доразумевать, что Он расположил Апостола изложить сообщенные ему откровения в руководство всей Церкви на все последующее время, оставить как бы памятную книгу о великом деле созидания Церкви Божией из иудеев и язычников.

Возьмем во внимание тогдашнее течение дел в Церкви. Апостол Павел, где ни проповедовал, всюду обращался прежде к иудеям и от них уже переходил к язычникам. Первые верующие везде были из иудеев. К ним присоединялись верующие и из язычников. Но дело везде шло так, что сии последние скоро превышали численностию первых, которые будто исчезали в массе их. Так было в Солуни, так в Коринфе, так у галатов, так, наконец, в Ефесе и во всей Асии. Всюду в кругу деятельности Апостола было так, что эллины поглощали иудеев. Но если тогда, в начале, было так, то тем паче должно было это иметь место в последующее время. Апостол не мог не видеть, что после совершенно изгладится разность иудея и эллина и всюду будут видеться только христиане без таких внешних отличий. Но при всем

том та истина, что корень христианства в Ветхом Завете и эллины привиты к древу Израиля, должна быть всегда ведома и содержима верою. Забудься она — христианство явится чем-то оторванным. Язычники из чувства благодарности не должны никогда забывать, что они вошли будто в чужое достояние, единственно по милости Божией. Забыть же это легко становилось, когда пред глазами все более и более сглаживались личности, могшие напоминать о том одним присутствием своим (то есть иудеи). Вот и належала нужда дать знать будущим родам, кто они были и как сделались причастниками стольких благ,— чтоб помнили то, и, помня, Бога благодарили, и всячески старались держать себя достойно такого высокого звания. Святой Павел и делает это в послании к Ефесянам. Почему и заключает свое объяснение тайны призвания языков в Царство Христово заповедию: *помните же* вы, язычники, что вы были некогда без Христа, отчуждены от общества Израилева, чужды заветов обетования, не имели надежды и были безбожны в мире, а теперь во Христе вы, бывшие некогда далече, стали близки кровию Христовою... *не чужие уже вы и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу* (2, 11—19). Это не одним ефесянам урок, но и всем последующих времен верующим не из иудеев. Следовательно, и нам.

Помните! — Не заметил ли святой Павел, что точно стали забывать; забывая — не иметь должного отношения к иудеям, особясь от них или презирая их; а далее, может быть, забывать и великость дара Божия призвания во благодать Христову, отсюда же и о том, чтоб жить достойно звания не особенную иметь заботу. Устранение всех таких неправостей и мог иметь в виду святой Павел, между прочим. В послании к Римлянам он уже вразумлял язычников относительно сего. Теперь глубже воззревает он в сию истину, чтобы сильнее и воздействовать на умы, и запечатлеть ее неизгладимо в сердцах.

Не следует пропускать без внимания и того, что еще говорит Апостол: *прошу вас не унывать при моих ради вас скорбях, которыя суть слава ваша* (Еф. 3, 13). — Не смущали ли его узы верующих из язычников одних тем, что он из-за них терпит, других тем, что не умели понять, как — в узах лицо, столь высокое и такими знамениями вооруженное? — Это смущение рассеивает он одним словом: не унывайте... не распространяясь много, по незначительности дела и малости смущаемых лиц. После объяснения им тайны устроения Церкви само собою выходило: когда такое благо от проповеди, стоит ли обращать внимание на мои скорби? Каких жертв можно жалеть для сообщения его братиям моим?

Особенности сего послания

Из такого воззрения на происхождение и назначение послания к Ефесянам сами собою объясняются особенности, резко отличающие его от всех других.

Первая из этих особенностей есть *высота* содержания, с соответствующею тому восторженностию речи и многообъятностию мыслей. Святой Златоуст пишет: «Говорят, что святой Павел, когда еще изустно оглашал ефесян, уже доверил им глубочайшие истины веры. По крайней мере, само послание исполнено возвышенных созерцаний и догматов... Оно исполнено возвышенных и необъятных созерцаний; в нем он объясняет то, о чем почти нигде не писал». Всякий сам удостоверится в том, как только начнет читать послание. Видение бесконечных благ, коих мы сделались причастниками во Христе Иисусе, восхищает Апостола и роит в нем святые мысли и чувства в таком обилии и с такою быстротою, что он не успевает схватить их словом. Мысль за мыслию текут неудержимо, пока не исчерпывают всего предмета, воодушевлявшего Апостола. И слово множится: ибо Апостолу желалось только очертить всякий умозримый предмет, не останавливаясь, однако ж, на нем особенно, а помечая его в общей череде текущих чрез сознание умных видений. Судя по такому характеру содержания послания и по такому тону речи в нем, оно есть

то же между прочими посланиями Апостола Павла, что Евангелие от Иоанна между Евангелиями.

Вторая особенность сего послания, — прямое следствие предыдущей, — есть *общность.* Апостол живописует вообще существо христианства, — как от века Бог положил спасти нас в Сыне Своем, как Сын Божий приходил на землю и устроил сие спасение, как все мы делаемся участниками сего спасения и как вследствие того должно нам жить и действовать. Ни на какие исторические случаи не указывает он. Все, что говорит он, может идти ко всякому обществу христианскому. Видно одно отличие лиц, под словами *мы* и *вы.* Это *мы* — иудеи, и *вы* — язычники, слияние которых в едином теле Церкви о Господе и служило исходною точкою всех увлекавших Апостола созерцаний. Основываясь на такой общности содержания послания, некоторые назвали его общим христианским катехизисом. И новым веропроповедникам действительно можно иметь его за норму в первых оглашениях иноверцев.

Из двух первых — *третья* особенность послания — *та, что* в нем нет указаний на какие-либо исторические обстоятельства ни самого Апостола, ни ефесян, к коим он писал его, и *что* в нем не прописываются приветствия каким-либо лицам, особенно значительным в Церкви Ефесской

и близким Апостолу, как это делает он во всех других посланиях. Только и есть упоминаний, что об узах Апостола и его избрании на проповедь Евангелия языкам, и о Тихике, известном спутнике святого Павла и разносителе его посланий.— Апостолу не хотелось сходить к какимлибо обычностям среди таких необычных и всеобъемлющих созерцаний, в которых, конечно, продолжал он держаться и по изложении их в слове. И о философах замечают, что когда случается им войти поглубже в какие-либо метафизические умозрения, то они и потом долго занимают их душу, и им неохотно бывает в ту пору заняться чем-либо текущим.

3. Недоумения, к ефесянам ли писано сие послание?

Такие особенности послания вместе с некоторыми выражениями в нем заставляют иных недоумевать и колебаться, к ефесянам ли оно писано. Что оно писано святым Павлом, в этом сомневающихся почти нет, или их так мало, и основания их неверия так ничтожны, что не стоит и внимания останавливать на этом. Но, говорят многие: писано сие послание святым Павлом Апостолом, только не к ефесянам писано.

а) Святой Павел недавно из Ефеса, где пробыл так долго, где так искренно был любим и чтим, и взаимно имел, конечно, и сам много лиц,

к коим имел особенное расположение. Возможно ли, чтоб, пиша к ним послание, он не сказал никому из них ни слова? – Но это достаточно уже объясняется тем состоянием духа, в каком находился святой Павел, пиша сие послание, как замечено пред сим. Окончательно же объясняется это из того обстоятельства, что послание писано из Кесарии, где узы были более тесны и враги ближе и злее. В первый раз попал святой Павел в такие долгие и крепкие узы. Кругом всюду злящиеся на него враги. По-человечески судя, не смог он не опасаться всяких от лица их себе неправд и неприятностей. Иудеи, верно, зорко сторожили за ним и готовы были на все, чтоб только озлобить его чем-либо. Зная это, он, пиша послание, и не поминает ни о ком ни из иудеев, ни из язычников, опасаясь, что послание попадет в руки врагов его и они наделают неприятностей из-за того и ему, и поминаемым лицам, из иудеев ли они, или из язычников: из иудеев, потому что они иерархически все еще состояли в зависимости от иерусалимских властей, из язычников, потому что относительно их они могли сказать правителю: он и ваших соблазняет, отводя их от кесаря и подчиняя некоему Христу. К тому же правитель и без того ожидал уже выкупа от Апостола Павла (Деян. 24, 26), а узнав, как широк круг почитателей его и как они значительны, стал бы употреблять что-нибудь и более празднего

ожидания. По всему этому святой Павел и счел нужным не упоминать в послании ни о каких лицах из Ефесской Церкви, к которой писал. В случае отобрания послания ни к кому нельзя было приступить, кроме самого Апостола Павла и Тихика, которые были налицо и всем известны, коего духа суть. Той же потребности, чтоб приветствовать кого-либо и особенно, мог удовлетворить словесно Тихик, бывший там с Апостолом и хорошо знавший всех.

б) Этим же можно объяснить и второе недоумение, которое берут из слов Апостола: *слышав о вере вашей* (1, 15). Как, говорят, мог он написать это к ефесянам, которых сам обратил и о вере которых и делах лично знал? Верно, не к ним он это писал, а к другим каким, к лаодикийцам, например, или еще куда. — Но — кроме того, что это слышание можно понимать не о первоначальном обращении, а о твердости и преуспеянии в вере и любви, как толкует то место и Феодорит, — и кроме того, что в слове «*слышав*» можно видеть мысль: *будучи уверен*, — сей образ выражения, можно полагать, вынужден был у Апостола тем же обстоятельством строгости уз и близости злых врагов. Потому же, почему не делал он приветствий, сказал «*слышав*», чтоб всех отгородить и не дать повода пытаниям и вопросам. Если б они и были предложены, святой Павел мог сказать теперь: я писал ко всем, которых

даже и не видал. Если они нужны вам, ищите их сами, когда хотите.

в) Третье недоумение родилось из того, что в некоторых рукописях в надписании послания нет речения: *во Ефесе*, в словах: *святым сущим во Ефесе*, а стоит только: *святым сущим и верным о Христе Иисусе*. Если не стоит в тексте это указание на Ефес, то, верно, не туда писано послание, а скорее — ко всем христианам. Это, говорят, окружное послание к эллинам или асийцам, подобное посланию к Евреям.— По содержанию оно точно таково; но, если б и первоначальное его от Апостола назначение было таково, тогда в надписании был бы употреблен совсем не такой оборот: святым сущим и верным, а скорее: святым сущим повсюду, или, как во втором послании к Коринфянам, сущим во всей Асии, или как в первом к тем же Коринфянам — всем призывающим имя Господа Иисуса, или как в послании к Галатам: церквам Асийским. В том же виде, как стоит в приводимых рукописях: святым *сущим*, без означенного места, слово *сущим* остается висящим на воздухе. Произнося его, тотчас ожидаешь указания на местность, как во всех других посланиях; например, *сущим в Риме, сущим в Филиппех, сущим в Колоссаях*, и проч.— И когда нет сего указания, не избежишь желания пополнить этот пробел подобным указанием. Слово «*во Ефесе*» пополняет его и возвращает течению речи должный строй.

Но стоит ли обращать внимание на этот пропуск в двух-трех рукописях? — Если б только в этих двух-трех рукописях недоставало этого слова, точно можно бы не останавливаться на этом случае, особенно при всеобщем свидетельстве древности, что это послание есть послание святого Павла и писано им именно — к Ефесянам. Но в самой древности встречаются колебания насчет чтения сего слова в тексте. И это особенно обстоятельство требует объяснения. Точно, древность представляет два случая, из которых видно, что некоторые тогда еще колебались, читать ли в тексте: во Ефесе. — Но в тех же случаях, теми же лицами, которые поминают об этом, удостоверительно свидетельствуется, что они и вся Церковь считают это послание за несомненно писанное святым Павлом к Ефесянам. Вывод из этого будет такой: послание несомненно было писано к Ефесянам, но почему-то в некоторых списках в тексте в надписании послания не стоит: во Ефесе. Недоумение сводится не на то, к Ефесянам ли писано послание, а на то, как сделалось, что в тексте после *сущим* в иных списках не стоит *во Ефесе*, тогда как вся древность признает сие послание писанным к Ефесянам, а форма выражения в тексте такова, что непременно заставляет ожидать указания на место.

Так выходит, что весь спор тут о букве. И можно, без ущерба делу истины, ответить на

предложенный вопрос: как это сделалось, не знаем.

Некоторые настаивают на том, чтоб доказать, что это слово было в подлинном Апостоловом послании, того не замечая, что гораздо труднее объяснить, как оно, быв в подлиннике, выпало потом в некоторых списках, нежели как то, как оно, не быв в подлиннике, стало потом быть вносимо в него, и притом так, что впоследствии этот образ писания стал господствующим. Возможность последнего случая объясняется легко из того же обстоятельства, которое помогает решить и другие недоумения, — того то есть, что послание писано из кесарийских уз, под страхом от врагов, не причинить бы как неприятностей тем, к кому писано послание, указанием местности его назначения. Переписывавшему послание святой Павел не велел ставить: *во Ефесе*, после *сущим*, объяснив Тихику причину того и поручив ему вместе с другими словесными поручениями (передачею приветствий лицам известнейшим) объяснить и то, почему это делается, и предоставив ефесянам свободу вписать это слово или не вписывать. Из списывавших сие послание те, которые знали о таком распоряжении Апостола, вставляли *во Ефесе*, а те, которые не знали, опускали это. Так и пошло общее убеждение, что послание сие есть послание ко Ефесянам, в списках же в иных стояло *во Ефесе*, а в других опускалось.

Первый намек на небытие сего слова в иных древних списках видится в словах Тертуллиана против Маркиона, известного кривотолка и дерзкого портителя Писаний новозаветных. В 5-й книге против Маркиона, гл. 2, он говорит, что послание, которое у нас надписывается — ко Ефесянам, еретики надписывают — к Лаодикийцам. И ниже, в гл. 17, прибавляет: «По несомненному удостоверению Церкви послание то писано к ефесянам, а не к лаодикийцам, но Маркион переменил его надписание».— Из этого выводят, что ни Маркион, ни Тертуллиан не имели в своих списках послания в тексте — *во Ефесе*. Если б у Маркиона в тексте стояло — *во Ефесе*, нельзя было бы ему наверху надписывать: к Лаодикийцам. Если он это сделал, то, верно, воспользовавшись тем случаем, что ему попалась рукопись без сего слова в тексте. Если б у Тертуллиана в списке послания стояло в тексте — *во Ефесе*, то он напал бы на Маркиона не как на изменителя верхней надписи, но как на исказителя текста Писаний. Последнее наведение не совсем строго. Тертуллиан поминает об этом мимоходом и мог ограничиться легким указанием на изменение надписи, не входя в подробное рассмотрение всего предмета. Тертуллиан пользовался латинским переводом Itala, в котором читается — in Epheso. В этом обстоятельстве дорого для нас свидетельство Тертуллиана об общем голосе Церкви насчет

послания. Поступок же Маркиона, о коем известно, как своенравно относился он к Божию Писанию, ничего важного не представляет и только намек дает, что, верно, у него была рукопись без ἐν Ἐφέσῳ.

Второй случай, подающий повод допускать, что в древности были списки, в которых не читалось — во Ефесе, встречаем в словах святого Василия Великого против Евномия. Евномий отвергал Божество Господа Иисуса Христа. Собрав против него множество доказательств из Писания, что Господь Иисус Христос есть истинный Бог, безначальный, вечно живой, — *Сый*, он между прочим приводит и следующее: «В одном месте Апостол называет язычников не сущими за то, что они не имели ведения о Боге: *не сущая избра Бог* (1 Кор. 1, 28). В самом деле, поелику Бог есть Сый, и Истина, и Жизнь, то люди, не соединенные верою с Богом, Который есть Сый, и сроднившиеся с несущественностию лжи по своему заблуждению относительно идолов, справедливо, как я думаю, названы не сущими, — за неимение истины и за отчуждение от жизни. Напротив, сей же Апостол, в послании к Ефесянам, наименовал их, в особенном смысле, сущими, как соединенных искренно, посредством познания с Сущим, сказав: *святым сущим, и верным о Христе Иисусе* (Еф. 1, 1). Так и прежде нас бывшие предали сие, и мы сами нашли в древних списках.

Вот и рабы Христовы участвуют в этом названии; а Евномий не захотел удостоить сего названия Самого Бога нашего, но нарек не сущим Того, Кто привел тварь из ничего в бытие» (Творения святых отцов в русском переводе. Т. 3. Против Евномия. Кн. 2).

Из этого места само собою видно, что у святого Василия Великого внимание занято не тем, как читать надписание послания — с ἐν Ἐφέσῳ или без него, — а о том, как те из древних, которые не читали сего слова, толковали слово — *сущим*, не входя в рассмотрение, так ли должно читать или нет. Находя возможным воспользоваться этим толкованием против Евномия, святой Василий приводит его. Но чтоб не показалось, что он всякому слуху верит, говорит, что он видел рукописи, в которых не стоит слово *во Ефесе*, а только *сущим*. Не видно, чтоб святой Василий Великий придавал какую важность этому чтению или нечтению — *во Ефесе*; а только не преминул и это обратить в орудие борьбы с Евномием. Сам святой Василий убежден, что послание писано к ефесянам, ибо говорит: «Апостол Павел пиша к *Ефесянам*». — И список посланий святого Павла в Церкви Кесарийской имел, видно, *во Ефесе*, равно и все соседних областей церкви читали сие слово: иначе сослался бы и на их святой Василий. — Таким образом, если отвлечь из слов Василия Великого только относящееся к

нашему предмету, получим: хочешь – читай, хочешь – не читай – в тексте *во Ефесе*; только держи то убеждение, что послание писано к ефесянам.

Блаженный Иероним, приводя это толкование слова *сущим*, называет его слишком утонченным, производя его от Оригена. Сам же удерживает простое и прямое понимание сего слова: сущим, то есть во Ефесе.

Таким образом, древность точно представляет, что в некоторых списках не читалось – *во Ефесе*. Но это никакого влияния не имело на убеждение, что послание писано к ефесянам. Сие убеждение оставалось обще неизменным. От него и списки с *во Ефесе* совсем почти вытеснили списки без сего слова. Это видно из древнейших переводов Пешито и Итала, в которых стоит *в Ефесе*.

Две-три рукописи, впрочем, дошли и до нас, из которых можно заключать о колебании относительно чтения сего слова. В Синайской рукописи нет сего слова; в Ватиканской оно стоит на полях и приписано, кто говорит – тою же рукою, а кто – другою; в рукописи, значащейся под № 67, оно стоит в тексте, но потом зачеркнуто. – Решительная рукопись одна; две другие колеблются. Но если б и все они решительно говорили, – что они сравнительно со всем количеством других рукописей, уважаемых, в которых читается

сие слово? Но как при всем том нельзя не обращать внимания и на это опущение в немногих рукописях, то его достаточно объясняет приведенное нами выше предположение о возможности образования того и другого чтения, без ущерба уверенности, что послание писано к ефесянам.

Основываясь на этом пропуске слова «*во Ефесе*», некоторые полагали, что послание это было соборное, — не в одно место назначенное, а во все или многие. Но в таком случае ничто не мешало написать сущим повсюду, или всем, призывающим имя Господа, как замечено. А как оно стоит в тех рукописях, — то после *сущим* требуется непременно определенное место. Этого же требует и извещение в конце, что все, касающееся Апостола, расскажет Тихик. Должно быть определенное место, куда послан был с посланием Тихик; иначе такое поручение неудобно исполнить буквально.

Еще более несостоятельно предположение, что после *сущим* оставлен пробел с тем, чтобы Тихик вписывал после него место, куда приносил послание. Его написано было несколько экземпляров. И представить нельзя никакой нужды в такой забавной процедуре.

Что касается до мнения, что послание это писано к лаодикийцам, то все одно пропуск и при этом требует объяснения. Но чтоб оно писано

было к лаодикийцам, мешает признать невозможность объяснить при сем, как могло статься, что послание всею древностию признано за послание ко ефесянам, когда бы кроме Лаодикийской Церкви свидетельство о том шло и от Церкви Колосской, коей писал святой Павел прочитать то послание. — На своевольное же действие Маркиона не стоит обращать внимания.

Остановимся потому на той мысли, что пропуск места точно был, по высказанной прежде причине, но что послание назначалось для Ефесской Церкви. Таким и признала его вся древность; списки же делались иные с прописанием *во Ефесе*, а иные — без сего.

4. Место и время написания

Откуда написано послание, мысль свою о том мы поместили в начале, потому что ею удобно решаются некоторые особенности послания и недоумения, возбуждаемые тем. Но, остановясь на ней, и время написания послания должны уже согласить с нею. — В Ефес прибыл святой Павел в 55 или 56 году. Там пробыл 3 года. Несколько месяцев употреблено после того на путешествие по Македонии и на пребывание в Ахаии. Затем нападение на Апостола в Иерусалиме, вслед за коим начались и узы кесарийские. Написание послания к ефесянам падает, таким образом, на 60 или 61 годы.

5. Содержание и разделение послания

И прежде не раз говорилось, что главный предмет послания есть тайна призывания язычников ко спасению, которое для всего рода человеческого устроено в лице Господа нашего Иисуса Христа, обетованного иудеям, и тайна устроения из всех людей единой Церкви Божией, коей глава — Христос Господь. Изложив это пространно и воодушевленно, святой Павел предлагает потом и правила жизни христианской, в каком духе должны жить призванные к такому сочетанию в единое тело и в каких действиях должен выражаться дух сей во всех порядках жизни, в каких обычно поставляем бывает всякий человек.

Первый предмет занимает первые три главы, второй — последние три. К ним, в начале, прилагаются надпись и приветствие (1, 1—2) и в конце небольшое заключение (6, 12—24).

Более подробное развитие мыслей каждой части будет предлагаемо в самом толковании послания.

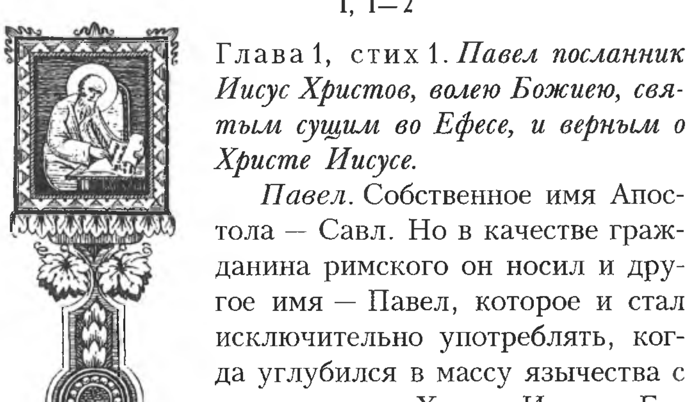
ТОЛКОВАНИЕ

ПОСЛАНИЯ
СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

К ЕФЕСЯНАМ

НАДПИСЬ И ПРИВЕТСТВИЕ

1, 1—2



Глава 1, стих 1. *Павел посланник Иисус Христов, волею Божиею, святым сущим во Ефесе, и верным о Христе Иисусе.*

Павел. Собственное имя Апостола – Савл. Но в качестве гражданина римского он носил и другое имя – Павел, которое и стал исключительно употреблять, когда углубился в массу язычества с проповедию о Христе Иисусе. Его он ставит и во всех своих посланиях. Под ним остался он ведом и в христианском мире, который преимущественно состоит из обращенных язычников.

Посланник. Апостол — сан святого Павла в благодатном Царстве Христовом, самый высокий. Сам Господь назвал так 12 учеников Своих (Лк. 6, 13), избрав их для того, *да посылает их проповедати* (Мк. 3, 14). Святой Павел в другом месте исповедует, что и он поставлен Апостолом и проповедником, чтоб всюду разносить свидетельство о той истине, что *един есть Бог и един ходатай Бога и человеков, человек Христос Иисус* (1 Тим. 2, 5—6). — Значение лиц, кои посланники суть, известно из общего употребления. Не иное оно и в благодатном Царстве. Разность — от лица посылающего, от полномочий посланного и предмета посольства. Послов греки называют πρεσβεύς — представитель государя, исполнитель воли его и блюститель интересов своего государства. Таковы и Апостолы — посланники Божии, исполнители воли Его и блюстители интересов Царства благодатного. Почему в этом же послании святой Павел, прося у ефесян молитв, чтоб дана ему была свобода с дерзновением возвещать тайну благовествования, — прибавляет: *о нем же посольствую* — πρεσβεύω — *во узах моих* (6, 20). Вся забота его о распространении Царства Христова, как в другом месте говорит он, *по Христе убо молим* πρεσβεύομεν, — *яко Богу молящу нами... примиритеся с Богом* (2 Кор. 5, 20).

Посланник Иисус Христов, — а *волею Божиею*. Господь Иисус избрал и послал, но так, что на это была воля Бога и Отца. Сын творит, что видит Отца творяща. Что постановляет Отец, то приводит в исполнение Сын, видящий сии решения по единосущию с Отцом, пребыванию в Нем, ведению всего Отчего и участию в сем самом постановлении. *По воле Бога* Отца, которая есть и воля Сына, по единосоветию лиц Пресвятой Троицы.

Постановление — быть святому Павлу Апостолом состоялось на небе и приведено в исполнение на земле в свое время. Волю Божию о сем святой Павел узнал не по внутренним движениям чувства, а видимо и осязательно, и притом с таким сильным потрясением всего существа его, которое в один раз отрясло все налегшие на светлый ум его предубеждения, набранные им из секты фарисейской. Что он сподобился этого дара по особой воле Божией, наипаче же, что особенная была к нему благодать и милость в изменении его из врага Христова в Апостола, — это так глубоко лежало в сердце его и так неотступно стояло в сознании, что он всегда поминал об этом, как только надлежало сказать что-либо о своем Апостольстве, побуждаясь к тому и чувством благодарности за милость, и желанием дать удостоверение тем, к кому писал или говорил, что они слышат из уст его несомненно

Божескую истину, так как он не сам взялся за проповедь и не людьми назначен на это дело, а послан от Самого Господа непосредственно.

Один толковник наводит при сем: так часто поминает святой Апостол о своем избрании на проповедь волею Божиею для того, чтобы напечатлеть в душах верующих, что дело проповеди, а далее и всякое служение в Церкви не должно быть присвояемо себе самочинно, а всегда должно быть принимаемо по избранию — способом, в Церкви Божией Богом установленным, в производстве коего является воля Божия. В этом же может быть побуждение для наличных служителей Божиих всех степеней — обсуждать: все ли в избрании их шло по образу, Богом учрежденному, имея во внимании при сем не внешний только порядок, но свое внутреннее состояние и свидетельство совести своей.

Святым сущим во Ефесе, — христианам, живущим в Ефесе. — *Святый* есть человек чистый и непорочный, всякою добродетелию украшенный и всякого греха чуждый, не только делом совершаемого, но и в мыслях и чувствах действующего, и потому состоящий в Божием благоволении и к Богу близкий и доступный. — Ужели верующие ефесяне были таковы? — Ничего нет дивного, по живости веры и жару ревности, с какими приступали тогда к Господу, а паче по обилию благодати, за то на них изливавшейся. Грешные

в Церкви суть случайность; существенная же ее принадлежность есть та, чтобы все были святы. Церкви тогда, — и частные, — были как девы чистые, не имущие скверны или порока, — святые и непорочные (2 Кор. 11, 2; Еф. 5, 27). Святой Златоуст в этом смысле говорит: «Смотри, — святыми называет даже тех, которые имеют и детей, и жен, и слуг... Значит — такая теперь обдержит всех беспечность! Как сильно (ныне) ослабела ревность к добродетели! И как было много добродетельных тогда, когда и мирские назывались святыми и верными!»

Ныне у нас стало так, что грешность будто есть законная норма жизни между христианами, а святость, или ревность о доброй жизни, — исключение, которое редко обходится без неблаговолительных взглядов и даже насмешек и противодействия. Основываясь на этом, иные и слово Апостола — *святым* — понимают так, что этим означается будто только посвящение Богу, подобно как в ветхозаветной скинии все вещи были святы ради посвящения их Богу, хотя они внутри не имели ни святости, ни грешности. Нельзя думать, чтоб Апостол в слове *святым* разумел только это внешнее принадлежание к Святой Церкви. Тогда самым делом все были святы и чисты пред Богом; если и бывали согрешающие, то они исчезали в общей массе святых и притом, как окруженные отвсюду духом святости, тотчас

каялись, исправлялись и опять становились в ряд других, непадавших святых. — И все вообще христиане ревновали не только о том, чтобы самим быть святыми, но чтоб все другие были святы, чтобы все общество их не имело никакого пятна, ни за одно лицо. — Таковы должны быть и все христианские общества (частные).

И верным о Христе Иисусе. Святые и верные — не два класса лиц, как бы одни высшие, другие низшие, но одни и те же лица с разных сторон жизни христианской. Святость — цель жизни, вера — ее производитель, охрана, опора и совершение. *Верный* означает и верующего, и верного вере, то и другое вместе. Верующий, поверив благовестию спасения в Господе, оставляет прежнюю худую жизнь, кается, приступает ко крещению и, возродившись в нем осенением благодати Святого Духа, исходит на жизнь в духе сей веры, укрепляемый сею благодатию, — скорее готов будучи всякую смерть принять, чем от исповедания веры отступить или погрешить в чем против требований веры в жизни. Такое расположение, представляя отличительный характер *верного*, есть производитель святости, хранитель ее и доводитель до окончательного совершенства. Таким образом, словом *верный* святой Павел показал, как святые бывают святы.

Прибавил святой Павел — *о Христе Иисусе*, — показывая источник верности, а чрез нее и

святости. Никто не думай сам что-либо совершить духовное, для благодатного Царства Христова гожее. Все туда подходящее совершается Духом Божиим о Христе Иисусе. Но не думай, чтоб и Дух Божий стал делать что-либо в тебе и чрез тебя, гожее для Царства Христова, пока ты сам не вострудишься и не истощишь в труде всех своих сил, в естестве твоем Богом тебе данных. В деле спасения то и другое идет совместно. Амвросиаст пишет: «Верные тогда и верны, когда вместе суть и во Христе Иисусе. Ибо добрая жизнь тогда только полную имеет цену и бывает истинно свята, когда бывает таковою о имени Господа Иисуса Христа». Приложив слово — о *Христе Иисусе,* святой Павел напомнил ефесянам, что если они верны, то не сами о себе, а обязаны этим своему общению с Господом Иисусом, без Коего ничего достойного веры сделать не могут; напомнил и тем отсек всякий повод к возношению верностию, а вместе с тем показал, где искать верности и святости, когда ощущается оскудение их.

Приведем мысли одного толковника на эти слова: «Нельзя не внушать, что христиане по своему высокому назначению должны быть непременно святы и греху не причастны, несмотря на то, что живут среди мира, греху служащего и преданного страстям. Поставление сего на вид, с одной стороны, смирительно: ибо кто может

сказать о себе, что он свят и соответствует идеалу христианства? С другой — воодушевительно: ибо кто не желает лучшего? И кто из христиан чужд веры, что и он принял благодать Духа освящающую, всегда готовую помогать и руководить? — То и другое расположит бегать духа самодовольства, ведущего к беспечности и духа страшливости и нерешительности, от которых руки опускаются и ноги не движутся, потому что они подсекают всякую энергию.

Соединение словом Апостола святости и верности в одних и тех же лицах указывает на нераздельность догмата и нравоучения в христианстве, — веры и добродетели в жизни каждого христианина. Вера, коль скоро она Духом Божиим печатлеется в сердце, бывает источником святости для человека возрожденного. Но и обратно, — чем более ревнитель святости подвигается в ней вперед, тем более чистится и светлеет в нем вера. — И се свет Христов!..

Хранить веру и преуспевать в святости — се и иго, и венец христианина. Помни от чего исходишь и куда идешь — точку отправления и цель — сии пределы всякого движения. Начало — в твоем облагодатствовании чрез общение с Господом по вере; конец — Богоподобие в святости. Ни то, ни другое не совершится без живого, личного общения с Господом Иисусом Христом.

Качество святости и характер верности не иначе присущи бывают в христианине — как от Христа Господа. Потолику то и другое бывает в нем, поколику он состоит в живом союзе со Христом. На что потому следует устремлять все внимание? — На хранение сего христообщения, возрастание в нем. В сем ключ таинственной силы христианства, — истина, путь и живот, — а не в учености и многознании».

Стих 2. *Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.*

Благодать и мир! В этих двух словах совмещает Апостол все духовные сокровища христианства. Благодать к миру относится, как листок или корень к цвету и плоду. Божественная благодать есть главное условие христианской жизни, которой высший цвет и плод есть мир. Благодать — все силы, яже к животу и благочестию; мир — непоколебимое обладание сими дарами, хранение их и пользование ими. Мир с Богом в совести — внутренний мир, от сознания обретения твердой опоры жизни и твердых надежд, и от приведения в гармонию всех своих стремлений и содержание их в сей гармонии. И внешний мир бывает; но он есть промыслительное внешнее пособие, а не необходимость для внутренней жизни.

Так Апостольское благожелание совмещает *высшее* и *лучшее*, чего только может ожидать от благожелателя смиренное и благоговейное чувство

христианское. *Высшее* — благодать, которая осужденному грешнику открывает вход к милосердому Богу Отцу и отверзает для него сокровища беспредельной любви Его. *Лучшее* — мир, который водворяется, когда в борьбе света и тьмы во внутреннем средоточии личной жизни преимущество остается за светом, когда смутительные тревоги совести улегаются и тяжелое чувство безответной грешности и осуждения находит благонадежный исход.

В том, что с христианином всегда благодать и что ему принадлежит обетование мира, за поручительством Бога Отца и Господа Иисуса Христа — неложных в слове и деле, — в этом для него утешение в скорби и воодушевление к мужеству в неизбежной ему борьбе. Где благодать, там и мир, хотя он не всегда во всей силе чувствуется христианином, пока он состоит в борьбе со грехом, с темными силами и внешними противностями добрым начинаниям его.

Можно сказать, что святость и вера, — помянутые, — состоят в соответствии с благодатию и миром. Благодать — источник святости; мир — цель верности вере. Приняв благодать по вере, пребывай верным вере, чтоб сохранить благодать всегда присущею и при ее помощи, преуспев в святости, достигнуть мирного устроения сердца, в коем почивает Бог — сладкий предел трудов жизни Богоугодной.

Облагодатствующий есть преимущественно Бог Отец, а миротворец – Бог Сын в Духе Святом. Почему и говорится: *от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа*. Блаженный Иероним пишет: «*Или* то и другое относится к обоим вместе – то есть благодать и мир как к Богу Отцу, так и к Господу нашему Иисусу Христу; *или* одно надо отнесть к одному, а другое к другому, – благодать к Богу Отцу, а мир к Господу Иисусу Христу, как ниже несколько и говорится: в *похвалу славы благодати Своея, еюже облагодати нас о Возлюбленнем* (6). Благодать Отца состоит в том, что Он благоволил послать для спасения нашего Сына Своего, а мир Сына – в том, что Им мы примирены с Богом Отцом». Святой Златоуст говорит: «Сказал – *благодать*, и Бога называет Отцом, ибо той (благодати) признаком служит сие (наименование). Как? – Послушай, что говорит он в другом месте: *понеже есте сынове, посла Бог Духа Сына Своего в сердца ваша вопиюща: Авва Отче*! (Гал. 4, 6)». Блаженный Феофилакт ту же мысль излагает полнее: «Сказав *благодать*, прибавляет *от Бога Отца нашего*, чтобы показать, что соделала для нас благодать, – именно то, что Владыку и Бога соделала Отцом нашим. Но и Господь, то есть Бог Сын, по благодати к нам, соделался и Иисусом и Христом, ибо, воплотившись ради нас,

Он принял имя Иисуса и помазал человечество Божеством».

Верующим дается область чадами Божиими быти, потому что они, прияв Господа, рождаются от Бога – не имя только носят сынов, но существенно бывают сынами (Ин. 1, 12–13). Дух Божий, творящий сие, влагает и чувство сыновства, по которому истинно возрожденный с таким же расположением именует Бога Отцом, с каким естественный сын естественного отца.

Иисус Христос есть Господь не нас только – христиан, но и всего мира; ибо Ему, яко Ходатаю и Искупителю, все предано Отцом, дана всякая власть *на небеси и на земли* (Мф. 28, 18), которую и будет Он являть до совершенного исполнения всего плана домостроительства нашего спасения, когда предаст Он *Свое Царство Богу и Отцу* (1 Кор. 15, 24) – и *будет Бог всяческая во всех* (28).

ЧАСТЬ ДОГМАТИЧЕСКАЯ
1, 3–3, 21

Предмет сей части – домостроительство спасения нашего в Господе нашем Иисусе Христе. Святой Дамаскин пишет: «Главный предмет (в этой части) послания есть преподать ефесянам учение о благодати Христовой. Благодать сия есть наше в Нем восстановление и освящение, поколику мы стали телом Его и Его возымели главою. Источник такой благодати есть благость Божия, вовеки песнословимая. Путь к ней – искупление кровию Христовою».

Цель, какую имел Апостол в изображении сего домостроительства, была та, чтобы ввесть в созерцание его и ефесян, и в сем дать им, а в лице их и всем христианам из язычников, побуждение памятовать о великом к ним Божием благодеянии, явленном чрез призвание и их к участию в спасении. Чтоб успешнее сего достигнуть, он сначала:

А. – делает общее обозрение домостроительства спасения, – 1, 3–14 и потом уже

Б. – вводит в созерцание его и ефесян, – 1, 15–3, 21.

А. ОБОЗРЕНИЕ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА СПАСЕНИЯ 1, 3—14

В сем обозрении полагается начало не только для следующего отделения догматической части, но и для части нравоучительной.

Начинает его святой Павел воззванием: *благословен Бог* и проч. Такое благодарно-хвалебное воззвание исторглось из сердца Апостольского после обозрения им в уме своем всего домостроительства спасения нашего в Господе Иисусе Христе. В тайне Божества от века положено было быть устроению нашего спасения; когда пришло время, Сын Божий воплотился, пострадал, умер, воскрес, вознесся на небеса и воссел одесную Бога и Отца; на землю же послал Духа Святого, Который через Апостолов устроил на ней Церковь Святую, хранительницу истины и благодати; входящие в ограду ее причащаются благодати, очищаются и освящаются, трудясь в доброделании, пока вратами смерти изыдут отселе и внидут в небесные селения, *идеже есть Христос одесную Бога седя.* — Се путь новый и живый! — Обозрев его, Апостол не удержался, чтоб не воззвать: Благословен Бог! Что это воззвание точно было вследствие сего обозрения, показывают следующие за сим стихи, в которых излагается, а) как от века в Боге начертан план нашего спасения, ст. 3—6, б) как он исполнен Господом

Иисусом, ст. 7—10 и в) как все мы делаемся причастниками сего спасения благодатию Святого Духа и чаем наследия вечного блаженства, ст. 11—14.

а)

Стих 3. *Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивый нас всяцем благословением духовным в небесных о Христе.*

Благословен Бог! — Начинает Богохвалением от полноты благодарных чувств за великое дело спасения, коего силу ощущал и величие обнимал созерцанием ума. Величие благ возвело к чувству величия Бога благодеющего, которое и исторгло из сердца Богохвалебное воззвание. Благословением Бога начато, и на нем покоится вся последующая речь, которая развивает его и определяет. Святой Апостол видит великое дело спасения уже действующим в людях чрез Евангельскую проповедь и благодать Святого Духа. Видение этого восторгает его дух, и он все умно-созерцаемое очерчивает в речи воодушевленной, — кратко, но всеобъемлюще. Есть ли в Писании другое такое же кратко-всеобъемлющее отделение! Несколько схожи с ним 18 стихов Евангелия Иоанна Богослова.

Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа.

Бог и Отец — величественное выражение, не у святого Павла только встречаемое, но и у других

Апостолов (Рим. 15, 6; 1 Кор. 15, 24; 2 Кор. 1, 3; 11, 31; Кол. 1, 3; Иак. 1, 27; 3, 9; 1 Пет. 1, 3). — Но какая мысль? — Одни говорят: Бог наш и всякой твари, и Отец Господа нашего. Так блаженный Феодорит: «Явно, что наш Он Бог, Отец же Господа нашего». — Другие *Бог и Отец* относят к Господу Иисусу Христу, говоря, что Он Бог Его по человечеству и Отец по Божеству. Так блаженный Феофилакт: «Вот и Бог и Отец Он — одного и того же Христа: Бог, яко воплотившегося; Отец же, яко Бога Слова».

Блаженный Иероним говорит, что можно принимать и то другое понимание сих речений. «Двояко можно читать: *Благословен Бог и Отец Господь наш Иисус Христос. — Или* так: благословен Бог, Который есть Творец всяческих, с наведением: *Который есть и Отец Господь наш Иисус Христос. Или* так, чтоб и *Бог, и Отец* относить к Господу нашему. Благословен Бог воспринятого в воплощении человека и Отец воплотившегося Бога Слова, в начале бывшего у Бога, — не поколику иное лицо — воспринятый человек, и иное — Слово, его восприявшее; но поколику один и тот же, по различию естеств, именуется то высокими, то смиренными наименованиями».

Ввиду того, что не чуждо догматов веры исповедать Бога Отца Богом Господа нашего Иисуса Христа, по человечеству, можно не настаивать

на первом понимании, как этого места, так и всех подобных, помеченных выше. Ниже, в ст. 17, святой Павел молитву свою обращает прямо *к Богу Господа нашего, Отцу Славы*. И Сам Господь в слове к Марии Магдалине исповедал Бога Отца Богом Своим, говоря: *восхожду к Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему* (Ин, 20, 17). Одно только надлежит иметь при сем предостережение, чтоб не раздвоить Лиц, по руководству блаженного Иеронима, но одного и того же исповедать Господа Иисуса, для Коего — единого, Бог Отец есть и Бог, и Отец. Святому Апостолу, благословляющему Бога за величие и обилие благодатей, прилично было такой употребить оборот речи. Ибо источник всех их в действительности есть тот, что Бог Отец благоволил, Бог Сын соизволил воплотитися от Духа Свята и Приснодевы Марии.— Бог Господь, и явися нам. Благословен грядый во имя Господне!

Благословивый нас. Взор Апостола покоится на том, что действительно уже есть. Не на общую благостынность Божию указывает он, а на определенное великое дело Его благости,— то, в коем Бог благословил нас совершенным уже во Иисусе Христе Господе делом нашего искупления. С Ним Он уже своскресил и спосадил нас на небесных (Еф. 2, 6).

Всяким благословением. Тут разумеется и обилие, и величие, и непреложность благ,— все,

что воплощением Бога Слова, Его смертию, воскресением и вознесением, и сошествием Святого Духа, действующего в уверовавших, даровано нам: отпущение грехов, освящение благодатию, сыновство Богу, вечное наследие и верх всего — Бога в себя восприятие и вмещение. «Чего тебе еще недостает? — взывает святой Златоуст. — Ты стал бессмертным, свободным, сыном, братом, сонаследником; будешь вместе с Господом царствовать, вместе с Ним прославишься. Когда Он Сам дан тебе, то в Нем все тебе даровано. *Како убо не и с Ним вся нам дарствует*? (Рим. 8, 32)». «Он сообщил нам дарования Божественного Духа, подал надежду Воскресения, обетование бессмертия, обещал Царство Небесное, достоинство всыновления» (блаженный Феодорит).

Благословил нас всяким благословением Бог, — и стали мы, таким образом, и сами благословенны, не источным благословением, а воспринятым, как воспринятою благостию благи и воспринятою святостию святы. Блаженный Иероним пишет: «По природе и существенно один Бог благ, но Он чрез общение с Ним и нас делает благими. Тем же способом и святыми нас соделывает, почему и говорит Израилю: *Святи будете, якоже Аз свят есмь* (Лев. 20, 7). Так и благословен будучи Сам, и нас соделывает благословенными. Дает благословение Законоположитель, и *благословение Господне на главе праведнаго*

(почивает) (Притч. 10, 6). — Благословил же Он нас не одним благословением, но всяким, — не так, чтобы все-все получили, но когда каждый одно или несколько имеет из всего, все, по частям, обладаем всем (разумеются дары Святого Духа)».

Благословением духовным. Перечислив, как выше приведено, дарованные нам в Господе блага, святой Златоуст наводит: «О телесном здесь ни слова. Еще Спаситель говорил: *в мире скорбни будете* (Ин. 16, 33), чтоб отклонить всякую мысль о телесном и устремить все наше внимание к духовному. Прилепившиеся к телесному и слышать не могут о духовном; и ищущий духовного не может принять его, если прежде не оставит телесного».

Имел ли святой Павел при сем в мысли противопоставить благословение христианское — духовное благословению иудейскому — плотскому, утверждать нельзя. Но читающего выражение сие может наводить на такую мысль. Святой Златоуст говорит: «Апостол намекает здесь на благословение иудеев, ибо и они получали благословение, но не духовное. Что в самом деле им сказано было? — *Благословит тя Бог и благословит плод чрева твоего* (Втор. 7, 13), и благословит вход и исход твой».

В небесных. «Как бы истолковывая, как благословение наше есть духовно, говорит: *в небесных.* Благословение иудеев было земное, потому и

телесное» (блаженный Феофилакт). Говорит так, чтоб показать, что мы благословлены «не мирским, но небесным благословением, — не тленным, но вечным; ибо слава христиан не на земле, а на небе и во Христе, как говорит Господь: *идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет* (Ин. 12, 26)» (Амвросиаст). — «*В небесных*, — говорит святой Златоуст, — означает то же, что не земные (даны нам блага), как иудеям, которым обещано было, что они благая земли снедят, что наследят землю, кипящую медом и млеком, и что благословит Бог землю их (Пс. 127; Исх. 33; Чис., гл. 13, 14; Втор. 11, 27, 31). — Здесь не обещается ничего такого. Что же обещается? — *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет*... И Я и Отец *к нему приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). Еще: *Всяк, иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех* (Мф. 10, 32). В другом месте: *блажени нищии духом, яко тех есть царствие небесное... Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят... Блажени изгнани правды ради, яко тех есть царствие небесное* (Мф. 5, 3, 8, 10). Видишь ли, везде небеса, и нигде ни слова ни о земле, ни о земном. Почему говорится: *наше житие на небесех есть, отонудуже и Спасителя ждем Господа нашего Иисуса Христа* (Флп. 3, 20). И еще: *горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. 3, 2)».

Некоторые толковники слову *в небесных* дают такое значение: в небесах,— прежде чем была земля или какая тварь,— в предвечном совете Божием. Но как намеренно замечено выше, Апостол благодарит здесь Бога за то, что зрел действительно совершенным уже во Христе Иисусе, о предвечных же решениях совета Божия говорит он в следующих двух-трех стихах. Наши святые толковники, как показывают приведенные слова их, видят в этом слове только объяснение *духовного* благословения. По их мысли — *в небесных*, то же, что — небесным. С неба исходит начало благословения, и там получает оно окончательное свое завершение.

Блаженный Феодорит, перечислив благословения нам Божии в Господе, говорит: «Сие-то Апостол назвал благословениями духовными и присовокупил: *в небесных*, потому, что все сие дары небесные». Блаженный Иероним пишет: «Благословлены мы не земными, а духовными благословениями. Есть и земные благословения, например, иметь детей, обиловать богатством, быть в чести, пользоваться здоровьем. Земное благословение простирается даже на животных; так и о них сказано: благословил их Господь и сказал: *раститеся и множитеся* (Быт. 1, 22).— Духовные же благословения в небесных суть, потому что земля не способна вмещать духовное благословение. Даже и те благословения, которые

обещаются в законе хранящим заповеди (Лев. 26; Втор. 28), не видим исполненными на пророках, *иже проидоша в милотех и в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени... в пустынях скитающеся и в горах, и в вертепах, и в пропастех земных* (Евр. 11, 37—38). Так все надо понимать духовно и духовного искать не в земных местах, а в небесных.— Спрашивается, как же, когда мы еще на земле, благословил Он нас благословением небесным? — Небесным благословением называемся мы благословенными *или* потому, что наше житие на небесах есть, и мы не от мира сего есмы, но, совлекшись образа перстного, носим образ пренебесного и не по плоти уже живем, но по духу, и собираем себе сокровище на небесах, где и сердце имеем; *или* потому, что всякое благословение небесное, хотя на земле бывает (получается), но с небес посылается».

Благословил... *О Христе*. Это слово и показывает, что благодарно-хвалебное воззвание то проторглось из сердца по обозрении всего, что совершено Господом и что уготовано Им для верующих. Но в этом только и есть истина и живот; вне же сего — прелесть и пагуба. От Бога к нам что ни нисходит, все — чрез Господа Иисуса Христа; и наше восхождение к Богу не иным путем возможно, как чрез Господа же. «Всякий дар благодати Божией во Христе есть. Кто, презрев Христа, думает быть благословенным от Бога, тот да ведает, что заблуждается» (Амвросиаст).

Святой Златоуст делает при сем наведение о превосходстве Нового Завета пред Ветхим. «*О Христе*, то есть чрез Христа Иисуса, а не чрез Моисея, это благословение; а потому не только качеством, но и посредником благословения мы превосходим иудеев. Моисей — слуга; Христос — Сын (Евр. 3, 5–6)».

Да содержит же всякий в уме и сердце, что Христос Господь есть единственный посредник, чрез Которого нисходит на нас всякое Божие благословение; всякое дарование духовное подается нам чрез Христа и ради Христа. И обратно, — Христос есть посредник, чрез Коего всякое наше благодарение и Богохваление должно восходить к Богу. Как Бог чрез Него и в Нем благословляет нас и все дары духовные подает; так и мы чрез Него и в Нем, и с Ним будем благодарить, прославлять и благословлять Бога, обильно облагодатствующего нас. Как Бог ничего нам не подает помимо Христа Господа, так и от нас ничего не принимает, если приносим что не чрез Него. Чрез Христа Господа потому и новых даров взыщем у Бога, и воздадим благодарение за дарованное уже. Ко Христу прилеплены да будем и когда просим, и когда благодарим.

Стих 4. *Якоже избра нас в Нем прежде сложения мира, быти нам святым и непорочным пред Ним в любви.*

Якоже, καθὼς – *так как*. Следует причина на сказанное впереди. В предыдущем стихе благословляется Бог за обильные нам благословения во Христе Иисусе. Относительно сего могут родиться два вопроса: что же это теперь только благоволил Бог так ущедрить нас? и: да какая же была нужда иждивить на нас столько Божественных сокровищ? – Апостол на это отвечает в настоящем стихе: нет, не теперь только положено так быть, а от века, теперь же только приведено то в исполнение. А что так много духовных сокровищ на нас излито – это потому, что иначе нельзя было бы нам быть святыми. Положил Бог возвесть нас опять к святости и непорочности и все к тому направил. Надо было оправдать нас, – и се Господь подъял за нас крестную смерть; надо было оживотворить нас, умерщвленных грехом, – и се – ниспослана благодать Святого Духа на Апостолов, чтоб потом изливаться на всех верующих и оживлять всех; надо было уготовить место спасаемым, – и се – Господь восшел на небеса – уготовить места, да там же будут и слуги Его, где Он Сам. Три главных момента в жизни христиан: отпущение грехов, освящение благодатию Святого Духа и вечное блаженство в Царстве Христовом. В них совмещаются все благословения. Но все они направлены к тому, чтобы быть нам святым и

непорочным. Это центр всех благодатных новозаветных учреждений.

Якоже избра нас. На избрании святой Апостол не намерен долго останавливаться. Оно есть важнейший момент для каждого спасаемого, но здесь не раскрывается вполне, а поминается только для дальнейшего объяснения, как естественно было исторгнуться из сердца Апостола Богохвалебному благословению по обозрении благословений о Христе Иисусе Господе. Не обилие только сих благословений заставляет благословлять Бога, но особенно то, что быть им от века положено. Это входило в общий план миробытия. Святой Златоуст говорит о сем: «И во всех почти посланиях (святой Павел) старается показать, что не новость какая-нибудь соделанное для нас; но что издревле так было предызображено; и не по причине изменения намерения Божия это случилось, но так именно было предустроено и предопределено: это есть дело долговременного попечения Божия». Феодорит ставит эту мысль о предвечном избрании в соотношение к ветхозаветному учреждению и пишет: «Поелику иные думали, что проповедь (Евангелия) есть нечто новое, и презирали ее за то, что явилась позднее жития подзаконного, то Апостол и о сем вразумляет: *якоже избра... прежде сложения мира.* Ибо от начала, прежде устроения мира, Бог и

предвидел, и предопределил все, совершающееся с нами».

Делом совершившееся во времени духовное благословение нас есть совершенное Господом дело искупления. Благословение духовное в отношении к тем и другим лицам есть вступление в участие в искуплении. То и другое — во времени; но основание им не во времени, а в вечности. От века определил Бог быть искуплению; пришло время, и оно совершено. От века также определены и спасаемые, приходит срок, и определенные получают спасение. Основание сему последнему — предвечное Божие избрание.

Избра нас в Нем. Нас — всех христиан, всех уверовавших уже и имеющих уверовать — до конца мира. Взор Апостола обнимает всех спасенных из людей. Что есть это избрание, понятно из избрания народа Божия. Израиль был избран из числа народов — быть народом Божиим, Богу и делу Божию посвященным. Но это избрание было временное, хотя для целей вечных, обнимающих все человечество. Когда цель исполнена, кончилось и значение избрания временного. Оно заменено другим, высшим — духовным по цели и вечным по значению. Тут избирается не одно племя из всех, а из всех племен выбирается один народ, состоящий из лиц одного духа, одной цели служащих. И вот о сем-то избрании говорит, что оно совершилось прежде сложения мира: время

и история только исполняет то предвечное избрание. Апостол восходит за пределы времени и видит начало сему избранию в предвечном акте Божией воли.

Избра *в Нем*, то есть во Христе. Христос есть совместитель всего спасенного человечества, как Адам – человечества падшего и гибнущего. Из всей массы погибающих во Адаме Бог избрал нас для Себя чрез веру во Христа Иисуса. Все из Адама грешны пред Богом и безблагодатны. Такими зрит их Бог. Снимается сей мрачный покров, и Божие благословение простирается только на ту часть их, которая уклоняется под кров Христов. Чрез Христа – преблагословенного – и их Он не зрит только благословенными, но и исполняет благословения.

Во Христе избрал нас Бог. Следовательно, прежде Он избран. Определение быть спасению чрез искупление во Христе было первоначальное, совершенно свободное определение воли Божией. Первоизбранник – Христос. Но как Он – не Себя ради, а ради спасаемых, то в избрании Его избраны и сии. Божие благословение все почиет на Христе, а ради Его и на всех верующих в Него. В них все от Бога чрез Христа. Спасаемым нужна вера, благодать, святость и за то – вечная слава. Все сие идет к ним от Христа и чрез Христа. Когда Христос избран, избраны и спасаемые Им, избраны и все средства ко

спасению. Как входит кто делом в свое предызбрание, или поступает на удел свой, то — непостижимая в Боге сокровенная тайна. Апостол здесь говорит только, что все такие избраны и избраны во Христе — прежде сложения мира. Чрез общение с Ним верою и облагодатствование в таинствах вечное избрание получает временное исполнение или осуществление. В содевающем же спасение свое к нему прилагается и удостоверение в действительном живом общении со Христом. Вместе с созрением удостоверения в сем общении созревает и удостоверение в предвечном избрании во Христе в том, кто самым делом спасается.

Избра прежде *сложения мира*, то есть от вечности, ибо прежде сложения мира не было времени. В других местах у святого Павла не встречается такое выражение. В подобном месте, — в 2 Сол. 2, 13, — стоит: *от начала избрал есть вас Бог.* — Святой Златоуст делает из слова — *сложения мира* наведение об образе происхождения мира. Сложение καταβολή значит бросание вниз. От беспредельно великого Бога брошен этот мир в пространство и время на бесконечное от Него расстояние — по достоинству. Или — мир набросан Словом Божиим в пространство и время. Рече — и быша, рече — и быша. Каждое слово, исходившее из уст Божиих, рождало миры, коих и перечесть нам не удается.

Вот слова святого Златоуста! – «Прекрасно назвал Апостол сотворение мира καταβολή – низвержением с высоты. Подлинно велика и неизреченна высота Божия, не в отношении к месту, а в отношении к безграничности природы Божественной; и – велико расстояние между тварию и Творцом». – То же делают замечание и все древние восточные толковники и блаженный Иероним. В их время была по временам борьба с философами – материалистами и фаталистами; потому и считали они нужным делать такое наведение. Оно не излишне и в наше время. Замечательно, что по созерцанию святых, мир, как ни огромен, исчезает в их сознании пред сознанием величия Божества. Это оттого, что, минуя мир, они жили в Боге. – Наоборот, копающимся в веществе, с забвением Бога, мир с силами кажется чем-то необъятно великим и мощным, и заслоняет в их сознании Бога, и как бы вытесняет Его оттуда. Дивиться надо, как последние, *делóм внемлюще, не познаю́т хитреца*?!*

Избра – *быти нам святым и непорочным.* Ближайшая цель избрания – святость и непорочность, которые в свою очередь становятся средством к высшей цели – всыновлению (ст. 5), а это еще – к дальнейшей – наследию. Такая цепь! – Но средоточие всего – святость и непорочность. Поелику к ним избраны во Христе, а

* *Взирая на дела, не познали Виновника* (Прем. 13, 1).

Христос есть совершитель всей экономии спасения, то и цель последней вся — в святости нашей и непорочности. Святым и непорочным создан человек. Падши, потерял святость и непорочность. Будучи восстановляем от падения, восстановляется опять к святости и непорочности.

Не святых и непорочных избрал Бог, но избрал грешников, чтоб были святы и непорочны. Кто чист и непорочен сам в себе, тот и свят. Всякий, принявший крещение или разрешение грехов в покаянии, бывает чист от всякой скверны, и в Божием на него воззрении, и в своей ему совести, хотя не всегда бывает, чтоб он обладал полною святостию во всем естестве своем. Потому он свят, что грехи его все прощены, и он принял обязательство к святости, облечен благодатною к тому силою и ревнует до положения живота стоять в добре, как бы ни были сильны напоры противного. Этот внутренний строй существен в духе христиан. К нему-то и избраны все христиане. Если, таким образом, святость не вдруг дается, но требует трудов, потов и борьбы, то избранные к святости избраны и на этот тесный путь к ней, вполне осуществляемый в подвижничестве. Христианин, избранник, святой, борец, подвижник и труженик — все титла однозначащие.

Святой Златоуст говорит: «Чтоб ты не подумал, что достаточно одной веры, Апостол указывает и на жизнь. Для того, говорит, избрал нас

Бог, чтоб мы были святы и непорочны. Избрание служит свидетельством, с одной стороны, человеколюбия Божия, а с другой – добродетели избранных. Без сомнения, Он избрал тех, которые заслуживают этого. Он сделал нас святыми, но нужно, чтоб и мы были достойны быть святыми. Свят всякий приобщающийся вере, а непорочен тот, кто проводит жизнь непорочную».

Избрал нас Бог быть святыми и непорочными *пред Ним*, то есть пред Богом, – не внешно только и пред глазами людей. Но пред лицем Бога всевидящего, следовательно – существенно. «Не простой святости, говорит святой Златоуст, – и не простой непорочности Он требует, но таких, которые бы пред Ним оказались таковыми. Ибо есть святые и непорочные, почитаемые таковыми от людей, кои, однако ж, на самом деле подобны гробам повапленным, или суть волки хищные в одежде овчей. Но не таких Он избирает, а таких, кои подобны Пророку, говорившему: *И воздаст ми Господь по правде моей и по чистоте руку моею пред очима Его* (Пс. 17, 25). Видишь, какой святости Он ищет? – Святости пред очами Его, то есть такой, которую может признать око Божие».

В любви. Это речение толковники ставят в разных сочетаниях. Экумений относит его к *избра*, святой Златоуст, Феодорит и Феофилакт к следующему – *прежде нарек* (с греч. – предоп-

ределив). Святой Дамаскин и Амвросиаст — к *быти святым и непорочным*. С каким словом соединять это речение, определяется тем, чью любовь разуметь кто будет здесь — Божескую или человеческую. Блаженный Иероним говорит, что можно и человеческую разуметь здесь любовь, и Божескую. Если первую, то будет значить, что мы избраны быть святыми и непорочными из любви к Богу и ближнему; если вторую, то будет значить, что Бог избрал нас и предопределил по любви Своей к нам.

Судя по тому, что в этих стихах говорится об избрании и предопределении, — высших благотворных для нас действиях Божиих, кои истекают из любви Божией к нам, — лучше, кажется, разуметь здесь Божию любовь. Но, взяв во внимание, что непосредственно пред сим словом стоит наша — святость и непорочность, коих источное в нас начало, — не холодное чувство обязательства к ним, а любовь живая и действенная, вслед же за ним говорится о предопределении к усыновлению, существенная черта которого есть теплая любовь к Отцу Небесному и действование по воле Его не из чувства страха, а по любви, — склоняешься и на то, чтоб видеть в сем слове любовь человеческую — нашу. Надо полагать, что та и другая сходятся здесь воедино.

Амвросиаст пишет: «Твердые в вере избраны Богом во Христе прежде сложения мира, чтоб

были непорочны пред Ним в любви, то есть чтобы любовь к Богу соделывала жизнь их святою. Никто лучше не повинуется другому, как тот, кто покорствует ему из любви».

Святой же Златоуст говорит: «Сказав о необходимости добродетели, переходит к благодати и говорит: в *любви прежде нарек* (предопределив) *нас.* Ибо не за добрые только дела бывает это (избрание), но по любви (к нему), а притом и не по одной любви: тогда все должны бы быть спасены; если же, с другой стороны, достаточно нашей добродетели, то излишнее было бы явление Его (Сына Божия) в мир и все домостроительство Его. Итак, это делается и не по одной любви, и не за нашу только добродетель, но под условием той и другой вместе. — Не будь любви Божией, добродетель никого бы не спасла. — Или другими словами: дарование столь великих благ есть плод любви (Божией к нам), а не нашей (только) добродетели. Быть добродетельным, веровать и приближаться к Богу — это хоть дело и Призвавшего, но, однако же, и наше. А приблизившихся удостоить толиких почестей, чтоб из состояния вражды перевести их в состояние усыновления, — это подлинно дело преизобилующей любви».

Стихи 5 и 6. *Прежде нарек нас во усыновление Иисус Христом в Него, по благоволению хотения Своего, в похвалу славы благодати Своея, еюже облагодати нас о Возлюбленнем.*

Прежде нарек, προορίσας — предопределив — что одно и то же, ибо определение Божие, конечно, выразилось Божеским речением; притом наречь что к чему — есть то же, что назначить и определить к чему.

Преднаречение нас к сыновству, по Апостолу, предшествовало избранию к святости; ибо говорит: избрал нас Бог к святости, наперед нарекши нас к сыновству, — следовательно, после того, как нарек к сему. Это подает мысль, что ход вечного предопределения о устроении нашего спасения был такой: благоволив спасти человека, Бог благоволил избрать для сего средством — воплощение Единородного Сына Своего — Бога Слова. Вследствие сего все спасаемые должны были стать сынами Богу. Но чтоб быть сынами Богу, надо быть святыми, как свят и Сын Божий. Почему, положив усыновить нас, Бог избрал нас и к святости. Без святости нельзя быть сынами Богу. Как скоро положено было сие последнее, то первое потребовалось, как неизбежное условие. Но в действительности то и другое неразлучно. В то же время, как в решимости работать Богу по вере полагается начало святости и непорочности, полагается на челе духа сокровенно и знамение сыновства Богу.

— *Во усыновление Иисус Христом* — чрез Иисуса Христа. Усыновление посредствуется Иисус Христом. Верующие становятся един дух

с Господом. Как Он Сын, то и они сыны. Только Он Сын по естеству, а сии приемлются в сыновство, ради Единородного Сына. *Елицы прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его* (Ин. 1, 12). Усыновление сие есть не одно наименование сынами, но и рождение от Бога (13). Вследствие сего рождения они Духом Божиим водятся, о Нем же вопиют: Авва Отче! (Рим. 8, 14—15), прияв в нем и обязательство быть сообразными образу Сына Божия (29).

«Замечаешь ли, — говорит святой Златоуст, — как ничего без Христа и ничего без Отца? — Сей предопределил, Тот приводит. Сие он (святой Павел) утверждает, возвышая бывшее, как и в другом месте говорит: *не точию же, но и хвалимся о Бозе Господем нашим Иисус Христом* (Рим. 5, 11). Великие, конечно, блага дарованы, но они становятся гораздо многоценнее, потому что дарованы чрез Христа; потому что к нам — рабам Бог послал не кого-нибудь из рабов, но Своего Единородного (Сына)».

Блаженный Иероним пишет: «О Сыне Божием, то есть о Господе нашем Иисусе Христе, не говорится преднаречен, предопределен; потому что Он всегда со Отцом есть, и воля Отчая нимало не предшествовала Его бытию. Всегда есть Отец, всегда есть Сын; ибо, имея одно естество, Они совечны. А о нас, прежде чем мы стали быть, думано, как нам быть, а потом получили мы и

самое бытие, чтобы стать тем, чем предопределено нам быть.— Отсюда наводится само собою, что хотя Бог предопределил уже нас к усыновлению чрез Иисуса Христа, но сынами Богу мы не прежде быть можем, как приняв веру и познание Сына Его Иисуса Христа. Он по естеству Сын, а мы по усыновлению. Он никогда не был не Сыном, а мы, прежде чем быть сынами, предопределены к тому, и тогда уже Духа сыноположения прияли, когда уверовали в Сына Божия».

Преднарек к сыновству — по *благоволению хотения Своего*. Вот где последняя основа нашего предопределения ко спасению! Предопределил Бог быть нам сынами, потому что так благоволила Святая воля Его. Не было определяющей к тому необходимости ни в человеке, ни в чем-либо тварном, кроме человека. Это плод непосредственного безусловного совета воли Божией. *Ей Отче! яко тако бысть благоволение пред Тобою*,— исповедал Господь и Спаситель наш (Мф. 11, 26).

Благоволение означает решение воли на что-либо охотное, с удовольствием, любовное (Иероним). «*По благоволению хотения Своего*, то есть потому, что имел сильное желание, или, пожалуй, другими словами, потому что это составляло его главное стремление. Εὐδοκία (благоволение) везде означает желание главное (основу других желаний)... Под ним Апостол разумеет первое

хотение, сильное хотение, хотение с вожделением, непреодолимое хотение... Значит, Бог сильно желает, сильно хочет нашего спасения. Для чего Он так любит нас и где источник такой благодати Его? Источник — единственно Его благодать, потому что благодать от благости. Потому-то Он и преднарек нас во усыновление, желая и сильно сего желая, чтобы явить славу благодати Своей» (святой Златоуст).

Избрание к святости и усыновление здесь у Апостола созерцаются, как довременные действия Божией к нам любви. Положил Бог спасти нас чрез Единородного Сына Своего воплощенна. Вследствие сего надо было спасаемых принять в сыновство, сделать святыми и снабдить всем к тому необходимым. Существо предопределения ко спасению есть усыновление спасаемых Богу Отцу чрез Иисуса Христа, по освящении их благодатию Духа. Но как святой Павел писал к христианам, уже избранным и освященным, то вместе с тем указывает на то, что было в них, объясняя это временное из довременного. Сколько утешения и радования духовного должно изливать в душу сознание такого благоволения Божия?!

Бог избрал нас ко святости, предопределил к содружеству с Собою, к сыновству Себе. Одно с другим связано неразлучно в настоящем устроении спасения, но связано по благоволению

Божию, а не по какой-либо необходимости. Бог мог избрать нас к святости, но при сем мог не восхотеть усыновить нас. Последнее – есть дело благоволения Божия, изреченного, впрочем, вместе с определением совершиться спасению нашему чрез Единородного Сына Божия. В сем богатство благодати.

Спасти нас или оставить погибающими было в воле Божией. По определении – спасти, тем или другим образом спасти – тоже было в воле Божией. Все творимое для сей цели по благоволению хотения Своего творит Бог. Но когда определил Бог спасти нас смертию Сына Своего воплощенного, тогда весь строй спасения, всю экономию его, надлежало узаконоположить уже по требованию сего исходного определения, – что все составляет план домостроительства нашего спасения, предначертанного в довременности, исполняющегося во времени и имеющего явиться во всем величии в вечности.

Довременное определение совета Божия о спасении было плодом совершенно свободного, из любви исходившего благоволения Божия. Но чрез это свободное решение воли Божией довременный план домостроительства спасения лег в основу течения во времени – бытия и событий мира вещественного и невещественного. При всем том, или по тому самому, благословения, вместе с исполнением того плана излившиеся на человечество,

каждым лицом могут быть усвояемы только свободною верою. И из груди исторгаться хвалебные воззвания к Богу должны тоже свободно, по сознанию величия усвояемого спасения.

В действительности усыновление совершается чрез общение с Сыном Божиим благодатию Святого Духа, Который есть осуществитель в людях дела спасения. Как сие совершается? – Чрез слово Евангелия о Христе, за которым последуют вера, благодать, общение со Христом и в Нем сыновство. Слово Евангелия, нисшедшее на землю, ходит по земле. Оно слышится всею массою человечества; но одни поемлются, другие оставляются. Поемлются внявшие слову и последовавшие ему по вере. Как происходит сие внутреннее внятие и склонение – это есть тайна духовно-благодатной жизни. Никто не придет ко Христу, если Отец не привлечет. Но и Отец влечет подающего Ему руку. Ибо сотворить нас Бог мог без нас, а спасти нас без нас не может. В устроении спасения дивно сочетаны свобода и благодать.

И мы к тому же преднаречены. Тотчас по рождении сретает нас сие благоволение о нас благости Божией. Надеется Бог, что мы окажемся вполне достойными такой милости и поревнуем быть святыми, чтоб соответствовать преднаречению в сыновство Богу. Сколько славно выдержать такое назначение, столько же срамно и

горько не отвечать ему. — Теперь то и другое не для всех явно. Но то и другое явно для Бога, Ангелов и святых, и для всего мира явно откроется в тот день, когда судить будет Бог всех и объявит сердечные советы каждого. Коль великое благо у нас в руках и как горько потерпеть потерю его?!

В похвалу славы благодати. Се — последняя цель всего домостроительства спасения нашего! — Слава благодати здесь то же, что славная благодать, мысль же в сем выражении такая же, как и в обычных у нас речах: славная вещь! славно сделано! Славная благодать — благодать полная, совершеннейшая, ничего больше желать не оставляющая. Когда небольшой человек делает подарок, то и маленький подарок исполняет свое дело; а когда дарит царь, тогда маленький подарок не отвечает делу: от него ожидается дар царский. Так и от Бога благодать — Божеская. Бог облагодатствовал нас по-Божески. — Чего еще больше ожидать? Принял нас в сыновство Себе и для того, чтоб достойно носить нам сие титло — высочайшее, — заповедует нам святость, к достижению которой и устроил все.

Похвала славы — есть то чувство, которое исторгается невольно из сердца при виде отличной вещи или дела. Такую полную благодать явил к нам Бог, что все, которые поймут ее, не могут удержаться от восхваления и благодати, и Самого

благодатствующего, не могут не воззвать: преславная благодать! Таковы и все дела Божии. Не затем они делаются, чтоб хвалили, а так делаются, что исторгают похвалу. В виду имеется не сия хвала, а полное совершенство дела, хвала же – следствие, невольно порождающееся в душе изумление при узрении совершенства вещи или дела. В этом и блаженство разумных тварей. Ибо чувство совершенства в окружающем нас есть самое сладостное чувство. – Святой Златоуст говорит: «Для того преднарек Он нас к усыновлению, чтобы показать славу благодати Своея. – *В похвалу славы благодати*; что это значит? То ли, что Ему нужно, чтобы всякий восхвалял Его, чтобы восхваляли и прославляли Его мы, Ангелы, Архангелы и вся тварь? – Нет! Божество не нуждается в этом. Итак, для чего же Он желает, чтобы мы восхваляли и прославляли Его? – Для того, чтобы чрез это соделать теплейшею нашу любовь к Нему. Не требует Он от нас ни служения, ни прославления, ничего другого; Он желает одного спасения нашего и все делает для того. В самом деле, славословящий и благоговеющий пред благодатию, явленною во Иисусе Христе, будет внимательнее и рачительнее (к своему спасению)».

Еюже облагодати нас. Первая мысль при сих словах есть – облил нас благодатию. Благодать возблагодать подал нам, – полную чашу,

преливающуюся. Такая-то «чрезмерность благодеяния (быв сознана) и язык неблагодарных подвигает к благодарности (и славословию)» (Феодорит). Такую мысль подает нам слово — *облагодати*; но греческое речение заставляет смотреть дальше, за благодать, на то, что подается благодатию; то есть на духовное совершенство, благодатию сообщаемое приявшим благодать, вследствие которого они становятся достолюбезными, привлекательными, столько прекрасными, что любо смотреть на них. Такими-то и соделывает всех премилосердый Бог во Христе Иисусе. Святой Златоуст говорит: «Не сказал: благодать, которую даровал нам, — ἐχαρίσατο, но благодать, которою облагодатил нас — ἐχαρίτωσεν ἡμᾶς, то есть не только от грехов избавил, но и соделал любезными Себе. Представим себе: если бы кто, взявши больного, покрытого язвами, согбенного от старости, удрученного болезнию и бедностию и истомленного голодом, вдруг преобразил его в благообразного юношу, которого наружный вид привлекал бы к себе сердца всех, ланиты сияли красотами, взоры, при каждом мановении их, бросали солнечные лучи; потом оставил бы его навсегда в этом цветущем возрасте; затем облек бы его в диадиму и во все царские украшения: так именно и преобразил Бог нашу душу, соделав ее красивою, привлекательною и любезною, так что такую душу желают зреть Ангелы, Архангелы и

все другие силы (небесные). Так Он сделал нас любезными и вожделенными Себе: и *возжелает*, написано, *царь доброты твоея* (Пс. 44, 12)! Заметь, какие горькие истины мы прежде высказывали (плачевные речи о состоянии вне христианства) и какие благодатные глаголы теперь вещаем! Мы дивимся не земным сокровищам, не тому, что здесь, а небесным (благам) и тому, что на небесах. – О дитяти, которое при красоте лица умеет еще приятно говорить, не говорим ли мы: какой это милый ребенок! Таковы именно верные. Послушай, какие речи они говорят, когда бывают причастниками таинств. Что может быть вожделеннее тех уст, которые, провещая речи дивные, с великою лепотою и дерзновением, с чистым сердцем и нескверными устами приобщаются таинственной трапезе? Что может быть вожделеннее тех слов, которыми мы отрицаемся диавола и сочетаваемся Христу? Что вожделеннее оного исповедания – пред купелию и после купели? – Помыслим (при этом), сколько мы растлили (благодать) крещения, и в покаянии воздохнем, чтоб нам опять восприять ее!»

Облагодати о Возлюбленнем, то есть Единородном Сыне Своем, нашего ради спасения воплотившемся. Христос Господь – первообраз нашего совершенства – есть в высшей степени предмет любви Божией, в Коем покоится Он полным Своим благоволением (Мф. 3, 17). Только

поколику мы с Ним едино бываем верою и верностию, и Бог нас видит в Нем, бываем и мы любезны Богу. Но в Нем мы не иначе бываем, как став новою тварию, быв вновь созданы по образу Его. Потому в слове *«о Возлюбленнем»* можно видеть все домостроительство спасения. Тем сделал нас Себе любезными Бог, что Сына Своего Возлюбленного послал к нам, Который, пришедши и все совершивши на земле, вознесся на небо, откуда послал Духа Святого, всю вселенную оживившего, устроением Святой среди ее Церкви, в коей и доселе совершает дивная — в облагодатствование и спасение нас. Все вступающие в сей Богом учрежденный порядок бывают Ему любезными. Другого пути к тому, чтобы Бог благоволительно воззрел на нас, нет. Все во Христе и чрез Христа, во Святой Его Церкви.

Представим сокращенно указанные доселе духовные благословения в небесных о Христе. Верх всего — усыновление; условие к тому — святость и непорочность; производитель — Христос Господь благодатию Святого Духа; источное начало всего — благоволение хотения Божия; побуждение — любовь; цель — слава благодати. В немногих словах сколько таинств Божиих указано! Но это еще не все.

б)

Стих 7. *О Немже имамы избавление кровию Его и оставление прегрешений, по богатству благодати Его.*

Как *облагодати* – сделал достолюбезными? – Чрез искупление кровию и оставление прегрешений. Созданные по образу Божию, мы естественно были прекрасны. Но пришел грех и омрачил красоту сию. Искупление снимает сей чужой покров, и красота естества нашего является в своем природном свете. Блаженный Феодорит пишет: «Достойными любви соделала нас смерть Владычняя. Ибо чрез нее, сложив с себя греховные скверны и освободившись от рабства мучителева, восприяли мы черты Божественного образа».

Избавление – ἀπολύτρωσις – искупление собственно пленных за известную цену. Христос Господь искупил нас из плена князя мира сего, в котором мы держимы были за грех прародительский, и цена, которую Он дал за выкуп, есть кровь Его.

Кому уплачена цена крови во искупление наше? – Христос Господь уплатил ее вечной правде Божией, которая не могла освободить нас от виновности и наказания за грех, пока не было дано ей удовлетворения. Вслед за удовлетворением правде Божией и возвращением мира с Богом пала власть сатаны над нами. Пришла благодать и разрушила крепость сатанинскую – грех. Власть же его и прицеплялась только к этому греху и по причине его. Она была не натуральная, а случайная, хищнический захват.

И оставление прегрешений имеем тою же кровию, как и искупление; то же и другое *по богатству благодати.* – Искуплены мы от наследственной греховности, виновности и подгневности, а оставление грехов получили тех, кои сами наделали. Или так: искупление есть Божеское действие всеобщее, а оставление грехов – приложение сего искупления к каждому лицу верующему. Каждый является искупленным чрез отпущение его грехов, по вере в Распятого за грехи всего мира Единородного Сына Божия. Кровь Его очищает нас от всякого греха и тем совершает в нас искупление. Вот чем осуществляется в нас предвечное благословение и что вызывает славу благодати.

Апостол говорит: имеем в Нем избавление и оставление грехов. Христос Господь есть непрерывно биющий живой источник искупления и оставления грехов. Однократно совершенное на кресте дело в лице Его пребывает вечно действующим. От чего всегдашнего Ходатая в Нем имеем, и Он ходатайствует о нас, вечно жив сый, или яко вечное искупление обретый. На земле продолжение дела Иисус Христова идет чрез посредство Церкви, которая есть раздаятельница даров искупления, оставления грехов и возрождения.

Во всем этом и есть богатство благодати – неистощимая сокровищница всяких милостей от

Бога, стяжанная кровию Господа. «Не то только здесь удивительно, – говорит святой Златоуст, – что предал Сына Своего, но и то, что Сын Возлюбленный был заклан. Великое преизобилие любви. Предал Возлюбленного за ненавидимых! – Смотри, как Он ценит нас! Если же, когда мы были еще врагами, Он пожертвовал для нас Возлюбленным, то чего же, спрашивается, Он не дарует нам тогда, когда мы удостоимся, чрез благодать, примирения с Ним?.. Ничего нет столь великого, как пролитие за нас крови Божественной; – что Бог Сына Своего не пощадил, это важнее и усыновления, и других даров. Великое, бесспорно, дело – отпущение грехов, но оно становится еще больше, когда совершается кровию Господнею. Что это далеко выше всего, смотри, как сильно выражается здесь Павел, говоря: *по богатству благодати Его...*»

По богатству благодати. Можно бы и иначе как устроить наше искупление и спасение. Что оно устроено кровию Сына Божия, это по богатству благодати, и вместе ради богатства благодати. Чем более углубляется Апостол в созерцание того, что даровано нам во Христе Иисусе Господе, тем неудержимее становится язык его в изображении и прославлении обилия милостей Божиих, явленных в Нем.

Для грешников нет ощутительнее блага, как сознание, что все грехи прощены ему. Одна эта

уверенность в помиловании и в обратном принятии в любовь Бога Отца есть для него всегдашнее богатство благодати. Оставляются грехи кающемуся и верующему ради того, что кровь Сына Божия омывает их и убеляет, яко снег, душу грешную. Не не вменяются только грехи кающемуся и верующему, но изглаждаются в нем. Ибо в основу его нравственного строя ложится твердое, как смерть, решение — ходить прочее по воле Божией свято и непорочно. Приступающий ко Господу в таинстве крещения или покаяния, если исполняет все условия как следует, становится святым и непорочным весь. Остатки греховного повреждения в нем не его уже, хотя в нем; ибо не благоволятся, отвергаются, гонятся. Это обреченные на иссушение ветки на древе новооживленной жизни человека во Христе, — по той причине, что не допускаются до них могущие питать их соки.

Искуплены мы и прощены все кровию Сына Божия. Хвала благодати Божией: ибо что достохвальнее сего?! Сему внимай и в сии тайны углубляйся. Смотри, сколько любит тебя Бог, и сам возлюби Его, столько тебя возлюбившего. И прославляй Его не словами, а делами, являя в себе действие славной благодати Его. Куплены мы великою ценою. Так дорого куплен будучи, не продавай себя за ничто, не отдавайся снова в плен, — не унижай благодати, тебя спасающей,

и не оскорбляй ее недостойным к ней и с нею обращением, ты, обязанный всем прославлять ее.

Стих 8. *Юже преумножил есть в нас, во всякой премудрости и разуме.*

И то все, о чем доселе помянуто, искупление и оставление грехов, усыновление и дарование святости и непорочности, и это все уже есть великое богатство. Сказать бы после этого: вот что для вас сделано, усвойте то, и спасетесь и блаженство восприимите вечное. Но благость Божия не удовольствовалась этим, а нашла возможность преумножить и это богатство благодати. Так говорит святой Златоуст: «И то богатство, но это гораздо большее. Богатство уже было, а Он его еще преумножил, то есть излил неизреченно обильно». После сего святой отец наш с движением прибавляет: «Невозможно словом представить, что сделано с нами и для нас. Нам даровано богатство, богатство необъятное, богатство не человеческое, но Божеское, так что слово совершенно бессильно изрещи его».

В чем же состояло это преумножение? — *Во всякой премудрости и разуме.* «То есть (в том), что Он соделал нас мудрыми и разумными в истинной мудрости и в истинном разуме» (святой Златоуст). Под словами сими можно разуметь вообще все Божественное откровение, все, что угодно было Господу открыть нам о творении, промышлении, искуплении и будущих надеждах

(блаженный Иероним). Преумножение благодати в этом можно выразить так: вот что для вас сделано! Веруй, вот тебе благодать, вот правила жизни: живи так по вере, при помощи благодати, и спасешься. А о том, что как есть и бывает и что будет — не пытай. Не твое дело! Так бы и спасались. Но Богу угодно было преумножить сию благодать, просветив ум наш светлыми понятиями о всем, от начала до последних дней века и о самой вечности. Все ясно и определенно нам сказал. Не во тьме ходим, как прочие, но во свете Божественного разума. Амвросиаст пишет, что премудрость и разум — в благодати придаток. «К исчисленным благам (то есть святости, всыновлению, искуплению) прибавляется дар премудрости и разума в вещах духовных». Можно бы оставить нас ходить в примраке веры; но нам дан свет ведения и о всем, а паче о том, как душу свою спасать и как она спасается, проходя разные степени духовного совершенствования. Это можно почитать преизбытком благодати.

Но лучше, понимая под преумножением благодати то, что нам сообщается свыше не благодать только, но и ведение, премудрость и разум, разуметь под этим не всю область сообщаемого нам ведения, а только расширение ее. Иметь ведение о Боге и Божественных вещах необходимо для спасающихся, потому оно не избыток благодати, а необходимая часть ее. Когда положил

Бог спасти нас благодатию Своею, то в сие определение должно было войти и дарование ведения, или откровение в просвещение разума. Но в области ведения есть предметы, которые знать необходимо, как условия спасения, а могут быть и такие, о которых сообщается только для полноты ведения, как бы для украшения или завершения дома премудрости, представляемого Божественным откровением. — Ведение все, Божеское, — необъятно. Малейшую из него часть, самонужнейшую, открыл Бог нам о Себе и о делах Своих. Но этим необходимым не ограничился, а сказал еще и то, что надо почесть преумножением Его благодати к нам.

Что же именно такое? — То, о чем говорится вслед за сим, то есть возглавление всего во Христе Иисусе. Созерцанием сего полон был ум Апостола; восхищение от сего созерцания побудило его писать самое послание; к нему, как к последнему пределу,, он и речь всякую сводит.

Стих 9. *Сказав нам тайну воли Своея, по благоволению Своему, еже прежде положи в Нем.*

Здесь и далее — объяснение, чем открывается преумножение благодати в сообщении нам премудрости и разума: тем, что Бог благоволил сказать нам *тайну воли Своея.* «Или, говоря другими словами, открыл нам то, что у Него в сердце» (святой Златоуст). «Тайною воли Его назвал

(Апостол) сокровенную волю» (Феодорит). — Никому бы не домыслиться до сей сокровеннейшей воли, а Бог благоволил открыть ее. И если открыл, то этим показал преизобильное Свое благоволение и любовь к тем, кому открыл, ибо тайны открываются только близким и искренним. Святой Златоуст взывает: «О, сколь великая любовь и доверие!»

Какая это тайна? — Та, что Бог положил возглавить всяческая в Господе Иисусе Христе. Пришел Сын Божий, воплотился, пострадал, умер, воскрес, вознесся на небо и стал, яко Богочеловек, главою всего — и небесного, и земного. Из сих действий воплотившегося Сына Божия все почти явны сами собою, так что в сказывании о них ничего нет особенного, — все явно от воплощения до восседения одесную Отца. Что же не явно? — Возглавление всего в сем восседшем одесную Отца Богочеловеке. Это и есть именно сокровенная в Боге тайна, которую можно было не открывать без ущерба в деле спасения и которую Бог открыл только по преизбытку благодати Своей, и сим открытием преумножил и без того великое уже богатство благодати Своей. Сею тайною преимущественно занят Апостол во всем послании: ее он и здесь разумеет. Святой Златоуст говорит: «Тайна в том, что человек посажен горе́». — Но этим и совершено возглавление всяческих.

По благоволению Своему. Этим *или* то же выражается, что выше словами: *по благоволению хотения Своего.* Необходимости никакой не настояло сказывать эту тайну. Одно благоволение Божие благоволило сказать ее. Святой Златоуст говорит: «Это было сильное и сердечное желание Его – как-нибудь сказать нам тайну воли Своея». – Положил Бог столько благ даровать нам в Господе Иисусе Христе. Все вместе они выражают или составляют благоволение Божие к нам. По сей же полноте благоволения сказал Он и тайну воли Своей о возглавлении всяческих в Нем, – по тому закону благости, о коем говорит в другом месте Апостол: *како не и с Ним вся нам дарствует* (Рим. 8, 32).

Или, поелику о таком благоволении уже было сказано в этом же пункте (ибо все идет один пункт), то здесь позволительно так читать: относительно, или по предмету, благоволения Своего, которое положил Бог в Господе из начала, от века. Что положил Бог совершить чрез Господа во спасение наше, все почти явно, и происходило воочию всех. Тайна же воли Божией во всем этом благоволении к нам — то, что в конце всего должно произойти из сего, быв предначертано из начала, последняя цель всего этого была сокрыта в Боге. Эту-то тайну относительно всего благоволения к нам и сказал Он – по преизбытку

благодати, то есть что все сие творится затем, чтобы *возглавити всяческая* в Господе.

Стих 10. *В смотрение исполнения времен, возглавити всяческая о Христе, яже на небесех и яже на земли в Нем.*

Смотрение – οἰκονομία – домостроительство вообще, строй всего течения дел по дому, в коем все направляется к одной цели – благосостоянию. Есть особая у Господа экономия в устроении спасения рода человеческого. План, как и когда чему быть, предначертан в Божественном совете от века; в исполнение же приходит то или другое, когда приходит свое тому время. Это наступление времени у Апостола называется здесь исполнением времен – πλήρωμα τῶν καιρῶν, – а в послании к Галатам – πλήρωμα τοῦ χρόνου, – кончиною лета. Таким выражением можно означать время всякого особого Божеского распоряжения в устроении нашего спасения; но у Апостола сим означается исключительно пришествие на землю Единородного Сына Божия, как прямо и указывает Он в послании к Галатам: *егда же прииде кончина лета, посла Бог Сына Своего* (Гал. 4, 4). И здесь та же мысль, только говорится не о послании Сына Божия, а о том значении, какое имеет оно в кругу всего существующего.

«Исполнением времен называет Апостол время, определенное Богом (для пришествия Господа

на землю)» (Феодорит). Святой Златоуст, сказав, что исполнением времен было Его пришествие, или самое домостроительство, прибавляет: «Заметь, как отчетливо он (Апостол) выражается. Показывая, что начало спасения нашего, предложение, первое желание и стремление — во Отце, а исполнение его на деле — чрез Сына, он нигде, однако ж, не называет Его (Сына) слугою. — Отец восхотел. Сын хотение исполнил. Но если б Отец не восхотел, Сын не действовал бы, равно как если б Сын не действовал, Отец лишен бы был хотения, ибо у Отца и Сына все общее. *Моя вся Твоя суть и Твоя Моя*, — говорит Сын (Ин. 17, 10)».

Поминает об этом исполнении времен Апостол здесь не с тем, чтоб особенно останавливать на нем внимание, а только для полноты изображения всего дела устроения спасения в Господе. Сказав, что Бог показал избыток к нам благодати Своей, открыв нам тайну воли Своей — главную сокровенную цель всего благоволения, положенного в Господе Иисусе Христе, теперь показывает, в чем эта тайна и какая это сокровенная цель Божия, — именно та, чтобы в силу Божеской экономии, или предвечного распоряжения Божия об исполнении уже должного времени, — возглавить всяческая во Христе.

Но нам при чтении сих слов никогда не излишне останавливаться вниманием на выражаемой

им мысли. Она вводит нас в тайны премудрости Божией, созерцание которой всегда назидательно. Святой Павел указывает здесь на предопределенное время явления Сына Божия на земле, выражая вместе, что время сие уже исполнилось в явлении Иисуса Христа – Бога воплощенна. Человечество и, в частности, народ Божий прожили уже тот период времени, который Божественное Промышление определило на приготовление их к принятию искупительных сил. Вся история прежде Христа Господа была педагогического свойства. Все там клонилось к тому, чтобы приготовить человечество к величайшему делу Божию, явленному во Христе. Опыты пяти с половиной тысяч лет достаточны были, чтобы вразумить человека, что от своих усилий и своей мудрости нечего ожидать ему спасения. Не дойти ему до него ни путем закона, как показало иудейство, ни путем собственно человеческих усилий, как показало язычество. Так образовалось сознание своего бессилия – чувство нужды в избавлении со стороны, в искании и чаянии Избавителя свыше. Это и есть предопредельный плод течения событий – исполнение времен... Святой Златоуст изображает это так: «Исполнением времен было Его (Сына Божия) пришествие. Итак, когда Он все сделал чрез Ангелов, Пророков и Закон, и нисколько не успел, напротив, находился еще в опасности (раскаяться), что

напрасно сотворил человека, что напрасно привел (к бытию) того, кто слишком преуспевал во зле; когда все без разбору погибали, и погибали в большем количестве, чем при потопе, тогда Он нашел средство спасти человека в благодати, при котором оказывается, что Он не безрассудно и не напрасно сотворил его.— Так люди тогда были спасены, когда всего больше должны были погибать».

Бедственное положение человека дошло до крайних пределов.— И пришел Господь; и принят, как дождь жаждущею землею. С Его явлением кончилось приготовление к Нему, и началась новая эра духовной жизни человечества, которую святой Апостол охарактеризовал — возглавлением всяческих во Христе. Сей момент исполнения времен человечество справедливо считает главным пунктом своей истории, от которого и назад смотрит, и прозревает вперед. К нему тяготеет все течение событий, как периферия к центру, к нему сходятся все радиусы круга времен.

Возглавити всяческая, яже на небесех и на земли в Нем.— Вот цель всего благоволения Божия к нам, последний предел, до коего простирается домостроительство нашего спасения,— тайна, откровением которой преумножил Господь благодать Свою к нам, и без того уже очень полную! Христос Господь есть от века предопределенный

глава спасаемого человечества. Но как грехом введен разлад и распадение в среду тварей земных и небесных, то, истребляя грех, Господь отнимает стену разделения, все воссоединяет, возвращает к миру в Себе и становится возглавлением земного и небесного (Кол. 1, 20).

Яже на небесех – Ангельский мир; *яже на земли* – род человеческий и мир вещественный. Сии три мира были первоначально в совершенной явной гармонии и образовывали одно Царство Божие. Грех человека, его отпадение от Бога, расстроили эту гармонию. Человек, по идее своей, должен быть средоточием миров, – всей области тварного бытия, – и Ангелов, и мира вещественного. С его падением не стало центра союза, и все пошло вразлад. Мир, силы и стихии которого все совмещает в себе, увлек он в ниспадение в своем лице, и он воздыхает, по Апостолу, об избавлении (Рим. 8, 22). А Ангелы сами отстали оттого, что человек пошел совсем другою дорогою. Во Христе Иисусе теперь опять все возводится к союзу и первоначальная гармония тварей восстановляется. И в мир вводит Он живительные силы чрез Свое тело человеческое, и весь его держит в Себе и проникает – его же силами – из Себя. И Ангелов к Себе же привлекает чрез дух человеческий, давая им простор действовать и ублажая тем. Грехом они были отторжены и стеснены, будто быв, как оградою

обведены в своей одной области. Теперь в лице Господа снова открывается им дверь в область человека и природы, и они всюду вхожи, радуясь возвращению полного круга их благой деятельности, к коему предназначены они были и изначала.

Но полное возглавление всего совершится или явится в силе и славе в конце веков. Теперь оно только засеменено в лице Господа и предназначено зреть в течении событий мира и человечества, до конца мира.

Как предмет этот есть первой важности, то сделаем попространнее выписки о нем из святых отцов.

Святой Златоуст говорит: «Небесное и земное были отторжены одно от другого и не имели одной главы. Этою главою должен быть единственно Бог – Творец и Промыслитель, а на деле случилось не так, потому что люди отторглись от повиновения».

Потом, пояснив другие слова, содержащиеся в сем стихе, святой Златоуст опять возвращается к *возглавити* и говорит: «Что значит *возглавити*? Значит – соединить. У нас оглавлением – ἀνακεφαλαίωσις – обыкновенно называется представление в кратких выражениях того, о чем надобно говорить долгое время; или сокращенное изложение всего, о чем было говорено пространно. Итак, слово сие может значить и следующее:

устрояемое столь долго (домостроительство нашего спасения) возглавил в Себе, то есть сократил, или, говоря кратко, — с соблюдением, впрочем, истины, — и то обнял, и новое присовокупил». — Все пророчества и прообразы в Нем исполнились (пространно — блаженный Иероним), и закон престал. Положены новые благодатные силы, которые, как закваска, все начали проникать, оживлять и воссозидать.

Но такая мысль у святого Златоуста не главная. Главная — воссоединение тварей.

«Но есть нечто и другое, говорит он, что также означается этим словом. Во Христе по плоти Бог положил одну главу для всех, для Ангелов и человеков, то есть одно дал (верховное) начало и Ангелам, и человекам, одним — Христа по плоти, другим — Бога Слова. Как если бы кто сказал о храмине, что одно в ней гнило, другое крепко, и возобновил бы ее, то есть сделал бы крепче, подложив крепчайшее основание; так и здесь всех привел под одну главу. Тогда только и возможно единение, тогда только и будет этот совершенный союз, когда все, имея некоторую необходимую связь горé, будет подведено под одну главу».

Блаженный Феодорит дополняет эту мысль введением и природы в восстановительное действие, совершившееся в лице Господа Иисуса Христа: *Возглавити всяческая*... Яснее излагает

сие в послании к Римлянам; ибо говорит: *вся тварь совоздыхает и сболезнует, даже до ныне* (Рим. 8, 22); и еще: *чаяние бо твари откровения сынов Божиих чает* (19). То же говорит он и в послании к Евреям: *яко да* кроме Бога *за всех вкусит смерти* (Евр. 2, 9). «Одно Божие естество не имеет ни в чем нужды; всякая же тварь имела нужду во врачевстве домостроительства. Ибо и стихии, созданные на потребу людям, сотворил Бог подлежащими тлению; потому что и человека смертным имело соделать преступление. Да и невидимые силы скорбели, вероятно, видя водворяющееся у людей лукавство. Ибо если они радуются *о едином грешнике кающемся*, как сказал Господь (Лк. 15, 7), то явно, что болезнуют, видя противное тому. Но вочеловечение Единородного, сокрушив смерть, показав воскресение и дав залоги Воскресения общего, рассеяло сие примрачное облако. Посему Апостол сию внезапную перемену вещей называет *возглавлением*. Ибо домостроительством Владыки Христа и человеческое естество восставляется и облекается в нетление, видимая тварь, освободившись от тления, улучает нетление, и сонмы невидимых сил пребудут уже в веселии, потому что *отбеже болезнь и печаль и воздыхание* (Ис. 35, 10). Сему-то научает божественный Апостол в изъясняемых словах. Ибо не сказал просто: небо и землю: но *яже на небесех и на земли*. И, показуя

тайну домостроительства, присовокупил: *в Нем*, то есть во Христе».

Корнелий Аляпиде приводит слова блаженного Августина: «Во Христе восстановляется и то, что *на небе*, — тем, что ниспадшее в ангелах (падших) возвращается из людей (спасающихся в Господе); восстановляется и то, что *на земле*, — тем, что люди, предопределенные к вечной славе, обновляются, избывая от ветхого повреждения» (Из Enchirid. LXII).

И святого Григория Великого: «Люди за смирение возводятся туда, откуда ангелы отступники ниспали за гордость. Теперь и люди, и Ангелы созываются в один дом, под одну главу. Сей дом разорился чрез грех Адама. Одна стена осталась целою: это Ангелы, а другая пала: это люди отпали от общества Ангелов и ниспали под иго демонов. Эту падшую стену Христос снова теперь восставил, а чрез то и дом весь восставил. Восстановил Он сообщество Ангелов и людей, и стал дом опять цел, как был до падения» (Moral. lib. XXXI, cap. XXXV).

И святого Иринея: «Во Христе возглавлено; потому что в природе человеческой все стихии и силы содержатся. Почему человек называется малым миром? Когда Бог Слово принял естество человеческое, тогда все сущее, как бы в сокращении в Себе соединил, и к Себе — Творцу их — возвратил» (lib. III, cap. VIII).

Так небо и земля — все сущее — во Христе Иисусе гармонически сочетавается. Затем все текущее во времени в Нем имеет свое средоточие. И есть Он посему — ключ к уразумению таин миробытия и мироправления. Вошедши в созерцание сего и восхитившись тем, святой Павел и воззвал: благословен Бог! — и с начала речи доселе, сжато, но полно изобразил всю картину сего Божеского к нам благоволения во Христе и все обилие излитых в Нем на нас благословений. Далее Он сходит с неба и показывает, как на земле люди, — иудеи и язычники, — вступили и вступают под благотворные токи сих благодатных благословений.

Заключим это отделение, — о благословениях Божиих, ст. 3 — 10, — увещанием святого Златоуста: «Итак, сподобившись толикого дара, толикой чести, толикого человеколюбия, не посрамим Облагодетельствовавшего; не сделаем тщетною толикую благодать; покажем ангельское житие, ангельскую добродетель и образец жизни. И я прошу и молю о том, чтобы все сие не было нам в суд и осуждение, но в получение благ, которых и да сподобимся все благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу вместе со Святым Духом слава и держава».

в)

Стихи 11 и 12. *В Немже и наследницы сотворихомся, прежде наречени бывше по прозрению*

Божию вся действующаго по совету воли Своея, яко быти нам в похваление славы Его прежде уповавшим во Христа.

Стихи 11—14 указывают движение на земле дела спасения,— то, как домостроительство сего спасения, от века предначертанное и Господом Иисусом Христом в явление и совершение приведенное, коснулось иудеев и язычников, и в каком виде и смысле те и другие введены в обладание уготованных спасением.

Стихи 11 и 12 содержат одну мысль и относятся к одним лицам, кои означаются словами *мы* и *нам*. Как они представляются прежде уповавшими во Христа, то, очевидно, под ними должно разуметь иудеев. В этих двух стихах показывается, как они стали участниками спасения. В стихе 13 вводятся другие лица, означаемые чрез *вы*. Из такого сопоставления видно, что под *вы* святой Апостол разумеет язычников.

Исходя из той мысли, что в стихах 11 и 12 говорится об иудеях, слову *наследницы сотворихомся*,— ἐκληρώθημεν,— надо дать такой смысл: вступили в наследие, или, будто по праву наследства, приняты мы в удел Божий, в царство спасаемых о Христе, введены в обладание тем, к чему издревле предызбраны и предназначены. Наследие у Апостола преимущественно есть участие в Царстве Мессии. Иудеи были уже предызбраны к сему участию, и те, кои, уверовав и приняв

Мессию, исполняют тем условие ко вступлению в Его Царство, натурально вступают в него, будто в предопределенный удел, или принимаются Христом, как естественное Его наследие.

Указав на такое преимущество иудеев словом *наследницы сотворихомся*, — введены в наследство, — далее Апостол указывает основание такого их избрания и цель.

Основание — в свободном решении и определении Бога, вся действующего по совету воли Своея; а цель — в том, чтоб им первым послужить к славе явившегося Мессии — Спасителя, — как они и послужили, быв местом явления Спасителя и точкою отправления в прославлении Его. Ибо — где явился Спаситель? — Среди иудеев. Где раскрылась Его спасительная деятельность, или совершена Им экономия спасения? — У иудеев. Где началось и откуда изошло Его прославление? — От иудеев, первыми глашатаями Евангелия или проповеди о Спасителе — святыми Апостолами. Таковыми они явились, вследствие предварительного избрания их Богом на это дело из среды всех народов. За этим избранием следовали потом и особые распоряжения Божии для приготовления их к должному исполнению своего предназначения. Оттого они и прежде уповали во Христа, чаяли Его; и, когда Он пришел, послужили почвою для развития Царства Христова и орудием для привлечения в него других народов.

Избрание еврейского народа на это дело зависело от воли Божией. Угодно было Богу — и избрал. Хотя и можно указывать некоторые черты в характере евреев, по которым можно судить, что они пригожее других были на это дело; но вместе можно полагать, что и всякий народ, на их месте, если б для него сделано было столько непосредственных Божиих благодеяний, оказался бы гожим к тому. Апостол и не указывает ничего такого, а говорит только: по *прозрению Бога*, — по греч. πρόθεσιν, — по предложению, решению, определению воли Божией. Так благоволил Бог.

Исполнили ль иудеи такое назначение? — Исполнили. Среди них процвела первая Церковь. И она уже пустила ветви свои по всей вселенной. Что не всем составом народа принят Христос, это может быть и не входило в черты предназначения. Птенец, зародившись в яйце, выбирает из него в себя все гожее. Кое-какие остатки и скорлупа разбрасываются потом туда и сюда, а птенец свободно летает по лицу земли. Так было и с народом Божиим. Гожее из него все вошло в Царство Христово, Церковь; негожее разбросано по лицу земли.

Блаженный Феодорит пишет: «Предопределив нас в начале, предназначил к жизни Тот, Кто творит все, что (и как) Ему угодно. Яснее же указует Апостол, на какой жребий предопределены мы: *яко быти нам в похваление славы Его.*

Ибо все, взирая на нас, уверовавших в Господа, песнословят Христа, виновника сих благ».

Похвала славы – славного дела, совершенного Иисусом Христом. Они были первыми возвестителями о Нем. Можно сказать, что и доселе неверующие иудеи суть в похвалу славы Иисус Христовой, ибо у них пророческие книги, которые возвещают о Христе. Первые – верою прославили Христа, а эти – неверием прославляют, сами того не замечая и не хотя. Они исполняют, против воли своей, Божие предназначение.

О славе Божией вообще от дела спасения, совершенного Господом, сказано выше, в ст. 6; здесь частнее указывается, как иудеи послужили и должны были послужить к сей славе, чрез прославление верою своею Христа Господа. Они успели это сделать, яко уповавшие во Христа и чаявшие Его. Язычники, напротив, жили *упования неимуще* (2, 12). Впервые начали они оживляться благонадежием спасения чрез принятие Евангельской проповеди, исходившей из иудеев. Здесь в первый раз услышали они об Избавителе, в Коем чувствовали нужду, но о Коем ничего прежде не ведали, а потому и упования на Него определенного иметь не могли.

Святой Златоуст останавливается при сем преимущественно на том, как Бог все делает по предвечным предначертаниям: «Поелику избравший есть Бог, то не случаю, значит, обязаны мы

избранием, но получили наследство по прозрению. Он усмотрел нас прежде, чем сделал наследниками. Изумительно Божественное предведение, видящее все, прежде исполнения! – Кроме того, обрати внимание на то, как Апостол старается везде объяснить, что все дела устроились потому, что так именно они были предопределены издревле и что все совершено Им (Господом) согласно с этим предопределением... Он все предопределил искони и, кроме этого, не сделал ничего. Он действовал до конца по совету воли Своей. Значит, Он и язычников призвал вовсе не потому, что иудеи (не все иудеи) не послушались Его; Он не был к этому приведен или вынужден последними...»

Стих 13. *В Немже и вы, слышавше слово истины, благовествование спасения нашего, в Немже и веровавше знаменастеся Духом обетования Святым.*

В Немже, – чрез Него и ради Его, прилепившись к Нему, соединившись с Ним и ставши едино с Ним и в Нем, – *и вы*, – христиане из язычников, прежде не знавшие ничего о Христе, но в первый раз услышавшие о Нем в проповеди Евангелия, уверовав в Него, приняты в одинаковое с нами, прежде уповавшими, общение в благословениях в Нем: чему доказательством служит то, что и вы запечатлены Духом Святым. Мы – иудеи, прежде уже на то избраны и назначены,

чтобы быть частию Христовою, а вы, хоть и не назначены прямо, но как уверовали, то и приняты в ту же часть; и печать Свою наложил и на вас Христос — дар Духа Святого, чтобы все, и небесные, и земные, знали, что вы Ему уже, а не другому кому, принадлежите. Так и вы ничем не заделены сравнительно с нами, тоже получили, что и мы, ради веры вашей и покорности Евангелию.

Слово истины — учение Христово, слово о вере в Него, которое несомненно истинно и содержит первейшую и нужнейшую из всех истин истину — как спастись, которую, приявший сердцем, хотя бы ничего другого не знал, будет обладать истиною жизни, имеющею истинным путем привести его к истинному блаженству.

Евангелие спасения — благовестие о спасении, объясняет содержание *слова истины*. В этом вся проповедь и состояла. Апостолы говорили всем: гибнете вы и останетесь в погибели, если так пребудете, как есть. Хотите спастись, вот вам единственное средство: веруйте в Господа Иисуса Христа Распятого. «Что другое содержала проповедь, как не благовествование спасения, то есть что достойных погибели Он уже не погубляет» (святой Златоуст).

Вместо *спасения нашего*, то есть всех людей, иные читают *вашего* — ефесян. Мысль будет: и вашего, как нашего. Или ближе Апостол наводит

их на воспоминание о том, как они уверовали. Слыша проповедь, сознали, что точно погибают, восчувствовали свою пагубу, а вместе и то, что негде им спастися, как в Господе Иисусе Христе; и стала сия проповедь для них указанием единственного спасения, за которое они и уцепились всею силою. И у каждого спасительная вера силу свою являть начинает, когда он общее всех спасение в Господе себе присвояет не умствованием, а чувством.

В Немже и веровавше. Не довольно слышать, необходимо веровать. Вера – дверь к принятию всех благословений от Господа. Как вознесшись на небо, Он Духа Святого ниспослал в мир, так прилепляющихся к Нему верою, тотчас чрез таинства, исполняет Духом Святым. Путь такой: сначала слух, потом вера от слуха, наконец, запечатление Духом в крещении и возложении рук, или миропомазании. Это – степени, коими бывшие далече близ бывают и вводятся в наследие Христово.

Знаменастеся Духом. Об иудеях сказал: *наследницы сотворихомся,* вступили в наследие благословений о Христе, или в удел и часть Христову; а о язычниках – *знаменастеся Духом.* И это одно с тем. Ибо что запечатлены Духом, это и означало, что и они приняты в часть Христову; равно как иудеям сподобиться благословений о Христе, или вступить в часть Христову, иначе

было нельзя, как чрез излияние Духа, по обетованиям — излить на них Духа и сделать их чрез то новыми. Феодорит пишет: «Не только вы слышали, но и уверовали. Почему и сподобились благодати Всесвятого Духа. *Знаменастеся* подобно пророческому изречению: *знаменася на нас свет лица Твоего Господи* (Пс. 4, 7); то есть как какую печать прияли дар Духа». — Святой Златоуст говорит: «Великое промышление показывает это запечатление (Духом). Как если бы кто доставшихся ему по жребию отметил известным знаком, чтоб после узнавать их, так точно и Бог, отделив (их) для принятия веры в Него (Христа), запечатлел (Духом в знак принадлежания Ему, и) в наследие будущих благ... Получали запечатление и израильтяне, но чрез обрезание, подобно бессловесным*; запечатлены и мы, но как дети, Духом».

В принятии Святого Духа, Которым изливается любовь в сердца наши и вера становится живодействующею, в принятии Святого Духа, присутствие Которого, в первые времена, свидетельствовалось явными дивными действиями благодати, — христианин и сам для себя, и для других получает знамение, печать, удостоверение, что он — Христов (Рим. 8, 16). Блаженный Иероним пишет: «Знаменание Божие в том, что как первый

---

* На Востоке — верблюдов, например, печатают знаком хозяина, нажигая его на заметном месте. — *Авт.*

человек создан по образу и подобию Божию, так и во втором воссоздании сподобляющийся Духа Святого знаменается от Него тем, что принимает образ Создавшего его. Полагаю, что этим означается то, что Дух Святой святым соделывает того, на кого изливается: дух премудрости соделывает его премудрым, дух разума — разумным, дух совета — советным, дух крепости — крепким, дух ведения — ведцем, дух благочестия — благочестивым, дух страха Божия — Богобоязненным, со страхом и трепетом свое спасение содевающим».

Духом обетования. Почему так назвал Его святой Павел? — И потому, что Сам Он обетован, как пророками, так и Господом, и потому, что служит залогом будущих обетований. Святой Златоуст говорит: «Что значит *Духом обетования?* — Значит, что мы прияли Его по обетованию. Обетований было два: одно — чрез пророков, другое — чрез Сына. Я сказал, чрез пророков; послушай, что говорит Иоиль: *излию от Духа Моего на всяку плоть, и прорекут сынове ваши и дщери ваша, и старцы ваши сония узрят, и юноты ваши видения увидят* (Иоил. 2, 28). Послушай затем, что и Христос говорит: *приимете силу, нашедшу Святому Духу на вы, и будете ми свидетели во Иерусалиме же и во всей Иудеи и Самарии и даже до последних земли* (Деян. 1, 8)».

Экумений и Феофилакт, высказав ту же мысль, прибавляют — Экумений: «*Духом обетования* Он

назван еще или потому, что Он обещает бесчисленные блага, или потому, что чрез запечатление Им вы улучите или сподобитесь обетований». Феофилакт: «Или потому еще (Он Дух обетования есть), что Дух подтверждает обетование будущих благ. Будучи дарован, Он тем самым удостоверяет и в будущем. Почему и назван залогом».

Стих 14. *Иже есть обручение наследия нашего, во избавление снабдения, в похвалу славы Его.*

Пред сим сказал Апостол особо об иудеях и особо о язычниках. Теперь соединяет в речи тех и других единством дара Духа Святого, который и тем, и другим одинаково подается и делает их однородными. Мы, говорит, получили Духа, как наследие; вы запечатлены Им по призванию. И мы, и вы стали помазанными от Святого, — христианами. Помазание Духом есть отличительная черта христиан, преимущество, которого ничто в свете не может дать, кроме веры в Господа Иисуса Христа чрез Святые Таинства Его. Но этим не все исчерпывается, чем благоволит Господь отличать верных Своих. Это еще залог; а что после-то будет?!

Апостол простирает взор свой в будущее и видит в даровании Духа только задаток к получению полного наследия вечного. Как в житейских сделках задаток значит, что торг состоялся,

покупка решена и задаток дан в удостоверение, что и все остальное будет уплачено, так и Бог, благоволив вступить с нами в Завет, с обетованием вечного блаженства верным Завету, даруя Духа Святого верующим во Христа, задаток только дает в удостоверение, что и все наследие обетованное отдаст, или даст блаженство вечное. Ибо затем и веруем во Христа, затем и прилепляемся к Нему и всем жертвуем для Него, чтобы иметь в Нем живот вечный. Святой Златоуст говорит: «Хотя должно было верить Ему, яко Богу (что даст живот вечный), но Апостол на этом очень не настаивает, а производит исследование как бы о человеке. Как в послании к Евреям (6, 18), он говорит: *да двема вещми непреложными, в нихже невозможно солгати Богу, крепкое утешение имамы*, так и здесь то, что уже было даровано, представляет в доказательство исполнения обетования о будущих благах. Посему-то он и называет Духа Святого обручением (залогом) нашего спасения. Залог бывает обеспечением всего. Он купил нам наше спасение и пока дал только залог. Почему же не даровал всего тотчас же? — Потому что мы с своей стороны не исполнили всего. Мы уверовали, — это лишь начало, — и Он даровал залог (то есть начало). А когда веру покажем в делах, тогда представит нам и все».

То же самое печатлеется и в нравственном строе христианина. Ибо Дух Божий изливает

любовь, в коей вера получает живую деятельность; труды же любви вселяют чувство благоволения Божия, от коего рождается благонадежие всестороннего облаженствования вечного (Евр. 11, 1). С другой стороны, Дух Божий приносит в душу мир, которого ничто другое дать не может и который есть истинное предначатие и предвкушение вечного блаженства. Святой Златоуст продолжает: «Приобщившиеся благодати Святого Духа, без сомнения, знают, что она есть залог наследия нашего. Таков был Павел, который здесь еще предвкушал то, что там (то есть на небе), — который стремился и желал оставить здешний мир, и воздыхал, потому что он, весь ум свой переселив туда, смотрел уже другими глазами. Кто не оправдывает веры делами, тот сам себя исключает из слов (обетования). Если бы мы все приобщались Духа, как следует приобщаться, то и небо узрели бы, и свое будущее там состояние».

Во избавление снабдения. В этих словах можно видеть пояснение предыдущей мысли о Духе, как залоге наследия. Сами слова темны. Сличим их с греческими, чтобы вывесть приличное понятие. *Снабдение* дает мысль о том, чем Бог положил снабдить верующих, что им дать во Христе, чем облаженствовать. Греческое слово περιποίησις означает попечение, охрану, заботу о

ком, чтоб ему было хорошо. «Снабдением — περιποίησιν — называет Апостол Божие о нас попечение и заботу» (Феофилакт). Нынешние греки употребляют это слово в означение угощения — делания всего, чтобы гость остался всем вполне доволен. Будущее блаженство что есть, как не нескончаемая вечеря Господа с верными Своими? Там Он их всем удовлит, всем насытит, обвеселит и облаженствит. Приняв слово сие в сем значении, приспособим к нему и первое — *избавление*. По-гречески это — ἀπολύτρωσις, которое значит уплату, отплату,— и чрез то *избавление*. Уплачивают за раба и тем избавляют его от рабства. Так избавил нас и Господь, уплатив за нас долги наши. Возьмем в настоящем месте собственное его значение — уплата. Εἰς ἀπολύτρωσιν περιποιήσεως — во избавление снабдения — будет — в удостоверение, что все, чем положил Бог снабдить верных и облаженствовать их в будущем, будет им доставлено, воздано,— подразумевая: если они верно потрудятся в деле, на которое призваны и силами благодати вооружены. Ничто не пропадет даром, все будет воздано.

Есть из-за чего трудиться: будет все воздано. А что будет воздано, суди по залогу. Если залог таков, что будет самое благо, в получении коего удостоверяет залог? — Феодорит пишет: «Сим Апостол показал величие ожидаемого. Ибо если дан-

ная благодать, которою совершались чудеса, воскрешаемы были мертвые, очищаемы прокаженные, изгоняемы демоны и производилось иное сему подобное, — составляли только залог, то явно, что верующие улучат гораздо большую благодать». — Блаженный Иероним на ту же мысль говорит: «По задатку судят о достоинстве купленной вещи. Если задаток наследия таков, каково же само наследие?»

К этому подходит и русский перевод сих слов: *для искупления удела* — без прибавления: *Его*. — Под уделом можно разуметь и Божий удел, и наш. Божий удел — все верующие и живущие по вере. Наш удел — вечное блаженство. Думаем, что здесь ближе разуметь наш удел, с такою мыслию: Дух Святой дан нам, чтоб, помощию Его трудясь в Богоугождении, могли мы купить себе вечное блаженство. Как иному бедному дают денег, чтоб он, пустившись в обороты, разбогател, так дар Духа, как талант, дан нам, чтоб чрез должное его употребление стяжали мы все возможное здесь и приготовили большее туда. В чем состоит это дело? — В очищении сердца от страстей и украшении его всякими добродетелями. В приятии Духа во святом крещении и миропомазании полагается только семя жизни духовной. За сим должен следовать труд проведения Духа во все области нашего существа, как закваски во

все смешение. Это механически совершиться не может в свободном существе. Дело свободы при сем не соглашаться на худое, где бы оно в нас ни показалось, и желать доброго, какою бы частию ни предлежало его совершать. Вслед за сими направлениями свободы идет внутрь благодать и совершает то, что свобода только ищет, но чего совершить не может. Так наконец благодать проникает все естество человека и делает его духовным, светлым, чистым, гожим для вступления в Царство славы, куда не войдет ничто нечистое. В ком это совершится в какой-либо степени, тот, значит, искупил свой удел. Как этого он не мог бы достигнуть без благодати Духа, то само собою видно, что благодать дается для того, чтоб каждый мог искупить свой удел. В этом смысле говорит и святой Златоуст: «Совершенное избавление совершится в будущей жизни, ибо теперь мы живем среди мира, и много мирского привходит в нас, и с нечестивыми обращаемся.

Когда же не будет ни грехов, ни человеческих страстей, когда нечестивые не будут уже вместе со святыми, тогда уже наступит совершенное избавление, а теперь дан только залог. — Впрочем, нам и теперь должно удаляться земного, потому что наше отечество не на земле; и теперь мы должны быть свободны от того, что здесь, ибо мы еще странники».

Можно разуметь здесь и Божий удел. Удел Божий – все верующие из иудеев и язычников. Сколько их должно поступить в удел Божий, предопределено свыше. Апостолы, преисполненные Духа, ходили по миру и набирали достойных поступить в него. Всякий верующий печатлелся Духом и вступал в удел Божий с сим знамением. Тут то же происходило и происходит доселе, что бывает, когда какой хозяин полагает собрать себе стадо овец; поверенные его ходят и закупают, на всякую купленную овцу налагая хозяйскую печать. Когда исполнится число, полагается конец закупкам: стадо считается полным, соответственным намерению хозяина. Так и в отношении к Царству Христову благодатному. Оно удел Его, – и состоит, по Его слову, из овец. Апостолы посланы были закупать; после их то же дело продолжают преемники их. Когда исполнится все, – и те, о коих сказал Господь: и *тыя Мне подобает привести*... будут приведены, и стадо духовное станет полно по предначертанию, тогда конец всему. Цель настоящего порядка вещей исполнится. Все же совершает благодать Святого Духа, пребывающего на земле в Церкви, – и пребывает она для искупления удела Божия.

В похвалу славы Его. Апостол начал благословением Бога, но, недовольный тем, еще трижды повторял, что все, делаемое для нас, делается для

возбуждения нас к Богохвалению (ст. 6, 12, 14). Это одно и можем мы воздать Богу за неизреченные Его милости; это и требует от нас Бог. Оно и естественно исходит из сердца, когда оно придет в чувство благ Божиих по вкушении их, или усвоении себе самым делом. Итак, воспрославим, возблагодарим и восхвалим Премилосердого Бога. Не окажемся нечувственными. Ибо Бог есть ревнитель о славе Своей (Наум. 1, 2).

Святой Златоуст извлекает из сего частого повторения о Богохвалении удостоверение в непоколебимой твердости надежд наших и в несомненности исполнения обетований. Он говорит: «*В похвалу славы Его*, — это он постоянно повторяет для чего же? — Для того, чтобы вполне убедить слушающих. Если бы Он искупил нас для нас же, как бы так говорит Апостол, то искупление наше не было бы еще несомненно. Если же Он сделал сие для Себя, то есть чтобы показать Свою благость, то это служит уже основанием, или как бы ручательством, что обещанное так и случится, как обещано. Мы видим, что и у израильтян часто встречаются подобные выражения: *сотвори со мной имене ради Твоего* (Пс. 108, 21). В другом месте Сам Бог говорит: *Мене ради сотворю* (Ис. 48, 11). И Моисей взывает: *сотвори нам имене Твоего ради*, если не ради чего другого. Итак, Он самым действительным образом убеждает и обнадеживает слышащих, на-

учая их, что Бог ради Своей собственной благости исполнит все, что обещает. — Но да не предадимся от сего беспечности. Конечно, Он все делает ради Самого Себя; но, однако ж, и от нас требует соответствующих действий. Если Он говорит, что *токмо прославляющия Мя прославлю, и уничижаяй Мя безчестен будет* (1 Цар. 2, 30), то мы должны понять, что и с нашей стороны нечто требуется. Похвала славы Его — в том, чтобы спасти врагов, но эти враги после того, как они сделались друзьями, должны и пребыть друзьями; если же они опять возвратятся в прежнее состояние вражды, тогда все для них будет бесполезно и тщетно. Другой бани пакибытия нет; нет и вторичного приведения; но есть *страшное некое чаяние суда, и огня ревность поясти хотящаго сопротивныя* (Евр. 10, 27). Это именно ожидает и нас, если мы, всегда враждовавшие с Ним, быв удостоены прощения, и после того не перестанем еще враждовать, упиваться похотями и делаться хуже прежнего».

Этим оканчивает святой Апостол обозрение всего домостроительства нашего спасения и всех благословений нам свыше о Христе Иисусе, Господе нашем. Начал он от совета Божия в вечности безначальной и прошел до указания неизреченного наследия в вечности бесконечной. — И все это совместил в одном пункте, сжато, но выразительно, полно, всеобъятно.

Б. ВОЗВЕДЕНИЕ ЕФЕСЯН К СОЗЕРЦАНИЮ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА СПАСЕНИЯ 1, 15—3, 21

Апостол имел при сем в намерении — напечатлеть в уме ефесян все величие домостроительства спасения нашего в Господе, чтоб, сознав величие благодеяния Божия к ним в призвании их в участие в сем спасении, помнили то, и за то Бога благодарили и славословили. Руководя к сему, он:

I. молится, да даст им Бог Духа премудрости узреть величие домостроительства в величии благ, им подаваемых и обещаемых, — 1, 15—19;

II. указывает его в возвеличении Совершителя нашего спасения, — 1, 20—23;

III. и в возвеличении вместе с Ним и в Нем и всех верующих в Него, — 2, 1—10;

IV. для ефесян же и в лице их для всех верующих из язычников еще особенно в том, что оно их, далеко бывших, сделало близкими, — 2, 11—22.

V. Каковую особенность Апостол усиливает представлением, что это была сокровенная, ныне лишь явленная тайна, которой он есть служитель, — 3, 1—13.

VI. И заключает опять молитвою, чтоб ефесяне пребыли участниками благ спасения, и чрез то еще паче возвысились в уразумение величия таин спасения, — 3, 14—21.

Не трудно заметить, что сии пункты идут в соответствии с содержанием предыдущего обозрения домостроительства спасения.

I.

Стихи 15 и 16. *Сего ради и аз слышав вашу веру о Христе Иисусе, и любовь, яже ко всем святым, не престаю благодаря о вас, поминание о вас творя в молитвах моих.*

Обозрев величие благословений, о Христе Иисусе, Господе нашем, изобразив кратко все домостроительство спасения, святой Павел, в восхищении сердца от сего созерцания, желает ввести в него и ефесян. Хотя не говорит: углубляйтесь, а молит Бога, чтоб Он Сам просветил их умы ведением всего этого; но это само собою разумеется, ибо для получения благ духовных один закон, Самим Господом изреченный: *ищите и обрящете*. Он как бы говорит им: взойдите вы умом своим в помышление о сем и пребудьте в памятовании о том; я же молюсь, да просветит и паче просвещает вас Господь. Начало сему уже положено прочное: вы уже стали причастниками сих благ вашею верою и жизнию по вере, выражающейся в любви ко всем святым, за что благодарю Господа.

Сего ради. Чего ради? — Если взять во внимание только непосредственно впереди стоящее, то — ради того, что Духом Святым запечатлены и

в Нем получили обручение упования. Но как это последнее у Апостола стоит в неразрывной связи с предыдущим, как верх всех благ о Господе, то можно сказать, что и ради всего, что благоугодно было всещедрому Богу сделать во спасение наше. Святой Златоуст и говорит: «*Сего ради*, – то есть ради будущих благ, которые ожидают правоверующих и благочестно живущих. Впрочем, равно должно благодарить Бога за все, что Он соделал для рода человеческого прежде сего и что соделает после, – должно благодарить Его посему и за веру верующих».

Святой Павел благодарит не вообще за сии блага, а за то, что их сподобились ефесяне. Как они сподобились сего за веру, любовию споспешествуемую, то преисполнение ими ефесян и ставит он здесь, как возбудителя его благодарных за ефесян чувств. *Слышав*, говорит, *веру вашу и любовь... не перестаю благодарить Бога.* «Ибо, уверовав, вы запечатлелись Духом, и в Нем получили залог будущих благ и совершенного избавления, и имеете улучить, что отложено право верующим и право живущим» (Феофилакт).

Слышав веру вашу и любовь... «Везде соединяет и совокупляет святой Павел веру и любовь, как некую дивную двоицу» (святой Златоуст).

Если б о вере только слышал, может быть, не поспешил бы благодарить, ибо хотя вера приводит к Богу, но, сочетавшись с Ним сердечно,

исходит от Него не одна уже, но растворенная любовию. И одна вера истинная никогда не бывает, равно как и любовь. Вера — одна нога, любовь — другая. Как на одной ноге ходить нельзя, так жить по-христиански и христианских сподобляться благословений нельзя без веры и любви. — Любовь *ко всем святым*, то есть ко всем христианам, а не к ефесянам только или окрестным с ними. Любовь, изливающаяся в сердце христиан Духом, и всех людей любит; но христиан любит, яко членов единого тела, родственно, живое сочетание с ними чувствуя во Христе. Но, как она ни естественна в христианах, может, однако, быть ослабляема и погашаема эгоистическими стремлениями. Почему присутствие ее при вере есть знак и разумного устроения верующих, и особой благодати Божией, ибо все от нее. Почему у святого Павла и стоит: *о Христе Иисусе*, что должно относить и к вере, и к любви. Господь Иисус Христос есть неиссякаемый источник и веры, и любви для всех к Нему прилепившихся. Вера здесь — чувство сердца, упокоевающегося во Христе, и во всякой помощи и всяком заступлении Его уверенная, вера, покоящаяся на лоне Христовом.

Слышал о вере и любви; но благодарит не за веру и любовь, а за то, что дается за веру и любовь, «за то, что, ради их, они очевидно состоят в числе спасаемых, и, несомненно, сподобятся

отчисленных верующим и любящим благ» (Экумений).

Апостол говорит: *и аз* благодарю, и тем ставит себя в число других благодарящих. Кто это другие? — Ефесяне и другие христиане. Имея истинную веру и любовь, ефесяне вкушали сердцем все блага о Господе, — радость сердечную и сладостное горение духа от благодати Божией, разогреваемое уверенностию в Божием благоволении и усыновлении Ему. Такой строй внутренний не мог не обнаруживаться и в светлом состоянии их во внешних делах, и жизни. Видя то, другие христиане не могли не радоваться и не благодарить Бога. К их благодарной песне присоединяет свой глас и Апостол, смирение тем показывая, что не ставит себя первоначальным благодарителем и возбудителем других к благодарению.

Апостол знал о вере и доброте нрава ефесян, живши с ними так долго, а что говорит: *слышав*, то этим дает знать, что с тех пор, как он отлучился от них, они не только не изменились, но хранят всеянное в них и преуспевают в том, строя на том, как на прочном фундаменте, спасение свое. Блаженный Феодорит пищет: «Из сего (из того, что сказал *слышав*) заключали иные, что Апостол написал сие послание, не видев еще ефесян. Но должно знать, что и Коринфянам писал он послание, услышав о них неприятное.

Ибо говорит: *возвестися ми о вас, братие моя... от Хлоиса, яко рвения в вас суть* (1 Кор. 1, 11). Посему, как там, узнав неприятное, пишет со скорбию, так, об ефесянах услышав радостное, слагает им похвалу».

Слыша о добром состоянии ефесян и провидя, чего за это они сподобятся, Апостол сорадуется им, и, их благо считая своим, благодарит Бога. Это — как Апостол; к тому побуждало его апостольское, отечески заботящееся об обращенных сердце. «Не было ничего, с чем бы можно было сравнить апостольское благоутробие, — говорит святой Златоуст, — что было бы подобно тому соучастию и той нежной любви, которыми был исполнен блаженный Павел, во всех своих молитвах поминавший целые города и народы. *Благодарю Бога о вас, поминание о вас творя в молитвах моих*. Так он обыкновенно писал всем. Представьте же, сколь многих он имел в помышлении своем. Даже и помнить было трудно, так много было людей, о коих он молился, благодаря Бога за всех, как будто те величайшие благодеяния, которые они получили, получил он сам».

Так и всем надо благодарить Бога за других, видя преспеяние их в вере и любви. За совершенство их духовное благодарить Бога надо, а не завидовать, в совершенстве их видя славу Церкви. Об оскудении же таковых надо скорбеть и сокрушаться, и молить Бога, чтоб они не

сокращались в Церкви, а размножались, чтоб в ней всегда преобладали и сильно верующие, и многосведующие в вере, и многодействующие по вере.

Поминание о вас творя в молитвах моих. Всякий раз, как молюсь, поминаю вас; и всякий раз, как поминаю вас, благодарю Бога за вас, что дал вам веровать и жить по вере, чтоб и здесь быть причастниками всех благословений о Господе, и в будущей жизни. Но за одно Апостол благодарит, а другого просит. Чего именно, излагается в следующих стихах, – чтобы Бог глубже ввел их в созерцание таин спасения в Господе. Но и одно благодарение есть уже прошение. Благодарящий ценит дар; кто ценит дар, тот и пользоваться им будет как следует; умеющий же пользоваться дарами располагает Дарователя еще больше изливать на него милостей. Можно всю молитву ограничить благодарением, в той вере, что и даемое, и недаемое – все по благоволению Божию к нам. Он только знает, что одно хорошо дать, а другого лучше не давать. Таковый благоговейно стоит пред Щедродателем в благодарных всегда чувствах, ибо нет и момента, когда бы не пользовались мы Его милостями, и просить большего не дерзает, не вмешиваясь в тайны благоволения Божия к нам.

Так в отношении к себе. Благожелания же изъявлять другим и молить о них Господа и при

таком настроении не неуместно. Это есть плод любви и Божию раздражает любовь, оттого скороуслышно и плодоприносно. Но и то да ведается, что просящий о других не становится причиною дарования, а только споспешником его. Дарование все же от благоволения Божия и условливается должным расположением приемлющих. Когда в сих последних нет приятелища, все небо не вымолит для них ничего. Ибо не во что вложить просимого. Бог и без того всем желает всего доброго, а что не все то имеют, это уже не от Него.

Стих 17. *Да Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец Славы, даст вам Духа премудрости и откровения, в познание Его.*

О чем молится Апостол для ефесян, благодарно поминая об них в молитвах своих к Богу? — О том, чтобы Бог сподоблял их все более и более глубокого Боговедения и ведения таин домостроительства спасения. Они уже знали, приняв проповедь Апостола и уверовав, но ведению христианскому конца нет, не по сложности предметов, а по многообъятности сторон тех же предметов, ведение которых верою приемлется в начатках спасения. Изъявляя благожелание возрастания в христианском ведении, Апостол указывает производительные силы сего ведения — благодать Духа и сердце (17, 18), и предметы его, кои можно озаглавить так: каково значение и какова сила

христианства (18, 19). Хотя производительные силы ведения указывают уже и на предметы сего ведения, но святой Апостол и особо обозначает их. Недостаточно сказать в похвалу иному, что знает много и большого ума есть человек, надо определить предметы знания и направление ума.

Да Бог Господа нашего. Сам Спаситель по воскресении говорил Магдалине: *восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Ин. 20, 17), так и святой Павел называет Бога Отца Богом Господа нашего, имея во внимании Его человеческое естество. Хотя Лице в Спасителе едино — Лице Бога Сына воплощенного, но да не поглощаемо будет в мыслях человечество Его светлостию Божества, и Сам Он благоволил говорить о Себе нередко, яко о человеке, и Апостолам внушал делать то Дух Святой. «Сие сказано в смысле разделительном, — пишет Феодорит, — о нераздельном Богочеловеке, Который по воплощении не мог не сознавать Себя человеком, будучи вместе Богом». «Бог Господа нашего, — то есть яко человека, подобного нам по плоти», — толкует Феофилакт. Или: «Бог воспринятого человека», как выражается блаженный Иероним.

Исходя из такой мысли, некоторые и следующие за сим слова: *Отец славы*, толкуют не отступая мыслию от Господа, именно, что Бог Отец именуется здесь так, яко Отец Господа нашего по

Божеству, так как Господь наш яко Бог Сын есть *сияние славы и образ ипостаси* Отца (Евр. 1, 3). Так блаженный Феодорит: «Одного и того же назвал Апостол и Богом, и Отцом Иисуса Христа, — Богом Его, как человека, а Отцом — как Бога; так как *славою* наименовал естество Божие. Так и в послании к Евреям сказал: *Иже сый сияние славы* (Евр. 1, 3), то есть естества Божия». С этим согласно понимают блаженные Иероним и Экумений. Феофилакт приводит мнение святого Григория Богослова: «Григорий Богослов под *славою* разумеет Божество Единородного, так что одного и того же Христа один и тот же есть и Бог, и Отец: Христа, яко человека, Он есть Бог, а славы Его, то есть Божества, — Отец».

Другие, при слове — *Отец славы*, отходят мыслию от Господа Иисуса Христа и останавливаются вниманием на славе Божества вообще. Отец славы — восточное выражение, и значит — преславнейший, самая слава, что в совокупности с предыдущим будет: Бог Господа нашего — преславный — превеликий, необъятный и неизреченный в совершенствах, ибо слава Божия есть полнота величия Божеского, Божиих бесконечных совершенств. В других местах именуется Бог — Богом славы (Деян. 7, 2) или Царем славы (Пс. 23, 7), как Бог всяческих, преисполненный славы и величия. Но как мы Бога познаем наиболее из дел Его, то к постижению славы Его восходим от

познания славных дел Его. Отец славы в сем отношении будет — источник всего преславного, что ведаем мы в делах Божиих, Бог, всегда делающий только преславное, совершеннейшее, наилучшее, и в будущем преднамеревающий тоже одно преславное. Бог — Отец славы, яко явивший и являющий славу Свою тварям разумным в делах Своих преславных, творении, промышлении, искуплении, устроении благодатного Царства и уготовании вечной славы для верующих.

Святой Златоуст говорит: «*Отец славы*, то есть Отец, даровавший нам великие блага. Богом славы называет он Его всегда за происходящие от Него блага, как, например, когда говорит: *Отец щедрот и Бог всякия утехи* (2 Кор. 1, 3), и как еще Пророк сказал: *Господь крепость моя и прибежище мое* (Пс. 17, 3)! *Отец славы*, — Апостол не находит такого союза, которым бы мог вполне изобразить уготованные Богом блага, и везде называет их славою, как словом, означающим для нас всякого рода величие». Подобно сему и Экумений: «Судя по предметам, о коих речь, Апостол разно именует Бога: то Богом щедрот, то Богом мира, то Богом сил. Здесь именует он Его Отцом славы, — ради того, что Он величайшую даровал славу и честь роду человеческому (и всякого рода духовные блага), кои общим именем называет славою. Сей славы именует Он Его Отцом, и как бы Творцом и Устроителем».

Итак, поелику Апостол молится здесь о даровании познания Бога, предивного и преславного, и в Себе Самом, и в делах Своих, – во свете неприступном живущего, Которого никто из людей не видел и видеть не может, а следовательно, и познать как должно, кроме тех, кому волит Он открыти, – то и назвал Его Отцом славы.

Да... даст вам Духа премудрости и откровения. – Первая производительная сила христианской премудрости, Дух – дар премудрости и откровения от Духа Святого, в чистые сердца верующих влагаемый. Премудрость может быть понимание христианских истин, очерк которых сделан Апостолом выше, а откровение может быть прозрение в тайны веры. Или откровение означает, как дается ведение или мудрость христианская: воссиявает внутри свет, и ясно становится, а до того сколько ни ломают головы, плода мало. Дух премудрости – источник, сила учащая, а откровение – образ сообщения, научения от Духа. Есть моменты, когда Богу угодно бывает открывать очам ума ту или другую тайну веры; хотя она и прежде ведома бывает в слове и понятии рассудочном, но не во внятии сердцем и не в сорастворении с умом.

В познание Его, – или Бога, или Господа Иисуса Христа; но как Они нераздельны, то того и другого, – то есть Бога в Себе Самом и в делах, – наипаче же в деле спасения, о коем пред

сим рассуждалось. — Но разве ефесяне не знали? — Знали, но познания имеют разные степени, и предметы духовные имеют разные стороны. Есть стороны в них более к нам близкие и явные и есть более отдаленные и сокровенные. Первые постигаются при первом оглашении Евангелием; последние открываются потом по мере преспеяния в жизни христианской и очищения сердца. И теперь — начатки познания вычитать можно из Евангелия и Апостольских писаний, но настоящее ведение христианское и доселе имеет один источник — благодатный Дух премудрости. Никто не может восхитить сам то, что подается только сим Духом.

Святой Златоуст говорит: «*Да даст вам* (Духа премудрости), то есть да возвысит и воскрылит ваш ум, потому что в противном случае нельзя познать этого. Ибо *душевен человек не приемлет яже Духа Божия: юродство бо ему есть* (1 Кор. 2, 14). Значит, чтобы понимать духовное, видеть сокровенное, для этого нужна и мудрость духовная. Дух открывает все, разъясняет самые тайны Божии. Ведение тайн Божиих принадлежит одному Духу, Который *испытует и глубины Божия* (1 Кор. 2, 10); и ни Ангел, ни Архангел, ни иная какая сотворенная сила не подаст, то есть не доставит вам этого дарования. Если же это есть плод откровения, в таком случае излишни все умствования. Потому что

углубившийся в созерцание Бога и познавший Его ни в чем не усумнится, не будет говорить: вот это возможно, а это невозможно; не будет рассуждать, каким образом то или другое могло случиться. — Если бы и мы познали Бога как должно, если бы и мы научились этому от Духа Святого, от Которого и должно учиться, тогда уже ни в чем бы более не сомневались. — Наученный Богопознанию от Духа Святого, ни в обетованиях не усумнится, ни обнаружит неверия в то, что уже было. Вот почему он и молится о даровании им Духа премудрости и откровения».

Стих 18. *Просвещенна очеса сердца вашего, яко уведети вам, кое есть упование звания Его, и кое богатство славы достояния Его во святых* (стих 19) *и кое преспеющее величество...*

Вторая производительная в деле христианского ведения сила есть сердце чистое, в коем от действия благодатного дара премудрости и откровения разверзаются очи видети. Кто сего сподобляется, у того являются просвещенные очи сердца. Святой Павел молится, да дарует их Бог ефесянам.

Дух премудрости и откровения и сердце очищенное — разны: тот — свыше от Бога, это — от нас. Но в акте образования христианского ведения они нераздельно сочетаваются и только совместно дают ведение. Сердце, как ни очищай (если можешь без благодати), не даст мудрости,

а дух премудрости — не придет, если не уготовано ему в жилище чистое сердце.

Сердце — здесь не в обычном смысле; а в смысле внутреннего человека. Есть в нас внутренний человек, по Апостолу Павлу, или потаенный сердца человек, по Апостолу Петру. Это Богоподобный дух, вдунутый в первозданного. Он не сокрушимым пребывает и по падении. Отправления его суть *страх Божий*, в основе коего лежит уверенность в бытии Бога с сознанием полной от Него зависимости, *совесть* и *недовольство* ничем тварным. — Эти проявления духа видимы у людей на всех степенях их образования и по всей земле. Назначение духа, как дают разуметь отправления его, есть держать человека в соотношении с Богом и Божественным порядком вещей, помимо всего окружающего его и текущего окрест его. Чтоб исполнить как должно такое назначение, ему естественно должно принадлежать ведение Бога и Божественного порядка, и того лучшего бытия, чутье которого свидетельствуется недовольством всем тварным. Оно, надобно полагать, и было в первозданном до падения. Дух его ясно зрел Бога и все Божеское, — так ясно, как ясно видит кто здравыми очами вещь пред собой. Но с падением очи духа закрылись, — и он уже не видит, что видеть было ему естественно. Сам дух остался, и очи в нем есть, — но закрыты. Он в таком положении, в каком тот, у кого бы

веки срослись. Глаз цел, жаждет света, ищет, как бы увидеть его, чуя, что он есть; но сросшиеся веки мешают ему открыту быть и прямо войти в общение со светом. Что дух в таком положении в падшем, это до осязательности очевидно. — Зрение духа человек хотел заменить умозрением, отвлеченнейшими построениями ума, идеальничанием, но из этого ничего никогда не выходило. Свидетельство тому — все философские метафизики. Пересмотревши их все, получим только удостоверение, что есть что-то высшее, лучшее, совершеннейшее, нежели что видит глаз и до чего можно доходить операциями рассудка, а что такое — не досязаемо для ума. О том у нас — одни гадания, которые не представляют духовных, Божественных вещей в том виде, в каком они есть сами в себе*. Дух у всех есть, но у всех закрыт и забит в разных, однако же, степенях, смотря по преобладанию над ним телесно-душевных стремлений и навыков, по указанию и увлечению их. Божественная благодать, зовущая ко спасению в Господе, действует прямо на дух. И он, укрепясь воздействием благодати, приходит в движение, возвышается над душевнотелесностию, увлекает их вслед себя и делает, что человек всем своим существом решает — быть с Господом

* Это состояние полно изображено в послании святого Исаака Сирианина к преподобному Симеону Чудотворцу. Слово 55-е. — *Авт.*

и ходить по воле Его. Проходит до духа благодать чрез слово Евангелия. Потом, когда в человеке совершится то, что должно быть совершено его пробужденным благодатию духом, тогда по учреждению Божию на земле во спасение наше он сподобляется таинств – крещения или покаяния, – и благодать Божия вселяется в него, срастворяется с его духом, сочетаваясь воедино.

С минуты первого действия благодати на дух очи его начинают открываться, а по восприятии благодати в таинствах они совсем становятся отверзтыми. Смотрите, как у новокрещенного или только что покаявшегося живо соотношение к Богу; как чутка его совесть, как верно оценивает он все настоящее и, минуя его, зрит чаянием только невидимое будущее. Дух начал зреть духовное, Божественное, как тот, кому операциею разъединены веки и глаза открыты, начинает видеть окружающее. Но зрение и телесное имеет степени, тем паче духовное. Упражнение зрения дает видеть все большее и большее; обозревать все шире и шире, дальше и дальше. Так и в духе, первый абрис духовного, принятый в оглашении, в общем очерке, все более и более уясняется, узреваются подробности, замечаются предметы в первом взоре закрывавшиеся другими. Когда-то дойдет он до того, чтобы все озреть и ходить в сем зрении, как в раю?!

Все, что можно духу нашему узреть, при крайнем его усилии и при обильнейшем действии благодати, — все то открыто нам в писаниях апостольских и пророческих. Открыто: но не всяким видится вдруг, как только откроет он Библию. Узревание того или другого, даже в словах нередко читанных и обдумыванных, производит руководящая спасаемого благодать. Но если б дух наш, под действием благодати, узрел и все, возможное узревать в настоящем нашем состоянии, — все это будет сравнительно с тем, что и как узрится в будущем, только зрением, похожим на смотрение сквозь тусклое стекло. *Не у явися, что будем* (1 Ин. 3, 2).

Намеренно излагаем всю эту историю духовного зрения, чтоб точнее определилось, чего желает святой Павел ефесянам, молясь, чтоб Бог дал им просвещенные очи сердца. Он желает, чтоб они были возведены до ясно-зрения духовного, Божественного порядка вещей (экономии спасения), сколько то возможно для нас на земле, ибо желает, чтобы то, что сам он зрит, зрели и они, — но выше Апостольского зрения не было и не будет.

Три предмета узреть желает святой Павел ефесянам просвещенными очами сердца: 1) что дается христианам тотчас за последованием их гласу звания, и вообще здесь еще, на земле; 2) какое славное и богатое достояние ожидает их в будущем;

3) как много иждил Бог силы на устроение спасения верою и образование верующих. Так у блаженного Феодорита: «Умоляю, чтобы зрение ума (духа) вашего озарилось мысленным светом, и могли вы как познать, к чему мы призваны (1), так предуведать величие обетованных благ (2). Но, говоря плотским языком и будучи не в состоянии, как хотел бы, прославить Владыку и показать величие даров, божественный Апостол собирает вкупе многие именования, усиливаясь, по мере возможности, выразить это. Посему слагает вместе выражения: *упование звания, богатство славы достояния, благоволение воли* и иное, сему подобное. Сказал же: *преспеющее величество силы*, представив в уме бесчестие креста и помыслив, что совершено им. Ибо сие и присовокупил: *по действу державы и крепости Его*, — и проч.» (3).

Все это предметы, которых познать и душеспасительно содержать никто не может, кроме тех, у которых благодать Божия делает очи сердца (внутреннего человека) просвещенными. Блаженный Феофилакт пишет: «*Просвещенна очеса... яко уведети*... то есть да даст им дар — быть просвещенными чрез Духа. Ибо если Дух не откроет сокровенных таинств, другим каким-либо образом невозможно научиться им. Ибо Он один, — и никто другой, ни Ангел, ни Архангел, — *испытует вся и глубины Божия* (1 Кор. 2, 10). *Душевен же человек не приемлет яже Духа*

Божия (14). Итак, когда Духом откроются нам тайны, тогда мы вступаем в состояние Боговедения, просвещаются очи наши, и мы уже не колеблемся сомнениями, но видим все, как есть». — То есть тогда исполняется над нами апостольское благожелание: *яко уведети вам.*

Кое упование звания, и *кое богатство славы* можно относить и к одному и тому же, то есть будущему славному состоянию верующих. Но можно и различать, относя *упование звания* к тому, что тотчас обещается зовомым проповедию Евангельскою, и тотчас, по уверовании и приятии таинств крещения и миропомазания, дается, а богатство славы относя к будущему прославлению верующих. Что обещается зовомым, если последуют званию? — Отпущение грехов, благодать Святого Духа к стяжанию святости и сынноположение, как предызбрание к вечному блаженству. Все сие тотчас и дается, как только последует кто званию, и справедливо может быть названо упованием *звания* в отличие от упования славы, означаемого здесь — богатством славы достояния во святых. Тут то же происходит, что у хозяина, который зазывает работников и дает им что-нибудь еще прежде начала работ, как только они согласятся у него работать, удостоверяя, что расчет полный будет по конце работы. Так и Господь зовет к Себе на работу — жить по воле Его, и тотчас дает оставление грехов, благодать и

усыновление. Кто потрудится как должно, тому в другой жизни делается полный расчет, или полная награда, которая уже будет не по труду, а по широте милости Божией, которая трудом только как поводом воспользуется для обогащения работавших нескончаемыми благами.

Сии нескончаемые блага именует Апостол *богатством славы* достояния, или богатою славою наследия, или, как выражает святой Златоуст, «...славою неизреченною. В самом деле, чье слово в состоянии представить ту славу, которой сподобятся некогда святые? — Конечно ничье. Чтоб уразуметь это, для сего человеческому уму поистине нужна благодать,— нужно, чтобы он воспринял хотя малый луч (духовного света)».

Оно названо наследием, поколику уготовано тем, кои усыновлены (Феофилакт). Чем вместе подтверждается и несомненность в получении его, ибо сын, пока — сын, несомненно есть наследник, и получит наследство, как принадлежность неоспариваемую. Надлежит только сохранить в себе, или за собою, качество сыновства Богу. Посему-то Апостол и прибавил: *во святых*. Званные, если пребудут святы и непорочны и удержат чрез то достоинство сынов Божиих по благодати, несомненно наследят богатую и неизреченную славу в вечности.

Стих 19. *И кое преспеющее величество силы Его, в нас верующих по действу державы крепости Его.*

Преспеющее — превосходящее меру, слово, постижение ума, безмерное, неизреченное, непостижимое. *Величество силы* не одно множество или величину силы означает, но и что эта великая сила величественна, божественна, представительна, пресветла, великолепна. И такую-то силу явил Бог на нас, верующих, или вселил в нас, верующих, — *третий предмет*, узреваемый просвещенными очами сердца после узрения преимуществ христианства и богатой славы, ожидающей христиан в будущем.

Посмотрите на христиан. У них все — там; здесь — одни неудобства, скорби и страдания. Какая немощная и уничиженная вера, подумает иной! — Так кажется снаружи, в духе же нет сильнее веры. И чувство такой силы ее дается сердцу просвещенному. Оно чувствует силу в себе, в Господе Иисусе Христе, во всей общности христиан, или в Церкви Христовой. Обращение к Господу совершается знамением силы Божией, впечатлительно воздействовавшей на дух человека. Хранение в вере верных тоже совершается Божиею силою, нередко очевидно открывающеюся. Господь изрек: *не восхитит их никтоже от руки Моея. Отец Мой болий всех есть* (Ин. 10, 29). Присутствие особой силы среди христиан

первоначально было столько ощутительно, что сие наводило ужас на всех бывших окрест. Чем больше открывается сия сила сердцу, тем крепче вера. Почему уведети сие, или уведывать паче и паче и желает Апостол ефесянам.

Величество силы явлено Богом в устроении нашего спасения, ибо для сего Сын Божий воплотился, страдал, умер на кресте, воскрес и воссел одесную Бога Отца и приял всякую власть на небеси и на земли; для сего Дух Святой снисшел и чрез Апостолов устроил Церковь Божию, в коей и действует непрерывно и не престанет действовать до скончания века. Величество силы Его является и в обращении людей к вере во Христа Господа, когда Он идолопоклонников делает чтителями Бога истинного, пьяниц — трезвыми, блудников — чистыми, гордых — смиренными, гневливых — кроткими; когда берет сердце грубое, плотское, зверское и делает его нежным, духовным, ангелоподобным (Иероним).

На эту силу, являемую в устроении спасения, в призвании к вере и в хранении верующих, и указывает здесь святой Павел, моляся, чтоб Бог дал ефесянам вполне ее постигнуть и содержать в сердце.

«Пред этим помянул Апостол об имеющем быть (*богатство славы достояния*); теперь говорит о том, что уже совершилось, чтоб этим последним удостоверить в том первом. Что же это

такое? — То самое, что мы веруем; ибо воистину великой силы Божией доказательство есть то, что мы, столько дикие и звероправные, уверовали в Бога и любомудрствуем о небесном» (Экумений, Феофилакт). «Безмерное величие неизреченной силы Его и на нас верующих показывается. Как? — Так, что нас, у которых все чувства были умерщвлены страстями и которых самый помысл был в них похоронен, Он воскресил и оживил, сподобив нас приятия света веры. Поистине в этом — держава крепости Его. Посему и молится Апостол уведети сие ефесянам духом премудрости. Ибо коль скоро уразумеем, чем облагодетельствованы, то и дар будем выше ценить, и к Благодателю будем питать большую благодарность» (Фотий у Экумения).

«Возбудить веру в душах гораздо труднее, чем воскресить мертвого. Как так? Постараюсь сделать это ясным. Послушай, в самом деле, Христос сказал мертвому: *Лазаре, гряди вон* (Ин. 11, 43) — и мертвец повиновался. Сказал Петр Тавифе: *Тавифо, востани* (Деян. 9, 40) — и та не противоречила. Скажет Господь в последний день — и все восстанут, и восстанут с такою быстротой, что остающиеся еще в живых не предупредят умерших, и все это совершится и окончится в самократчайшее время, в одно мгновение ока. Но не так бывает в деле обращения к вере. А как же? — Послушай опять, что говорит Господь:

кольктраты восхотех собрати чада твоя... и не восхотесте (Лк. 13, 34). Теперь понимаешь, что труднее? Посему-то Апостол верою и доказывает все. В самом деле, гораздо труднее, — даже по человеческим соображениям, — убедить свободу человека, чем создать природу. Причина же сего заключается в том, что Бог желает, чтобы мы сами добровольно делались добрыми. Таким образом, Апостол совершенно справедливо видит *преспеющее величество силы* Божией *в нас верующих*. Когда пророки ничего не успели, когда Ангелы, Архангелы, когда вся тварь видимая и невидимая оказались не в силах помочь спасению человеческому, тогда благоволил явиться Сам Бог, показывая этим, что в деле обращения к вере нужна сила Божественная» (святой Златоуст).

По действу державы крепости Его. Держава, — κράτος в Боге, — вседержительство, *крепость*, — ἰσχύς, — сила; держава крепости будет вседержительство сильное, или всемогущее, или вседержительная сила Божия. *Действо* — ἐνέργεια, — проявление сей силы в делах. *По действу державы крепости* — по действию вседержавного всемогущества Божия.

Что же хочет сказать сими словами святой Павел? — Это решится судя по тому, к чему отнесем слова сии. Если отнести их к непосредственно стоящим впереди — *в нас верующих*, то получится мысль, объясняющая, как мы уверовали.

Именно: в устроении нашего спасения Бог явил всемощное вседержительство Свое. Уведение такого проявления силы Божией нас ради, воздействуя на сердце, возбуждает веру, а памятование о том поддерживает веру, возгревая ее постоянно. Будет: *в нас, верующих* по воздействию на ум и сердце наше проявленной Богом чрезмерной силы Его в устроении спасения нашего. Следующие стихи объясняют, в чем именно проявлена эта сила.

Если относить сии слова к — *кое преспеющее величество силы*, то получится мысль, объясняющая, из чего видно это величество силы. Оно видно из действия державной крепости Божией. Третий предмет, который узреть ефесянам просвещенными очами сердца молит святой Апостол, — есть уведение безмерного величества силы, истраченной на верующих. Как могут они дойти до узрения сего? — Судя по проявлениям, или следя за проявлениями державной крепости Его, *юже содела*... проявленной в воскресении и посаждении одесную Себя Господа Иисуса Христа и в возглавлении Им Церкви.

Экумений приводит слова блаженного Фотия патриарха, подробно объясняющие это изречение Апостольское. «Слова: *по действу*... и проч. *или* то означают, что воскресение наше от душевной смерти и воскресение Христа и Бога нашего от смерти телесной суть дело одинаковой силы и

действа. *Или по действу...* говорит, показывая причину нашего возбуждения, — причину то есть, по коей уверовали и воскресли мы от душевной смерти. Ибо действо... *крепости, юже содела о Христе, воскресив Его,* и проч. было причиною того, что мы уверовали и возникли от прежней прелести. Он воскрес, потому что умер; умер, потому что воплотился; воплотился же, чтобы нас усыновить Богу. И все сие суть действа Того, Кто воскресил Его из мертвых. Итак, *по действу* говорит, чтобы сказать: по причине действа державы крепости Его. Ибо по ней и чрез нее мы и веруем и спасаемся. *Или,* говоря так, он объясняет, — *кое преспеющее величество силы Его в нас верующих,* — тем, что, воскресив Христа и посадив одесную Себя, Он начаток наш посадил выше всякого Начала и Силы, и Власти, и Господства. Ибо в том действительно обнаруживается преспеющее величество силы, — чтобы земное естество возвысить превыше небес, сделать покланяемым от бесплотных чинов. Поняв так смысл Апостольского изречения, ясною сделаем и всю последующую речь».

Последнее понимание ближе к течению речи. Поясняет Апостол, в чем явлена чрезмерная сила Божия, и указывает, как по сим проявлениям, как по следам, можно взойти к узрению сей силы полными глазами. И не главное ли намерение у Апостола — на этом остановить внимание ефесян

и вперить ум их в созерцание сего? — Он хочет передать им, что сам созерцал. Что сам созерцал, это кратко очертил он в начале, благословив Бога за всякие благословения во Христе, — за избрание нас прежде сложения мира к святости и непорочности, и за усыновление Себе, и особенно за дивное возглавление всяческих в Господе. Теперь выражает сильное желание, чтобы и ефесяне вошли в то же созерцание, и просит Бога, чтобы Он открыл их очи сердечные — узреть высокое достоинство христианства, неизреченность благ, уготованных верующим, — особенно же безмерную силу, явленную в устроении нашего спасения. — Помянув о таком явлении силы, он далее объясняет, как именно она явлена, — в лице Иисуса Христа (20—23), — и в лице всех верующих (гл. 2 и 3).

II.

Стихи 20 и 21. *Юже содея о Христе, воскресив Его от мертвых, и посадив одесную Себе на небесных, превыше всякаго начальства и власти, и силы, и господства, и всякаго имене именуемаго не точию в веце сем, но и во грядущем. И вся покори под нозе Его...*

Излагая свое созерцание, он говорил, как Бог облагодатил нас о Возлюбленном, особенно чрез возглавление в Нем всяческих. Вводя в то же созерцание ефесян, он указывает им в том же

безмерное величие силы Божией. Может быть, для немощных умов их этим путем легче было взойти к созерцанию и обилия благодати Божией.

Апостол говорит здесь о воскресении Господа, Его восседении одесную Отца с покорением всего небесного и земного, и возглавлении Им Церкви — только в том отношении, как всем этим проявляется державная крепость Божия. С этой преимущественно стороны и смотрят на сие отделение (ст. 20—23) наши толковники.

Блаженный Феодорит пишет: «Явно, что все сие сказал Апостол о Христе как о человеке. Ибо сие и привело его в изумление. Богу совосседать с Богом, и Сыну соцарствовать со Отцом нимало не удивительно, потому что с тождеством естества совокупно и общение власти. А что воспринятое от нас естество приемлет одинаковую с Восприявшим честь и не оказывается никакой разности в поклонении, но в поклонении естеству видимому воздается поклонение невидимому Божеству,— сие превыше всякого чуда. Посему-то и божественный Апостол, изумевая пред сим, песнословит сперва *преспеющее величество силы*, а потом *действо державы крепости*, и изыскивает именования, которые могли бы выразить необычайность дела. Ибо говорит: сперва воскресил Его от мертвых, явно, яко человека, потом: посадил, и, показывая величие чести, присовокупил: *одесную Себе*. Указует и царский чертог: *на*

небесных, а потом и подданных: *превыше всякаго начальства и власти*, и, исчислив все, какие известны, имена невидимых Сил, присовокупил, что если не знаем иных, узнаем же после, в будущей жизни, то они все покорены Ему. Присоединил и пророческое свидетельство: *вся покори под нозе Его* (Пс. 8, 7). А и сие Пророк сказал о Христе, как о человеке, ибо говорит: *что есть человек, яко помниши его? Или сын человечь, яко посещаеши его*? (5)».

Святой Златоуст говорит: «Видишь ли, что Он совершил? – Воскресил Христа. И это уже не маловажное дело; но смотри, что и еще Он сделал? – Посадил Его одесную Себя. Какое слово может довольно изобразить это? Сущего от земли вдруг возвел на такую высоту. Истинно, непостижимое величие силы Его! – И смотри, куда Он возвел Его? – Посадил Его *на небесных*, превыше всякого сотворенного естества, превыше всякого начальства и власти. Посему, поистине, нужен Дух благодати, нужен ум просвещенный, чтобы познать Его, словом, для этого нужно откровение. Представь, сколь велико расстояние между человеком и Божественною природою: между тем, Он от сей (человеческой) малости возвел Его в оную (Божескую) честь. Не одну, не две, не три степени нужно перейти для сего. Посему-то и Апостол не просто сказал: выше, но – превыше. Выше Сил высших – один Бог.

И на такую-то высоту Он возвел сущего от нас, — уничиженного Он возвел на последнюю степень власти, за которою уже нет другого высшего достоинства. Все сие говорит Апостол о воскресшем из мертвых, а никак не о Боге Слове, — говорит об Иисусе, происшедшем от нас. Это подлинно велико и чудно, что Он из преисподних земли возвел Его, — соделал Его *выше всех не точию в веце сем, но и в грядущем. И вся покори под нозе Его*. Не просто сказал: сделал превыше всех, чтобы предпочесть им, — не в смысле сравнения употребил это слово; но даровал Ему такую честь, какую имеет господин перед своими рабами. О, подлинно дивные дела! Через то, что Бог Слово облекся в наше естество, человеку вся сотворенная сила соделалась служебною. — Но, может быть, есть кто-нибудь выше Его, у кого хотя нет подчиненных, но который обладает большим достоинством? — Здесь и это неприложимо: *вся*, утверждает Апостол, *вся покори под нозе Его*. И не просто покорил, но покорил подчиненных совершенно, так что большего подчинения быть не может. Посему-то Апостол и сказал: *под нозе Его*».

Этими двумя выписками вполне объясняется смысл стихов 20 и 21. — Остается пояснить некоторые речения.

О воскресении и посаждении одесную говорится здесь, как о действиях проявления неизреченной

силы Божией в устроении спасения. Уничиженным пребывал Спаситель на земле; уничиженно кончил земное житие. Так было нужно по домостроительству спасения. Но на это не смотри, а смотри на то, на какую высоту возведен Он путем сего уничижения. Чем уничиженнее Он виделся на земле, тем очевиднее держава крепости Божией в возвышении Его превыше всего. Воскресение стоит как бы на переходе к тому. Посаждение же одесную есть облечение полною вседержительною властию Спасителя, яко Богочеловека.

Воскресение и посаждение одесную относится здесь к Богу Отцу; но оно есть нераздельное действие Божества — Пресвятой Троицы. И Сам Сын в Нем столько же участвует, сколько Бог Отец и Бог Дух Святой. — Посаждение одесную есть облечение властию Божескою, вседержавною. Бог Сын и в воплощении не переставал быть Вседержителем, как был и Творцом всего. Апостол хочет сказать, что в сие вседержительство введено и человеческое естество в лице Христа Господа, будучи прославлено в воскресении. Не яко Бог Господь стал выше всего и Владыкою всего, — ибо и не переставал быть таким, но яко Богочеловек. Лице Спасителя — одно. И в самом уже воплощении Он был Вседержитель и яко человек. Но для введения человеческого естества в сие державствование надлежало прежде

прославить Его воскресением. Человек – малый мир. Он сосредоточивает в себе все тварные силы. В прославленном человечестве в лице Богочеловека силы сии стали браздами правления и вместе каналами для прохода восстановительных сил Спасителя во все области миробытия. Все сие необходимое следствие воплощения Бога Слова. Когда это решено было в совете Божием, то все должно было прийти само собою.

Начала, Власти, Силы и Господства, над коими возвысилось человеческое естество в Господе, суть не земные власти – цари, первосвященники, – как кому-то приходило на ум, а небесные. Апостол перечисляет Ангельские чины не все, – ибо не об этом речь, – а некоторые, давая чрез них то же разуметь и о прочих всех. Он как бы говорит: выше этих, но и выше всех других, выше всего, что есть, кроме Бога, как показывают слова: и выше *всякаго имене, именуемаго не точию в веце сем, но и в грядущем*. Имя здесь – достоинство, как у нас говорят: человек с именем. Разумеет Апостол все, что имеет имя, что выдается из ряда других. Выше всего того есть Спаситель, восседший одесную Отца. Тут же видна и та мысль, что Он стал выше всего нам известного – Начал, Властей, Господств, Сил (и Престолов еще, как прибавляет Он в послании к Колоссянам – 1, 16), и выше всего нам теперь неизвестного, что откроется нам впоследствии –

здесь, или в будущем веке (святой Златоуст, Феофилакт, Экумений и др.), вообще выше всего, что бы кто ни назвал.

Стих 22. *И вся покори под нозе Его* — означает *или* то, что не только выше всего стал, но и Владыкою всего стал, — как бы в усиление только той же мысли, выраженной уже в посаждении одесную Отца; *или* то, что и все видимое покорил Ему под ноги. В предыдущих словах сказал о невидимом мире, а здесь о видимом, физическом. На это может наводить заимствование сего выражения из псалма, в коем говорится о возвышении человека в творении над всеми тварями (Пс. 8, 7). Все было человеку покорно на земле. В падении он потерял сию власть. В восстановлении падшего она ему возвращается, как показали многие опыты. Но в Восстановителе она стала присущею не только относительно земли, но и относительно всего видимого мира. Так необходимо стало в силу дивного домостроительства спасения чрез воплощение Бога Слова.

И Того даде главу выше всех Церкви (стих 23), *яже есть тело Его, исполнение исполняющаго всяческая во всех.*

Мог бы подумать иной: пусть человек в лице Господа стал выше всего; нам же что от того? — То, что Бог, возвысив так естество наше в лице Спасителя, не оторвал Его от нас, но дал главою Церкви, которая есть тело Его. Если достоинство

главы отражается на теле, то возвышение главы есть возвышение и тела, то есть и нас всех, верующих, составляющих тело Церкви. Какое воодушевление для сознавших сие?! – Святой Златоуст и взывает при сем: «Ах! и Церковь куда Он возвысил? Как бы некоторою машиною поднявши ее, Он возвел ее на высоту великую и посадил ее на том же престоле: ибо где глава, там и тело».

Выше всех – ὑπὲρ πάντα. Под πάντα разумея все классы существ, можно так: все Ему покорено; но главою Он есть только Церкви. Минуя все другие твари, Бог сделал Его главою только Церкви, ввел в живой союз только с Церковью. Или ὑπὲρ πάντα – то же что в другом месте: над всеми же сими (в значении ἐπὶ). Перечислив добродетели, Апостол заключил: над *всеми же сими стяжите любовь* (Кол. 3, 14). Так и здесь. Возвысил Бог человечество в лице Спасителя; но выше всего то, что Он дал Его во главу Церкви. Святой Златоуст и говорит: «Что значат слова *выше всех*? – То ли, что Христос выше всего видимого и созерцаемого (духовного), или то, что высшее из всех благодеяний, оказанных Им, то, что Сына Своего соделал главою, не оставив при этом выше ни Ангела, ни Архангела, ни другого кого-нибудь. Не одним только тем преимуществом Бог почтил нас, что сущего от нас (то есть Иисуса Христа) возвел горе, но еще и тем, что

предуготовал то, чтобы весь вообще человеческий род последовал за Ним, имел то же, что Он, и наследовал Его славу».

Выше в слове: *возглавити всяческая* (10) давалась мысль, что расстроенный падением чин бытия, или строй всех классов существ, восстановлен в лице Спасителя-Богочеловека. В Нем все обрело центр взаимного союза. И стал Он главою вседержащею. Поелику стихи 20—23 — стоят в параллели со стихами 7—11, то ту же, вероятно, мысль держал в уме Апостол и при слове: *Того даде главу выше всех церкви*. В силу воплощения Он есть глава Церкви; но как воплотившийся есть Бог, то Он есть глава и всего сущего, но так, что выше всякого главенства Он все же есть преимущественно глава Церкви.

Слова: *яже есть тело Его* — указывают на живой союз с Ним всех верующих, составляющих Святую Церковь. Как члены нашего тела с головою составляют один живой организм, водимый главою, так верующие, крещением втелесяемые Христу, как главе, с Ним образуют один телесно-духовный организм. — *Или не весте*, говорит Апостол в другом месте (1 Кор. 6, 15), что *тела ваши суть уды Христовы*. Крестящиеся во Христа облекаются, становятся един дух с Ним.

Он в них действует — и в совокупности, и по частям, и всем движет, как глава, — созидательная

и живительная сила. Иначе нельзя сему быть по тому устроению спасения, которое благоволил совершить Триипостасный Бог. — Отпали мы. Бог Слово восприемлет человечество, чтоб опять воссоединить его с Богом. В Нем Самом оно уже состоит во всестороннем общении с Божеством. Люди же вступают в сие общение чрез Него, с Ним единясь внутренно и существенно. Это единение каждого с Ним член за членом прилагает к Нему. Количество соединяемых с Ним растит вокруг Его члены, кои, быв исполнены Им, единым созидательным и живительным началом, и сами в себе единятся, составляя союз, совершенно сходный с союзом членов в теле. Истинно верующие в Господа необходимо суть тело, и тело Его.

Исполнение исполняющаго всяческая во всех. Слова сии темноваты и дают разные мысли. — К кому относить *исполнение* — к Церкви или к Господу? — Можно относить и к Господу, ибо о Нем идет речь. Можно относить и к Церкви, потому что непосредственно впереди помянуто об ней. Если отнести к Господу, то мысль будет та же, что в другом месте, в словах: *яко в том живет всяко исполнение Божества телесне* (Кол. 2, 9). Исполнение и здесь по-гречески τὸ πλήρωμα, как и в нашем месте. Вместо *Божества* в нашем тексте стоит — *исполняющаго всяческая во всех*. Ибо это свойственно только Богу. — Будет такая

мысль: Бог дал такую главу Церкви, которая выше всего, ибо сама есть полнота Божества, полнота Того, Кто наполняет Собою все.

Если отнести к Церкви, то мысль будет двоиться, судя по тому, кого будем разуметь под исполняющим всяческая во всех — Бога Отца или Господа Иисуса Христа. — Если Бога Отца или вообще Божество, то мысль будет: Бог все наполняет, но души и сердца отпадших людей не наполняет, ибо они закрылись для Него. Верою в Господа Иисуса Христа они отверзаются, и Божество входит в них и исполняет их. Все верующие составляют Церковь и, быв исполнены Богом, ее делают исполненною Им. Так понимает блаженный Феодорит: «Церковию называет Апостол собрание верующих; ее нарек он телом Христовым и исполнением Отчим; потому что Отец исполнил ее всяких дарований, и в ней, по пророческому слову, живет и ходит (Лев. 26, 12). Во всей точности совершится сие в будущей жизни. Так научил нас Апостол в послании к Коринфянам. Ибо сказав: *последний враг испразднится смерть,* и: *вся покори под нозе Его* (1 Кор. 15, 26—27), напоследок присовокупил: *да будет Бог всяческая во всех* (28). — Бог и в настоящей жизни во всех, так как естество Его неописанно, однако же не всяческая во всех, потому что одни злочестивы, другие беззаконны, а Бог обитает в боящихся Его и в уповающих на милость Его. В жизни же

будущей, когда смертность прекратится, даровано будет бессмертие, и греху не станет более места, Бог будет *всяческая во всех*».

Если разуметь под «исполняющим» Господа Иисуса Христа, то слова: *исполнение исполняющаго всяческая во всех* будут продолжением той же мысли, какая содержится в словах: *яже есть тело Его*, поясняя ее, давая ей дальнейшее движение и приложение. Святой Златоуст говорит: «Чтобы ты, услышав слово “главу”, не принял Его в значении только власти, но в смысле собственном, — не счел Его только начальником, но видел в Нем действительную главу, Апостол прибавляет: *исполнение исполняющаго всяческая во всех*. Апостол считает как бы недостаточным название главы для того, чтобы показать родство и близость Церкви ко Христу». — Показать родство и близость... то есть показать, что в Церкви и христианах все Христово. Она полна Христом; Он ее наполняет всю, во всем составе и во всех членах по частям, — и в ней, и в членах ее Он все исполняет. В таком случае слова сии переложить можно так: *яже есть тело Его, — полнота Его, исполняющаго все во всех* (членах ее). Его — свет ведения, присущего Церкви, которым Он исполняет ведцев. Его — святость, которою Он исполняет ревнителей святости. Его — благотворения, любовию к коим исполняет Он благотворителей. Его — всякие другие дарования духовные,

видные в Церкви, ибо Он ими исполняет способных вмещать их верующих. В Церкви — *всяческая и во всех Христос* (Кол. 3, 11).

Особый оттенок получает эта мысль, если исполнение поймешь, как восполнение, или пополнение. В таком случае слова Апостола будут внушать, что Церковь дополняет Христа. Как это? — Вот решение на это святого Златоуста: «Но что значат его последние слова (то есть *исполнение* и проч.)? — Они значат, Церковь есть исполнение Христа, точно так же, как голову дополняет тело и тело дополняется головою. Видишь, Апостол не пренебрегает никаким сравнением, пользуется всяким оборотом речи, чтобы представить Божию славу. Исполнение, говорит, то есть как глава пополняется телом, ибо тело составляется из всех членов и каждый член необходим. Видишь, Апостол представляет, что для Христа, как главы, нужны все вообще члены... Тело Его вполне составляется из всех членов. И значит: тогда только исполнится глава, когда устроится совершенное тело».

Так и Экумений с Феофилактом. Последний пишет: «Исполняется Христос и как бы пополняется членами чрез верующих; рукою пополняется в человеке милостивом, ногою — в ходящем с проповедию или посещающем немощных; всяким другим членом в других верующих».

Церковь — исполнение Христа, может быть, подобно тому, как древо есть исполнение семени. Что в семени совмещено сокращенно, то в полном развитии является в дереве. И Христос Господь сказал о Себе: *аще зерно пшенично пад на земли... умрет, мног плод сотворит* (Ин. 12, 24). По смерти Его, воскресении и вознесении, в каком обилии стали прилепляться к Нему верующие, а дотоле Он был будто один. И точно — спасенное и обоженное в Господе Иисусе Христе человечество, и одно, все совмещает. Но как оно не для себя самого таково, а для людей, то, пока оно одно, все еще будто не полно, поколику не исполнено еще то, для чего оно таково. Прилепление верующих к Нему исполняет то, для чего оно таково, и тем пополняет Его. Как верующие суть Церковь, то выходит, что Церковь есть восполнение Христа, Своего главы. Сам в Себе Он полон и всесовершен, но еще не во всей полноте привлек к Себе человечество. Оно постепенно все более и более общится с Ним, и чрез то как бы Его пополняет, — делу Его давая приходить чрез сие в полноту исполнения.

Нельзя пропустить без внимания наведений, какие делает святой Златоуст из сего места: «Почтим же главу, говорит он, помыслим, какой главы мы тело? Мы — тело главы, которой все покорено. Сообразно же с сею главою мы должны быть лучшими самых Ангелов; и высшими

Архангелов, как удостоены чести высшей, нежели все они. Ибо не от Ангел Бог принял естество, как об этом говорит Апостол в послании к Евреям, но *от семене Авраамова* (Евр. 2, 16). Не Власти, не Начала, не Господства, не другой какой силы, а наше принял Он естество и возвысил его. И что я говорю: возвысил? Соделал Его Своею одеждою, и не только возвысил, но и вся покорил под нозе Его. — Почтим же близость родства; убоимся, да не отсечется кто-либо от тела сего, да не ниспадет кто-либо или не явится недостойным Его. Если бы кто-нибудь на нашу голову надел диадиму, золотой венец: скажите, чего бы мы не сделали, чтобы показать себя достойными этих бездушных камней? Здесь же не диадима покрывает нашу главу, а Сам Христос сделался нашею главою, что, без сомнения, гораздо выше, — и мы не придаем этому никакой цены?! Ангелы, Архангелы и все небесные Силы благоговеют пред нашею главою, а мы — тело Ее — ужели не почтим Ее? Какая же после сего остается у нас надежда на спасение? Напечатлей в уме своем сей царский трон, помни всегда преизбыточество чести. Это, можно сказать, больше геенны должно устрашать нас. Ибо если бы и не было геенны, то для нас, удостоенных столь великой чести и потом оказавшихся недостойными ее, лишение этой чести должно быть самым высшим наказанием, ни с чем не сравнимым мучением. — Представь,

близ кого восседит твоя глава (одного только этого совершенно довольно для всего)? Одесную кого она находится? Она восседит превыше всякого Начальства, и Власти, и Силы. — Но как у нас зашла речь о Теле Господнем, то, пожалуй, вспомним и то Тело, которое жертвоприносится (в таинстве Тела и Крови). Приобщаясь оного и пия Кровь Его, будем твердо помнить, что в таинстве причащения мы приобщаемся Тела нисколько не различного от того Тела, Которое восседит горé и Которому поклоняются Ангелы, Которое находится близ нетленной силы, — сие именно Тело мы вкушаем. О, сколько открыто нам путей ко спасению! Он соделал нас Своим телом, дал нам Свое Тело, — и все это не отвлекает нас от зла? О, омрачение! о великое унижение! о бесстыдство! *Горняя мудрствуйте*, заповедуется, *идеже есть Христос одесную Бога седя* (Кол. 3, 1—2), а из нас одни заботятся о богатстве, другие погрязают в страстях!»

III.

Возвеличение спасаемых вместе с Совершителем и в Совершителе спасения открывается в духовном их оживлении, в своскрешении и в спосаждении их одесную Бога в лице Господа Спасителя (2, 1—10). Это же есть вместе второе проявление державной крепости Божией, свидетельствующее о преизобильном величии силы

Его в устроении нашего спасения. Начав говорить о сей силе (1, 19), Апостол показал, как она проявлена в лице Спасителя, в Его воскресении, седении одесную Отца и возглавлении Им Церкви. Теперь продолжает указывать ту же силу в спасаемых, в их духовном оживотворении, и чрез то в своскрешении и спосаждении одесную Бога со Христом. Сии последние совершаются в силу первых, которые в них имеют свою последнюю цель. Проявление преизбыточествующего величия силы в лице Христа Спасителя было бы ни к чему, если б не последовало прехождение той же самой силы и на верующих в Него. Почему за ним необходимо должно было последовать оживотворение, своскрешение и спрославление прилепляющихся ко Христу верою. Велика сила Божия в устроении спасения нашего, говорит как бы Апостол, судя по державной крепости, явленной, во-первых, в Господе Иисусе Христе и, во-вторых, в верующих в Него (2, 1—10). В первом — основание последнего; последнее — естественный плод и требование первого. Оба вместе — зерцало преспеющего величества силы Божией.

Относящиеся сюда мысли Апостола можно выразить коротко так: явил Бог великую силу в Господе, и не только в Нем, но в том, что и вас (ст. 1, 2) и нас (3), — обоих нас, мертвых, — оживил (4—6). Но как надобно было пояснить,

отчего мы мертвы были, и охарактеризовать черты нашей мертвости, то Апостол вносит для того придаточные положения, которые округляют и полнят речь, чтоб яснее было явление силы Божией и в нашем оживлении о Христе; так что справедливо видеть в этих стихах — изображение горького состояния во грехе и светлого состояния в благодатном оживлении, — в проявлении богатства благодати Божией благостынею за нас (7—10).

Глава 2, стих 1. *И вас сущих прегрешенми мертвых и грехи вашими.*

Частица *и* соединяет сию речь с предыдущею; *юже содея о Христе, воскресив Его*... Теперь продолжает: и в том содея, что и вас оживил. — *Вас* зависит от *сооживи* Христом (в ст. 5). Между ними стоит пояснительная речь, изображающая мертвость греховную. Блаженный Феофилакт пишет: «Выше сказал, что Бог Господа Иисуса Христа воскресил и посадил превыше всех. Теперь говорит, что и вас сущих мертвых (не телесною, а душевною смертию) оживил и воскресил; так что такою же силою и Господа воскресил Он от телесной смерти, и нас от душевной — греховной, хотя оживотворить душу больше есть, чем воскресить мертвого».

Под *вас* разумеет язычников, выставляя их наперед, так как в них беспрепятственнее свирепствовал грех и являл всю тлетворность свою.

Потом и себя, то есть евреев, присоединяет к той же категории мертвых духовно (3). Наконец и тех, и других соединяет вместе: *и сущих нас мертвых совоживи* (5).

Прегрешеньми мертвых и грехи... Хотя между прегрешениями и грехами можно указывать различие, но это не дает особых ценных понятий и всегда не чуждо произвола. Довольно знать, что и грех, и прегрешение,— всякое нарушение воли Божией, в совести ли изрекаемой или в писанном законе изображенной,— производит смерть духовную. *Оброцы греха смерть*, говорит тот же Апостол в другом месте (Рим. 6, 23). Этою смертию мертвыми именует Апостол, во-первых, язычников. Они живы были телом, живы и душою: действовали, рассуждали, преуспевали в искусствах, в житейских и гражданских порядках. Но мертвы были духом, мертвы для Бога и для жизни в угодность Ему. Грехи отделили их от Бога, и стали они мертвы.

Грех, коль скоро делается властелином над человеком, умерщвляет его дух. Как телесная смерть — прекращение жизни телесной, так со входом греха в человека подсекается корень внутренней жизни,— жизни духа, которая из Бога. В грешнике, преданном греху, чувственные склонности и страсти душевные все более и более берут верх над высшими духовными требованиями и подавляют их до того, что свет жизни

духовной совсем наконец погасает. Вместе с тем вянет и телесная жизнь от нарушения целости жизни человеческой и пресечения должных ее отношений к верховному источнику бытия и жизни. Отсюда болезни, страдания и ранняя смерть. Так не духовно только, но и телесно грех убивает, — и не одно только лицо, но нередко целый род, коль скоро он усердно работает греху. (Отсюда пресечение родов.)

Все это тем горчае*, что извиниться нечем, особенно нам теперь. Святой Златоуст пишет: «Есть смерть телесная, и есть смерть духовная. Подвергнуться первой — не грешно и не страшно, потому что это (теперь) естественно; явившись вследствие грехопадения, смерть телесная потом соделалась как бы необходимою для нашей природы, хотя и она скоро упразднится. Другая же смерть душевная, — так как происходит от нашего произволения, — подвергает нас ответственности и не имеет никакого извинения».

Стих 2. *В нихже иногда ходисте, по веку мира сего, по князю власти воздушныя, духа, иже ныне действует в сынех противления.*

Указав на греховную мертвость ефесян в первом их состоянии, теперь выставляет производителей сей греховности, чтобы, как замечает святой Златоуст, не слишком их опечалить указанием на мрачное состояние, в котором они прежде само-

* Горше. — *Ред.*

произвольно держали себя. «Замечаешь ли кротость Апостола Павла, с какою он увещевает своих слушателей, нисколько не устрашая их? Сказавши своим слушателям, что вы дошли до крайней степени зла (ибо быть мертвым есть именно крайняя степень зла), чтобы этим слишком не опечалить их (так как люди обыкновенно смущаются, если им выставляют на вид их прежние преступления, будь это преступления гибельные или не заключающие в себе ничего особенно опасного), он теперь указывает им на помощника, который содействовал им дойти до такой степени зла, и на помощника сильного; и это делает с тою целию, чтобы они не подумали, будто они одни во всем виноваты».

Или для того вводит он сюда сии силы — производители греха, чтоб показать величие силы и богатства благости Бога, спасающего их, говоря как бы: видите, в каких руках вы находились! Но Бог исторг вас из них и ввел в лучшую жизнь. Святой Дамаскин пишет: «Вас, говорит Апостол, язычников, в смерти держимых за грех, в коем жили вы под злым диаволом, властвовавшим над вами посредством злых помышлений, Бог удостоил милости и благодати и мертвость вашу во грехе преложил в жизнь, чрез общение со Христом». К сему можно прибавить из Феодорита: «Сказал так Апостол, напоминая ефесянам Божие благодеяние, а именно, что сподобил

их спасения, когда по причине греха были еще мертвы и находились под властию диавола».

Грехи мертвили и держали вас в мертвости, потому что вы ходили в них. Грехолюбие составляло господствующее направление вашей свободной деятельности. Хотя состояли вы под действием сильных врагов — мира и диавола, но во грехах все же сами ходили, те действовали на вас, соблазняли, но никак не принуждали. Сами вы шли вслед их тлетворных внушений. Феодорит пишет: «Диавол, потеряв свое достоинство, сделался учителем злочестия и лукавства; однако ж владычествует не над всеми, а над теми только, кои не приемлют Божественных вещаний».

Первая производительная сила греха есть — *век мира сего*. Век сей, мир сей — равнозначительны в Новозаветном Писании. Здесь стоят вместе, может быть, для более полного выражения их вредоносности. *Век* — собственно период времени, долгий ряд годов, а отсюда — вообще течение времени и того, что во времени. *Мир* — совокупность тлящих обычаев и лиц, кои им покорствуют. *Век мира* — течение долгим временем утвердившихся пагубных для души обычаев мирских, над всеми миролюбцами властвующих, по коим ходят они все, хотя и нехотя, как едет повозка по углубившейся колее, с которой свернуть нет возможности и сил. Отличительная черта сего хождения есть забота об одном временном,

без внимания к другой жизни, забота об устроении счастия на земле, без внимания к требованиям нравственного закона и внушениям страха Божия. Оттого мир во зле лежит. Или мир и век однозначительны с греховностию, подвластностию греху, тиранством греха. Блаженный Феофилакт пишет: «Веком мира сего называет Апостол развращенную жизнь, жизнь во грехах, ради того, что настоящая жизнь обилует грехами». Апостол хочет указать: вот под каким игом, в каких узах вы были держимы — *иногда*, то есть прежде, чем прилепились ко Христу верою. Теперь же, пребывая со Христом, вы уже не сообразуетесь веку сему (Рим. 12, 2), — имеете силу противостоять напору его тлетворного влияния, ибо приняли новые начала и новые силы ходить по сим началам, наперекор прежним обычаям. Видите ли державную силу и на вас явленную?!

Другая производительная сила греха есть диавол, который у Апостола назван: *князем власти воздушныя*, князем *духа, действующаго в сынех противления*. Не остановился святой Павел на указании на один век или мир, но проходит далее, к самому источнику греха. Поприще, сцена, на которой раскрывается грех, есть мир; приводящий все в нем в движение — есть диавол. Кто по веку мира ходит, тот ходит по диаволу, которого Господь назвал князем мира и века (Ин. 12, 31; 14, 30).

Апостол назвал его *князем власти воздушныя: князем власти,* — князем властным, *воздушныя* — в воздухе живущим. Или под словом *власть* можно разуметь чин злых духов, как и среди святых Ангелов есть чин, именуемый — *власти.* Обобщая это название, можно под словом власти разуметь коллективно всех духов, — или царство злых духов, коих князь — сатана, и кои все и с князем своим живут в воздухе. Далее в сем послании Апостол называет их *духами злобы поднебесными* (Еф. 6, 12). С неба низвергнуты, на земле не имеют твердой опоры и витают бездомовно и рассеянно в воздухе, откуда чинят всякие беспорядочные нападения на людей и поддающихся увлекают на зло. Этим хорошо выражается нетвердость и непостоянство сатанинской власти, — а может быть, и эфемерность ее, то есть что она вся мечтательна, основана не на чем-либо существенном, а на обмане, прелести, призраках. Святой Златоуст говорит: «*По князю власти воздушныя.* Это говорит Апостол с тем, чтобы показать, что диавол обитает в поднебесной, что духи воздушные суть бестелесные силы, которые помогают ему в его действиях».

Вы ходили, говорит Апостол, по князю власти воздушныя. Хорошо выражает это наше народное присловие: плясать по чьей дудке. Он внушал — вы следовали его внушениям. Как он только зло и грех может внушать, то, ходя по нему,

вы только больше и больше опутывались грехами и, следовательно, углублялись все дальше и дальше в смерть греховную, которая всегда идет по следам греха. По такой самоохотной покорности ему он и стал князем грешников. «Князь он потому, что люди сами себя подчинили ему» (Феофилакт). «Потому, что природа человеческая почти всецело предалась ему и все служат ему добровольно и самоохотно. Христу, хотя Он обещает тьмы благ, никто не внимает, а ему, — хотя он ничего подобного не обещает, а, напротив, препровождает в геенну, — повинуются все. Он властвует в веке сем, у него слуг больше, нежели у Бога, и ему охотнее повинуются, чем Богу; исключение составляют немногие; и все это происходит от нашего нерадения и беспечности» (святой Златоуст).

Духа, иже действует в сынех противления. Ожидалось бы: *по духу*, как впереди: по князю. Вы ходили во грехах по князю власти воздушные, — то есть по духу, действующему ныне в сынах противления. Иные толковники так и понимают, и такое понимание им так нравится, что они готовы были бы поправить самую речь Апостола. Такое покушение можно назвать не совсем разборчивым и всячески ненужным. Слово *духа* зависит от слова по *князю,* как и слово *власти*. Князь власти воздушныя, он же князь и духа, действующего в сынах противления. Этим

означается источник духа противления истине, которое встречал Апостол всюду на своем проповедническом поприще, не исключая и самых ефесян. Сатана со своими духами поселил его в душах язычников и постоянно поддерживает своим воздействием. Под этим духом можно разуметь и вообще исходящее от сатаны и действующее в неверных злое начало, дух лжи и самообольщения, с какою-то уверенностию обманчивою противостоящий всем убеждениям истины. Или подобно тому, как под словом *власти* разуметь можно коллективно все злые силы, можно и под словом *дух*, стоящим подобно ему в одинаковом грамматическом сочетании, разуметь коллективно всех злых духов, которые под руководством своего князя своим тлетворным дыханием воздействуют на людей и, приучая их к страстям и порокам, делают упорно непокорными истинам, направленным к освобождению их от тех страстей, а чрез то и от власти самых духов, разжигателей страстей.

Сыны противления — упорные противники Евангельской истине. Слово сын, в связи с добродетелию или пороком, означает человека, преданного той добродетели или пороку, чтоб означить, что он преисполнен тем или другою, как о сыне говорят: вылитый отец. Сатана есть противник Богу, всякой истине и всякому добру. И те, кои противятся истине Евангельской, сыны его суть, как упорные противники, подобно самому сатане.

Греческое слово — ἀπειθείας, — значит сыны неубежденности, которых ничем не убедишь. Что им ни говори, они упорно противостоят всякому убеждению и всякой очевидности. Но неубеждение в одном предполагает противоубеждение в другом. Потому хотя слово *духа*, действующего в сынах противления, указывает на воздействия совне, тут, однако же, ничего нет приневоливающего. Но сатана предлагает, склоняет, убеждает. Те соглашаются и стоят на своем... и вышел дух противления. Святой Златоуст говорит: «Видишь ли, что не насильно, не тирански как-нибудь, но чрез убеждение он привлекает к себе? Указывая на противление (ἀπείθεια), Апостол как бы хочет сказать (по противоположности), что диавол увлекает всех лестию и убеждением».

Ныне — означает или век сей, до будущего возустроения всяческих, или ныне, когда началась проповедь и Евангелие стало проходить по земле. Дух сей и прежде действовал, но как его не тревожили, то он не обнаруживал своего присутствия. Стали его теснить провозвестники истины христианской, он и подал голос, и власть свою старается удержать возбуждением противления истине, непокорением вере. Апостолы видели такое воздействие противной силы всюду.

Святой Павел выставляет сие, как знак мертвости душевной, или мертвящей силы греха, и производителей его, действующих в язычниках.

Всем этим выясняет Апостол, сколь велика сила, которая препобедила сии силы греха, разорвала узы греха, исторгла из мертвости греховной и даровала им истинную жизнь. Подлинно и в этом явлено действие державной крепости Бога, спасающего всех, хотящих спастися.

Стих 3. *В нихже и мы вси жихом иногда в похотех плоти нашея, творяще волю плоти и помышлений, и бехом естеством чада гнева, якоже и прочии.*

В нихже *и мы вси*... Мы все — иудеи; исключения никакого, мертвость духовная от грехов была повсюдная.

В нихже, — ἐν οἷς, — к чему отнесть? — Ближайшее впереди имя — *сыны противления*. Если к ним отнести, будет: среди их, между ними, то есть сынами противления; к чему, в подтверждение, подходит и греч. *жили* — ἀνεστράφημεν, собственно — вращались. Но ведь об иудеях вообще нельзя сказать, что они вращались среди сынов противления. Отличительная их черта — жить особняком от всех; как и держали они себя, не только у себя, в своей земле, но и когда жили в рассеянии. Потому, думается, лучше — ἐν οἷς — отнести к παραπτώμασιν — прегрешениям. Мертвость духовную он производит от двух причин — от прегрешений и грехов. Прилагая далее это начало к язычникам и иудеям, к первым говорит: ἐν αἷς — то есть ἁμαρτίαις — *в нихже* — то есть

во грехах; прилагая же к иудеям, говорит: ἐν οἷς — то есть *παραπτώμασιν* — *в нихже*, то есть в прегрешениях. Так понимает это сочетание блаженный Иероним. — «*В нихже* должно относить к *прегрешениям*. Выше он выставляет два предмета — прегрешения и грехи. Относясь затем к грехам, сказал: *в нихже иногда ходисте*, а к прегрешениям ничего там не сказал в пояснение и приложение; теперь же говорит: *в нихже и мы вси жихом* — то есть в прегрешениях, — чтоб не показалось, что он по гордости себя (иудеев) исключает из числа грешников».

Замечательно, что, говоря о греховной мертвости язычников, Апостол объясняет, что они были держимы во грехах, или увлекаемы к ним, прелестями мира и кознями князя века сего. Подводя же под ту же мертвость иудеев, говорит, что эти погрязали в прегрешениях, потому что жили в похотях плоти, не стороннею силою влекомы были к ним, а своею развращенною волею падали в грехи, творя волю плоти и помышлений. Дается мысль, что ни мир, ни диавол не имели такой власти над народом Божиим, какую являли над язычниками. В самом деле, все порядки личной, семейной, церковной и гражданской жизни у иудеев заведены были по предначертанию свыше. Все были освящены волею Божиею и вели к улучшению нрава и приближению к Богу. Тлетворные обычаи мира могли протесняться в среду

их только татски*, незаконным путем; тогда как у язычников эти обычаи составляли существо их жизни,— из страстей вырождались, страсти питали и разжигали. Равно и князь мира терял над иудеями власть, коль скоро они приняли знамение избрания Божия, вследствие которого составляли удел Божий. Князь мира с обычаями мог входить в круг иудеев только по призыву их самих, когда они, свергши иго благой воли Божией, добровольно предавали себя их чуждому игу. На это и указывает Апостол, говоря, что и мы все были во грехах, живя в похотях плоти. Мир и князь века сего никакой над нами власти не имели, но мы сами погрязали во грехах, живя в похотях, сами для себя были врагами, похоти наши заменяли для нас тлетворную силу мира и князя его.— Но если так можно было думать об иудеях, не тем ли паче надлежит так судить о христианах?! — Не было бы среди нас места миру и диаволу, если б не падкость наша на похоти.

Под похотями плоти или похотливою плотию разумеются здесь вообще грехолюбивые стремления сердца, отличительная черта которых — самоугодие,— склад души, по коему она все делает только в угодность себе, наперекор требованиям совести и внушениям страха Божия, гласно и определенно предъявляемым.

---

* Как воры.— *Ред.*

Самоугодие имеет два вида проявления – воля плоти и помышлений, конечно греховных; иначе сказать: плотские страсти и душевные страсти и склонности. Творяще волю плоти и помышлений, то есть что ни пожелает плоть и что ни задумает душа в угодность себе, все то, или одно то, и делали мы, следовали то есть требованиям и влечениям страстей и наклонностей телесных и душевных, – себялюбивых. Святой Златоуст говорит: «Все мы жили, не помышляя ни о чем духовном, – *вси*, потому что нельзя сказать, чтобы хоть кто-нибудь составлял в этом случае исключение. Но чтобы кто-нибудь не стал подозревать, что это говорится с намерением клеветать на плоть, и чтобы не подумал, что вина ее в этом слишком уже велика, смотри, как Апостол предупреждает все подобные подозрения и мысли; *творяще*, говорит, *волю плоти и помышлений*, то есть (самоохотно), увлекаясь похотями и удовольствиями».

Феодорит в слове – *помышлений* видит, как зарождается грех сначала в помыслах греховных, а потом уже чрез сочетание с ними воли производится и делом чрез тело. «Апостол, – пишет он, – показал, что не одна плоть, но и самая душа заслуживает обвинение; потому что первоначально приемлет в себя наклонность к худшему, а потом уже с помощию плоти приводит в действие, что замышлено умом».

Но, подумает кто, — что же *мертвыми* он себя не называет, как назвал язычников? — Это уже само собою разумеется. Коль скоро во грехах, то и мертвы, ибо где грех, там и смерть духовная. Но сверх того, ниже он и прямо причисляет иудеев к мертвым духовно, когда говорит: *и сущих нас мертвых прегрешенми*, — где совмещает под *нас* и иудеев, и язычников.

И бехом естеством чада гнева. Поелику, творя волю плоти и помышлений, погрязали мы в грехах, то за это состояли и под гневом Божиим. «Раздражили мы Бога, прогневали Его, — стали только предметом гнева Божия, и ничем другим», — говорит Златоуст. То же пишет и Феодорит: «Сказал Апостол *естеством чада гнева*, то есть достойны гнева и крайнего наказания. Так антихриста наименовал *сыном погибели* (2 Сол. 2, 3), то есть достойным погибели». По Экумению и Феофилакту — стали чадами гнева, как делающие дела, достойные гнева. Василий Великий, в 268 правиле кратком, говорит: «Чадом гнева бывает иной, поколику соделал себя достойным гнева. Ибо как тех, которые достойны Господа и делают дела света и дня, Апостол наименовал сынами света и сынами дня (1 Сол. 5, 5), так следует понимать и слова: *бехом чада гнева*».

«Слово же — *естеством* стоит вместо — истинно, подлинно — ἀληθῶς καὶ γνησίως» (Экумений, Феофилакт).

Якоже и прочии. «Значит, никто не был свободен (от гнева), но все мы, по делам своим, были достойны гнева Божия» (святой Златоуст).

Грех всех сравнял, как пространнее изображает это святой Павел в послании к Римлянам, собирая разные указания на это Ветхозаветного Писания (Рим. 3, 10—18). Какая мрачная картина состояния во грехе! Грешник мертв духовно, под тиранством состоит диавола, обладается духом мира, влечется необузданно движениями плоти, рабствует душевным страстям, мятется греховными помышлениями, и за то все — сын гнева, и, следовательно, оброчник вечного наказания. Избавленным от такой беды как не прославлять державную крепость Избавителя, благодатию Своею воскрешающего грешника от смерти греховной и вводящего его в светлую жизнь Богоугождения и святости.

Стихи 4 и 5. ***Бог же, богат сый в милости, за премногую любовь свою, еюже возлюби нас, и сущих нас мертвых прегрешенми, сооживи Христом; благодатию есте спасени.***

После богатого истинами отступления в стихах 2 и 3, Апостол возвращается к прерванной речи: — *и вас мертвых*... чтобы сказать, что же — *вас*? — Но прежде, чем это сказать, великая пагубность греховная, — самоохотная и потому неизвинительная, — заставила указать на источник милости к таким непотребным, что и делает Апостол,

начав речь: *Бог же, богат сый в милости*. Затем оборот вносной речи помешал уже сказать – *вас*, а потребовал *нас*, так как все признаны грешными, требующими оживления, – не эллины только – *вы*, но и иудеи – *мы*. Почему и соединяет обоих святой Апостол под – *нас; и сущих нас* – обоих... *сооживи*.

Бог же, богат сый в милости... Таким, каковы были мы, – рабы мира, диавола и похотливости своей, мертвые для Бога и подгневные Ему, – чего было ожидать, кроме кары, наказания и казни. А вышло не то: не только не наказаны мы, как заслуживали, напротив, ущедрены такими благодатями, каких и самое себялюбивое благожелание себе вообразить бы не могло: *сооживи, своскреси, спосади*. – Откуда же такая щедрость? – От беспредельного благоутробия Божия, и не только от этого, но и от того особенно, что Бог нас, людей, премного любит. Как иной милостивый человек всякому нуждающемуся помогает, но кого любит – тому охотнее и щедрее помогает, так и Бог, пощадил бы нас и потому, что богат милостию, – яко милосерд, – но любовь Его к нам увеличила щедрость сию до преизбытка. Святой Златоуст пишет: «Не говорит просто: милостив будучи, *но богат сый в милости*. Подобным образом и в другом месте говорится: *по множеству щедрот Твоих призри на мя* (Пс. 68, 17), и еще: *Помилуй мя, Боже, по велицей милости*

Твоей (Пс. 50, 3). – Здесь Апостол указывает на источник любви Божией к нам. Все наши дела были достойны не любви, а гнева и жесточайшего наказания; значит, если Он возлюбил нас, то единственно по великой Своей милости».

За премногую любовь, еюже возлюби нас. Все твари свои любит Бог, но преимущественную любовь являет к человеку. В творении образом Своим Божественным его почтил и над всеми тварями господином поставил; а когда он пал, не оставил его, но все, – и небо, и землю, – подвиг к тому, чтобы восставить его, и восставил дивным устроением спасения, по коему человек становится бóльшим, нежели каков был в творении. Подлинно все сие есть премногая любовь, которою возлюбил нас Бог. От века возлюбил. Еще когда построевался, – будем говорить по-человечески, – план мироздания, тогда еще особенно возлюбил человека Бог, ибо он там поставлен центром, в котором благоугодно было Богу все сосредоточить, чтоб чрез него потом и на все прочее благотворно воздействовать. Отсюда исходят неотступность и неистощимость Божиих к человеку благодеяний и даров. Амвросиаст пишет: «В том любовь к нам Бога, что поелику Он сотворил нас, то не хочет, чтобы мы погибали. Ибо любит дело рук Своих. Затем и создал, чтобы любить созданное».

Ожидалось бы, что Апостол помянет здесь о величестве силы Божией, так как об этом идет

речь во всем отделении, а Он указывает на милость. Но что в восстановлении нас явлена великая сила Божия, это давал разуметь ход речи. В этих же словах Апостол проходит далее и указывает, каким путем достигла до нас сия великая сила, когда наша виновность преграждала ей доступ к нам.

И нас мертвых прегрешенми... говорится о смерти духовной. Грех, вошедши в нас, заморяет дух наш. Душа остается живодействующею, но все в угодность греху; и мыслями ума, и чувствами сердца, и предприятиями воли, и тело проворно движется, когда спешит на удовлетворение похотей своих. Но деятельность по Богу забыта, к ней нет сочувствия и охоты, — и в теле ни рука, ни нога не хочет двигаться по ней. — От такой мертвости избавил нас Бог Христом... *сооживи Христом*.

В сем оживлении нас чрез Господа Иисуса Христа должно различать два момента: первый тот, когда человечество оживлено в лице Богочеловека, и второй тот, когда каждый человек верующий делается причастным сего оживления. В лице Спасителя человечество явлено новооживленным, во всей силе сего слова, в Его воскресении и вознесении. В Нем положено основание оживления и всех имевших потом прилепиться верою и любовию к Господу Иисусу Христу. В Нем в возможности оживлены и все потом лично

оживленные, оживляемые и имеющие оживляться до скончания века, так что сии последние суть не что иное, как осуществление первого; то — семя, а эти — выросшее или растущее из него, и всю вселенную ветвями своими осеняющее древо. Это личное каждого оживление, — по вере и отвержении всей нечестивой и порочной жизни, — совершается в крещении. В этом благодатном таинстве умирает человек для греховной жизни и оживает, — ревность и силу получает, — для жизни духовной, делается причастным оживления Христова, — и продолжает прочее ходить во обновленной жизни (см. Рим. гл. 6).

Какое же здесь у Апостола разумеется оживление? — Поелику говорит: *сооживи*, то, верно, разумел оживление в лице Христа Господа; но поелику говорит: *нас сущих мертвых сооживи*, указывая на себя и ефесян, лица действительные, уже причастившиеся оживления Христова, то нет сомнения, что указывал на действительное оживление, которому основание положено в оживлении Христовом, последним подтверждая первое.

Апостол не теорию пишет, а изображает домостроительство спасения, делом совершенное и делом силу свою являющее. Потому в слове: *сооживи* можно не различать, в лице ли только Христа Господа сие разумеется или в верующих в Него. То и другое, ибо то и другое уже совершилось и было в действии, и хотя мысленно

могло быть различаемо, но в действии сливалось: оживление верующих было Христово оживление — в приложении.

После *сооживи*, по порядку, следовало бы — *своскреси и спосади*, как дальнейшее движение проявления силы Божией в домостроительстве спасения нашего. Но Апостол прерывает речь и останавливает внимание ефесян на созерцании безмерной к ним благодати Божией. Он как бы говорит им в промеждуречии: заметьте,— вы благодатию спасены. Цель первой части послания та, чтобы ввесть ефесян, а с ними и всех язычников, в познание великой к ним милости Божией, оказанной тем, что и они приняты в причастие благ, в лице Спасителя для нас совмещенных, наряду с иудеями, кои, по праву древнего избрания народа их, вступают в сие причастие, как в наследие. Об этом, кончив речь о силе Божией в устроении спасения, он тотчас и напоминает им (ст. 11 и далее).

Благодатию есте спасени. Чрез два стиха снова то же повторяет, а еще через два посильнее выражается: *да помните же вы...* Так желательно было ему поселить им в ум сию истину! — А можно полагать, что при этой цели он и сам был в движении от созерцания величия благодати Божией и говорил так от неудержимости чувства изумления: *благодатию есте спасени,— благодатию есте спасени,—* да помните же, что вы

были и чем стали теперь.— Мимоходом напомним себе, что эта речь — и к нам (русским), ибо и мы из язычников. Блаженный Феофилакт пишет: «Эти слова вставил Апостол в средину речи от глубокого изумления,— пораженный неизреченностию дара Божия».

Смысл же слов очевиден. Вы, говорит Апостол, ничего не представляли, что бы могло привлечь благоволение Божие к себе. Он Сам, любовию Своею движимый, благоволительно воззрел на вас и ввел вас в ограду спасения. Судя же потому, что вы были мертвые грехом, вас следовало отбросить далее от лица Своего, как отбрасывают мертвые трупы. «Благодатию, а не за труды и исправности свои спасены вы» (Экумений). «Что до дел, то вы достойны были всякого наказания. Благодать спасла» (Феофилакт). Но говоря: вы, Апостол не исключает из того же закона спасения благодатию иудеев. Он только напечатлеть эту истину старается наипаче ефесянам, а спасаемыми благодатию почитает всех: и иудеев, и язычников. Феодорит и не различает лица, а вообще разумеет сие место, говоря: «Не за доблестную жизнь нашу призваны мы во спасение, но по любви спасшего нас».

Стих 6. *И с Ним воскреси, и спосади на небесных во Христе Иисусе.*

В *сооживи* можно было не различать оживления Христова от оживления чрез Него верующих,

ради слияния их в действительности и в силе, а в *своскреси и спосади* нельзя не различать сего. В лице Христа Спасителя воскрешены мы и посаждены на небесных, а самым делом еще сие не совершилось, а совершится в свое время. Но совершится несомненно; так что поелику Христос воскрес, то почитай, что и мы воскресли, и поелику Он воссел на небесных, то почитай, что посаждены уже и мы. «Поелику воскрес Он, и мы воскресли упованием; поелику Он совосседит со Отцом, и мы участвуем в этой чести; потому что наша глава совосседит, наш начаток социарствует. В наше облекся Он естество» (Феодорит).

Прежде Апостол показал, что Бог явил величество силы в том, что воскресил Христа и посадил одесную Себя (1, 20). Теперь усиливает сие проявление силы Божией, показывая, что во Христе Иисусе и все мы своскрешены и спосаждены на небесных. Кто поднял бы тяжелый кусок магнита, показал бы силу свою; но если б он вместе с тем поднял и все налипшие на него куски железа, то показал бы тем большую силу. Так и здесь. Велика сила явлена в воскресении и посаждении одесную Христа Господа; но еще большая сила в сем явлена тем, что вместе со Христом и во Христе своскрешены и спосаждены на небесных все прилепившиеся и имеющие прилепиться ко Христу верою.

Своскреси и спосади. Словами сими показывается вместе и теснейший союз верующих со Христом, как членов с главою, и особенно назначение прославленного во Христе человечества. Все, что в Нем совершилось, совершилось не для Него, а для рода человеческого. Почему, когда Он воскрес ради человека, можно сказать, что в Нем воскрес род наш, и, когда Он воссел одесную Отца, можно сказать, что род наш в нем посажен на небесных. Христос – возможность, источник, сила. Что с верующими, – то есть осуществление сей возможности, напоение из сего источника, преисполнение сею силою. Спасаемое человечество – Церковь – есть развитие или раскрытие Христа – исполнение Его.

Апостол не говорит, что Бог имеет своскресить нас чрез Христа и спосадить на небесных, но что уже своскресил и спосадил. Все, что в свое время будет с искупленным родом человеческим, Апостол зрит совершившимся уже во Христе за один раз. Христос как родоначальник искупленного человечества есть первообраз, выполняющийся в жизни святых и имеющий выполняться до конца мира. Благодатная жизнь спасаемых есть всестороннее приложение всего, что есть во Христе Иисусе, как полноте всего. Что в Нем совершилось, то ради всех совершилось, и совершается делом во всех, кои последуют Ему верою. В первом Адаме мы все согрешили и

умерли; грех и смерть Адама, во времени, только развивались и приложение имели чрез грехи и смерти потомков его. Таким же образом во втором Адаме мы воскрешены и посаждены на небе. В верующих потом только приложение находит совмещенное во Христе. Воскресение и вознесение Его как главы, в нас, членах Его, являет свое воздействие. Сие начинается еще здесь духовно, в возрождении или сооживлении Христовом, а завершится в конце веков всеобщим Воскресением и прославлением, по суде, всех, имеющих оказаться достойными того.

Что в силе и совершенстве получит христианин, во время возустроения всяческих*, тем обладает он уже и теперь, хотя в начатках, как бы в семени, или в основаниях. Он живет, – в силу общения с воскресшим и прославленным Господом, – Его жизнию еще на земле, и, хотя под крестом, еще здесь предощущает блаженство будущего прославления; уже отселе он гражданин небесного царства. Там он записан. И вера дает ему твердое основание упования, когда внушает ему: Христос – глава моя – воскрес, воскресну и я – член Его. Христос – глава моя – вознесся на небеса и седит одесную Отца во славе, – взойду и я туда, причащусь славы главы моей и успокоюсь с Ним и в Нем. Ибо неложно слово

* Будущего преображения мира. – *Ред.*

Его, рекшего: *идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет* (Ин. 12, 26).

Святой Златоуст говорит в заключение: «Видишь ли преизбыточествующее *величие силы Его в нас, верующих*? Он оживил тех, которые были мертвы, которые по естеству были чадами гнева. Видишь ли *упование звания*? *с Ним воскреси и спосади нас* (Бог). Видишь ли славу достояния Его? — Да, скажешь ты, что Он совоскресил нас, это ясно, а чем доказывает Апостол, то, что Он *спосадил на небесах во Христе Иисусе*? — Тем же, чем доказывает то, что Он совоскресил нас. Никто бы и никогда бы не восстал, если бы не воскресла глава, а когда глава наша воскресла, воскрешены и мы. Точно таким же образом Он нас и спосадил. Когда глава седит, седит вместе и тело: потому-то Апостол и прибавил: *во Христе Иисусе*. Как же спосадил? — *Аще терпим с Ним*, говорит Апостол, *с Ним и воцаримся* (2 Тим. 2, 12). Если вместе умерли, вместе и оживем. — Подлинно, нужен дар Духа и откровения, чтобы уразуметь глубину таин сих!»

Стих 7. ***Да явит в вецех грядущих презелное богатство благодати своея благостынею на нас о Христе Иисусе.***

Как прежде целию всего домостроительства спасения или всего предвечного плана Божия о сем поставлял Апостол *похвалу славы благодати* (1, 6); так и в осуществлении сего плана

видит он не иную цель, как проявление *богатства благодати.*

Века грядущие то же, что будущий век, по втором пришествии Христовом, — время созревшего Царства Христова. И теперь это богатство благодати видно для имеющих очи видеть, но не все видят то, не только из неверных, но и из верующих. А тогда воочию всех открыто явится это неизреченное богатство, во всем своем величии и блеске. *Не у явися, что будем* (1 Ин. 3, 2), и постигнуть не можем всей широты благостыни Божией на нас о Христе Иисусе. Отчасти только видят все и Апостолы, а не только другие верующие.

Богатство благодати — означает сокровищницу Божественных даров нам, а *благостынею на нас о Христе Иисусе* — указывает на способ отверзтия для нас сего сокровища. О Христе Иисусе Отец Небесный сказал: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором почивает все Мое благоволение. Сие благоволение чрез Господа Иисуса простирается и на всех верующих в Него. Почивающий благоволением на Христе Иисусе почивает им на прилепляющихся к Нему. Это благоволение и есть благостыня на нас о Христе Иисусе, вследствие которой и изливается на нас все богатство благодати. Она ключ от сокровищницы Божией.

Мало ли и то, что получается уже и теперь? – Отпущение грехов, благодать Святого Духа, преодоление страстей, преспеяние в добродетелях, освящение, всыновление, просияние чрезвычайных даров, – мало ли это? Но все это ныне проявляется в скудельных сосудах, по частям и под прикрытием внешних нестроений окрест. Тогда же явится во всей славе не это только, но и многое другое, чего мы и вообразить себе не можем, и явится во всей совокупности верующих. В этом веке незримо строится здание – красоты изумительной, закрытое, однако ж, предохранительными покровами. Когда все это, мешающее видеть красоту здания, принято будет в грядущий век, красота здания изумит и человеческие, и ангельские умы, которые узрят тогда все богатство благодати, иждивенной на устроение такого здания.

Блаженный Феодорит пишет: «Величие уповаемых благ ныне совершенно неизвестно неверным, но и верные видят, *якоже зерцалом в гадании* (1 Кор. 13, 12). Потому что *верою* ходят, *а не видением* (2 Кор. 5, 7); но тогда узрят лицом к лицу. Тогда верные и неверные увидят от нас восприятое для всей твари достопоклоняемое естество и соцарствующих святых. *Аще бо с Ним умрохом*, говорит Апостол, *то с Ним и оживем. Аще терпим, с Ним и воцаримся* (2 Тим. 2, 11, 12)».

Святой Златоуст сие проявление богатства благодати видит в спосаждении верующих со Христом, как и течение речи требует. Он говорит: «Так как прежде он говорил о Христе, и во всем сказанном прямо относящегося к нам не было ничего (что, – скажешь ты, – в самом деле, нам от того, что Христос воскрес?); то, показав предварительно, что это должно относиться и к нам, – потому что Спаситель соединен с нами, – теперь Он говорит о том, что собственно к нам относится. *И сущих нас мертвых прегрешенми воскреси и спосади*. Итак, веруй в то, что Он спосадил нас с Собою, убеждаясь в этой истине тем, что сказано было прежде, – тем то есть, что сказано было о главе, – и тем еще, что Он хочет проявить к нам Свою благость. Как, в самом деле, Он явит ее, если этого нет, то есть если Он не спосадил нас с Собой? – *Явит в вецех грядущих*. Что же явит? – Что блага, уготованные Им, и велики, и совершенно достойны веры. Теперь эти блага кажутся для неверных несбыточными, тогда все их узнают. Если желаешь узнать и то, как Он спосадил нас, послушай, что Сам Христос говорит ученикам: *сядете на двоюнадесяте престолу, судяще обеманадесяте коленома Израилевома* (Мф. 19, 28). И в другом месте: *еже сести одесную Мене и ошуюю, несть Мое дати, но имже уготовася от Отца* (Мф. 20, 23). Итак, это уже уготовано. И хорошо сказал Апостол:

благостынею на нас о Христе Иисусе. Воссесть одесную, это честь, высшая всякой чести, за которою нет другой почести. Говоря это, – то есть *благостынею на нас,* – Апостол показывает, что и мы воссядем. Седеть со Христом – это поистине богатство неизреченное, это подлинно преизобилующее величество силы Его! Если бы ты имел тысячи душ, неужели ты не положил бы их, чтобы только удостоиться такой чести? Если бы потребовалось идти в огонь, не следовало ли бы быть совершенно готовым и на это испытание? Сам Христос говорит: *хощу, да идеже есмь Аз, и тии будут со мною* (Ин. 17, 24). За такую честь если б приходилось каждый день быть рассекаемому, то должно было бы и это переносить с радостию. Помысли, где восседит Он? – *Превыше всякаго начальства и власти.* Помысли, с кем вместе ты воссядешь? – С Ним. Но кто же ты? – Мертвый, чадо гнева – по естеству. Что ты соделал правого? – Ничего. Теперь поистине благовременно воскликнуть: *о глубина богатства и премудрости и разума Божия*! (Рим. 11, 33)».

Стих 8. ***Благодатию бо есте спасени чрез веру: и сие не от вас, Божий дар.***

В стихах 8 – 10 доказывает святой Павел, или поясняет, почему чрез прославление верующих в Господа Иисуса явлено будет не другое что, а лишь богатство благодати. Потому что возводит в такое состояние, которое делает человека годным

для такой высокой чести, каково — спосаждение со Христом, только одна благодать. Состояние сие он называет здесь спасением и говорит: потому явится в спосаждении нашем богатство благодати, что вы спасены, поставлены в состояние пользоваться сим даром — благодатию. Вслед за сим объясняет, что спасение точно устрояется благодатию. Для спасения нужны вера и святая добродетельная жизнь. Но и вера от Бога (ст. 8), и на дела добрые Им же мы созидаемся чрез возрождение и облагодатствование (ст. 10). Вера и добродетель делают христиан спасенными, чистыми, святыми, Богоугодными, и чрез то годными к спосаждению со Христом. Как они созидаются в христианине благодатию, то очевидно, что чрез спосаждение сие явится одно богатство благодати Божией.

Благодатию есте спасени, — *есте* вы, ефесяне. Спасены все благодатию, кто ни спасен; но Апостол к ефесянам обращается ради того, что им теперь имел в мысли сильнее напечатлеть сию истину. Общее рассуждение идет у него с — *мы*; а коль скоро нужно для ефесян на чем больше остановить внимание, там он речь ведет исключительно будто к ним.

Эти же слова изрек он уже выше (ст. 5), но там они вырвались будто нечаянно из сердца, как воззвание, с целию, может быть, возбудить чувства благодарения. Здесь идет спокойная речь, в

видах, может быть, нравственного назидания и урока, *да никтоже похвалится*.

Под спасением разуметь можно и домостроительство спасения, и личное каждого спасение. Домостроительство спасения, то есть предвечный совет Божий о нем и исполнение его,— то, что Сын Божий пришел на землю, воплотился, пострадал, умер на кресте, воскрес, вознесся на небеса и сел одесную Бога Отца, Духа Святого ниспослал и устроил на земле Церковь — вместилище всех спасительных средств, сосредоточенных в Слове Божием и таинствах,— все это есть независимое дело Божией благодати. Человек не представлял с своей стороны ни средств к тому, ни побуждений. Личное каждого спасение начинается от проповеди Евангелия. Проповедники Богом посланы и Богом были руководимы, куда пойти и что говорить. Все это тоже дело благодати. Когда говорится проповедь, слушать или не слушать, слушая — внимать или не внимать, внимая — соглашаться и хотеть веровать или не соглашаться и не хотеть,— есть дело свободы. Но далее, коль скоро в сердце изречено согласие и образовалось желание спасения верою,— самая вера печатлеется и преображается в живое, непоколебимое уверование опять воздействием благодати Божией на сердце. После сего благодать вселяется в сердце чрез таинства и делается источным и руководительным началом жизни по вере.

Таким образом, устроение спасения все совершается благодатию Божиею; личное каждого спасение тоже все от благодати; от человека одно согласие на веру и желание таким образом спасаться. И это по характеру свободной твари. Прочее же все совершает благодать, ибо согласие и желание, сами по себе, ни к чему не приведут, если не придет вседейственная благодать.

Блаженный Феодорит пишет: «Благодать Божия сподобила нас сих благ, а мы привнесли одну веру; но и в той содейственною бывает Божественная благодать. Ибо не сами собою мы уверовали, но, будучи призваны, приступили; — и от приступивших Господь не потребовал чистоты жизни (как условия к приятию их), но, прияв одну веру, даровал отпущение грехов».

Святой Златоуст ближе к нравоисправлению выражает ту же истину, говоря: «Чтобы величие благодеяний не надмило тебя, смотри, как он тебя смиряет, говоря: *благодатию есте спасени*. Но, чтобы не уничтожить и твоего участия, он прибавляет и то, что требуется от нас: *чрез веру*. Потом снова как бы уничтожает это наше свободное участие, когда говорит: *и сие не от вас*. И вера, учит он, не от вас. Если бы Иисус Христос не пришел, если бы Он не призвал нас, как бы мы могли уверовать? *Како уверуют*, сказано, *аще не услышат* (Рим. 10, 14)? Таким образом, вера, по учению Апостола, не наше достояние, а

дар Божий. Вера недостаточна для спасения, но, дабы не спасать нас без всякого нашего участия, Бог требует ее от нас. Сказал, что вера спасает, но не сама собою, а чрез Бога: Бог хочет, и вера спасает».

Последнюю мысль святого Златоуста яснее выражают Экумений и Феофилакт, говоря, что вера сама по себе никакой особенной силы не имеет, а имеет ее потому, что Богу угодно было сочетать с нею сию силу. Угодно Богу, чтоб верою спасались мы,— вера и спасает. Божий дар есть то, что мы спасаемся чрез веру. Экумений пишет: «Потому сие есть дар Божий, что и вера сама по себе не сильна бы была спасти, если б Бог не восхотел спасти чрез веру. Так что и то, что мы веруем, есть дар Божий, и то, что чрез веру спасаемся, тоже есть дар Божий». Блаженный Феофилакт, сказавши, что вера — дар Божий, потому что, если б не пришел Господь и не призвал, мы и не уверовали бы, потом прибавляет: «Или иначе: не веру называет он даром Божиим, но то, чтобы спастися верою, вот что есть дар Божий. Ибо пусть вера и наша, но как бы она могла одна спасти, если бы Бог не возблаговолил принимать нас ради ее, чтобы не совсем быть нам безучастными в деле своего спасения, но являться привносящими нечто и от себя».

Стих 9. *Не от дел, да никтоже похвалится.*

Подтверждает, что такой образ спасения чрез веру и наше призвание к вере во спасение благоволил устроить Бог по единой Своей благости, а не за какие-либо дела наши. Какие дела низвели Сына Божия на землю? — Не дела, а наше безделие низвело Его. Какие дела явили ефесяне, что призваны к вере? Бог послал Апостола, вооружив его дарами благодати. Силою слова благодатного и чудесами он обратил их к вере и ввел в ограду спасаемых, со всеми преимуществами, им присвояемыми здесь и готовыми в будущем. Ничего от себя не представили ефесяне к такой милости, кроме послушания вере, завершенного, однако же, благодатию. И не ефесяне только, но и ни всякий другой народ, и ни всякое частное лицо не за дела какие в чин спасаемых вводится, а по одной благодати Божией. Мы (русские) чем заслужили, что в Церкви Божией спасительной состоим? Каждый из нас и рождается в ограде веры, и тотчас по рождении делается членом тела Церкви. Се великая благодать Божия! Какие дела представляем мы?! — Никаких. Дела требуются после сего. Когда кто призван и благодать получил, то ему затем остается только делать. Так иное дело — устроение спасения и призвание к нему, а иное дело — жизнь по призвании и облагодатствовании. В первом не участвуют дела, а во втором — дела только и требуются: вера уже свое сделала, теперь делай, —

будешь свят и непорочен, ибо в этом существо христианства.

Слова Апостола: *не от дел, да никтоже похвалится* относятся к первому моменту, а следующие слова, — что мы созданы на дела благие, да в них ходим (ст. 10) — ко второму.

Святой Дамаскин пишет: «И при делах спасение не от них; верующим участие во спасении даровано без них». Экумений так: «Не потому (Бог устроил нам спасение верою), чтоб не хотел, чтобы спасались делами, но потому, что никто не мог спастися делами, а только верою». «Итак, спросишь ты, — взывает святой Златоуст, — Апостол сам запретил снискивать оправдание делами? — Никак нет! Он говорит только, что никого не оправдают дела, и говорит это для того, чтобы показать благодать и человеколюбие Божие. Имеющих дела Бог не отвергает от Себя, но тех, которые погибли бы и с делами, Он спасает благодатию, так что после этого решительно никто не имеет права хвалиться».

Стих 10. *Того бо есмы творение, создани в Христе Иисусе на дела благая, яже прежде уготова Бог, да в них ходим.*

Только что сказал: *не от дел,* — как же здесь говорит: *созданы на дела*? — Спасение нам устроено и мы призваны к получению его не за какие-либо дела, а по одной благодати. Но призваны не затем, чтобы с своей стороны ничего не

делать, а чтобы содевать свое спасение, богатясь добрыми делами, Богом нам предначертанными, или преуспевая во всякой добродетели; хотя и это не своею силою, но силою благодати, коею воссозданы на такие дела, и получили возможность, помощию ее, совершать их и совершенствоваться чрез них. Почему Апостол и сочетавает сие положение с предыдущим чрез *бо* — ибо, — показывая и в этом основание, почему он прославление верующих почитает проявлением богатства благодати. Ибо как вера, так и добрые дела, — два условия для принятия в Царство славы, — оба от благодати.

Блаженный Феодорит пишет: «Апостол сказал здесь: *создани*, разумея возрождение, то есть Бог призвал нас по неизреченной благости, мы повиновались и, уверовав, получили спасение. Но как до крещения не требовал Он от нас деятельной добродетели, так по крещении повелевает позаботиться о ней. Ибо сие означают слова: *на дела благая, да в них* ходим».

Того бо есмы творение. Как в начале в образованное из персти тело вдунул Бог дыхание Свое, и стал человек человеком, так теперь в оземлененных нас страстьми и похотьми — ставших нечеловеками, по призвании к вере, вдыхает Он Духа благодати, и мы становимся снова человеками. Без духа человек — не человек. Но по падении дух забит страстьми и похотьми и всякими

грехами. Нисходит Дух благодати, оживляет дух человека, и человек — опять человек, только уже с другим именем, человек-христианин, яко помазанный Духом благодатным.

Создани в Христе Иисусе, то есть по вере во Христа Иисуса, по благодатному домостроительству спасения, учрежденному Господом Иисусом Христом. *Аще кто во Христе*, тот только и есть *нова тварь* (2 Кор. 5, 17). Совершается сие в крещении, в купели коего хоронится ветхость, и вместо ее приемлется обновление жизни, чтобы ходить в ней светло, как светел воскресший Господь (Рим. гл. 6). Крещеный во Христа облекается, и как, по слову Господа, без Него никто ничего истинно доброго творить не может, так и в Него облекшись, не может не творить добра.

На дела благая. Как лист, цвет и плод — свидетельство жизни дерева, так доброделание — свидетельство оживления во Христе. Святость и всякая добродетель — характеристика вновь рожденных, или новосотворенных, дух жизни их. Христианин обязательство к тому носит в совести своей и ревнует быть верным ему. Благодать сходит чрез таинства, но приятелище им в душе — готовность на всякое добро, выражаемая в крещении отречением от сатаны и дел его и сочетаванием со Христом, а в покаянии — обетом не грешить более. Сию готовность нисшедшая в таинстве благодать соделывает сильною и пло-

доносною. Почему верный призванию и обету и богатится делами благими. С этим в неразрывной стоят связи и труды подвижничества, по тому закону, что обязанный к цели, обязан и к средствам необходимым. У облагодатствованного святость сознательно содержится как норма жизни. Но благодать, пришедши, вселяется в сердце и изгоняет оттуда грех, не изгоняет его, однако же, вдруг из всего естества человека. Он тут остается, как искуситель, совне действующий, в отношении к сердцу. Изгоняется же он борьбою с ним, свободною, хотя при помощи и под руководством благодати. Где борьба, там и подвиги всякого рода — самоутруждение, в видах стеснения возникновений греха как искушений, и усиление добра как противоядия ему. Вот почему *иже Христовы суть плоть распяша со страстми и похотми* (Гал. 5, 24). Подвижничество неразлучно с христианством. Законами его проникнут и весь устав Церкви. Все сие потому, что христиане созданы на *дела* только *благая*.

Яже прежде уготова Бог. Как дела уготовал? — Предначертал их для нас, верующих, по идее новой жизни, и учредил способы к получению сил на творение их, которыми и облекает всех, приступающих к Господу верою и освящающихся святыми таинствами. Это уготование — от Бога, не от нас.

Да в них ходим. Облагодатствованием, или возрождением, налагается обязательство к постоянству в добре. Затем новое рождение, затем вселение благодати, чтобы ходить в благих делах, — и только в благих. Но мы ли ходим? Благодать в нас, и без благодати ничего сделать доброго не можем, а ходим в добре все же мы. Орудие дается, но действовать им должно нам самим. Даны стрелы и лук, но сами они стрелять во врага не станут. Возьми ты, наладься, как должно, и стреляй. Как в вере требуется согласие на веру и желание веровать, чтобы благодать напечатлела веру в сердце живую, так в доброделании требуется замышление добра (которое и благодатию внушается), согласие на делание его и желание сделать с соответственным собственным усилием и взыванием о помощи, чтобы благодать, подоспевши, пособила совершить делом задуманное и решенное добро, совершить безукоризненно с преодолением всех препятствий совне и внутри. Это закон как для каждого частного дела, так и для всей целости жизни.

Итак, христианину богатиться благими делами есть существенное дело. Есть системы вероучения, в коих добрые дела ставятся в тени, а подвижничество совсем исключается, — все из опасения, как бы не внесть какой заслуги в дело спасения. Но будто нельзя на то и другое все усилие свое напрягать без мысли о заслуге, а по

сознанию обязательства. Сколько расслабляет сие учение нравственные силы и добродетель, и от внутренней чистоты сбивает на внешнее благоповедение, знают опытно те, которые живали среди таких. Степенное поведение там заменяет доброту нравственную; внутренняя же нечистота вся, по их мнению, будто бы покрывается верою. Что делать, говорят? Вижду ин закон... и отказываются от всякого противодействия ему. Слышно, будто первый их коновод (Лютер) изрекал часто мудрое свое слово: греши больше, но больше и веруй, и не сомневайся, что спасешься. Однако не объяснил он, как возможно иметь веру, работая страстям, когда начало веры требует: да отвержемся себе и возьмем крест.

Послушаем, что говорит на сие место святой Златоуст: «Чтоб услышав, *не от дел*, но верою совершается наше спасение, ты не остался беспечен, посмотри, что далее говорит Апостол: *Того бо есмы творение, создани в Христе Иисусе на дела благая*... Заметь, это проповедует тот же Апостол (то есть который пред этим только говорил о спасении чрез веру). Здесь намекает он на воссоздание. Действительно, наше спасение есть второе творение: чрез искупление мы точно из небытия приведены к бытию. В том состоянии, в каком мы были прежде, то есть в состоянии ветхого человека, мы были мертвы; теперь же сделались тем, чем прежде не были. Значит, дело

возрождения нашего есть действительно творение, и притом творение, гораздо превосходнейшее первого. Тем творением мы призваны к жизни, этим же созданы способными к жизни доброй. — *На дела благая, яже прежде уготова, да в них ходим*, то есть от нас требуется добродетель постоянная, продолжающаяся непрерывно, до последнего часа жизни. Если бы мы, предприняв путешествие в царскую столицу и совершив большую его часть, вдруг потом разленились и остановились, не окончив пути, то принесло ли бы нам какую пользу это странствование?! Точно также *и упование звания* какую пользу доставит нам, участвующим в этом уповании, если мы не станем ходить достойно Призвавшего? Мы, призванные на дела благая, должны и пребыть в них, доколе не совершим всех добрых подвигов. Не для того, без сомнения, мы призваны, чтобы совершить одно какое-либо доброе дело, но чтобы всегда быть добродетельными. Как всеми пятью чувствами мы должны пользоваться надлежащим образом, так точно должны совершать и все добродетели. Если кто целомудрен, но не милостив, или милостив, но лихоимец, или хоть и не берет чужого, но не раздает и своего, для такого — все напрасно. Одна какая-нибудь добродетель не дает нам права с дерзновением предстать престолу Христову; для этого нужны добродетели многие, разнообразные, добродетели всякого рода или,

вернее, все добродетели: послушай, что Христос сказал ученикам Своим: *шедше научите вся языки... учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* (Мф. 28, 19–20). И в другом месте: *иже аще разорит едину заповедей сих малых... мний наречется в царствии небеснем* (Мф. 5, 19). Значит, нам нужно соблюдать все заповеди».

IV.

Таково величие домостроительства спасения вообще для всех; для ефесян же, а в лице их и для всех верующих из язычников, оно проявлялось и в той еще особенности, что они, быв иногда* *далече*, в силу его стали *близ*. Чтобы полнее напечатлеть это в душах их, Апостол изображает: а) сколь они были далеко, – ст. 11–12; б) каким образом стали близко, – ст. 13–18, и в) насколько стали близки, – ст. 19–22.

а) *Как далеко были язычники?* *ст. 11–12*

Прежде уже говорил святой Апостол, что они были мертвы грехами и сооживлены Христом, что составляет внутреннюю силу жизни о Христе. Теперь изображает внешний порядок соотношений в духовном, благодатном домостроительстве спасения. По сокровенным планам Божественного промышления о нашем спасении, избран был

* Некогда, когда-то. – *Ред.*

один народ, которому вверено было обетование о Христе Спасителе и соответственно тому устроен весь его быт – и церковный, и гражданский, и семейный, – чем он отособлялся от всех других народов. Печатью избрания было обрезание. Обрезанные были, таким образом, свои у Бога, а все другие – как бы чужие. Те ведали Единого Истинного Бога, были в благоволении Его, несомненно знали, что среди их явится Христос Спаситель, и ублажены были утешительными обетованиями. Язычники же ничего такого не имели, были без Бога, без Христа, без обетований. Вот какое горькое было ваше состояние, говорит Апостол ефесянам.

Стихи 11 и 12. *Темже поминайте, яко вы, иже иногда языцы во плоти, глаголемии необрезание от рекомаго обрезания во плоти рукотвореннаго, яко бесте во время оно без Христа, отчуждени жития Израилева, и чужди от завет обетования, упования не имуще, и безбожни в мире.*

Темже поминайте. «Снова Апостол напоминает ефесянам прежнее, чтоб показать величие Божия благодеяния» (Феодорит). Напоминает же потому, что «когда от великой бедности переходим мы в противоположное состояние или сподобляемся какой-либо еще большей чести, то, наслаждаясь славою своего нового положения, о прежнем обыкновенно все мы вспоминаем неохотно» (святой Златоуст). Боялся святой Павел,

как бы язычники, по своей численности в Церкви и по внешним преимуществам, не стали презрительно относиться к иудеям, и заповедует им помнить, что были они по Божиему порядку в устроении спасения всех, чтоб, помня то, не высились над иудеями и не чуждались их. Обращаясь же к иудеям, где нужно, он напоминает им, что точно имели они преимущества, но до времени: теперь все то – уже не важно. Всячески старался он сгладить неровности иудеев и язычников, чтоб всех исполнить единого братского духа, посредством единения всех во Христе.

Яко вы, иже иногда языцы... Мысль прочих слов 11-го стиха проста: *вы* необрезанные, если поставить вас в отношение с иудеями обрезанными. Зачем такой перифраз угодно было употребить святому Апостолу? – Затем, что обрезание служило дверью к участию в обетованиях народа Божия. Имея в виду указать, чего лишались язычники, быв отчуждены от иудеев, он указывает на исходное начало разделения между ними – обрезание и необрезание. Но словами: *глаголемии необрезание от рекомаго обрезания*, – он вместе дает разуметь, что это отличие и не было, и тем паче теперь не есть уже что-либо существенное. Это знак внешний. Иудеи чуждались язычников, яко необрезанных, почитая их чрез то нечистыми и богоотверженными; язычники за это самое неблаговолительно относились к иудеям

и, соглашаясь иногда веровать в Бога Израилева, никак не могли мириться с обрезанием. Апостол теперь внушает им (имея, может быть, в виду смирить и иудеев): необрезание глаголемое от рекомого обрезания – еще не так важно, если смотреть на него внешно, но важно то, что с этим соединилось, с этим связаны были лишения очень чувствительные.

Вы иногда языцы во плоти... Блаженный Феодорит *во плоти* относит к *глаголемии необрезание* во плоти, и после *языцы* ставит знак препинания. Мысль та, что «и обрезание принадлежит плоти, и – необрезание также плоти».

Глаголемии необрезание. «Обрезание и необрезание – плотский идиом (отличительная черта). Плотское же не существенно; почему и сказал: *глаголемии*» (святой Дамаскин).

От рекомаго обрезания: «Честь была только на словах и преимущество от обрезания относилось только к плоти, потому что ни необрезание, ни обрезание ничего не значат (уже более)» (святой Златоуст).

Во плоти рукотвореннаго. Обрезание чужими руками делалось и не шло дальше плоти. Сердце и при нем оставалось необрезанным. Потому, совне смотря, это в духовном отношении ничего не прибавляло и не убавляло. «Знал Апостол истинное обрезание, в коем обрезываются нечистые, привходящие в сердце пожелания.

Но если это есть истинное обрезание, то и необрезанием истинным будет нечистота сердца» (святой Дамаскин).

Яко бесте во время оно без Христа. Во время оно — до пришествия Христова, а ближе — до принятия веры Христовой. Ибо те, кои не веруют во Христа, и теперь терпят те же лишения духовные. Эти лишения и перечисляет здесь святой Павел, чтобы очевиднее представить, каких благ они теперь сподобились. Внешно смотря, не велико то, что они не имели обрезания, не общились с народом Божиим и не знали порядков его жизни, но страшно то, что с этим было соединено. «Не думайте, говорит он, что есть какая-нибудь разница (важность) в том, что вы не получили обрезания и находитесь в необрезании; страшно не это, а вот что: быть без Христа, быть отчужденным от жития Израилева (а первое к жизни не относится), быть вне завета обетования, не иметь упования и быть в мире безбожными, каковы именно и были язычники,— это страшно. Прежде Апостол говорил о вещах небесных (как, быв мертвы, сооживлены Христом); теперь говорит о земных, так как иудеи высоко ценили их» (святой Златоуст).

Но ведь и иудеи прежде были без Христа? — Без Христа, потому только, что Он еще не пришел; но Он так несомненно им обетован, и они так несомненно чаяли Его, что будто самым

делом уже имели Его. Все устройство подзаконной веры было проникнуто Христом. Он был тело, а закон – тень (Кол. 2, 17). Иудеи потому имели Христа сокровенного. Эта сокровенность все более и более прояснялась пророками, так что вера в грядущего Христа Господа составляла дух благочестия иудейского народа. Христос был для них все: от Него только ожидали они всего лучшего. Этого преимущества язычники не имели. Сознавали только, что у них все дурно; но как и кто поправил бы то, этого не знали, хоть иные по какому-то прозрению и гадали о том. Посему Христос и явился среди иудеев, из них была первая Церковь и ими проповедано Евангелие. В сем сила, преимущество и значение иудеев для всего человечества.

Отчуждени жития Израилева. Житие – πολιτεία – порядки жизни, Самим Богом учрежденные. Израилю даны были заповеди, указывавшие, как угождать Богу и как очищать себя в случае нарушения заповедей и прогневания Бога. Все было запечатлено очевидною волею Божиею, так что жившие так не могли не быть уверены, что они Божии и состоят под Его покровом и благоволением. Тем и значительны были порядки жития Израилева, что они показывали, что Израиль есть царство Божие, в коем Бог – царь. И Он осязательно царил в них, являл дивные знамения и хранил народ сей для великой цели

спасения рода человеческого во Христе Иисусе. Язычники были *отчуждены* — ἀπηλλοτριωμένοι — от сего жития. В сем выражении лежит намек на то, что первоначально и они предназначены были принадлежать к нему. И язычники принадлежали к тому же древу человечества, — как оно организовано Богом, по падении и по потопе, — приняли и обетования первоначальные, но потом отломились. Они, как неразумный сын, бежали из отчего дома с захваченным наследием небольшим, — и Бог оставил их ходить в самоизвольных путях. *Отчуждены* — сами отчуждились. Кто виноват? Дает Апостол доразуметь: теперь Бог прощает вам ваше самоволие и возвращает к Себе.

Чужди от завет обетования. — Божия Матерь в песни своей величает Бога, что помянул наконец *милости, якоже глагола ко отцем — Аврааму и семени его* (Лк. 1, 54—55). — Эти милости и были обетования, закрепленные особыми заветами. Были заветы с Авраамом, Исааком и Иаковом, со всем народом на Синае, с пророком Давидом. Все они суть заветы обетований. Бог требовал верности от народа, а Сам обетовал всегдашнее им покровительство, защиту и сохранение. Но существо обетований составляло обетование о пришествии Мессии, или явление Его среди их. Ради Его давалось и обетование защиты и охраны, и самым делом являемы были,

потому что иначе и Мессии не явиться бы среди них. Что это точно так, видно из того, что как только пришел Господь и положилось начало образования нового Израиля, древний рассеян: охранение его прекращено, как уже ненужное, и он перестал быть народом особым, а блуждает по миру, во свидетельство истины самым противлением истине. От жития отчуждались язычники, унесши с собою первые обетования и заповеди Ноевы, – а от обетований *чужды* были. Тут уже никакой части они не имели, ибо они давались помимо их, хотя в конце и об них намекалось, что и они придут к горе Божией и дому Божию на верх гор и будут умолять, чтоб и их научили закону Бога живого. Но до них не доходил слух о том; это говорилось для духовного оживления все того же Израиля, которому было даровано и главное обетование.

Упования не имуще. Поелику не участвовали в обетованиях, то само собою не могли питать и упования, какое возбуждаемо было обетованиями. Не об этом следует и речь. Не то упование разумеет Апостол, которое имели израильтяне вследствие обетования Мессии, грядущего во имя Господне, а упование общее, которым кто обезопашенным себя чувствует по смыслу своего отношения к Богу, от Коего все. Слово сие и по-гречески стоит без члена, в показание, что здесь разумеется не особое какое-либо упование, а всякое.

Жизнь без упования — безотрадная жизнь. Язычники находились в безвыходном положении. Чувство давало это им знать тугою сердца, томившею весь языческий мир. В некоторых эта неопределенная туга доходила до определенности. Брался, например, иной добиться до познания истины, но побьется-побьется и опустит руки, ибо она не показывала лица своего, и под ногами не видно было никакой к ней дороги. Иной брался исправлять нрав, но побьется-побьется и бросает, ибо все валится из рук, и успеха нет и не предвидится. Так и во всем прочем. Такие определенно могли знать, что они в каком-то безвыходном положении, а другие носили то в неопределенном чувстве, выражавшемся всеобщею тугою.

Бога определенно не ведали, законов промышления Его не знали, не знали и того, как угодить Ему и очиститься пред Ним от грехов. А тут смерть — грозное событие для тех, кои смутно представляли, будут ли жить по смерти и, если будут, как им быть там. Всюду неопределенность и безвестность: язычники похожи на погрязшего в трясину, готовую поглотить его.

Но ведь без упования жить нельзя. Кто теряет всякое упование, тот обычно лишает себя жизни. Как же живыми оставались язычники? — Сами себе устрояли надежды, хотя призрачные и обманчивые. И не то ли разумеет Апостол, — что язычники не имели истинного упования, чающего

получить истинное и прочное благо? – Это вероятно, потому что и безбожными их называет за то, что не знали истинного Бога, а служили не по естеству сущим богам.

И безбожни в мире. «Хотя язычники и поклонялись богам, но были, однако ж, безбожны, потому что идолы, которым они кланялись, ничего не значат» (святой Златоуст). – Без Бога быть человеку нельзя. Потеряв познание истинного Бога, язычники выдумали своих и, почитая их, успокоивались. Но, в существе дела, они служили мечте, а не Богу. Не знали они истинного живого Бога и были вне общения с Ним. Других же богов сколько ни изобрети – все это пустое. Этим только изменяема была слава нетленного Бога, не безвинно и не безответно. – *Безбожни* – не осуждены на безбожие, а сами себя поставили в такое состояние.

Безнадежие тесно соединено у Апостола с безбожием. В последнем – источник первого. В мире злом настоятельно необходимо крепкое, – крепко стоящее, на непоколебимых основах утвержденное, – упование на Бога живого, любящего и сильного. Вне общения с таковым, истинным Богом – упование где найдет опору? – Чуждые Бога истинного, потому, естественно, погружаются в безнадежие.

Прибавкою слова *в мире* не имел ли в мысли Апостол сказать: в мире, который велегласно

проповедует о Боге истинном? *Невидимая бо Его от создания мира твореньми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество* (Рим. 1, 20). — Тут будет, следовательно, слово укора, которое не неуместно и в наше время, для тех, которые в мире живут, мир видят и даже исследуют, а Бога истинного знать не хотят.

б) *Каким образом стали близко?* *ст. 13—18*

Ожидалось бы, что святой Павел, изобразив, какие лишения духовные терпели язычники в отчуждении от иудеев, скажет теперь: теперь же и вы введены в причастие этих благ, то есть соединены с иудеями и сравнены с ними, стали как иудеи. А он не то говорит; говорит, что стена, разделявшая вас с иудеями, разорена, вы слиты с иудеями, но не затем, чтобы стать иудеями, а чтоб вместе с ними быть переделанными в новое человечество, к чему и иудеи предназначались. Апостол имеет здесь в виду представить великость благодеяния Божия к язычникам из их отношения к домостроительству спасения. Он как бы говорит им: Бог, устрояя спасение человеческое, избрал Себе один народ, который питал надеждами и обетованиями и хранил особым покровительством, отособив его от всех народов учреждениями, обнимавшими всю его жизнь; вы

лишены были такого благодеяния, и это лишение было очень значительно. Но учреждения иудейские были только временные; пришел и им конец, и иудеи вводятся теперь в обладание высшими благами духовными, которых прежние служили только прообразом, подчиняемы будучи новым благодатным учреждениям. Все это делается по плану домостроительства нашего спасения, от века предначертанному. Если бы и теперь Бог удержал вас вдали от сего домостроительства, как это делал прежде, то меры ваших лишений и описать бы нельзя было. Но Бог презрел ваше виновное от Него отчуждение и, устрояя окончательные пути во спасение наше среди иудеев и чрез иудеев, призвал и вас ко вступлению на них, чтоб и вы вместе с иудеями, забыв древнее разделение, текли тем же путем, новым и живым, коим оба во едином духе приводитесь ко Отцу. Теперь и вы стали близки. – К кому и к чему? – К Богу, к Господу Спасителю, к единственному в Нем пути во спасение, к Царствию Христову и ко всем сладчайшим в Нем надеждам, – близки не к тому, от чего прежде далеки были и что уже миновалось, а к тому, что вновь и окончательно учреждено во спасение наше. Помните же это, что вы столько облагодетельствованы, чрез степень шагнули, переведены чрез класс и не только не оставлены назади, но и упреждать прежде бывших близкими получили возможность.

Стих 13. ***Ныне же о Христе Иисусе, вы, бывшие иногда далече, близ бысте кровию Христовою.***

Ныне же о Христе Иисусе, — когда обетованный Христос пришел и устроил нам спасение, которое прежде только чаялось, когда устроено благодатное Царство Христом Господом и всем проповедуется, — ныне — в новозаветном домостроительстве спасения. — *Вы, бывшие иногда далече,* вы, от прежнего временного и приготовительного домостроительства отчуждавшиеся, чрез отчуждение от иудеев, и стоявшие, таким образом, вдали, — *близ бысте,* не отчуждены от нового домостроительства, истинного и окончательного, но введены в участие в нем, наравне с иудеями, в которых и чрез которых оно подготовлялось прежним образом домостроительства. Как *близ бысте? — Кровию Христовою.* Краткий, но всеобъемлющий ответ. Вся последующая речь (ст. 14—17) служит объяснением ему — пространнейшим и полнейшим. Сущность его можно выразить так: все ветхозаветное учреждение было тень; тело же — Христово. Когда пришел Господь и принес Себя в жертву крестною смертию, тогда все, что было только отражением сей жертвы, престало, — потеряло свое значение и силу. Вся сила перешла теперь в крестную смерть. Таким образом, кровь Христова, на кресте пролитая, пресекла ветхозаветное учреждение и сама

стала на место его, — тело вместо тени, истина вместо предображений ее. То, чем разорено ветхое, само стало новым учреждением во спасение. Но ветхозаветные учреждения были стеною, разделявшею иудеев и язычников. Следовательно, кровь Христова, пресекшая значение ветхозаветных учреждений, разорила и стену разделения иудеев и язычников. И как она же стала новозаветным учреждением во спасение, то стала и центром единения для всех, вступающих в сей новооткрытый путь спасения. Иудеи сбрасывают ветхое и облекаются в новое кровию Христовою, отменившею все ветхое, а язычники, прямо помазуясь кровию Христовою, облекаются во все новое. Те и другие в крови Христовой находят центр взаимного единения и вместе способ общения в благодатном учреждении, чрез которое, приискренно сочетаваясь со Христом, приближаются к Богу, — оба равно, без преимуществ уже одного пред другим.

Стихи 14—16. *Той бо есть мир наш, сотворивый обоя едино, и средостение ограды разоривый: вражду плотию Своею, закон заповедей ученми упразднив: да оба созиждет Собою во единаго новаго человека, творя мир; и примирит обоих во едином теле Богови крестом, убив вражду на нем.*

Той бо есть мир наш, мир между вами, язычниками, и нами, иудеями, которые теперь составляем

Церковь. Еще в Ветхом Завете Спаситель назван князем мира (Ис. 9, 6). Ангелы приветствовали Его рождение миром на земле (Лк. 2, 14). Конечно, в том и другом случае разумеется мир всесторонний, ибо есть мир внутренний, в совести, мир с Богом, умиротворение всех движений души. В слове Апостола в настоящем месте хотя и можно доразумевать и мир с Богом в совести,— как условие, но прямая мысль его — о соединении раздвоенного человечества. В религиозном — существеннейшем отношении оно распадалось на две половины, резко отличавшиеся, состоявшие в непримиримости, и не могли соединиться в том виде, в каком сформировались обе, течением истории, по Божию хотению и соизволению.

Обоя сия — Христос Господь *сотворил едино*,— одно общество, крепким союзом связанное, союзом живым, сердечным, душевным, в коем все члены взаимно сочувственны и сострадательны.— Как это сотворил Он? — Отменив то, что служило причиною разделения, и обоих исполнив новыми общими началами и силами жизни по Богу, которые сливали души их воедино.

Средостение ограды разорив. Оградою народа Божия был закон, по коему они Богу служили и угождали, и коим оправдывались пред Ним во грехах и к Нему приближались. Но этот же закон служил *стеною*, отгораживавшею народ Божий от всех других народов, так что ни те, ни

другие смешиваться не могли никак. Господь Иисус Христос это средостение ограды разорил. Как? — Своим пришествием во плоти и крестною смертию. Закон был тень грядущего, тело же — Христово. Когда явилось тело, тень престала. Все ветхозаветные оправдания упразднены принесением в жертву тела Христова. Кровь Христова заменила все прежнее. Отменив же закон, Господь разорил средостение — эту причину немирности двух половин рода человеческого. Место все так: средостение ограды — закон, — эту *вражду*, или причину немирности, разорил Господь *плотию Своею*, — то же, что выше кровию Своею.

Но одно отменив или разорив, Господь ввел вместо его другое: *закон заповедей ученми упразднив*, — внешний чин богоугождения заменив мысленным, духовным, в уме и сердце совершающимся, во всякое время и во всяком месте исполнимым и долженствующим исполняться. *Закон заповедей* гласил: дни смотряйте, времена и лета, или: не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи и проч. — Его составляла вся совокупность предписаний, определявших все входы и исходы* жизни Израиля и дома, и в храме, и в обществе. Но все это было внешнее, — исполнялось телесно

* Выражение *входы и исходы* в Священном Писании означает вообще все поступки или действия, обращение, поведение. — *Ред.*

посредством вещественных стихий. Этот *закон заповедей упразднил Господь ученьми* — ἐν δόγμασιν. Не стихийного служения, не внешней чинности требует Он, а законоположил представлять Богу, яко жертву, богоугодный строй внутренней жизни, слагающейся из образа мыслей, чувств и расположений. Этот новый закон жизни о Христе Иисусе весь в едином слове: токмо веруй, и спасен будешь. С таким пояснением: вера же твоя да будет любовию споспешествуема, — любовию, в коей исполнение закона. Вот δόγμα — существо жизни о Христе Иисусе. Вера — мысленное дело, любовь — тоже. Всякого рода внешнее положение не колеблет сего словесного служения. И се есть — поклонение Богу духом и истиною!

И язычники имели свой внешний чин религиозный. И они должны были его бросить, и бросали, приступая к Господу с верою. Таким образом — внешнее все брошено и иудеями, и язычниками, а затем обоими принят одинаковый строй внутренней жизни. Внутри они сочетавались единомыслием, единочувствием, единонравием: тут утверждался между ними прочный мир. Но в этом же получились и новые начала жизни для них обоих, слитых воедино. Так новый дух жизни о Христе Иисусе, проникая обоих одинаково, творил мир и из обоих созидал *единаго новаго человека*, или новое человечество, коего родоначальник и глава — Христос Господь.

Но это есть еще низший род мира. Есть высший — мир с Богом, в коем источник первого. Апостол говорит: и *примирит Богови*, — сказавши наперед о примирении обоих между собою, не потому, чтоб в этом было начало того, а потому, что в изображении умиротворяющего действия искупления идет от низшего к высшему. Последний предел умирения есть примирение с Богом, дальше которого уже некуда идти. Но в существе дела — тут начало всего. Примирившись с Богом, верующие умиротворяются в себе, а чрез этот мир мирятся все и взаимно. С Богом мир утвержден крестом, крестною смертию Господа, верою, в силу которой верующий усвояет себе умилостивление Бога, за всех ею совершенное. Но что значит: *примирит обоих во единем теле*? — Если бы здесь говорилось о примирении между собою иудеев и язычников, то *во едином теле* прямо указывало бы на тело Церкви; но как говорится о примирении *Богови*, то слова сии не подают другой мысли, как: примирить в едином теле Своем, принесши его в жертву умилостивления за всех на кресте. Равным образом *убив вражду* не ту вражду означает, о которой выше говорилось в словах *вражду плотию своею*, но вражду, которую грех восставлял между людьми и Богом. Эта вражда убита крестом; и верующие, *враги бывше* (Рим. 5, 10), примиряются чрез него с Богом.

Таково содержание сих стихов! Но как они представляют наиважнейший предмет веры нашей, то чтоб подольше подержать на нем внимание любящих внимать истинам веры, приведем здесь все, что высказано было святыми отцами и учителями нашими по поводу их.

Той бо есть мир наш, сотворивый обоя едино. «Он есть мир наш, Он устроил, что уверовавшие из израильтян и из вас составляют одно тело» (Феодорит). «Что значит *оба едино?* — Апостол этим показывает не то, что Бог даровал нам с иудеями одинаковое благородство, но то, что и нас, и их Он возвел в лучшее состояние. Впрочем, благодеяния Божии к нам даже выше; тем — иудеям дарованы были обетования, и они были к Богу ближе нас; нам не дано было никаких обетований, и мы отстояли от Бога дальше. Потому-то и сказано: *языки за милость прославили Бога* (Рим. 15, 9). Израильтяне получили обетования, но оказались недостойными их; нам же ничего не было обещано, мы были чужды обетований; ничего общего у нас с иудеями не было, и Он соединил нас воедино; не так, впрочем, чтоб нас присоединил к ним, но нас и их совокупил воедино. Возьмем пример: пусть один будет раб, другой — усыновленный; оба они долженствовали служить Ему (то есть Богу), но один объявлен был лишенным наследства, другой бежал прочь, а потом оба соделаны наследниками и

законными детьми. Они удостоились одинаковой чести; два сделались едино, с тем только различием, что один пришел издали, другой — изблизи, и что ближайший прежде прибыл к Отцу» (святой Златоуст).

Средостение ограды разорив. «Положил конец закону, который, подобно какой-то стене, разделял вас друг от друга, а совершив сие, уничтожил то, что разлучало вас и их» (Феодорит). «Стену, которая была посреде и полагала разделение между законом дел и язычеством, назвал он загородью или тыном (греч. φραγμός), а не стойкою и мощною стеною. Ибо ни язычество не было чем-либо твердым, как изобретение человеческое, ни обрезание с новомесячиями, различениями яств, жертвами и субботами, не было учреждение прочное и неизменное, и оно было дано с тем, чтобы престать, когда придет Христос. Хоть Бог дал все это, но дал на время; благовестие же веры неизменно и беспреемственно» (Амвросиаст). «Закон был и оградой, — оградой для утверждения в добре; оградой же назван он потому, что мог ограждать от зла. Послушай, что говорит Пророк: *ограждением оградих* его (Ис. 5, 2). Еще: *низложил еси оплот его, и объимают и вси мимоходящии путем* (Пс. 79, 13). И еще: *закон в помощь даде* (Ис. 8, 20). И в другом месте: *творяй милостыни Господь и судбу всем обидимым. Сказа пути своя Моисеови, сыновом*

Израилевым хотения Своя (Пс. 102, 6—7)» (святой Златоуст).

Вражду плотию Своею. «Прежде воплощения была великая вражда между обрезанием и необрезанием; ныне же мы примирились, став едино верою. Мы характеризуемся уже не обрезанием и необрезанием, но один имеем отличительный знак — веру» (Феофилакт). Святой Златоуст и другие восточные разумеют здесь вражду к Богу, которую восставляет грех. Блаженный Фотий у Экумения разумеет две вражды — и ту, которая была между иудеями и язычниками, и ту, которая у тех и других была к Богу по причине грешности. «И ту, и другую, говорит, разорил Христос, Бог наш». Но прямее здесь понимать первую, хотя можно доразумевать и вторую так: разделение иудеев и язычников уничтожено отменением закона, а он отменен тем, что Христос кровию Своею примирил нас с Богом.

Закон заповедей ученми упразднив. «Предписания законные заменил догматами. Обрезание, субботу, пасху, пятидесятницу и то, чтоб не являться пред лицем Господа тощу,— научил понимать выше, нежели как внушает звук слова, и, отступив от убивающей буквы, следовать духу животворящему» (блаженный Иероним).— «То есть закон, который дан был иудеям,— о хранении обрезания, новомесячий, жертв, субботы, отменил, потому что он служил только в тяготу,— и

тем ввел мир (между иудеями и язычниками). Почему Апостол Петр и сказал в Деяниях: *что возлагаете иго* на выи учеников, егоже ни отцы наши, ни мы возмогохом понести*? (Деян. 15, 10)» (Амвросиаст). «О деликое человеколюбие! Он дал нам закон, чтоб мы сохранили его; потом, когда мы не сохранили его и за это долженствовали быть наказаны, Он и закон упразднил. Это походит на то, как если бы кто, поверив свое дитя воспитателю и потом заметив, что дитя не слушается пестуна, освободил его от воспитателя. Великое человеколюбие Бог показал этим! — Что же значит: *ученми упразднив*? — Апостол полагает великое различие между заповедию (ἐντολή) и учением (δόγματα). Учением он называет здесь веру, потому что мы спасаемся только верою... Значит, — если веруешь, что Иисус Христос восстал из мертвых, — спасешься. И еще: *близ ти глагол есть во устех твоих и в сердце твоем... да не речеши... кто взыдет на небо... или кто снидет в бездну... или кто бы возвел Христа из мертвых* (Рим. 10, 6—8). Вместо дел он ввел веру, чтобы не пропало даром дело спасения; Сам принял наказание, а от нас требует веры в догматы» (святой Златоуст).

Да оба созиждет Собою во единаго новаго человека, творя мир. «Видишь, язычник не сде-

* В Писании: *что искушаете Бога, хотяще возложити иго...* (Деян. 15, 10). — *Ред.*

лался иудеем, но тот и другой пришли в новое состояние. Не для того он упразднил закон, чтобы одного преобразовать в другого, а для того, чтобы воссоздать обоих. И хорошо Апостол употребляет слово: *созиждет*; не сказал: переменит, чтобы показать особую силу этого действия, — и то, что хотя это созидание совершалось невидимым образом, но несмотря на это оно не меньше первого творения, — и то, чтобы при таких очевидных доказательствах уже нельзя было оставаться неверующими. *Да оба*, говорит, *созиждет Собою*, то есть чрез Себя. Не послал кого-нибудь другого, но Сам Собою, — предварительно как бы расплавив того и другого, то есть эллина и иудея, — создал одного дивного, то есть христианина, — Сам соделавшись и первым творением этого рода, творением, которое гораздо выше первого творения. *Собою* может значить также и то, что Он первый представил нам образец и пример (новой твари). При этом, занимая Сам средину, Он одною рукою привлекает иудея, другою эллина и, смешав их и все, что отчуждало их между собою, уничтожив, преобразил свыше. Преобразил и иудея, который был обрезан и находился под проклятием, и эллина, находившегося вне закона, *во единаго новаго человека*, высшего обоих, — и иудея, и эллина, — *творя мир* и в отношении к Богу, и в отношении друг ко другу. Оставаясь иудеи иудеями, эллины эллинами, они

никогда не соединились бы между собою. Не оставляя собственного положения, как каждый из них мог бы прийти в лучшее состояние? — Иудей тогда лишь сближается с эллином, когда сделается верным. Это походит на то, когда двое занимают внизу два отдельных помещения и вверху имеют один общий прекрасный и обширный покой: они до тех пор не могут видеться между собою, пока не поднимутся вверх» (святой Златоуст). Новым человеком называет Он того, который обновляется по вся дни и имеет обитель в новом мире, когда будет *небо ново и земля нова* (Ис. 65, 17), — имеет пить чашу Иисусову новую в Царствии Божием (Мк. 14, 25) и петь песнь новую (Пс. 32, 3; Пс. 97, 1). Начало обновления полагается здесь; совершенное же и полное обновление последует в веке грядущем. Как видим мы здесь зерцалом в гадании, а там узрим лицем к лицу (1 Кор. 13), так и созиждение нового человека тогда явится полным и совершенным, когда небо и земля соединятся (блаженный Иероним).

И примирит обоих во едином теле Богови крестом, убив вражду на нем. «Убил вражду на кресте, принесши нескверную жертву. Примирил же обоих, то есть уверовавших из язычников и из иудеев, в едином теле, принесенном за всех, чтобы составили они одно тело. А всех верующих назвал Апостол одним человеком, потому

что одна у всех глава – Владыка Христос, тело же составляют сподобившиеся спасения» (Феодорит). «Убив вражду смертию Своею, Христос прежде между собою помирил народы, а потом сделал их мирными и с Богом Отцом, чтоб одноестественные люди, разрознившиеся по причине греха и заблуждения, соделались членами одного нового тела, коего глава – Христос» (Амвросиаст). «Не сказал: умирить (καταλλάξη), но *примирить* (то есть вполне примирить – ἀποκαταλλάξη), показывая чрез то, что и прежде сего человеческое естество было способно к примирению с Богом, как, например, во святых, бывших еще прежде закона. *Во единном теле*, говорит, *своем Богови*. Каким же образом Он совершил сие? – Сам понесши на кресте должное наказание. *Убив вражду на нем.* Выразительнее и точнее этих выражений быть не может. Смерть Его, как бы так говорит Апостол, убила, пронзила и уничтожила вражду; не другому кому поручил Он это дело, а Сам выполнил его, и для этого не только действовал, но и страдал. Не сказал: разрешив, не сказал также: отъяв, но *убив*, – слово сильнейшее из всех, так что вражда никогда уже не восстанет. Да и как бы она могла восстать? Разве благодаря нашей злобе? А доколе мы пребудем в теле Христовом, доколе будем находиться в единении с ним, до тех пор она не восстанет, а будет лежать мертва. Собственно же говоря,

она никогда не восстанет, и мы можем лишь произвести другую (вражду), но отнюдь не прежнюю, которая навсегда убита и умерщвлена. И значит это, то есть быть или не быть во вражде с Богом, зависит от тебя. *Мудрование плотское*, сказано, вражда на Бога есть. Если мы не будем мудрствовать плотского, то этой новой вражды никогда не родится, а всегда будет мир. Но помысли, как ужасно снова добровольно прийти нам во вражду с Богом после того, как Он так много сделал для нашего примирения и действительно примирил нас? Эту новую вражду ожидает уже не купель крещения, а геенна, не прощение, а наказание» (святой Златоуст).

Стих 17. *И пришед благовести мир вам далним и ближним.*

Изъясняя, как ефесяне стали близки, Апостол сказал сначала вообще, как сближены расходившиеся дотоле иудеи и язычники между собою, и как те и другие приблизились к Богу (ст. 14—16); теперь говорит, как это благо коснулось самих ефесян, хотя и здесь можно разуметь язычников вообще.

И пришед благовести. Сначала положил Господь прочные основания миру в Своем лице крестною смертию, упразднив закон и разорив чрез то средостение между язычниками и иудеями и тем же крестом примирив обоих с Богом. Потом, по воскресении, вознесении на небо и

сошествии Святого Духа, послал святых Апостолов разносить по всему миру благовестие о сем мире и утвердить самый мир. Апостолы разносили благовестие мира, но в лице их действовал Сам Господь, как обетовал: *се Аз с вами есмь во вся дни* (Мф. 28, 20). И еще: *и ины овцы имам, яже не суть от двора сего, и тыя ми подобает привести* (Ин. 10, 16). Сам Господь ходил в лице Апостолов и обращал как частные лица, так веси и города, и целые народы. Он же в лице святого Павла приходил к ефесянам и их обратил, сообщив им благовестие мира и утвердив его среди их.

Благовести мир. Предмет благовестия был, что Сын Божий воплотился и, пострадав на кресте, примирил нас с Богом. Бросайте все и к Нему Единому прилепляйтесь. Принимавшие сие благовестие с верою, во святом крещении получали благодать Святого Духа, которая водворяла мир в сердцах их умирением совести и удостоверением в благоволении Божием, а чрез это объединяла всех верующих и сочетавала их в крепкое единство единством настроения духа. Благовестие Евангелия было благовестием всестороннего мира и утверждением его.

Вам далним и ближним. «*Дальними* называет язычников, а *ближними* иудеев» (Феодорит). Как предыдущая речь была все о далеких и близких, то эти выражения были понятны сами

собою. В великое утешение и назидание должно было послужить ефесянам то, что и к ним приходил Сам Господь, хотя благовестие слышали они из уст Апостола. Утешительно быть уверенным в этом и всякому народу, и всякому обращающемуся от нерадения и грешности к ревнованию о содеянии спасения своего в Господе.

Амвросиаст пишет: «Убил вражду Господь Иисус Христос, когда умер за всех, как иудеев, так и язычников. Смерть Спасителя была спасительна для всех. Воскресши из мертвых, Он показал, какие надежды могут питать верующие в Него. А потом устроил благовестие на созвание всех к Богу Отцу в едином Духе, с пресечением разделения, чтоб – иудей ли кто или язычник – все принимали веру во Христа и ею соделывались едино».

Святой Златоуст, а за ним и Экумений с Феофилактом не различают личного благовестия Господа от благовестия в лице Апостолов, и под словом: *пришед благовести* разумеют все домостроительство спасения в лице Господа, чрез воплощение пришедшего на землю. Святой Златоуст говорит: «Не другого кого-либо Бог послал возвестить нам это, но собственно Сам возвестил. Не избрал для этого ни Ангела, ни Архангела, потому что исправить столько зол и возвестить о соделанном мог только Он Сам, явившись на земле, и никто другой. Господь принял на Себя

должность слуги и почти раба, пришел и возвестил, говорит Апостол, *мир вам, дальним и ближним*, то есть иудеям, которые сравнительно с нами были ближе (к Богу), и язычникам, которых, как чуждых заветов обетования, он называет дальними. *Мир*, разумеет Апостол, к Богу, ибо Иисус Христос примирил нас с Богом. О сем учил Сам Он, когда говорил: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27). И в другом месте: *аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю* (Ин. 14, 14). И еще: *Сам Отец любит вы* (Ин. 16, 27). Все это признаки мира и для нас, и для них».

И не ближе ли к делу такое разумение?! В таком случае слова: *пришед благовести* будут сочетаваться с предыдущими так: да затем Он и приходил, чтоб благовестить этот всесторонний мир.

Стих 18. *Зане Тем имамы приведение обои во едином Дусе ко Отцу.*

Если б не пришел Господь во плоти, и если б, пришедши, не устроил благовестия, не имели бы мы приведения ко Отцу. Он есть единственная дверь, и кто Им входит, тот только и спасается. Почему говорит: *никто же приидет ко Отцу, токмо Мною* (Ин. 14, 6). Не то только здесь разумеется, что, вообще примирив нас с Богом крестною смертию и Духа благодати даровав, Он поставил нас к Богу в отношение сыновства, ради

коего можем вопиять: *Авва Отче* (Рим. 8, 15; Ин. 4, 23),— и молиться: *Отче наш, Иже еси на небесех* (Мф. 6, 9), но и то особенно, что и каждую душу берет Он, как иной берет за руку человека, и приводит ко Отцу. Почему сказал, что Ему подобает привести и те ины овцы, кои не были от двора Израилева. Всякую душу приводит Он и первое обращение устрояя, и в борьбе со грехом всячески пособствуя, и возводя до последних степеней совершенства, пока не приведет туда, где Сам есть — одесную Бога седя.

Во едином Дусе.— Как разуметь, в одном духе веры и любви или силою одинаковой для обоих нас благодати Святого Духа? — Можно не различать: ибо и вера от Бога, и любовь изливается в сердца Духом Святым. И Дух Святой, наитствуя душу, не механически пересозидает и переносит ее из одного состояния в другое, а возбуждая нравственные силы, кои, в благодатном царстве, сосредоточиваются в вере и любви. *Обои во едином Дусе.* Прежде иудеи имели доступ к Богу, но внешний, и Бог открывал Себя им тоже внешно. Так, по Божию устроению, как прообраз будущего. Язычники не имели того. Теперь то отменено, и на место того всем открыт к Богу путь новый и живой. Господь приходит и, десницею благодати Духа взяв душу (чрез возрождение), приводит ее к Отцу (подвигом и доброделанием).

Святой Златоуст говорит: «Мы не меньше и они не больше спасены; и мы, и они одной и той же благодати удостоены: ибо вражду разрушил Он смертию, а любезными нас соделал Отцу чрез Духа. Чрез Себя Самого и чрез Духа Он привел нас к Богу». То же блаженный Феодорит пишет: «*Тем имамы приведение.* Сие подобно сказанному Господом: *никто же приидет ко Отцу токмо Мною* (Ин. 14, 6). Привел нас ко Отцу, говорит Апостол, привел же, сподобив благодати».

в) ***На сколько стали близ?***
ст. 19—22

Стали сожителями святых, своими домашними Богу, даже больше — стали жилищем Божиим. Какой еще большей желать и ожидать близости?

Стих 19. *Темже убо ктому несте странни и пришельцы, но сожителе святым и приснии Богу.*

Начав убеждать ефесян, чтоб помнили величие Божия им благодеяния, святой Апостол сказал вообще: были вы далеко, а теперь стали близко (ст. 11—13); потом, объяснив каким образом стали близко (ст. 14—18), делает теперь вывод: видите, как близко вы стали! Предоставляя самим ефесянам сделать отсюда приложение: как же не помнить такого великого благодеяния. Амвросиаст пишет: «Убеждает их, чтоб помнили

о благодеяниях Божиих, — что тогда, как были так далеко от познания и страха Божия, теперь, по милосердию Его, приближены, чтобы быть сопричастниками тех, кои были близко к Богу, соделавшись согражданами сынов Божиих».

Три сравнения употребляет Апостол для объяснения, сколь стали близко: стали близко, как близки между собою и с князем своим сограждане, — как близки члены одного семейства и между собою, и с главою его, — как близки части здания и друг к другу, и к живущему в нем. Соответствуют эти сравнения прежде высказанным моментам отдаления от Бога и народа его (12). «Там говорит он: *чужди от завета обетования*, и: *отчуждени от жития Израилева.* Здесь против первого говорит: *несте странни и пришельцы*, а против второго: *но сожителе святым и приснии Богу*» (блаженный Иероним).

Были вы как чужестранцы, живущие далеко в других местах, или хотя и тут же живущие, но не имеющие права гражданства, πάροικοι — проживальцы, временные и случайные; а теперь стали согражданами, — συμπολῖται. «Ныне вы имеете тот же со святыми город — небесный Иерусалим» (Экумений). «В тот же город записаны, на небесах сущий и пребывающий вовеки, которого и те желали пламенно» (Феофилакт). «Видишь ли, мы записаны, соделаны согражданами не просто

иудеев, но мужей, великих своею святостию, каковы Авраам, Моисей и Илия. Вот в какой город мы записаны, вот где явимся мы некогда!*» (святой Златоуст).

Благодатное Царство Христово было изображаемо под видом *града, емуже художник и содетель есть Бог* (Евр. 11, 10). Ветхозаветные святые знали, что суть преднареченные граждане сего града, но самого града не видели, а, желая пламенно увидеть, издалеча целовали его. В этом отношении и они были страннии и пришельцы, как ищущие своего града и отечества, каковыми они себя и исповедали (Евр. 11, 13). Отсюда святой Златоуст такое делает наведение: «*Таковая глаголющии* (то есть называвшие себя странниками и пришельцами), сказано, *являются яко отечествия взыскуют* (14); а вы уже сограждане святых, а не странники и пришельцы». «Весьма высокого достоинства сподобились вы тем, что соделались согражданами святых» (Феодорит).

Сограждане святых — члены одного благодатного царства, кои все святы,— потому и члены, что святы. Тут разумеются не только те, кои по Христе; но и те, кои до Христа: ибо те и другие во Христе. Царство Божие есть Царство всех веков. Как прежде святые были святы верою во Христа грядущего, так и новые святы такою же верою во Христа пришедшего. Вера сия единила

* Когда-то.— *Ред.*

их и со Христом, и между собою. Верующие одного имеют владыку, и где бы ни жили – все суть сограждане. Желавшие приобресть римское гражданство делали взнос и покупали его. В благодатном Царстве Христовом приносят веру в Господа – и сопричисляются к согражданам его (Амвросиаст).

Другое сравнение у Апостола для объяснения близости, в какую по благодати стали ефесяне (и все язычники), берется от близости членов одного семейства. *Приснии Богу* – свои Богу. Это еще ближе. Сограждане суть одного духа и одной любви к отечеству, но не одного отца дети; в семействе же все свойственники, родные. Так и верующие все имеют одного Отца – Бога, *порождени не от семене истленна, но неистленна, словом живаго Бога и пребывающа во веки* (1 Пет. 1, 23). К какому бы племени ни принадлежал кто, благодать всех делает своими Богу. Так по вере в Господа, Коего приемлющие получают область чадами Божиими быти, не причисляются только к чадам, но существенно бывают чадами, яко от Бога рожденные. Оттого и свои Богу, и это свойство носят они в чувстве сердца, как отражение всего, что устрояет в них благодать. Свои Богу – какое высокое титло! Какая утешительная и сладостная сторона христианства! И это не мечта самообольщения, а по существу дела так есть.

Должно поиметь во внимании, что хотя в сравнении — мысленно — согражданство и свойство можно различать, как степени близости, но в царстве благодатном, на деле, то и другое сходится. Согражданство духовное — от единства духа, а это единство производится тем же Духом, которым все получают и одинаковое рождение, или поставляются в свойство между собою и с Богом. Сограждане Царства Христова все и свойственники суть. Такими они себя имеют и в сердце, во взаимоотношениях.

Стих 20. *Наздани бывше на основании Апостол и пророк, сущу краеуголну Самому Иисусу Христу.*

Мысль о домашних, — присных, своих Богу, — привела к мысли о доме как месте жительства. Апостол и останавливается на ней, чтоб еще на большую степень возвесть близость, в какую поставлены язычники верою. Верующие — свои Богу и потому еще, что Он их своими имеет, а они — Его; потому что в таком глубоком общении состоят к Богу, что Он в них живет. Таким образом, они и присные Богу, и жилище Его. Это еще ближе.

Святой Апостол, впрочем, не на том останавливает внимание, как они еще ближе суть, будучи представляемы под образом дома (ибо это само собою очевидно), а на том, как они соделываются таким домом; ибо из этого открывается еще

большее к ним благодеяние Божие. Были далеко отброшены, как камни вдали валяющиеся, а теперь взяты, обделаны и вложены в здание дома.

Церковь Божия и в Ветхом, и в Новом Завете представляется под образом здания — дома или храма.

Церковь — храм веры. Веру основали и утвердили на земле Апостолы, опираясь на пророков. Апостолы ближе к нам и осязательно видели истину; пророки — дальше и истину видели вдали, в образах, хорошо представлявших истину, но и закрывавших ее собою, оставляя место гаданиям и для самих даже пророков, как и когда все указуемое сбудется. Почему Апостолы и поставлены напереди. Апостолы предлагали слово от лица Господа, но вместе относились и к пророческому слову, яко известнейшему. Мы теперь почиваем верою на слове Апостольском, подкрепляясь и пророками.

Наздани — надстроены, составляя корпус здания. Как делают каменщики? — берут камень, обтесывают его и полагают в здание, где и как приходится. Так Апостолы с пророками, рукою проповеди берут души и народы, обделывают секирою благодати Духа, подводя под характер здания и полагая в здание Церкви, сочетавают с нею. — Так камень за камнем полагается, слой за слоем налагается, и здание высится. Экумений пишет: «Желая показать святое единение верующих

с пророками и Апостолами, говорит: *наздани*. В основании положены Апостолы и пророки, а вы восполняете прочее здание. Что и значит — быть надстроенными поверх Апостолов и пророков».

Наздани на основании Апостол и пророк. «То есть на Ветхом и Новом Завете. О чем Апостолы проповедали, о том пророки предсказывали, что оно будет. В послании к Коринфянам говорит он: *Бог положи в Церкви первее Апостолов*, потом *пророков* (1 Кор. 12, 28). Но там — другие пророки, ибо в том месте рассуждает Апостол о строе Церкви (в каком она стоит), а здесь об — основании Церкви. Пророки подготовили (нужное для здания) и предрасположили его (предызобразили план), а Апостолы положили основание (и возвели здание посредством привлечения к вере). Почему Господь и говорит Петру: *на сем камени созижду Церковь Мою* (Мф. 16, 18), то есть на сем исповедании вселенской веры поставлю Я и утвержду верных в живот. Так некогда и Давид все подготовил для построения дома Божия и место, где ему быть, назначил, а основал его (и устроил) Соломон» (Амвросиаст).

Сущу краеуголну Самому Иисусу Христу. Не один угол, а все углы и в здании и в основании — Христос Господь. Он сочетавает пророков и Апостолов. В Нем осуществляется пророческое слово; Он же есть содержание и слова

Апостольского. В этом единении слова откровенного, от начала до Апостолов, — крепость основания веры. В нем сочетаваются и крепость свою имеют и стены здания, то есть все верующие, которые потому и на Апостолах с пророками утвержденными именуются, что веруют в Господа, потому и в Церковь вводятся, и с нею сочетаваются, что сочетаваются с Господом. Прямая мысль Апостола в наименовании Господа краеугольным камнем та, что в Церкви все от Господа, не исключая самих Апостолов и пророков. Так святой Златоуст: «Апостол присовокупил: *сущу краеуголну*... чтоб показать, что Христос все содержит, ибо краеугольным камнем называется то, что поддерживает и стены, и основание, на чем утверждается все здание. Заметь, что Апостол иногда представляет Господа свыше — содержащим и властвующим над всем телом, иногда же снизу — носящим все здание на Себе, — главным основанием. Апостол для того и сказал выше: *созиждет во единаго новаго человека*, чтобы показать, что в Нем все воссозданы. *Перворожден*, сказано о Нем, *всея твари* (Кол. 1, 15). Так Он все носит на Себе, все содержит (и все созидает)».

Но как верующие, составляющие стены здания, состояли тогда из иудеев и язычников, и Апостол в послании объясняет взаимное их сближение, то — не дивно, что в слове — *сущу краеуголну* — Апостол хотел показать, как чрез Господа

Иисуса Христа в здании Церкви, как две стены, сочетаны иудеи и язычники. Так и святой Златоуст между прочим; так и все наши толковники. Феодорит пишет: «Как главою тела нарек Апостол Господа, так называет Его и краеугольным камнем здания, потому что смыкает две стены и, подобно углу, соединяет уверовавших из иудеев и язычников».

Камнем краеугольным назван Господь еще в ветхозаветных предсказаниях, которые Сам Он отнес к Себе, предрекая вместе, каково будет тем, кои не примут Его. Все сие изображает блаженный Иероним: «Главный камень краеугольный, связующий и держащий тот и другой народ (можно разуметь — и небесное, и земное), есть Христос Господь наш, камень отсеченный от горы без рук, о коем и Псалмопевец свидетельствует, говоря: *камень, егоже небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла. От Господа бысть сей и есть дивен во очесех наших* (Пс. 117, 22—23), пренебреженный фарисеями, которые, считая себя ведцами закона, думали ограничиться в созидании духовного Богу храма одними стихийными постановлениями, а Богом принятый во главу угла, чтоб соединял и скреплял, как две стены, два народа, Сам находясь посреде, и чтоб чрез Него тот и другой народ имел доступ к Богу. Сей же краеугольный камень для неверующих есть камень претыкания и камень соблазна: всяк падший

на Него сокрушится, а на кого Сам Он падет, сотрет того (Лк. 20, 18)».

Не пропустим без внимания и замечания святого Дамаскина, на какую мысль может еще наводить слово: *камень*. «Сказав – *камень*, Апостол указал и на сочленение его с построеваемыми на Нем, то есть однородие с нами чрез рождение во плоти Единородного. *Понеже дети приобщишася плоти и крови, и той преискренне приобщися техже* (Евр. 2, 14)». Без этого Он и краеугольным не мог бы быть.

В здании и основание, и краеугольный, и стены, и все соединено и составляет едино. Как потому хорошо прибрано Апостолом это сравнение с целию выразить сближение язычников с иудеями, с Богом и порядками Божиими! – «Смотри, – говорит святой Златоуст, – как Апостол смешивает всех вместе: язычников, иудеев, Апостолов, пророков, Христа, и, чтобы показать тесную связь между всеми ими, представляет их всех то телом, то зданием».

Стих 21. ***О Немже всяко создание составляемо растет в церковь святую о Господе.***

Всяко создание – не тварь, а здание – οἰκοδομή. *Составляемо* συναρμολογουμένη – сгармонировываемо, стройнослагаемо будучи. *Растет* – все более и более возвышается. *В церковь* – в храм – ναόν. Представляет Апостол общую мысль о Церкви – растущей, сравнивая ее со зданием.

Как здание, принимая накладку — слой за слоем, все увеличивается и идет к концу и завершению, по плану, для него составленному; так Церковь Божия, принимая в себя лица и народы и их преобразовывая по своей норме, идет к своей полноте и совершенству, пока завершится и станет храмом Богу совершенным, не требующим уже дополнения и надстроивания.

О Немже — о краеугольном, который есть Иисус Христос, ибо в Церкви все от Него, по Его плану, Его силою и действием. *Всяко создание* — прямее все здание, как одно целое, ибо у Апостола речь об одном здании, а не о многих построениях. *Составляемо* — сгармонировываемо будучи. Не как попало набрасываются поступающие материалы, а размещаются по одному плану, и здание выходит стройно, где всякому свое место. «Этим указывается на тщательность (внимание и верность плану) назданиия» (Экумений). Указывается и на разные части здания, кои все сочетаваются воедино о том же краеугольном Иисусе Христе. «На что бы ты ни указал — на кровлю ли, на стены ли, или на что другое, Он все содержит, все носит на Себе» (святой Златоуст). Это то же, что ниже без метафоры говорит он: *и Той дал есть овы убо Апостолы, овы же пророки... овы же пастыри и учители к совершению святых... в созидание тела Христова* (Еф. 4, 11). В другом месте и святых, то есть верующих,

составляющих корпус здания, Апостол распределяет, как распределены у нас разные органы тела, где всякий член свое имеет значение и свое дело. В Церкви Божией все сгармонировано, но она разнообразна в частях, и никак нельзя говорить, что в ней все, как один, и всякий, как все. Где все одинаковы и равны, там какая гармония?! Под этим только условием, что в Церкви члены разны и угармонировываются, она и *растет*, — растет, будучи стройно составляема.

Поступает сначала сырой материал, который в своем природном виде негож в здание. Потому прежде он переделывается и подводится под характер здания, а потом полагается в самое здание. Посредством этих надкладок здание и растет. Лица отдельные и целые народы, призванные проповедию, претворяются благодатию Святого Духа и таким образом сливаются с целостию — Церкви.

Растет. И при Апостолах говорилось: *растет*; и доселе — не иначе можно говорить как *растет*. И до скончания века будет она расти. Здание еще не кончено; кончится в конце веков. И те, которые отошли в другую жизнь, в Церкви суть, и те, которые живут, в Церкви суть. Апостол не полагает разделения между ними. Церковь одна. Можно представлять себе только, что земная Церковь готовит материал, а само здание, в отделку, строится на небе. Ерма в видении видел

строение храма. Одни приносили материал, другие строили. Строители, получа принесенное, смотрят, гоже ли то и куда гоже. Если гоже, кладут на должное место, а если негоже, бросают прочь; и оно, хоть тут же валяется, но в здание не поступает. Это точный образ того, что бывает с отходящими отсюда. Когда здание кончится, все эти кругом валяющиеся камни прибраны будут в другое место, а дотоле все еще они около. Участь не решена.

Растет в церковь святую, в храм святый. Все идет к тому, чтобы наконец Бог был всяческая во всех. А дотоле Церковь разве не целое здание, без кровли, окон и дверей? Как обитать в таком здании? А в Церкви Бог обитает, как обетовал: *вселюся в них и похожду* (2 Кор. 6, 16). Посему-то Апостол и употребил слово *растет*, представляя Церковь зданием живым, которое все уже имеет необходимое для своего существования и жизни. Как дерево, например, самое еще маленькое, все имеет для жизни; но потом растет, не новые части приобретая, а увеличиваясь и расширяясь в каждой своей, уже имеемой, части. Так и Церковь теперь есть целое здание, жилое, но увеличивается, пока придет в меру храма, как он задуман Богом.

Церковь — Храм *свят*, потому что все его члены святы, Духом Святым освящены и ревнуют быть святыми, и потому, что в нем живет Святой Бог.

О Господе: и свят храм о Господе, и растет он о Господе, и стройно сочетавается о Господе. В Церкви все о Господе, за что ни возьмись, как сказал святой Златоуст. Святой Павел и в начале сказал: *о Немже*, разумея Господа, и в конце прибавил *о Господе*, чтоб внимание наше держать все на Нем едином. Как ни прекрасно здание храма, но, засмотревшись на него, не забывай о храмоздателе. Почему и не распространяется здесь в изъяснении подробностей построения храма. Цель у него напечатлеть ефесянам, что и они включены в общее здание, но не за что другое, как ради веры в Господа и верности Ему. И они сближены со всеми, но о Господе.

Стих 22. ***О Немже и вы созидаетеся в жилище Божие Духом.***

«Впереди сказал о созидании Церкви всей — вселенской, а теперь говорит о созидании Церкви Ефесской» (Экумений). Как вселенская Церковь созидается о Господе в храм Богу, так и всякая частная Церковь созидается в жилище Божие, то же, что в храм Богу, все о том же Господе. Отношение частных Церквей к Церкви вселенской выражено словом συνοικοδομεῖσθε — сосозидаетесь. Вселенская Церковь созидается, как единое целое, особное; а частные Церкви созидаются не особенно, а в связи с Церковию вселенскою. Созидается Церковь вселенская, созидаются и они вместе с нею, быв соединены с нею глубоко и

существенно, так что отдельно, отособясь, нельзя им созидаться. Частные Церкви живут общею всей Церкви жизнию, как в теле каждое отправление будто само по себе действует, например, дыхание, кровообращение, питание; на самом же деле, потому оно и действует, что состоит в связи со всем телом, так что, отдели только его, оно тотчас прекращается, подобно как замирает и всякий внешний член, отсеченный от тела, или каждая ветвь, отсеченная от дерева.

В других местах Апостол говорит, что и каждый верующий есть храм Божий и жилище Божие; а здесь хоть он и не говорит того, но наведением можно и при чтении сего места доходить до того, как и делает святой Златоуст, говоря: «Храм этот, в котором Бог обитает, как в теле, есть каждый из вас и все вы вместе». Каждый член в теле совмещает все, что есть в теле: в нем и кровь, мускул, и нерв, и другие соки; он — сокращение всего тела. В дереве это еще яснее: там каждая ветвь — то же, что все дерево с корнем, стволом и листьями, и каждый лист то же, что вся ветвь. Так и каждый верующий все имеет, что есть в Церкви: и истину слова, и благодать таинств, и общение с Богом во Христе Иисусе. Он есть сокращенная церковь. Но потому он таков есть, что соединен со всею Церковию. Силы и жизнь Церкви в него входят,

и он живет жизнию Церкви. Особность совершенно противна духу христианства.

Это созидание в храм и жилище Богу, как всякого верующего, так и частных Церквей, и всей Церкви, совершается Духом Святым. И каждое лицо, и целые народы негожи сами по себе быть жилищем Богу. Благодать Духа, по вере, чрез таинства входит в душу, перетворяет ее, одухотворяет и делает ее гожею к тому, чтоб обитал в ней Бог. Если Бог — в каждом верующем по благодати, то по ней Он и в душах целого общества верующих, а затем и во всех верующих, то есть во всей Церкви.

Вы, говорит, жилище Богу о Господе Иисусе Христе, Духом. В вас все лица Пресвятой Троицы — само нераздельное Божество. На какую возвел их Апостол близость! Издали чрез согражданство и свойство вот к чему привел. Бог в них, и они, обратно, в Боге: ибо Он все объемлет. Дальше этого идти некуда, чтоб еще указать большую близость. Прилично же было Апостолу в начале воззвать: помните, ефесяне, как вы были далеко и как стали близко.

Но возьмем отсюда и себе несколько уроков.

О Церкви Божией здесь все сказано, чему веровать учит нас Символ веры: что она *едина*, утверждена будучи на едином краеугольном (ст. 14, 16, 17, 20); что она есть *святая*, яко Духом Святым созидается в храм святой (ст. 21, 22);

что она есть *вселенская*, яко обнимающая все времена и народы (ст. 14, 20) и *Апостольская*, на основании Апостолов назданная (ст. 20).

Церковь святая есть град Божий, дом Божий, живой храм, живое жилище живого Бога. Понятнейший для нас образ есть храм и жилище. Краеугольный здания есть Господь Иисус Христос, Сын Божий. Твердо стоит Церковь, и врата адовы не одолеют ее. На краеугольном — первые лежат Апостолы и пророки, на коих потом возводится все здание. От них слово истины, от них и благодать Духа, чрез учрежденные ими таинства подаемого и чрез все другие чины и порядки церковные возгреваемого. Ничего тут трогать нельзя, в намерении изменить или отменить: иначе разоришь Церковь. И учение и учреждения апостольские неприкосновенны. Корпус здания составляют все верующие, всякого пола, возраста и состояния. Обделываются они, как камни, и делаются гожими к кладке в здание Духом Святым, от Которого изливающаяся любовь, как цементом, живо сочетавает всех их, как бы сливает воедино. «Для чего воздвигается такое здание? — Для того, чтобы в нем, как в храме, обитал Сам Бог» (святой Златоуст). Свят храм сей, величествен и досточтим.

Если таков храм, то какову надлежит быть всякому верующему, входящему в состав его?! — Блаженный Иероним пишет: «Если *всяко создание*

составляемо растет в церковь святую о Господе, то, не щадя трудов, надо стараться о том, чтобы соделаться такими камнями, о коих сказано: *камение свято валяется* (мысль: в обилии находится) *на земле его* (Зах. 9, 16). Когда сделаемся мы камнями живыми, со всех сторон обтесанными, обчищенными и отполированными, тогда созиждемся в храм и будем жилищем Богу. И устроится в нас ковчег завета, хранитель закона Божия, и Херувим – обилие ведения и внутреннее персей наших изыдет в новое слово (что на сердце, то будет выражаться новым словом), и наречемся мы *дабир*, что значит оракул, или ответ, или, точнее выражаясь, говорилище; так что можем с Апостолом сказать: *или искушения ищете глаголющаго во мне Христа* (2 Кор. 13, 3)».

V.

Изображая ту особенность домостроительства, спасения для ефесян, как уверовавших из язычников, что они, быв далеко, стали чрез Него близко, Апостол имел в виду расположить их памятовать о сем благодеянии теплейшею памятию. Почему в начале речи о том и сказал: *поминайте же*. Теперь для той же цели, то есть для того, чтоб расположить их помнить, что для них сделано, и дорожить тем, святой Павел выставляет ту еще особенность их призвания и сближения с Божиими порядками, что это было тайною не

только для людей, но и для Ангелов. Он как бы говорит им: Бог доселе берег эту тайну у Себя и теперь только открыл ее и земле, и небу; значит — это такая редкость, которую не всегда и не всем можно показывать. Как же вам не помнить о ней, когда она вас самих касается? Ангелы дивятся ей, а вы останетесь равнодушными? И в этом одном было уже много прибавлено возбуждения к памятованию, но Апостол, излагая способ откровения сей тайны, выставил новую особенность, ту, что проповедь о ней вверена преимущественно ему и сопровождается страданиями и узами. Отсюда выходило: Господь пострадал, чтоб разорить средостение и приблизить вас, и тот, кто призвал вас к участию в сем, находится в узах, а вы останетесь невнимательными к сему и не будете помнить о том?! Таково содержание и значение первых 13 стихов 3-й главы. Далее, до конца главы (ст. 14—21), Апостол молится, чтобы ефесяне, пребывая в глубоком богообщении, уразумели, коль велико это благодеяние. Молитвою начал (1, 16) он эту часть послания, молитвою и кончает. Ибо все от Бога — и внятное изъяснение истины словом, и ясное понимание слова слышимого или читаемого.

Что касается до грамматического строя речи в сей главе, то толковники много разных высказали предположений. Поводом послужило то, что Апостол, сказавши: *сего ради аз юзник*, не докончил

будто речи и пошел в отступление, с целию пояснить, каким образом он есть юзник о них, языцех. Отступление началось со стиха 2, но докуда идет? — Кто говорит до 3-го стиха, кто — до 8-го, кто — до 13-го, кто — до 14-го. Последнее больше всех вероятно, и оно имеет за себя блаженного Феодорита. Течение речи такое: *сего ради аз юзник — о вас языцех...* Потом, объяснив, каким образом он есть юзник за язычников, опять начинает прерванную речь: *сего ради... преклоняю колена...* (ст. 14). Но в таком построении речи не настоит крайней необходимости. Заставляет прибегать к предположениям то, что слово — *юзник* по-гречески стоит с членом ὁ δέσμιος, в каком виде оно будто не может быть сказуемым, чтоб вышла речь: сего ради я есмь юзник; но должно быть считаемо подлежащим. Признав же его таким, потеряем сказуемое. Сказал: *аз юзник*, а что такое *аз юзник* — не видно. Вот и начали строить предположения. Но другие толковники находят, что член пред *юзник* не мешает признавать сего слова сказуемым и читать так: аз есмь юзник. Верно, принимать в известных случаях слова, с членом стоящие, за сказуемое не противно характеру греческого языка. Склониться на это понуждает пример святого Златоуста, святого Дамаскина и Экумения с Феофилактом, которые, конечно, знали исключительные требования своего языка.

Приведем, однако ж, слова блаженного Феодорита, ради того, что хотя он и допускает отступление, но значение стихов 1—13 определяет так же, как изложено нами выше, то есть чтоб опять выставить на вид «великость благодеяния». «Апостол,— пишет он,— хочет сказать: известившись о сем вашем призвании, в точности дознав, кто вы, и как, и на что призваны, прошу и умоляю Бога всяческих утвердить вас в вере и даровать вам от веры проистекающее спасение. Но весьма многое вставил он в сию мысль, *означая опять величие благодеяния*. Пересказывает же (во вставленной речи), как сам он призван, как сподобился Божественной благодати и поставлен проповедником языков, давая тем знать, что ему весьма прилично проповедовать и что не чужое дело присвояет себе, но исполняет повеленное».

Глава 3, стих 1. *Сего ради аз Павел юзник Иисус Христов о вас языцех.*

Чего ради? — Ради всего сказанного, ради того, чтоб вы, бывшие далеко, стали близко, и так близко. «Такой явленной на вас благодати я есмь служитель и подвизаюсь за нее даже до уз» (святой Дамаскин). «Прежде Апостол говорил о великом промышлении Христовом, теперь же говорит о своем усердии, малом и ничтожном в сравнении с промышлением Господним, потому что то само по себе достаточно для приведения

ко спасению. *Сего ради аз*, говорит, нахожусь в узах; ибо если Господь мой претерпел за вас распятие, то тем более я должен потерпеть узы. Не только Сам Он, Спаситель наш, был связан, но благоизволил, чтоб и рабы Его потерпели за вас, язычников, узы. Великий смысл заключается в этих словах Апостола: не только мы не отвращаемся вас, говорит он язычникам, а еще терпим за вас узы» (Златоуст). «Итак, я — узник за вас» (Феофилакт).

Как *юзник Иисус Христов*? — Так же, как Апостол Христов и раб Христов. Я в узах за веру в Него, за проповедь о Нем, за дело Его — устроение спасения людей. Эти внешние узы наводят мысль о внутренних узах. Апостолы говорили: не можем мы яже видехом и слышахом не глаголати. Значит, связаны были внутренно. И Апостол Павел Духом был влеком в Иерусалим, и хотя тот же Дух всюду возвещал, что Апостола ожидают узы, но он не мог не идти туда, на эти верные узы, потому что внутренно был связан. Апостолы все были водимы и носимы Духом, как связанные, как ведомые. Внушает Апостол, что узы его имели особую, промыслительную цель у Самого Господа, руководящего проповедию Евангелия.

Что в эти узы попал святой Павел за язычников, прямо указывают обстоятельства его взятия в узы. Напавшие на него кричали: *сей есть*

человек, иже на люди и закон и на место сие всех всюду учит (Деян. 21, 28). Апостол проповедовал Евангелие чистое, как оно есть, не поминая о законе Моисеевом и когда только нужно объясняя, что время его уже престало. Но ко всему ветхозаветному чину относился с должным уважением и доказывал, что все то было необходимо и имеет всемирное значение. Только теперь, учил он, все то кончилось. А те, не понимая дела, восстали на него, как на хулителя закона и места, где преимущественно действовалось все законное. Апостол так действовал потому, что так ему повелено свыше, а свыше так повелено потому, что иначе не привлечешь язычников и что иначе и вера Христова не может утвердиться на земле во всей своей чистоте. Будучи связан за такое учение, он был связан за дело Иисус Христово, почему и был узником Иисус Христовым, но подвергся в настоящем случае связанию из-за язычников, почему попал в узы из-за них. Экумений пишет: «Случается быть узником только Иисус Христовым, то есть быть связанным и биемым за неизменение веры в Него, а не и за языки, то есть не за учение и проповедь, распространяемые среди них. Так многие мученики были мучены не за то, что учили язычников вере, а за то, что не отвергались от веры во Христа. Павел же был узником и за Христа, и за язычников».

Стих 2. *Аще убо слышасте смотрение благодати Божия данныя мне в вас.*

Если слышали, но вы слышали… Сей оборот речи равносилен следующему: так как вы слышали. Частица *если* не сомнение или неведение означает, но совершенную уверенность. Слышали вы, что мне поручена проповедь Евангелия среди вас, потому вам и без особых объяснений должно быть понятно, почему я узник *о вас языцех*.

Слышали они не от другого кого, а от самого же Апостола. Нельзя предположить, чтоб он умолчал об этом, особенно после того, как писал к галатам. Ибо смущения Галатийских церквей и произошли отчасти потому, что там не совсем полно было известно, что такое есть святой Павел и почему он проповедует, не будучи из числа двенадцати.

Смотрение благодати — благодатное смотрение, οἰκονομία. Как в благоустроенном доме благоразумная экономия распределяет, что кому и как следует делать, так и в благодатном Царстве Христовом, по экономии — домостроительству спасения, все вначале было распределено, кому за какое дело взяться и как его вести. Святому Павлу, непосредственно Самим Господом призванному, Самим же Господом поручено идти с проповедию к язычникам: *иди, далеко во языки пошлю тя* (Деян. 22, 21). Об этом благодатном смотрении или распоряжении Господнем и поминает

здесь святой Павел. Вам известно, что мне поручена проповедь среди вас. Я усердно исполнял свое дело, но это раздражило неразумную ревность, и вот я в узах.

Святой Златоуст говорит: «Здесь Апостол намекает на предсказание, возвещенное о нем Анании в Дамаске, когда Господь сказал: *иди, яко сосуд избран Ми есть сей, пронести имя Мое пред языки и царьми* (Деян. 9, 15). Смотрением благодати он называет именно это откровение. Таким образом, слова Апостола значат следующее: не от человека я узнал, не человек меня удостоил чести быть главным благовестником вашим, а Сам Бог сказал: *иди, яко Аз во языки далече послю тя* (Деян. 22, 21)».

Святой Павел поминает об этом не с догматическими целями, как в послании к Галатам, а с тем, чтоб и в этом дать ефесянам побуждение помнить, что сделано для них благодатию. Благодатное смотрение относительно его, Апостола, было направлено на них. Их имея в виду, об них особое попечение являя, Господь избрал и образовал непосредственно Сам Апостола для них и ему все рассказал и открыл, как и почему что делается, все же для них. Как не помнить всего этого? На этом образовании Апостола, как особом действии смотрения Божия, останавливает внимание святой Златоуст: «И справедливо Апостол назвал это смотрением, ибо, подлинно, великое

было смотрение, когда тот, кого нельзя было убедить никоим образом, призывается свыше словами: *Савле, Савле, что Мя гониши?* (Деян. 9, 4), и при этом теряет зрение от неизреченного света!»

Стих 3. *Яко по откровению сказася мне тайна: якоже преднаписах вмале.*

Яко, ὅτι — не *потому что*, но *что*. Слышали смотрение, что то есть *по откровению сказася мне тайна. По откровению* то же, что *чрез откровение* (Гал. 1, 12). Хочет сказать, что как призван к проповеди непосредственно Господом, так и научен истине тоже непосредственно Им же. Не сам придумал и не люди научили, но Сам Господь открыл мне все. «Показывает, что все от Бога» (Златоуст). И притом для них — язычников. Внушает, следовательно: смотрите, какое об вас попечение у Господа! *Сказася...* ἐγνωρίσθη — дана мне знать тайна, внушена, в ум мой вложена. Не только открыта, но так открыта, что я познал ее и понял, как следует. Над этим наблюдал Сам Открывающий, чтоб не вошла какая неправость в слово мое. *Тайна* — та, о которой говорит он в 6-м стихе, чтоб язычникам быть снаследниками и спричастниками обетования. «Справедливо Апостол называет это тайною, ибо подлинно непонятно, каким образом язычники вдруг приведены в благородство большее, чем каково было благородство иудеев!» (Златоуст).

Якоже преднаписах... Якоже — καθώς — не *о чем*, а — *как*, в том виде, в том смысле и значении, как я напереди коротко написал. *Преднаписах* — «не значит, как полагали иные, будто бы писал он (прежде) другое послание, но, говорит, написал теперь (впереди), так как о сем рассуждал от самого начала и до сего места» (Феодорит). Впереди он не поминает о том, как ему открыта тайна, а живописует самую тайну, как пришел Сын Божий, воплотился, пострадал, воскрес, вознесся на небо и воссел одесную Бога Отца, и в Себе спосадил и все человечество, которое к Себе привлекает проповедию и благодатию, кои Духом Святым действуют в людях, обращая и освящая всех без различия, иудеев и язычников, из всех составляя единое тело Церкви, жилище Богу чрез Господа Иисуса Христа во Святом Духе. Об этом все он толковал впереди, теперь говорит, что все это преднаписанное мне открыто, и как открыто, так и написано. Но написанное доселе, хотя содержит все существо домостроительства, не все, однако ж, объемлет открытое мне. Я написал вам *вмале*, из многого немногое, хотя и в немногом многое. «И точно, кто сообразит как следует все написанное впереди, увидит, какие открыты ему тайны, из коих часть некую малую он поместил в предыдущей речи своей, желая не столько высказать все, что знал, сколько показать этим малым, сколько умолчал» (Иероним).

Однако же «кратко слово и сокращенно поучение, но в немногом я научил вас многому, засеменив только (слово истины). Я написал столько, сколько могли вы уразуметь, уразуметь при углубленном и внимательном чтении, а не между делом пробежавши (писанное)» (святой Дамаскин).

Стих 4. ***О немже можете чтуще разумети разум мой в тайне Христове.***

О немже – πρὸς ὃ – судя по чему, – судя по этому написанному, можете заключить, как определенно и полно разумею я тайну Христову. Хотя и мало написано, однако же достаточно для того, чтобы сделать вам такой вывод о достоинстве моего ведения тайны. И кто из читающих не сделает такого вывода?! Но к чему этот самый вывод?! Не мудрость свою хотел выставить Апостол, а внушить им: читая написанное, не можете не видеть, как все ясно и определенно, и вместе как возвышенно и всеобъемлюще. Мог ли я сам все это постигнуть? Если же о *персте Божии*, по Божию откровению я это знаю: *убо постиже на вас царствие Божие* (Мф. 12, 28). Бог к вам приблизился; особое о вас попечение явил; открыл сокровищницу таин Своих. Блаженный Иероним пишет: «Ни одно послание не содержит столько таин, сколько это. О своем разумении говорит он, чтобы прославить благодать, данную ему во языцех, и нам внушить с крайним

вниманием читать сие послание». *Тайну* призвания языков назвал он здесь *Христовою*, потому что и основание ей положено во Христе Господе, и откровение о ней дано Господом, и в дело она приводится Господом же. Христовою прилично назвать ее и потому, что она состоит в существенной связи со всем делом устроения спасения рода человеческого, совершенным Иисус Христом, Господом, верх коего есть седение одесную Отца, в возглавление всяческих. Святой Златоуст и говорит: «Можете узнать, как я понял и как уразумел или вообще откровение Божие, или собственно ту истину, что Он седит одесную». Феофилакт продолжает ту же мысль: «Можете видеть, сколько знаю я тайну Христову, то есть что Он седит одесную Отца, что и нас спосадил там же, что в Нем оба созиждены во единого нового человека, и прочее сюда относящееся».

Стих 5. ***Яже во инех родех не сказася сыном человеческим, якоже ныне открыся святым Его Апостолом и пророком Духом Святым.***

Яже – тайна Христова и вообще домостроительство спасения во Христе Иисусе, и особенно та его сила, что оно обнимает все человечество. «Тайна Христова обнимает воплощение, крест, воскресение, одесную седение, призвание языков, Церковь верою спасаемых, отстранение плотского иудея, сочетание двух народов во едино тело Христово, второе пришествие и воздаяние каждому

по достоянию» (Экумений). *Во инех родех*, то есть поколениях, кои приходят и отходят, по выражению Соломона, и определяют тем периоды времени. *Род* можно счесть равнозначительным *веку*. Во *инех* — не тех, кои тогда были на земле, когда Апостол писал сие, но кои предшествовали. Как *во инех родех* противополагается тому, что *ныне* совершается, то этим выражается: в предшествовавших веках. *Не сказася* — οὐκ ἐγνωρίσθη — не доведена до сведения, не дана знать. *Сыном человеческим*, то есть людям вообще, ни иудеям, ни язычникам *не сказася*. Зачем такой оборот речи, когда при слове об откровении язычники и не пришли бы никому на мысль, а только одни иудеи? — За тем, может быть, что иные роды — предшествующие века — обнимают все время до пришествия Христова и, следовательно, то, когда не было разделения, а все были едино. Разделение началось с Авраама. Чтоб не исключить предшествующие ему роды, Апостол сказал: сынам человеческим не сказася, чтоб дать понять — как от Адама до Авраама, так и после. К тому же Апостол ведет здесь речь к язычникам. Язычники не считали себя чуждыми Божия промышления, хотя не понимали его как следует, и святой Павел сам не считал их чуждыми его. Взор Апостола обнимает весь род человеческий, и он говорит: *Бог, не несвидетельствована Себе оставивший* в прежние роды (Деян. 14, 17), не

благоволил, однако ж, никому сказать тайны сей. Такая мысль понятнее для язычников, которые не знали, как и в какой мере шло откровение среди иудеев. И еще: Апостол говорит здесь не то, что совсем *не сказася,* — но *не сказася* в такой мере, *якоже ныне открыся.* Но своя мера ведения о Христе Избавителе была и среди язычников. По разделении языков и отособлении иудеев, язычники взяли с собою все предшествовавшие откровения и держались их; только как они оставались у них без подновления и пояснений, то они исказили их. Общее, однако ж, чаяние об обновлении человечества осталось и среди их, и оно стало живее, когда между ними рассеялись иудеи в последнее время. Таким образом, имея в мысли сказать о мере предшествовавшего откровения, святой Апостол не мог останавливаться вниманием на одних иудеях, а рассудил обнять всех людей, сказав: *сыном человеческим не сказася.*

Якоже ныне открыся. Язычники темно гадали; иудеям определеннее дана была знать тайна Христова — и о лице Христа Спасителя, и о деле Его — устроении спасения, и о спасаемых Им, даже о том, что и язычники будут призваны; но и это все незначительно в сравнении с нынешним откровением, говорит Апостол. Уже по тому самому так это есть, что духом прозреть что, и самым делом видеть то совершающимся, — большую

дает разность в определенности знания. От этого многие пророки и цари желали видеть относящееся к Господу и не видели (Лк. 10, 24). Отчего и Иоанн Предтеча выше других пророков? — Оттого, что руками осязал спасение, которое другие издали только видели (блаженный Иероним). Так вообще о домостроительстве спасения. Но в отношении к тайне призвания языков это всего очевиднее. Пророки предвидели, что и язычники познают Бога Истинного, как, например, Исаия говорит: *се языцы, иже не ведяху Тебе, призовут Тя* (55, 5). Но чтобы они были призваны в одинаковое с иудеями участие в Царстве Христовом, это не только не было ведомо ветхозаветными, но и новозаветными не вдруг понято. «Несмотря на то, что пророки говорили о призвании языков, это оставалось все еще тайною. Почему изумились те, кои были с Петром (у Корнилия). Да и сам Петр чрез откровение от Духа познал тогда, что и язычников принял Бог. Дотоле еще в прикровенности лежали словеса пророков, гадательными представлялись и прояснения ожидали от самого дела исполнения их» (святой Дамаскин).

Ныне открыся святым Апостолом и пророком Духом Святым. Пророков разумеет он здесь не ветхозаветных, ибо вместе с Апостолами противополагает их последним, а новозаветных. «Ибо во время Апостолов многие имели пророческую

благодать» (Феодорит). Говоря, что ныне яснее открыл Дух Святой, Апостол разумеет или вообще сошествие Святого Духа на Апостолов, яко окончательного и последнего их руководителя в разумении дела спасения и утверждении его на земле, или частнее то указание, которое свыше дано было Апостолу Петру, – не колеблясь принять язычников в общение благодати. Святой Златоуст говорит: «Петр не пошел бы к язычникам, как только по указанию Святого Духа. Ибо послушай, что он говорит: *они* (язычники) *Дух Святый прияша, якоже и мы* (Деян. 10, 47). Слово Апостола Павла: *Духом Святым* значит то, что Бог чрез Святого Духа удостоил их участия в такой благодати. Говорили о сем и пророки, но люди никогда бы с такою ясностию не узнали этого, как узнали, услышав Апостолов, которые превзошли всякий человеческий ум и общие ожидания, когда говорили: *яко быти языком снаследником*, и проч.».

Цель же у Апостола, чего ради говорит сие, та, чтобы такою необычайностию тайны, на язычниках уже исполнившейся, усугубить их внимание к явленному им благодеянию Божию и тем подкрепить свое завещание: *помните же*!

Стих 6. *(Яко) быти языком снаследником и стелесником и спричастником обетования Его о Христе Иисусе, благовествованием.*

«Какая же это тайна, которая прежним родам не была открыта, как ныне? — Та, о которой следует речь: *яко быти*»... (Иероним). «Это и есть та тайна (о которой он столько раз поминал выше), чтоб язычникам вместе с Израилем быть снаследниками и спричастниками обетования» (Феофилакт). «Что язычники призваны будут, об этом знали пророки, а что они будут снаследниками и спричастниками, этого не знали» (Экумений). «Израильтяне стали причастниками обетования, яко народ святой; но вместе с ними сопричастились его и язычники, бывшие дотоле нечистыми. Апостол не удовольствовался сказать, что и они сделались снаследниками и спричастниками, но, желая показать большее еще их сближение и единение, сказал стелесниками. Ибо язычники со святым Израилем стали едино тело, устрояемое и содержимое единою главою — Христом» (Феофилакт).

Можно и не доискиваться, что в особенности значит каждое из сих слов — *снаследники, стелесники, спричастники*. Все они одно значат — крайнее сближение иудеев и язычников в Царстве Христовом, где всякое между ними различие исчезает. И какую бы сторону преимущества иудеев, представленного прежде, ни взял ты, всякая из них теперь имеется и у язычников, не особенно восприявших ее, но вместе с иудеями. Блаженный Феодорит объясняет, почему сказаны

некоторые из них: «Поелику нарек верных единым телом, то говорит, что язычники соделались *стелесниками*. И поелику наследие почиталось принадлежащим иудеям, то наименовал еще язычников *сонаследниками*. И как иудеи думали, что им одним даны обетования, о чем сказал Апостол и в послании к Римлянам: *ихже обетования* (Рим. 9, 4), то назвал также язычников *спричастниками обетования*».

Святой Златоуст не дает объяснения, почему то или другое сказано, а всем им дает один смысл, означение тесного союза иудеев и язычников. «Что значит быть снаследниками, сопричастниками обетования и стелесниками? — Значение сих слов высоко: они означают то, что язычники и иудеи соединены в одно тело, означают тесный союз их. Что язычники будут призваны, это известно было и прежде, но к чему именно они будут призваны, этого до тех пор никто не знал. Потому-то Апостол и называет это *тайною обетования Божия*. Израильтяне и прежде были причастниками обетования; теперь сопричастниками сего обетования соделаны и язычники».

Но можно в каждом из сих слов видеть и некоторые особенности. Так можно думать, что словом *снаследники* означается восприятие того, что древле обетовано Израилю как наследие; словом *стелесники* означается, что вновь получено в благодатном Царстве Христовом; а словом

спричастники обетования то, что имеет быть всеми получено в будущем. Живописуется лествица благ, от лица Иисус Христова истекающих на род наш.

Блага ветхозаветные, и полученные тогдашними, и обетованные будущим поколениям, — первая степень; блага, полученные от Господа, по воплощении Его в Святой Его Церкви, в нынешний период бытия, до второго пришествия, — вторая степень; а то, что обещается в будущем веке и получится по возустроении всяческих, — третья степень, неизглаголемая. Апостол хочет сказать язычникам: ничем вы не заделены; и то, что Израилю было обетовано, вы получили вместе с ним, и то, что сверх того обетования дано вере, подается вам по вере, и то, что уготовано в будущем, ваше будет. Что все и есть дивная тайна, которой никто постичь не мог и которая едва вместилась в умах избранных Апостолов, и то чрез особое уже действие совне и воздействие внутри Пресвятого Духа. Вот чего вы удостоились! Помните же!

О Христе Иисусе благовествованием. На такую высоту вы возведены, таких сподобились благ, так сошлись с Израилем о *Христе Иисусе* верою в Него и ради веры получаемою благодатию Святого Духа, которая, всех пересозидая, делает всех одинаковыми. Привлечены же вы к участию в этом — благовестием, ибо вера от слуха.

«Язычники сопричастились обетованию чрез то, что к ним посланы были благовестники, и они им поверили. Не просто соделались они сопричастниками обетования, но чрез благовествование» (Златоуст). «Верою во Христа соделались они сопричастниками, но вера прибыла к ним чрез благовествование» (Феофилакт).

Но все побуждение к: *помните же*. Ибо благовестие само не пришло бы. Надлежало избрать и образовать благовестников и, снарядив их всякою силою, послать благовестить, руководя и всячески вспомоществуя в сем благовестии. Израильтяне все это у себя имели дома, а к вам надо было нарочитого посылать в такую даль. Об этом намекая, Апостол и говорит:

Стих 7. ***Емуже бых служитель по дару благодати Божия, данныя мне по действу силы Его.***

Емуже — этому благовестию, *бых* — не сам собою я стал, но был сделан, избран и образован, *служитель* — διάκονος. Диаконов поставили Апостолы в первой Церкви, чтоб доставляли всякому потребное. Таким считает себя и святой Павел. Он — диакон, а священнодействователь в Церкви — Сам Господь. Куда пошлет, туда иду; что повелит говорить, то и говорю. *По дару благодати*, — я получил это служение как дар благодати, ничего не привнесши от себя достойного, чтобы получить его (Экумений). «Апостол все относит к

Богу, говоря, что и Апостольство его есть дар благодати, что по силе этого дара он удостоен чести, для обращения язычников, потерпеть узы» (Златоуст). Благодать Божия взыскала его и призвала не к вере только, но и к Апостольству. Благодать и всякого христианина обращает, но то есть особый дар, чтобы стать служителем благовестия. В Апостоле Павле совмещалось то и другое в одном акте благодати, хотя и можно различать действие обращения от поручения благовестия. Что я служитель Евангелия – это дар благодати, но он не для меня, а для вас. И в том особая к вам милость Божия, что благовестника для вас образовал Он особым, чрезвычайным действием благодати Своей. Это и внушает Апостол словами: *по дару благодати, данныя мне по действу силы Его*. Чтобы сделать из меня Апостола для вас, Бог употребил особую силу, явил собою действо благодати Своей. «На мне показал действо собственной силы Своей, призвав меня, недостойного, и вверив мне обучение языков. Я проповедник и служитель (Евангелия) по неизреченной щедрости Призвавшего и по неизглаголанной силе Его» (Феодорит).

Блаженный Феофилакт дарование благодати по действу силы Божией понимает как дарование благодати обильной, какую свойственно изливать Всесильному Богу, меру благодати определяя силою Божиею: «Благодать дарована мне не просто,

не скудно, но любочестно (по-Божески), как свойственно Всесильному Богу».

Святой Златоуст, кроме того, видит здесь указание и на ту силу, которая обычно сопровождала проповедь Апостола, его укрепляя и проповедь подтверждая. «Дар был бы недостаточен, если бы вместе с ним не влагалась и сила Божия, ибо поистине для благовествования недостаточно одного человеческого усердия, а нужна высшая сила. Апостол показал в деле своего благовестия следующие три качества: горячую и неустрашимую ревность, душу, готовую терпеть решительно все, разум и мудрость (ведение и благоразумие). Но недостаточно было бы природной решимости, недостаточно было бы безукоризненной жизни, если бы он не получил силы Духа».

И призван я, говорит Апостол, и образован в Апостола, и исполнен всякою силою — все для того, чтоб благовестие среди вас шло успешно, а чрез благовестие вам открывалась дверь и в сокровищницу тех благодатей, о коих помянул. Но говорит о сем Апостол, не себя возвышая, а чрезмерность милости Божией изображая. Почему прилагает:

Стих 8. *Мне, меншему всех святых, дана бысть благодать сия, во языцех благовестити неизследованное богатство Христово.*

Мне меньшему... Намеренно останавливается вниманием на незначительности орудия, чтоб

показать, что в их призвании и приближении к спасаемым ничего нет человеческого. Тут действовал Сам Бог. Посмотрите на меня, говорит как бы он, как я ничтожен, а дело Божие все растет и расширяется! Кто тут действует, как не сила Божия? Ибо никакая сила человеческая не могла бы произвести то, что совершается; а тут еще совершается, все это таким малым лицом, как я. Не видите ли, что Бог к вам подошел и избрал вас.

Как Апостол Павел, так и все Апостолы, так и все избранные деятели в исполнении своего назначения себя забывали и только тем и заняты были, как бы наилучшим образом совершить дело Божие. Оттого силе Божией было просторно в них и чрез них действовать, и плоды действования их были изумительны для них самих. Им и натурально было видение, как они малы сравнительно с великостию совершаемого ими дела... Почему нет сомнения, что речь Апостола полна искренности. Святой Златоуст говорит: «Послушайте, что говорит святой Павел. Намереваясь сказать о величии благодати Божией, он говорит так: *мне, меньшему всех святых, дана благодать сия*. Много выказал он смиренномудрия и тем, что оплакивал прежние грехи, уже исправленные, всегда помнил об них и был скромен до того, что назвал себя хульником, гонителем и обидчиком; но с тем, что он говорит теперь, ничего и сравнить

нельзя. Прежде, говорит, я был таким-то, и называет себя извергом, но теперь, совершенно исправившись, все еще уничижать себя и называть себя меньшим всех — это подлинно великая и необыкновенная скромность! *Мне, меньшему всех святых.* Не сказал даже: меньшему Апостолов (а — *всех святых*, то есть всех христиан). Но ему считать себя меньшим не только Апостолов, но и всех святых значит чрезвычайно смирять себя! В одном месте он сказал: *несмь достоин нарещися Апостол* (1 Кор. 15, 9); здесь же называет себя даже меньшим всех святых».

Дана благодать — благовестить неизследованное богатство. Богатство непостижимо велико, а раздаятель его так мал. Кто не увидит здесь перста Божия?! «И то было делом благодати, что меньшему были поручены истины величайшие, дабы он сделался их благовестником» (Златоуст).

Словами: *дана благодать* повторяет то же, что выше выразил, что он есть служитель благовестия по дару благодати. *Благовестити во языцех* то же, что благодать Божия избрала меня Апостолом языков.

Неизследованное богатство Христово есть спасение всего человечества крестною смертию Богочеловека. Бог Сына Своего не пощадил. И пусть бы это только, но еще и на смерть предал Его! Непостижимо это. Но когда таким образом все будто было потеряно, оказалось, что сим

путем даровано всем отпущение грехов, благодать возрождения, сыновство Богу, вечное наследие и спосаждение одесную Бога. Подлинно богатство, и богатство неисследованное! Апостол хочет сказать, что богатство Христово не для одних иудеев, но и для всех языков. Раздаятелем его избран он – меньший всех. Что здесь назвал богатством Христовым, то впереди выразил словами: быть язычникам сонаследниками, сотелесниками и сопричастниками обетования.

Стих 9. *И просветити всех, что есть смотрение тайны сокровенныя от веков в Бозе, создавшем всяческая Иисус Христом.*

Благовестити во языцех – а *просветити всех*, – не язычников только, но и всех людей, и даже все создания, имеющие разум и могущие принимать просвещение ведением, как показывает следующий стих. – Когда благовестил, тогда же и просвещал, ибо просвещение есть сообщение светлых о всем понятий, которые составляют содержание Евангелия. Зачем же говорит особо *просветити*? – Хочет сказать: всем дать понять, всем разъяснить и растолковать, что есть смотрение тайны сея, – распространение богатства Христова и на язычников, призвание и их в участие в нем, слитие и их вместе с иудеями в единое тело, коего глава Христос, одесную Отца седящий, в Коем спосаждены там и все составляющие тело Его. Эту сторону домостроительства особенно

выяснить, а самое домостроительство благовестить. Почему говорит: просветити, *что есть смотрение тайны сея*. Для чего Богу угодно было такое сделать относительно сего распоряжение, чтобы держать то доселе в тайне и теперь только явить во всем величии и всей полноте? — Изумить всех хотел Бог богатством благости Своей, чтобы сильнее всех привязать к Себе и к самой тайне спасения. Или — *что есть смотрение тайны* значит: всем сказать, что выходило из этого призвания языков к сонаследности, сотелесности и сопричастности. Выходило величественное и преславное тело Христово, из лиц всех мест и всех времен сложенное и стройно сочетанное. Вот куда направлено все смотрение тайны спасения и язычников вместе с иудеями. Об этом и вся речь у Апостола в послании. Но просвещал он всех относительно сего не словом только, но и делом, самим делом сочетавая всех воедино. И это сочетание было всюду прямым следствием его благовестия.

Тайна сия была сокровенна от веков в Боге. Никто не знал про нее и догадаться никто не мог о ней. И теперь, по открытии и явлении делом, она все еще остается тайною, тем паче такою она была прежде. — «О призвании язычников было известно, но что при этом они воссядут и на престоле Божием, этого никто не ожидал, никто не представлял этого» (святой Златоуст). Мысль

Апостола все держится на одном, — сочетании всех во Христе, яко главе, основание коему положено в седении Его одесную Отца. Святой Дамаскин пишет: «*Неизследованным богатством* Христовым называет он спасение всего мира, а *смотрением тайны* — вознесение (спосаждение одесную) всех людей во едином Христе».

Была тайна сокровенна в Боге, не теперь только измышлена благостию Его; изначала она вошла в планы Божии, а теперь только в дело приведена. Что тайна сия именуется сокрытою в Боге, создавшем всяческая, это наводит на мысль, что, когда еще мир созидался только, тайна спасения в Господе всего человечества и устроения из всех единого тела в Нем имелась уже в уме Божием, имелась, конечно, не без влияния на самое устроение мира. Эта мысль видна у святого Дамаскина. «Эта тайна не в последнее время измышлена Богом, ибо у Него нет вновь прибывающих волей (определений воли), но все вечно. Вместе с тем, как творил Он мир, тогда же полагал и основания спасению».

Иисус Христом. Поелику Иисус Христос есть Слово, бывшее плотию, — то Слово, Имже вся быша, и без Коего ничтоже бысть, еже бысть; то слово: *создавшем всяческая* само собою привлекло и: *Иисус Христом.* Святой Златоуст говорит: «Хорошо сделал Апостол, что, воспоминая о творении, сказал: *Иисус Христом.* Ибо Сотво-

ривший все чрез Него и это открыл чрез Него: *без Него,* сказано, *ничтоже бысть* (Ин. 1, 3)».— Ипостасное Слово, образ ипостаси Отчей, творя мир, человека создало по образу Божию, и Оно же чрез воплощение восстановляет в нем потерянный образ Божий чрез грехопадение. Истины сии одна с другою вяжутся неразрывною цепью, и одна другую вызывают.

Стих 10. *Да скажется ныне началом и властем на небесных Церковию многоразличная премудрость Божия.*

Не только людям не была открываема тайна сия (ст. 5), но и Ангелы не знали ее. И они узнают о ней после, из самого дела явления ее в человечестве, из самого создания Церкви. Апостол хочет сказать, что дело сие столь величественно и дивно, что, когда устроилась Церковь из язычников и иудеев, под главою Христом, и небесные силы изумились, увидев в сем многоразличную премудрость Божию, подобно тому, как по слову Иова, когда сотворены были звезды, велиим гласом восхвалили Бога все Ангелы Божии. В другом месте тот же Апостол о велией благочестия тайне, что *Бог явился во плоти*, между чертами величия ставит и то, что Он *показася Ангелам*, и это по проповедании во языцех и вознесении во славе (1 Тим. 3, 16). Главу Церкви во всей славе Богочеловечества узрели Ангелы, когда воссел Он одесную Отца и начал

привлекать к Себе все — и земное, и небесное. Тут и сказалась им многоразличная премудрость Божия, в устроении Церкви и в возглавлении всяческих во Христе. И Апостол Петр свидетельствует, что в тайну спасения всех в Господе не только пророки углублялись изысканием, желая уяснить себе сокровенные его стороны, но и Ангелы желают то проникнуть (1 Пет. 1, 12). Не все и для них ясно ведомо даже и тогда, как приведено уже в исполнение, а возбуждает только изумление о многоразличной премудрости Божией.

Сказывается им сия премудрость не проповедию слова среди их от лица Церкви, но самым ее устроением. Видят, как устрояется Церковь и как все в Господе, восседшем одесную Отца, воссоединяется,— и уразумевают в этом Божию многоразличную премудрость. Феодорит пишет: «Невидимые силы не знали сей тайны, но по домостроительству Церкви дознали неизреченную Божию премудрость». «Пусть,— говорит святой Златоуст,— не было это открыто людям, но неужели ты просвещаешь и Ангелов, и Архангелов, и Начала, и Власти?* — Просвещаю, говорит.

* Ангельские чины небесной иерархии, строй которой подробно описан в «Ареопагитиках». Ангельская иерархия состоит из трех триад: 1.— Серафимы, Херувимы, Престолы; 2.— Господства, Силы, Власти; 3.— Начала, Архангелы, Ангелы (Православная энциклопедия. Т. II. М. 2001. Ст. «Ангелология»).— *Ред.*

Ибо в Боге была сокрыта премудрость сия, *в Боге, создавшем всяческая Иисус Христом.* — И ты дерзаешь это сказать?! — Да, дерзаю, говорит. Но как же это сделалось известным Ангелам? — Чрез Церковь. И притом не просто сказал: да скажется различная премудрость Божия, но *многоразличная.* — Итак, что же? В самом деле Ангелы не знали ее? — Да! Ибо если не знали Начала, то тем более она неизвестна была Ангелам. Не знали и Архангелы? — Не знали и они; откуда они могли узнать? Кто мог им открыть это? Когда узнали мы, тогда узнали и они чрез нас».

Итак, ведение Ангелов растет, и это приращение берут они с земли, от Церкви?! Но неужели от Церкви узнали они об искуплении и спасении всех, когда в Ветхом и в Новом Завете были служителями сей тайны? — Ответ на это предуказывается в слове: *многоразличная премудрость Божия.* Ангелы, в блаженном созерцании Божества сущие, конечно, знают многие из тайн премудрости Божией, но не все, а какие бывают им открываемы. Планы премудрости Божией в миро-правлении и искуплении в Боге сокрыты и открываются Ангелам, поколику сие нужно для исполнения даемых им повелений. Многое же из них, особенно сокровенные причины, дальнейшие цели и то, как что будет по приведении планов в исполнение, остается сокровенным от них. Узнают они это уже из самых событий. События открывают

им и тайны, лежащие в основе их. В подтверждение этого святой Златоуст приводит пример, как Ангел Хранитель персов противился Архангелам Михаилу и Гавриилу, не зная, что касалось возвращения израильтян (Дан. 10, 13). И потом наводит: «Если этого и подобного сему не знали Ангелы, что удивительного, что они не знали о богатстве любви Христовой так, как оно открылось чрез Евангелие».

Конечно, знали Ангелы о совете Божием спасти род человеческий чрез воплощение Единородного Сына Божия и смерть Его крестную. Но в образе осуществления сего в лице Господа и далее в Святой Церкви многое для них оставалось неведомо, и узнаваемо было ими впервые из самых событий. Такова была и тайна призвания язычников в общение Сына Божия и возглавление всяческих в лице Его. Святой Златоуст говорит: «Ангелы знали только то, что *бысть часть Господня людие Его* (Втор. 32, 9). И Иосифу что говорит Ангел? *И наречеши имя ему Иисус, Той бо спасет люди Своя от грех их* (Мф. 1, 21). Люди Своя, то есть Израиля. Здесь ничего не сказано о языках, о них Дух Божий открывает особо».

Это место есть одно из значительнейших мест Нового Завета. Оно показывает, что земля с человеком, и особенно Церковь Божия, есть главная сцена дел Божиих, великих и дивных,— духовное

средоточие вселенной. В событиях ее принимают участие все роды существ, принимают и Ангелы, и сочувственным созерцанием, и действованием по указанию Божию. *Мы позор быхом*, говорит Апостол, *миру, и Ангелом и человеком* (1 Кор. 4, 9). Настоящее послание имеет ту особенность, что в нем Апостол дело Божие во Христе Иисусе не ограничивает одним примирением Бога с человеком, но простирает его до угармонирования всего мира уничтожением произведенного грехом разделения земных и небесных (1, 10).

В восстановляемый живой союз вводятся теперь и Ангелы, и он-то есть возвышеннейший и сладостнейший предмет созерцания для них, в первый раз и причастившихся, и узревших его. В этом конец искупительных действий Богочеловека. В нем разрешается тайна Божия миоправления, достигается цель создания мира.

Стих 11. *По предложению век, еже сотвори о Христе Иисусе, Господе нашем.*

По предложению πρόθεσιν — предположению, предначертанию, в Божественном всеведении хранившемуся и в нем сокровенным бывшему. *Век*... от веков, вековому, предвечному. От века Бог предначертал все, как чему быть; теперь во Христе Иисусе приведено это в исполнение. «Предположил сие Бог прежде веков, сотворил же домостроительством Владыки Христа» (Феодорит). «Ныне совершилось, но не ныне определено, а

предначертано издревле. *По предложению век*, то есть по предуведению веков, предвидев будущее, определил так» (Златоуст).

Еже, по-гречески ἣν, можно относить и к предложению век — πρόθεσιν, и к премудрости — σοφία. Это разности в смысле не делает. В Божественном предначертании всего, совершенного Господом, содержалась многоразличная премудрость, и Господь, исполнив сие предначертание, что другое явил, как не многоразличную премудрость? Он Сам о Себе свидетельствовал, что если говорит Он что, то говорит так, как слышал от Отца, и если делает что, делает, как видит (Ин. 5, 19) Отца творяща. Там, в предвечном совете заседал и Он, яко Бог, — и что тогда определили единогласным решением все лица Пресвятой Троицы, то все исполнил воплотившись, по тогдашнему определению, Единородный Сын Божий, Бог Слово.

Мысль сего текста дополняет сказанное выше, — всю речь, начатую 8-м стихом. Бог возложил на меня, говорит Апостол, особое служение, чтобы я благовестил язычникам неисследованное богатство Христово и всем раскрыл смотрение тайны сей, которую Бог от века скрывал в Себе, чтобы ныне наконец открыть ее, даже Ангелам чрез Церковь, все сие — в сообразность с вечным определением, которое исполнено ныне Иисусом Христом. — Вот как велико то, что для вас сделано,

язычники.— Небо и земля приведены в движение, Ангельские умы просвещаются, услаждаются и изумляются созерцанием того. Помните же.

Или — *по предложению век*,— предвечному определению,— выражает ту особенно сторону дела, как оно открыто Ангелам. Сказавши, что Церковию,— всем, что в ней совершается, что ей вверено и что ею достигается,— сказывается Ангелам многоразличная премудрость Божия, теперь указывает как бы программу сказания сей премудрости, по какому плану идет это сказание, какого предмета касается. Как бы так: сказывается Ангелам Церковию премудрость, по предмету вечного определения, приведенного в исполнение Господом, или относительно этого. С сим совершенно согласуются и последующие слова.

Стих 12. *О Немже имамы дерзновение и приведение в надеянии верою Его.*

Мысль текста ясна. Она та же, что выше в 2, 18: *зане Тем имамы приведение во едином Духе ко Отцу*. Господом имеем дерзновение, а без Него, подобно мытарю, не смеем очес возвесть на небо. Им имеем и приведение ко Отцу, от Которого отделяют нас грехи, снимаемые Господом. Снимает с нас Господь грехи, и мы получаем смелость и дерзновение приступать ко Отцу Небесному. *В надеянии*,— πεποιθήσει, что значит убеждение и уверенность. Оно выражает то расположение, по которому слабый говорит сильному: я

в тебе уверен, знаю, что ты меня не бросишь. Такую уверенность в Боге получаем мы чрез Господа Иисуса Христа; уверовав в Господа, получаем удостоверение, что Бог приемлет нас в общение, и, принявши, никогда не бросит, и ни в чем не оставит. Ибо если *Сына не пощаде, како не и с Ним вся нам дарствует* (Рим. 8, 32). — Такое блаженное расположение прямо истекает из веры в Господа, нераздельно с нею соединено и служит свидетельством ее. Апостол и говорит, что оно бывает *верою* в Господа — διὰ τῆς πίστεως.

Святой Златоуст говорит: «*Имамы дерзновение... в надеянии*, то есть с смелостию приступаем. Почему же так? — По вере в Него». «Ибо, — дополняет Феофилакт, — разрешив грехи наши, она подала нам дерзновение и надеяние».

В немногих словах Апостол очертил весь ход воссоединения нашего с Богом в Господе Иисусе Христе. Верою в крестную смерть получаем отпущение грехов, благодатию чрез таинства, по вере преподаемые, сочетаваемся с Господом, а чрез Него и Отцу присвояемся. Так всякий верующий особо; так все верующие в совокупности. Все сочетаваются с Господом, а чрез Него с Богом Отцем, составляя единое тело под Ним — единою главою.

Очевидно после сего, чего ради привел сии слова святой Апостол. Ими объясняется, что

именно совершено Господом в исполнение предвечного определения Божия о нашем спасении, и в созерцании чего, именно, Ангелы видят ныне, чрез Церковь, многоразличную премудрость Божию. Мысль Апостола все держится на одном и том же образе — возглавлении всяческих о Христе Иисусе, Господе нашем.

Стих 13. *Темже молю вы не стужати си в скорбех моих о вас, яже есть слава ваша.*

Это сказано будто мимоходом. Цель речи Апостола в этом отделении не та, чтобы успокоивать ефесян, а чтоб убедить их помнить великость к ним благодеяния Божия, явленную в призвании их к вере. Выше располагал он к сему великостию благ, полученных ими чрез веру (2, 11—12). В этой же главе к тому же располагает их редкостию тайны призвания их, о коей доселе никто не знал ни на земле, ни на небе, между тем как она по благотворности и премудрости изумляет и Ангельские умы (3, 1—12). Объясняя это, он выставил и то, что Бог его избрал орудием ко введению их в получение таких благ. И как по этой причине он находился теперь в узах, и прежде так много терпел в самом Ефесе и в Асии, то и прилагает одно слово, на случай, если бы кто стал смущаться его страданиями: вот сколько вам благ даровано, и это чрез мою вам проповедь. Пусть я терплю за это, но не смущайтесь, а смотрите лучше на то, что

доставляется вам путем сих страданий. На это смотря, не смущаться, а радоваться вам должно, ибо видите, какая вам от того слава.

Были ли по этой причине смущающиеся среди ефесян?! – Блаженный Иероним находит это очень вероятным. Всех смущает, говорит, то обстоятельство, что грешные большею частью счастливы, а праведные страдают. Даже святой Давид говорит о себе, что едва не подвиглись ноги его, *мир грешников зря* (Пс. 72, 3). А Апостол Павел сколько терпел? Видно то из Деяний, а паче из посланий к Коринфянам, из коих одно писано в Ефесе, а другое тотчас по выходе из него. Со зверьми, говорит, боролся (1 Кор. 15, 32), *по премногу и паче силы отяготихомся, яко не надеятися нам и жити* (2 Кор. 1, 8). Могли смутиться всем этим ефесяне, и Апостол хорошо сделал, что сказал это утешительное слово, чтоб не оскудела вера их, видя такие тесноты Апостола (сокращенно из Иеронима). И святой Златоуст полагает, что, верно, были смущающиеся. «Как же они стужали си, когда другой скорбел? – Это значит, что они приходили в страх, смущались. Об этом он пишет и к солунянам, говоря: *яко ни единому смущатися в скорбех сих* (1 Сол. 3, 3). Ибо должно не только не скорбеть, но и радоваться. Мы здесь испытываем скорби, потому что так Бог повелел».

Почему скорби Апостола — слава ефесян? — Можно и так ответить: потому что они — слава Апостола, которой отсвет падает и на уверовавших чрез него. Ученикам прилично хвалиться учителем, говоря: вот какой наш учитель! А что скорби были слава Апостола, это выходило из того, что он оставался при них непобедимым. Не то есть умаление чести, когда кто терпит нападки и беды за добро, им делаемое, а то, когда он падает под тяжестию их. Устояние против бед есть победа над ними, и победа сия есть слава устоявшего (Иероним). Так, славно претерпеваемые скорби Апостола суть слава его, а чрез него и ефесян.

Но прямее скорби сии — слава ефесян по той славе, какую они получают чрез благовестие, за которое терпел и в узы попал святой Павел. Так святой Златоуст: «Почему скорби его составляют славу их? — Потому что Бог так возлюбил их, что отдал за них Единородного Сына Своего и предал на страдание Своих рабов — Апостолов. В самом деле, и Павел был в узах для того, чтобы они получили толикие блага. Так велика к ним любовь Божия!»

VI.

Как, начиная вводить ефесян в созерцание домостроительства спасения, Апостол молился, чтобы дан им был дух премудрости для познания

его, так и теперь, в заключении, молится о даровании разумения тайны спасения и великой любви Божией к нам. Такая была цель Апостола, чтоб возвесть ефесян к созерцанию всего домостроительства спасения. Для этого вел все предыдущее рассуждение, об этом и теперь молится, желая паче, чтоб сила спасения вселилась в них, жила и действовала. «О чем молился святой Апостол в начале, того просит и теперь. В начале молился: *да даст вам Бог... Отец... духа премудрости и откровения в познание Его.* И теперь говорит то же: *да возможете разумети со всеми святыми»* (Златоуст).

Стихи 14 и 15. ***Сего ради преклоняю колена моя ко Отцу Господа нашего Иисуса Христа, из Негоже всяко отечество на небесех и на земли именуется.***

Сего ради. Приведши на мысль все сказанное о тайне домостроительства спасения и о призвании язычников к участию в нем, Апостол говорит: поелику призваны вы к участию в таких благах, то и молюся усердно, чтоб вы действительно получили их и всегда им обладали.

«*Сего ради*... ради того, что вы так возлюблены Богом» (Экумений). «Поелику вы так возлюблены, поелику непостижимы блага, которых вы сподобились и еще сподобитесь, то молюся, говорит, да дастся вам благодать обитающего в

вас Христа понять сие и разуметь, сколько вы возлюблены» (Феофилакт).

Преклоняю колена – не в эту пору, когда писал, но всякий раз, как совершаю молитвословие, говорит, кладу особые поклоны за вас, или не забываю вставлять в мою молитву о всем – молитву и о вас. Сказал: *преклоняю колена*, а не просто: *молюся*, «выражая тем свое усиленное о них моление... показывая, что просит им благ с неотступностию» (святой Златоуст). «Со умилением и сокрушением» (Феофилакт). Или говоря: *преклоняю колена*, говорит то же, что всегда молюсь усердно, всегда возношу к Богу милосердому теплую и благоговейную молитву. Коленопреклонение есть символ благоговейного страха и смиренного исповедания милостей.

Ко Отцу Господа нашего Иисуса Христа. Поелику молится о благах, то употребил сладостнейшее имя Бога Отца, которое есть знамение всякой благопопечительности, приложив к Нему и сладчайшее имя Иисуса Христа, Господа нашего, ради Которого Отец все готов давать, чего ни попросит кто о имени Его. Молится к Богу Отцу, Который Сына Своего не пощадил и Который – *како не и с Ним вся дарствует*!

Из Негоже всяко отечество на небесех и на земли именуется. С этими словами может быть соединяема не одна мысль. Они могут значить: молюсь ко Отцу Господа нашего Иисуса Христа,

Который есть Отец Ангелов и человеков. Он и об Ангелах, и о человеках имеет отеческое попечение; с другой стороны, и Ангелы, и люди в Нем едином имеют истинного отца.

Можно полагать, что святой Павел имел при сем в мысли отношения отчества и сыновства, которые угодно было Богу установить между тварями. Так устроен мир, что высшие, старейшие пекутся о низших и младших и благоустрояют их. Первые в сем отношении суть отцы для последних. Высшие – чины Ангельские, передающие приемлемый ими от Бога свет низшим суть в сем отношении отцы их. Между людьми попечительнейшие лица о меньших суть естественные отцы, деды, родоначальники, затем цари, начальники и, – в духовном отношении, – пастыри Церкви; и люди не только первых, но и сих последних именуют отцами. Это отчество присвояется им по образцу отчества Отца Небесного, потому что они являют в себе Его о всех попечительность, – Он им усвояет часть ее. Он же благоволил и имя Свое им уступить и даровать то, ради чего такое имя и Сам Он благоволил приять. Как Бог есть один существенно *сый*, но благоволил и другим даровать и имя, и самое бытие, так и в отношении к отеческой промыслительности Он есть существенно Отец, но благоволил и среди тварей учредить такие отношения, по коим одни именуются и на деле суть отцы в отношении

к другим (мысль блаженного Иеронима). Блаженный Феодорит пишет: «Бог есть в собственном и подлинном смысле Отец. Ибо не был прежде сыном, а потом стал отцом, но всегда Он Отец, и Отец по естеству. Другие отцы, как плотские, так и духовные, свыше заимствовали сие наименование. Называет же Апостол отцами *на земли* отцов по естеству и отцами *на небесах* нарицает отцов духовных. Таков был и сам блаженный Апостол. И сие дал видеть, пиша к коринфянам, ибо говорит: *Аще и многи пестуны имате о Христе, но немноги отцы. О Христе бо Иисусе благовествованием аз вы родих* (1 Кор. 4, 15). Посему сказует: прося и умоляя, преклоняю колена мои и молюсь Отцу Господа Иисуса Христа, Который подлинно есть Отец, не от другого заимствовал отчество, но Сам сообщил оное другим».

Стих 16. *Да даст вам по богатству славы Своея, силою утвердитися Духом Его во внутреннем человеце.*

В ст. 16—19 обозначаются предметы молитвы и благожеланий святого Апостола своим ученикам. В малом здесь совмещается все, чего может желать и искать христианин.

Да даст. Чего Бог не даст, того нигде не найдешь и не возьмешь. *Всякое даяние благо и всяк дар совершен, свыше есть, сходяй от Отца светов* (Иак. 1, 17). И то есть знак мудрости

духовной, чтобы знать, куда обратиться за потребностями духа, и чтобы у источника всех благ просить достойного Его. «Великого просит Апостол, по величию Дающего, научая нас просить у Бога достойного славы Его, — не земного, а небесного» (святой Дамаскин).

По богатству славы. Если под славою разуметь беспредельные совершенства Божии, в неистощимой их полноте, то *по богатству славы* будет: по преизливаемости полноты существенностей в Боге. По святому Григорию Богослову, это служило побуждением и к сотворению мира. Да, все сотворил Бог и о всем промышляет, потому что неизмеримо богат всем и любит всех богатить. Или *по богатству славы* меру определяет, в какой желает дарования им благ духовных. От маленького дарователя малым довольствоваться прилично, а от большего прилично ожидать большего. Просит Апостол, чтобы Бог даровал им просимое им в такой мере, как велика слава Его, то есть преизобильно. «Да *даст вам*, — яко богатый и желающий быть славимым» (Феофилакт), — то есть чтобы дарование не было ниже славы Его.

Силою. Разно понимают, кто — сильно, мощно, крепко; кто — силою сверхъестественною, подаемою Духом Святым, кто — нравственною силою, восставляемою Духом Святым. Последние два могут быть соединены воедино, и, может быть, это

прямее будет выражать мысль Апостола. *Богатство славы* будет указывать источники милостей Божиих, *а сила чрез Духа Святого* — способ излияния их. «Дух Святой подает силу» (Феофилакт). «Утвердиться в добре иначе нельзя, как Духа Святого силою, при помощи благодати Божией» (Златоуст). Ибо все от Бога, Который «и богатство имеет неизреченное, и силу неизмеримую» (Феодорит).

Утвердитися Духом Его во внутреннем человеце. Первый предмет молитвы о том, чем действительно начинается жизнь о Христе Иисусе. *Утвердитися* κραταιωθῆναι, от κράτος держава, от коего автократор — самодержец, будет: принять в руки державу, и, как это во внутреннем человеке, державу над собою, стать самодержцем внутри, воссамодержавствиться. Что это за самодержавие и чего ради оно желается прежде всего? — Приведем на память устройство естества человеческого.

Устроив низшую часть естества человеческого особым, отличным от произведения других тварей образом, Бог вдунул в лицо его дыхание Своей Божественной жизни. Это — дух человека, высшая сторона естества нашего, где сознание и свободо-разумность, с отправлениями страха Божия, совести и недовольства ничем тварным. Назначение духа быть в Боге и все возводить к Богу, — все, что есть в человеке и вокруг человека.

Для этого ему дана власть над низшими частями естества человеческого. Принимая силу от Бога, в Коем живет, он в ту же жизнь вовлекает и душу с ее рассудком и науками — изделиями его, с ее волею и начинаниями — проявлениями ее, с ее вкусом и искусствами — произведениями его, и с ее низшими способностями — воображением и памятию, вовлекает и тело с его потребностями, и на все внешние свои порядки наводит отсвет той же жизни. Когда бывает это в человеке, тогда он есть настоящий человек, человек, соответствующий норме своей и своей идее. И тут он очевидно есть владыка над собою и над всем, что в нем и окрест его. Но очевидно также, что силу такую самодержавную получает он от Бога, ради предания себя Богу и жизни в Нем, качествуемой страхом Божиим, совестностию искреннею и отчуждением от всего тварного.

Отделись дух от Бога, и сила сия взята будет от него. Тогда он не может уже управиться ни с стремлениями души, ни с потребностями тела, ни с внешними соприкосновенностями. Он предан бывает на разволоку душевно-телесной желательности и внешней житейской суетности, хоть все в видах самоуслаждения. Сличите эти два строя жизни и увидите, что первый — весь внутрь себя живет пред Богом, а второй — весь вовне с богозабвением. Этот последний строй жизни крайне ухудшается тем, что в него привходят

страсти, кои, коренясь в самости, проникают всю душевно-телесность и всему здесь дают злое, противное духу или страху Божию и совести, направление, не созидающее, а разрушающее, и тем еще более внешним делают человека.

Этот последний и есть человек в падении, вне того чина, на который он поставлен в творении. Бог не хотел оставить падшего в падении и устроил ему образ восстания от падения. Сын Божий воплотился, пострадал, умер на кресте, тридневно воскрес и, вознесшись на небеса, воссел одесную Отца. Этим восхождением Он открыл путь нисхождения к нам Духу Святому, Который, нисшедши чрез Апостолов, возобитал в Церкви Божией, чрез Святые Таинства. Дух благодати всюду проходит и все духи человеческие возбуждает к духовной жизни. Лучи возбуждающей благодати прямо падают на дух человека и оживляют в нем естественные его движения — страх Божий, совесть и недовольство тварным. От сего действия человек в первый раз приходит в себя, входит в свой внутренний дом из рассеянья, в котором блуждал доселе. Это действие заставляет его задуматься. При благоприятном обороте дела, подумавши, решается он не вдаваться более в развлечения, а в себе жить по внушениям страха Божия и совести с самоотвержением. За это решение благодать Божия, действовавшая доселе совне, входит внутрь чрез таинства, и дух

человека, немощный – соделывает мощным. На эту сторону совсем уже переходит сознание и свобода, и у человека начинается внутренняя жизнь пред Богом, жизнь истинно свободная, разумно-самодеятельная. Потребности душевно-телесные и требования внешних случайностей уже не развлекают его, напротив, он начинает заправлять ими, якоже Дух дает. Как самодержец, восседит он на престоле сердца и оттуда дает повеления, как чему быть и как что делать.

Такое самодержавие начинается с первой минуты внутреннего переворота и вселения благодати; но в совершенстве является не вдруг. Почасту прорываются прежние владыки и не только тревогу производят во внутреннем граде, но нередко и самого владыку града уводят в плен. Такие случайности в начале бывают часто; но сила напряженной ревности, постоянство внимания к себе и делу своему и благоразумное терпение в трудах по нему при помощи благодати Божией все более и более делают их редкими. Наконец дух столько становится крепким, что приражения прежних воздейственателей на него бывают для него то же, что пылинка для гранитной стены. Дух пребывает в себе неисходно, стоя пред Богом и самодержавствует силою Божиею невозмутимо крепко. И вот этого-то желает Апостол ефесянам, молясь, чтобы Бог дал им утвердитися Духом Его во внутреннем человеке.

Стих 17. *Вселитися Христу верою в сердца ваша; в любви вкоренени и основани.*

Вселение Христа в сердце современно утверждению во внутреннем человеке. Вместе они начинаются, вместе увеличиваются, вместе являются в совершенстве. Можно так понимать: *утвердитися во внутреннем человеке*, то есть *вселитися Христу в сердца ваша*. Но как внутренняя жизнь имеет свои стороны, то можно их усматривать и в этих изречениях. Утверждение во внутреннем человеке есть приготовление жилища в нас Христу Господу. Когда утверждается кто во внутреннем человеке, то бывает как бы, что хозяин дома все прибрал и привел в порядок, все очистил, освятил, ароматами надушил и ждет гостя. И Господу охотно прийти к такому, и хозяину радостно и способно сретить и принять Господа. Ибо утвердившийся внутрь есть тот, кто, возобладав над собою, страсти преодолел и изгнал, и во всякой добродетели утвердился. О таком и Сам Господь говорит: *имеяй заповеди Моя, и соблюдаяй их, той есть любяй Мя: а любяй Мя, возлюблен будет Отцем Моим; и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам* (Ин. 14, 21). И несколько ниже: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет; и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем и обитель у него сотворим* (23). «Из сих слов уразумей, — говорит святой Златоуст, — каким образом Христос обитает в сердцах». Бла-

женный Феофилакт пишет: «Желает им не только *утвердитися*, но и того, что больше и выше сего — *вселитися Христу* во внутреннем их человеке, то есть в сердцах их, вселитися не поверхностно, но в глубине (сердца). Двух благ им желает — утвердитися Духом и вселитися Христу в сердцах их; или желает им утвердитися, чтобы способными соделаться, да возобитает Христос во внутреннем их человеке», «да будут храмом Божиим», — дополняет Экумений. Слова: *во внутреннем человеке*, и: *в сердца* показывают глубокое вселение, как бы сращение.

И Сам Господь общение Свое с верующими уподобляет сращению ветвей с деревами виноградными, выводя из сего сравнения, что никто не может ни жить истинно, ни плода истинного творить, если не будет таким образом соединен с Ним. Почему прилагает: *будите во Мне, и Аз в вас* (Ин. 15, 1—8). Се закон жизни о Христе Иисусе. Как только крестится кто, уже во Христа облекается (Гал. 3, 27). В крещении благодать Святого Духа возрождает к новой жизни, но сия новая жизнь бывает только под тем условием, *аще кто во Христе* (2 Кор. 5, 17). В то время, как благодать Духа восставляет дух наш, происходит сочетание его со Христом и Христа с ним. Вселение Христа и есть утверждение во внутреннем человеке. Дух наш Христом оживает, Христом живет и дышит.

Возьмем несколько выше и увидим, что Апостол молится, да благоволит Отец утвердить ефесян Духом Святым во внутреннем человеке, да вселится в них и Христос. Три Лица Пресвятой Троицы нераздельно действуют во спасение всех и каждого. И коринфянам свои благожелания Апостол выразил тоже от Пресвятой Троицы, говоря: *благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца, и общение Святаго Духа буди со всеми вами* (2 Кор. 13, 13). То же видим у Апостола Петра, который рассеянным всюду иудеям благожелает, да благодать и мир в них умножатся, *по прозрению Бога Отца, во святыни Духа, в послушание и кропление крове Иисус Христовы* (1 Пет. 1, 2). Жизнь духовная у всех по благоволению Отца, норма ее — Христос Господь, производитель — Дух Святой. Почему, моляся: *Отче наш,* или: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,* или: *Душе истины, прииди вселися в ны...* да не разделяем в духе своем единодейственность Божества, но единое дело спасения да возносим к Единому в Троице Лиц Богу, Который, не разделен будучи естеством, нераздельно содевает спасение наше тройственностию единой спасающей благодати.

Христос Господь вселяется в сердца верою, когда они в любви вкоренены и основаны. *Вселитися*, говорит, *Христу верою в сердца ваша, в любви вкоренени и основани.* «Молюсь, говорит,

чтобы и вам достигнуть того, да соделаются души ваши, по благости Духа, обителею спасшего вас Христа. Тут же показывает, что им должно привнесть от себя на устроение сего храма. Потребны, говорит, вера и любовь, чтобы вам процветать ими, как бы некиим основанием и корнем имея незыблемость» (Феодорит). Ибо «Христос Господь обитает только в сердцах верующих, которые утверждены и не колеблются в любви к Нему» (святой Златоуст), «не бывают разволакиваемы и увлекаемы то туда, то сюда» (Феофилакт).

Заметить надобно, что слова: *в любви вкоренени и основани* – все наши толковники ставят наряду с верою условием ко вселению Христа в сердца, так что в следующих словах: *да возможете разумети*, разумение сие исходит из вселения Христа, а не из вкоренения в любви, как дают мысль те, которые речь сию располагают так: *да в любви вкоренени и основани, возможете разумети*. Грамматический строй речи этим восстановляется, но проявления духовной жизни возмущаются и не в свойственной им стройности представляются. Святые отцы и не обратили на это (грамматический строй) внимания, а толковали слова сии так, как бы стояло: *вселитися Христу верою в сердца вас, в любви вкорененных и основанных*, как святой Златоуст и перефразировал.

Вселяется Христос веры ради в тех, кои в любви вкоренены. Это то же, во всех посланиях святым Павлом возвещаемое, неотложное условие спасения — вера, любовию споспешествуема. Вера — начало, любовь — конец или вершина. Вера означает убеждение в истинах Евангелия такое, как уверены мы в своем бытии. Только такая вера прочна и тверда и твердую дает опору для жизни. Без такой веры жить то же, что по трясине идти или обуреваться волнами. Во всем — смятение, нестроение и страхи. Как в таком положении сделать что доброе и тем паче установиться в доброй жизни.

Вера не вдруг становится такою крепкою, а с слабых начатков растет до мужа совершенна; но и с первых начатков она освещает весь путь жизни и указывает, что́ требуется от человека и как он того достигнуть может. Хотя все это в начале видно бывает так, как видит кто вещи при свете, о коем мы выражаемся: чуть брезжится, но все же видно и внятно. Видна бедность естества и пагуба грешности; видно богатство Христово и то, что никому нет запрета овладеть им. Это и вызывает решение обратиться и прилепиться ко Христу. Христос же Господь любообщителен. Лишь кто шаг сделает к Нему, как Он тут и всего Себя отдает приступающему. В таинстве крещения или покаяния благодатию Святого Духа производится сочетание Христа Господа с духом

человека, который с сей минуты становится живодейственным и самовластным, от благодати Христовой приемля силу к возобладанию над собою и всем, что есть в человеке и окрест его. Положив завет в сочетании со Христом в заповедях Его ходить и волю Отца небесного во всем творить, утвердившийся внутрь дух начинает все туда направлять и самовластно подчинять под сие иго все действия души, все потребности тела и все порядки внешней жизни, — отвергая все неправое и нудя себя на одно правое, чрез борьбу со всеми противностями, возникающими внутрь от страстей, в основе уже пораженных самоотвержением. Весь этот труд есть трудническое хождение в делах любви. Так устрояются внутри по началу и духу веры. Но дух жизни о Христе Иисусе не вдруг исполняет сердце. Уверовавший или покаявшийся идет прямо, но в начале только чрез самопринуждение и самопротивление. Биющая из сердца жизнь приходит после. Деятельная любовь приводит к любви чувства. И это уже есть любовь укорененная и основанная.

Естество человеческое, яко Богоподобное, любительно. Чрез падение прившедший эгоизм охладил его. В начальном самоотвержении отбрасывается эгоизм: последующий за тем труд борения со страстьми, исшедшими из эгоизма, и современный тому труд доброделания, утверждающий доброту сердца, испаряют эгоизм со страстьми.

Степени испарения его суть степени согреяния сердца теплотою любви. В конце сего – горение сердца любовию всеобъемлющею, какова Божеская любовь. И вот любовь укорененная и основанная!

Жизнию, не отпадающею от Христа, и вера растет, и любовь растет. Вместе с их ростом углубляется и общение со Христом, или вселение Христа в сердце. Зрелость веры и любви и полнота вселения Христова в сердце современны. Но общение души со Христом и Христа с душою начинается с первых моментов, в акте освящения таинствами. Начавшись, оно и пребывает, но бывает сокровенно и для других, и для самого верующего: когда-когда проявится. По очищении же сердца оно явным становится для всех. Тут и дары благодатные открываются. – И вот этого-то именно желает святой Павел ефесянам. Имеете, говорит как бы он, благоволение Отца, благодать Святого Духа, вселение Христово, – приложите свою веру и труд любви. Когда приведете в любовь чувства, или когда вкоренится в вас любовь, тогда проявится в вас полнота вселения Христа, – Он исполнит вас, как огонь преисполняет железо. И все узрят живущего в вас Христа. Этого желаю вам; об этом, преклоняя колена, молюсь ко Отцу Небесному.

Стихи 18 и 19. *Да возможете разумети со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и*

высота, разумети же преспеющую разум любовь Христову, да исполнитеся во всяко исполнение Божие.

Вот плод вселения Христа Господа в сердца, — совершенство разумения! — Где Христос, там и ум Христов. И как Апостол говорит о себе: *мы же ум Христов имамы* (1 Кор. 2, 16), — ум, восстязующий* вся и уразумевающий ум Самого Господа (15), так подобное же причастие ума Господня дается и всякому вселившимся в сердце Господом, в мере, Ему угодной. Другого пути к уразумению духовной области и нет. «*Да возможете*, говорит, — то есть нужно много силы, для чего же нужна эта сила? — Для того, чтобы *разумети*» (святой Златоуст).

Так много дает святой Апостол значения разумению в деле христианства, что все послание направил к раскрытию его и указанию верного к нему пути. Оно так и есть, ибо неразумеющий то же, что слепой, — не знает, куда и как идти. Но нельзя не различать степеней разумения. Уже в первом оглашении Евангелием, когда оно еще только слухом приемлется, дается и разумение его. Кто верует и крестится, вступает на высший степень разумения. Кто идет путем веры в доброделании и подвиге, у того все больше и больше растет сие разумение. Когда же по очищении сердца вселяется в него Христос, тогда разумение

* Испытующий. — *Ред.*

возводится на самую высшую степень. Святые отцы называют эту степень *созерцанием* и путь к нему прописывают тот самый, какой изображен у нас выше, — путь труда в исполнении заповедей и в подвиге над преодолением страстей, в видах очищения сердца и водворения в нем любви. Подробно об этом пишет святой Исаак Сирианин в 55 слове, или послании к чудотворцу Симеону, в последних его отделениях, со стр. 373. Мы приведем после несколько из его положений о сем.

Не должно пропускать без внимания слов: *со всеми святыми*. Может быть, Апостол хотел сказать только: со всеми христианами, так как ему обычно называть христиан святыми. Но как, по существу дела, христиане только нарекаются к святости, ревнуют о том и силами к тому снабжаются, святыми же собственно становятся они уже по преуспеянии в жизни о Христе Иисусе, когда Сам Христос — источник всякой святости вселяется в них, то ничто не препятствует под святыми здесь разуметь преуспевших и совершенных христиан. Апостол желает, чтоб ефесяне, вступившие верою в общество христиан, не отставали от других в разумении, но сподобились достигнуть такой его степени, какою обладают совершеннейшие из христиан. Он говорит как бы: да возможете разумети, наряду со всеми святыми, так, как разумеют святые, совершенные.

Вместе с сим внушается, что как жизнь, так и разумение у христиан не спеется особно, отдельно от других, но что и оно зреет и совершенным является под условием общения со всеми. Общение в жизни есть любовь; общение в разумении есть общность разумения, — чтоб всякий разумел так, как все, не выходил из круга общности разумения. Особные, оригинальные воззрения чужды духа Христова. Апостол говорит как бы: желаю вам высшего разумения, но не так, чтоб вы занеслись куда-нибудь, отторгшись от святых, но при всей высоте разумения стояли в уровень со всеми святыми, или вошли в силу и круг их разумения, ибо выше и полнее его нет и быть не может.

Какой предмет разумения — Апостол не обозначает его, но по ходу речи видно, что здесь говорится о тайне домостроительства нашего спасения во Христе Иисусе. Так понимают и все наши толковники. Святой Златоуст пишет: «*Да возможете разумети... что широта...* то есть да возможете с точностию познать тайну домостроительства нашего спасения». — Общий очерк дела спасения все знают и без особенного труда, ибо он ясно очерчен. Но тот, кто достиг того, что в него вселился Христос, или что в нем Христос явно обнаруживает свое вселение, самым делом ощущает свое спасение, потому понимает его в совершенстве, как выздоровевший понимает здравие

совершеннее того, кто еще чает здравия, лежа в болезни и лечась. В таких и само домостроительство спасения яснее зрится, и точнее определяются все соприкосновенности его, ибо оно входит во все области бытия и силою своею простирается по всему пространству времени, и обнимает вечность. Следовательно, в нем разгадка и всего сущего и всего бывающего, всех тварей и течения всех событий. Все это раскрывается в уме преискренне приобщившихся Господу, хотя не вмещается в слова и обычные обороты речи, а только ясно ощущается. Как Апостол, слышавший на небе глаголы и видевший там вещи, не мог передать того словом, так бывает и со всеми христианами созерцателями. Умом их, в таинстве спасения, многое зрится, чего не в силах они выразить словом.

Это и показывает здесь Апостол словами: *широта, долгота, высота, глубина*. Этим означается или величие дела спасения и полнота любви к нам Божией, явленной в нем, или разные стороны сего домостроительства. Блаженный Феодорит пишет: «Верою и любовию возможно нам достигнуть духовной благодати (действа и проявления ее очевидного), а при ее посредстве дознать величие совершившегося домостроительства. Ибо широтою, долготою, глубиною и высотою Апостол изобразил величие, потому что сими измерениями означается величина». — Святой Златоуст говорит:

«Широтою и долготою, глубиною и высотою он называет познание богатства любви Божией, то есть того, как она повсюду распространилась. Описывает же ее телесными чертами, приспособляясь к понятиям человеческим; для сего и говорит, что она обняла и верхнее, и нижнее, и находящееся по сторонам. Мы сказали, говорит, что сему может научить не наше слово, а Святой Дух». Блаженный Феофилакт поминает, что святой Григорий Нисский видит в сих чертах изображение таинства Креста Господня, который есть средоточие в домостроительстве спасения. А Экумений приводит пространное объяснение сих черт, сделанное патриархом Фотием. «Чего это широта и долгота, глубина и высота? — Или таинства (спасения), или самого разумения Христа? Разумение Христа есть ясное представление совершенного им домостроительства. — Разумение Христа есть познание, как и почему сие предивное дело спасения совершено Им, а не другим кем, и признание, что Он Сам же есть Податель сего разумения и что этим только путем мы истинно и познаем Христа. В этом состоит разумение Христово. Долгота его есть познание, что домостроительство спасения от век предопределено. Широта, — что благодеяние его простирается на всех, — и на тех, кои прежде закона, кои в законе и по законе, и на живых, и на умерших, на иудеев и эллинов, на варваров и на все

народы, на небесное и земное. Ибо мир сотворил всем им Христос, тогда как прежде в разладе состояли между собою Ангелы и люди. Молится Апостол, чтоб они все это уразумели, и не это только, но и глубину и высоту его (домостроительства), глубину,— что неизреченная сила его и благодеяние низошли до глубин ада, разрушив и пленив ад, а плененных им искупив и освободив, а высоту, — что сшедый — Той есть и восшедый, Который превыше небес возвел начаток наш, превыше всякого Начала и Власти, Силы и Господства. Видишь ли неизреченную высоту домостроительства Христова и разумения его? — Все это постигнуть им и уразуметь молится Апостол».

Уразумети же преспеющую разум любовь Христову. Вместе с тем, как раскроется пред их сознанием в такой полноте дело спасения, раскроется во всей полноте и любовь Христова. Ибо все это она произвела. Любовь Христова непостижима для ума; но когда вселяется в кого Христос, тогда он сердцем ощущает величие ее и умом созерцает ее, хотя она и остается невыразимою и неизъяснимою. Святой Златоуст говорит: «Хотя любовь Христова и выше всякого человеческого познания, однако вы познаете ее, если в вас будет обитать Христос». Или Апостол хочет сказать, что уразумеете не то, «колика любовь Христова, но то самое, что она превышает всякий

разум» (Феофилакт). Пока не ощущена любовь Христова, можно еще думать, что хоть несколько понимаешь ее. Но когда ощутишь, познаешь вместе, что меры величия ее нет, и уразуметь его (величие) уму твоему не дано. «Святой Павел не отыскивает меры любви и не хочет измерять ее, да и как бы он мог это сделать? Но говорит, что превосходное и великое дело — познать (богатство любви). Постараемся же, возлюбленные, познать любовь Христову. Это важно для нас: ничто другое не приносит нам столько пользы, ничто столько не возвышает нас. Познание сей любви может действовать на душу более, чем страх геенны» (святой Златоуст). Утверждение во внутреннем человеке благодатию Духа готовит дом в сердце для вселения Христа; вселение Христа приносит ведение домостроительства спасения и познание любви Христовой, а это познание опять воздействует на утверждение во внутреннем человеке. Так идет круговращение духовной жизни, которая чрез то делается неистощимою.

Да исполнитеся во всяко исполнение Божие. «Двояко это понимают: или да познаете, что Бог поклоняем есть во Отце, Сыне и Святом Духе, — ибо полнота Божия и есть Троица; или — да будете исполнены всякою добродетелию, какою исполнен Бог. Лучше же, мне думается, понять так: да будете совершенны во всяком по Богу

совершенстве, зная все Божие, сколько это возможно» (Феофилакт). Есть норма для христианского совершенства. Апостол желает ефесянам взойти в меру его. Желаю вам, говорит, чтобы веры ради и любви вселися в вас Христос и чтоб чрез это вы познали все домостроительство и всю любовь Христову, чтобы таким образом вы стали полны всего, чем исполнить христиан преднамерил Бог. Когда получите вы все прописанное, тогда уже не будет у вас никакого недостатка, *будете совершенни... и ни в чемже лишени* (Иак. 1, 4). Ибо когда Христос в вас, то с Ним и все. Чего еще более желать? — Блаженный Феодорит и перефразирует этот текст так: «Да будете иметь Его совершенно вселившимся в вас».

Сведши все сказанное Апостолом, увидим, что полнота христианского совершенства, по нему, есть состояние созерцания. Это состояние бывает в том, кто, освободившись от всякой связности чем-либо, вступает в область Божию, и видит там все так, как мы видим все окружающее нас. Созерцание будто только дело ума, но, чтоб открылось оно в уме, надо трудом и по́том войти в требуемое для того состояние. Приводим слова о сем святого Исаака Сирианина, как обещали.

«Первоначально естество наше в вочеловечении Христовом прияло обновление... и потом, по

обновлении... соделалось способным к принятию новых и совершенных заповедей» (с. 374)*.

«...заповеди новые и духовные, которые душа хранит, имея в виду страх Божий, обновляют и освящают душу, и сокровенно врачуют все ее члены. Для всех явно, какую страсть безмолвно в душе исцеляет каждая заповедь, и действенность их ощутительна и врачующему, и врачуемому, как было и с кровоточивою женою» (там же).

«Если не будет исцелена страстная часть души... то душа не приобретет здравия... Исцеление сие совершается деланием заповедей и трудными делами (подвигами) истинного жития. Кто приобрел душевное здравие, отсек прежний нрав и переродился, тот стал видим в области духа, — и приял его в себя мир новый, несложный» (с. 375).

«Когда же ум обновлен и сердце освящено, тогда все возникающие в нем понятия возбуждаются сообразно с естеством того мира, в который вступает он. Ум его ощущает духовное ведение тварей, и воссиявает в нем созерцание таин Святой Троицы, также таин достопоклоняемого ради нас домостроительства» (там же).

«Если отъяты будут от души страсти, то ум просвещается и поставляется в чистом месте

---

* Святитель Феофан приводит цитаты по изданию: Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирианина, подвижника и отшельника, бывшего епископом христолюбивого града Ниневии, слова подвижнические. М., 1854.

естества, и не имеет нужды в вопросах; потому что ясно видит блага, обретаемые на своем месте. Как внешние чувства не вследствие обучения ощущают вещи... так, подобным сему образом, представляй себе о созерцании духовном. Ибо ум, прозирающий в сокровенные тайны духа, если он в своем естественном здравии, вполне созерцает славу Христову и не спрашивает, и не учится, но наслаждается тайнами нового мира, превыше свободы воли» (с. 376).

«Желать посредством исследования и расспросов дознавать таковые тайны есть неразумие души. Ибо и блаженный Павел не сказал, что по науке или вещественному какому способу видел и слышал тайны и *неизреченны глаголы, ихже не леть есть человеку глаголати* (2 Кор. 12, 4), но восхищением восхищен был в духовную область и видел откровение таин» (с. 378).

«Если желательно тебе, чтобы сердце твое соделалось обителею таин нового мира, то обогатись сперва делами телесными, постом, бдением, службою, подвижничеством, терпением, низложением помыслов и прочим. Связывай ум свой чтением Писаний и углублением в оные, и напиши пред очами у себя заповеди. Непрестанным собеседованием молитвенным искореняй в сердце своем всякий образ (вещей) и всякое подобие, прежде тобою воспринятое. Приучай ум свой всегда углубляться в тайны Спасителева домо-

строительства, продолжая делание заповедей и труды в приобретении чистоты. Проси себе у Господа в молитве, огнем разжженной, о всем печали (попечения сердечного, ревности), да укапнет* она в сердце твое и да сподобишься умного жития. Начало, средину и конец сего жития составляет следующее: отсечение всего единением со Христом» (с. 379).

«Словеса, непостигаемые ведением (разумом), делаются понятными для нас при помощи веры, и ведение о них получаем в созерцании, какое бывает по очищении. Для духовных таин, которые выше ведения (разума) и которых не ощущают ни телесные чувства, ни разумная сила ума (рассудок), Бог дал нам веру, которою познаем только, что тайны сии существуют (а познаются они другим образом, как сказано уже). И от этой веры рождается в нас надежда о них (достигнуть созерцания их). Верою исповедуем, что Бог есть Господь, Владыка, Творец и Создатель всяческих, а ведением (разумом) решаем, что должно нам хранить заповеди Его по любви. (А это приводит к блаженному созерцанию.) *Аще любите Мя, заповеди Моя соблюдите. И Аз умолю Отца, и иного Утешителя даст вам* (Ин. 14, 15—16), сказал Господь. Пришествием Утешителя называет Он дарования откровения духовных таин, посему в приятии Духа, Которого прияли Апос-

* Изольется. — *Ред.*

толы, – все совершенство духовного ведения. И Господь обещал, умолив Отца Своего, дать им Утешителя, чтобы при делании ими заповедей и очищении самих себя пребывал с ними во веки. Видишь ли, что за соблюдение заповедей по любви ум сподобляется благодати таинственного созерцания и откровений духовного ведения» (с. 381–382).

«Законная дверь, вводящая в это, есть любовь. Если приобретаем любовь, она вводит нас в это. *Аз есмь дверь*, сказал Господь. Мною человек внидет в жизнь и *пажить обрящет* для духовной своей жизни. Тогда на всех восхождениях откровений ведения и таинственных созерцаний Божественная любовь вводит и изводит его, как и тех, которые имеют свободу Христову» (с. 383–384).

«Как по мере естественного возраста душа приемлет в себя новое и новое ведение, и ощущает существующее в мире, и день от дня более и более обучается этому, так и в духовном, человек приемлет в себя духовное созерцание и Божественное ощущение, и обучается этому в той мере, в какой ум возрастает в разумном житии и простирается вперед. Когда же придет в область любви, тогда созерцает духовное на своем месте. Но пока человек употребляет усилие, чтобы духовное снизошло к нему, оно не покоряется. И если дерзновенно возмечтает он и возведет взор

к духовному, и будет доходить до него разумением не вовремя, то скоро притупляется зрение его, и вместо действительного усматриваются им призраки и образы» (с. 385).

«Если ум не будет очищен деланием заповедей, не приобретет в совершенстве любви, не преуспеет возрастом в обновлении Христовом... то не возможет соделаться истинным зрителем Божественного созерцания. Все же подобия духовного, какие думает составить себе ум, называются призраком, а не действительностию» (с. 387).

В предложенных выписках содержится все учение о созерцании истинном. По величию предмета велика выписка. Но как не было лености делать ее, да не будет лености прочитать ее и вникнуть в нее. Предмет сей есть первой важности, хотя наша научность мало обращает на него внимания.

Стихи 20 и 21. ***Могущему же паче вся творити по преизбыточествию, ихже просим или разумеем, по силе действуемей в нас, Тому слава в Церкви о Христе Иисусе, во вся роды века веков. Аминь.***

«Догматическое слово свое заключает Апостол славословием» (Феодорит). «Я, говорит, молюсь, а Он и без моей молитвы сделает больше наших прошений, — и не просто только больше или обильнее, но *по преизбыточествию* — выражение, которое показывает особенную великость

дара» (святой Златоуст). «Песнословлю Его, потому что и может, и хочет, и дарует более того, нежели сколько просим» (Феодорит).

Святому Павлу обычно, среди течения речи, восторгаться к молитве и славословию. Ибо он жил тем, о чем писал: все то носил в сердце своем; от избытка же сердца уста говорят славословие. Пред этим выразил Апостол желание, да исполнятся ефесяне *во всякое исполнение Божие*. Эта полнота Божия, или полнота благ, от Бога нисходящих к нам о Христе Иисусе, отчасти изображена Апостолом в послании, отчасти выражена им и в сей молитве, отчасти, конечно, знали и понимали ее и ефесяне. Апостол говорит теперь: о чем я вам писал, о чем молился и молюсь, что сами вы постигаете и ищете, все это велико, но совсем не исчерпывает сокровищницы благ, чрез Господа Иисуса Христа нам даруемых. Их больше несравненно, чем мы можем постигнуть и просить. И их все может изливать Господь на всякого, на кого Ему благоугодно. То, что уже излито, вы испытываете сами, видите во мне, слышите действуемым в других Апостолах. Видите, как оно действует? — Неведомо как приходит сила и являет действие или в душе только, — просвещая и очищая, или и вовне, — чудодействуя. Не от нас это: Божий дар! И меры сему положить нельзя. Если б мерить сие нашею вместимостию, можно бы еще и меру определять.

Но как мера сему есть Божия беспредельная благость и вседейственность, то кто положит сему меру и границу? — Безмерна сокровищница Божия, и Он готов всю ее испразднить на нас. При такой мысли мог ли Апостол не воззвать: Тому слава!

Паче вся — надо бы: паче всего; — что с «*по преизбыточествию*» выражает: несравненно больше всего, что просим и разумеем. *По силе действуемей в нас* — выражают основание, почему так говорит Апостол. Он как бы отвечает на вопрос: «откуда же это видно (что Бог так может делать для нас)? — Из силы, говорит, действуемой в нас, ибо мы сего никогда не просили и не ожидали» (святой Златоуст). *В нас*, в ком это? — Или преимущественно в Апостолах, или во всех верующих в Церкви, чтобы сказать: христианство — вера во Христа многое дала и дает всем, а что может еще дать, тому и меры нет. В другом месте говорит Апостол: *вся ваша* (1 Кор. 3, 21—22).

Имея сие в мысли, Апостол восторгается к славословию, говоря: *Тому слава*! «Хорошо сделал Апостол, что заключил свое слово молитвою и славословием, ибо должно прославлять и благословлять Даровавшего нам такие блага» (святой Златоуст). Слава Богу! — воззвание, которое само собою исходит из сердца, когда ум начнет входить хотя в малое начальное постижение Божественных свойств и действий, и особенно

благодетельных отношений Бога к нам. Слава и благодарение вместе сходятся, а под ними созревает, или согревается и прошение. В этом все существо наших к Богу отношений, которые всегда и выражаются во всякой молитве, когда она идет надлежащим образом.

И в естественной религии то же бывает. Отличие этого проявления духовной жизни в христианстве состоит в том, что оно здесь бывает *в Церкви* и *о Христе Иисусе*. *В Церкви*: ибо и все блага ею приемлются, ею сознаются и определяются, и ею всем членам сообщаются. От нее в один голос идет и слава Богу. Как выше показал Апостол (в словах: *разумети со всеми святыми*), что особняк в познавании не терпим пред Богом, так теперь показывает, что не терпим пред Ним и особняк в молитве и славословии. Славословь Бога устами Церкви или со всею Церковию и когда один молишься. Мы выражаем это, приближаясь к Богу молитвами Пресвятой Богородицы, сонма Ангелов и всех святых. *О Христе Иисусе*: ибо все, что имеем и что можем иметь, имеем и можем иметь только чрез Господа Иисуса Христа, чрез веру в Него и чрез живой союз с Ним, по коему все Его на нас нисходит. Чрез Него же обратно и славословие должно восходить к Богу. Только в таком виде оно приятно Богу, как и все мы приятны Ему только ради Его, ради того, что в Него облекаемся.

Он — глава, а уста, коими славословить можно, в голове находятся. Святой Златоуст и замечает: «Достойно удивления также и то, что за дары, полученные нами от Бога, славит (Апостол Бога) о Христе Иисусе». Феофилакт прибавляет: «Не просто говорит *Тому слава*, но и *во Христе Иисусе*, то есть чрез Христа Иисуса. Ибо воистину никто не может достойно славословить Бога, если не благодатию и силою Христовою. Он и возбуждает нас к славословию, и научает, как совершить сие достодолжно».

Слова: *во вся роды века веков* выражают непрерывность славословия. Род за родом будут сменяться в течении времени, век за веком будут проходить, а то великое дело Божие, которое во Христе Иисусе совершено, и представляется и содержится Церковию, пребудет неизменно, обогащая род наш все большими и большими дарами небесными, и всегда будет подвигать уста к славословию. Слава Богу немолчно и воздается в Церкви. Она только и может воздавать ее с указанною Апостолом непрерывностию. — Тому слава во вся роды или да будет, или будет. Первым возлагается и на нас обязанность славословить Бога за дело спасения (Феодорит), а вторым сказывается, что если всегда будет слава Богу в Церкви, то и Церковь всегда будет, или: Церковь всегда будет, всегда будет и слава Богу. Святой Златоуст говорит: «Весьма кстати сказано

и это: *слава в Церкви*, ибо известно, что Церковь будет существовать всегда; а так как она всегда пребывает, то Апостол хочет, чтобы и мы прославляли Бога до скончания мира, что и объяснил он, сказавши: *во вся роды века*».

Прекрасно перефразированы эти два последние стиха догматической части послания блаженным Иеронимом. Приводим его слова. «Этим показывает Апостол, что в прошении своем он ограничивается мерностию человека и просит того, что находит полезным для ефесян; но, по существу дела, Бог может даровать более, чем просят у Него, и благодеяниями Своими превысить надежды наши. Сами мы не знаем даже, о чем и как помолиться, и часто просим того, что не полезно нам. Блудник, например, просит здоровья, тогда как гораздо полезнее для него болеть и измождаться немощами, чтобы не иметь сил храм Христов делать удами блудницы. Мощен Бог подать не только больше того, что просим, но и более того, что разумеем. Бывает иногда, что мыслей своих мы не выражаем словом, но в молчаливом помышлении воздыханиями неизглаголанными, как говорит сей же Апостол, просим того, чего выразить не можем. Бог и это подает; подает Он и больше того, и все *по силе действуемей в нас*. Как ныне не по делам нашим и выше чаяния нашего подает Он нам много такого, о чем мы не дерзнули бы просить, так

и другое многое может Он подать нам такое, о чем ум помыслить и чего слово выразить не может. Так благому Богу да будет слава: во-первых, *в Церкви*, которая чиста, не имеет скверны или порока, и сверх того одна может воспринимать славу Божию, потому что она есть тело Христово; во-вторых, *во Христе Иисусе*, в Коем обитает вся полнота Божества телесне и Коего членами суть все верующие в Него. Эта слава не ограничивается настоящим временем и последующими веками, но простирается на все роды и чрез века веков пребывает, растет и множится и оглашает всю бесконечную вечность».

ЧАСТЬ НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ
4—6, 18

Разъяснил Апостол всесторонне в предыдущих главах, как все возглавленно в Господе Иисусе Христе, стараясь всячески возвести в созерцание сей истины ефесян и моля о том Бога. Теперь из этой главной мысли, как начала, выводит он, как надлежит жить и действовать христианам, так объединенным и так обновленным во Христе. Сначала изображает он А. — общий строй жизни о Христе Иисусе, — 4, 1 — 16; потом предлагает Б. — правила жизни: 1. — общие, — 4, 17 — 5, 21, и 2. — частные по состояниям, — 5, 22 — 6, 9; наконец, на том основании, что жизнь такого рода есть борьба, В. — облекает христианина во всеоружие духовное: тут очерк подвижничества, — 6, 10 — 18.

А. ОБЩИЙ СТРОЙ ЖИЗНИ ХРИСТИАН
4, 1—16

Очерк сего строя очень прост: храня 1) единение духа в союзе мира — 4, 1 — 10; 2) под руководством Богоучрежденных пастырей — 11, 12; 3) возращайте все во Христа — 13 — 16.

1. Единение духа в союзе мира

Это главное у христиан – каждому быть как все, ни в чем не особиться. Прежде мимоходом поминал уже Апостол, что разумение у христиан идет в лад со всеми святыми (3, 18), и молитва их к Богу восходит от лица Церкви всей (3, 21); теперь учит, что и жизнь их вся течет сообща, — в сердечном друг с другом союзе и самоотверженном взаимосодействии.

а)

Основы такого сердечного общения суть противоэгоистические расположения: смирение, кротость, терпение друг друга, единомыслие и единодушие (4, 1—3). Без этих добродетелей невозможно состояться прочному общению и союзу мира.

Глава 4, стихи 1—3. ***Молю убо вас аз юзник о Господе, достойно ходити звания, в неже звани бысте, со всяким смиренномудрием и кротостию, с долготерпением, терпяще друг другу любовию, тщащеся блюсти единение духа в союзе мира.***

Первый стих — о достойном звания хождении можно принять как заглавие и общее начало для всего нравоучения, в смысле: ходить достойно христианского звания. Какое нравственное правило ни возьми, оно будет подходить под это начало и из него исходить. Но, судя по ходу речи, Апостол имел в мысли определенный образ хождения, достойного звания, именно: любовное всех взаимообщение. Ибо он только что выяснил, как

все соединены в Господе и стали едино — в Нем и о Нем. Теперь говорит: к этому призваны вы; ходите же достойно сего, то есть пребудьте в любовном взаимообщении. Святой Златоуст, приступая к толкованию сего стиха, взывает: «И опять у нас глава Христос», то есть опять Апостол наводит нас на ту же мысль о возглавлении и объединении всех во Христе, чтоб тем расположить к взаимному единению всех между собою.

Термины, коими обставил Апостол этот урок о достойном звания хождении — молю, узник о Господе, в неже звани бысте, — все направлены к тому, чтобы оживить, привесть в движение и напряжение это расположение.

Молю. Мог бы он и заповедать, мог бы Апостольскою властию налагать обязательства, но он молит, — смирением вызывая покорность заповеди о смирении и одолжением себе считая их достодолжное хождение. И все знают, как такая речь мягкими, но тем не менее крепкими узами привязывает к достодолжному (Феофилакт).

Юзник. Как прилично помянул и здесь святой Павел о своем узничестве, приступая к изложению заповеди о любовном взаимообщении. Ибо узы святого Павла были плодом уз любви, — любви к Господу, к Его учению и ко всем верующим. И любовное взаимообщение налагает узы и требует самопожертвования. Напоминанием

о своих он сильно располагал к этим (Экумений). Слово об узах любви из уст содержимого в узах, любви ради, могло ли остаться без действия? Феодорит блаженный и пишет: «Упоминания об узах достаточно к тому, чтобы и страждущих крайним бесчувствием возбудить к добродетели».

Прозревая эту мысль Апостола, святой Златоуст и для всех выводит отсюда урок о нравственных узах любви, говоря: «А мы не хотим связать самих себя?! Я советую принять узничество не Павлово,— так как теперь не такое время,— но есть другие узы (любви): свяжи свой ум. Есть и еще узы (казни); и кто не возложит на себя нравственного узничества, тот испытает последние, ибо слушай, что говорит Христос: *свяжите ему руце и нозе* (Мф. 22, 13). Чтобы не подвергнуться этому узничеству, возложим на себя те узы».

Узник о Господе, то есть за Господа, за дело Его и учение. То, что я говорил и еще скажу, не таково, чтоб от того можно было отступать при виде опасности; но хотя бы предстояло подъять тысячи смертей, отступать от того нельзя. Об этом говорят вам узы мои о Господе. Потому слово мое — неотложный для вас закон. Хотите быть с Господом и вы?! — Непременно исполните то, что вам пишу. «Устыдитесь уз моих» (Феофилакт). «Хорошо быть узником, но не

просто, а ради Христа, потому он и сказал: *юзник о Господе*, то есть ради Христа; только такие узы имеют столь великое значение!» (святой Златоуст).

Как любил святой Павел Господа Иисуса Христа! Непрестанно имя Его сладчайшее у него на языке. Разверните его послания и только глазами просмотрите страницы, — увидите, что они испещрены именем Господа. И особенно это в послании к Ефесянам. — Не ему ли подражая, любители Господа так навыкают призывать имя Господа, что оно непрестанно повторяется их языком и сердцем, как ручеек журчит.

Иначе и нельзя, ибо у нас все от Господа. Но у Апостола в настоящем случае та особенность, что он и в узах с Господом, — и узы свои ради Господа выставляет, как победное знамя, как царственное отличие. Феодорит пишет: «Достойно удивления в блаженном Павле и то, что узами за Христа величается он более, нежели царь диадемою». Святой Златоуст картину узничества Павлова представляет, как самый приятный предмет для созерцания: «Узы Павловы, отвлекая нас от настоящего предмета речи, привлекают к себе, и я не в силах противиться сему влечению. Святой Павел радовался узам, отдавался в оковы и с узниками был отводим под стражу. Велика сила Павловых уз! Вместо всех зрелищ довольно одного этого — видеть Павла связанным и ведомым

из темницы. Что может быть выше удовольствия видеть его в узах и сидящим в темнице? Как оценить мне это удовольствие? Не видите ли вы царей и консулов, несомых на колесницах, убранных в золото, и их телохранителей, также имеющих на себе все золотое: золотые копья, золотые щиты, золотом убранную одежду, в золотых попонах коней? Но сколько первое зрелище приятнее последнего! Я бы желал лучше однажды взглянуть на Павла, с узниками выходящего из темницы, нежели тысячи раз видеть этих людей в сопровождении их копьеносцев. Сколько Ангелов, думаете вы, предшествовало, когда таким образом выводили его? — Если Елисея окружало воинство Ангельское (4 Цар. 6, 17), то что сказать о Павле? Пророк Давид говорит: *ополчится Ангел Господень окрест боящихся Его* (Пс. 33, 8), и еще: *на руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою* (Пс. 90, 12). Но что я говорю об Ангелах? Сам Господь был с ним, когда он выходил (из темницы). — Он Сам дал обетование: *Аз с вами есмь* (Мф. 28, 20); и, явившись Павлу, сказал ему: *не бойся... зане Аз есмь с тобою* (Деян. 18, 9—10). — Так дивные угодники Божии и всегда исполнены великой благодати, а особенно тогда, когда подвергаются опасности за Христа, когда делаются узниками за Него! Как на воина, верного долгу своему, приятно смотреть и во всякое время, а особенно

когда он стоит и сражается подле самого царя, так представляй себе и Павла, которого можно было видеть учащим и в узах».

Достойно ходити звания, в неже звани бысте. «О чем молю? – Не о своем, а о вашем, – о том, чтобы вы ходили достойно звания, ибо вы призваны к великому, к тому, чтобы соседеть Христу, соцарствовать Ему. Не следует вам постыждать достоинства вашего недостойными Христа делами» (Феофилакт). «Он совоскресил и спосадил на небесных нас, которые так враждебны Ему и сделали столько зла. Велико это звание и к великому призывает оно! Велико не потому, что Он призвал нас из такого состояния, но потому, что призвал на такие дела и таким образом» (святой Златоуст). «Призвал к тому, чтоб иметь главою Его – Христа, и быть сынами Богу» (Экумений). «Возлюбите же образ жизни, соответственный званию, не поругайте благодеяния беззаконною жизнию» (Феодорит).

Этот достойный звания образ жизни есть здесь, как уже замечено, любовное всех взаимообщение и взаимосодействие. Это видно из того, что, начав объяснять, как ходить достойно звания, он свел все на то, чтобы тщиться блюсти единение духа в союзе мира. Да и из самого звания то же выходит. Все, и земное, и небесное, возглавлено во Христе; верою вы введены в этот общий всех союз; живите же в любовном общении.

Положив это начало, далее объясняет Апостол, как можно достигнуть того, чтоб ходить таким образом. Естество наше любообщительно, по сотворению. Но пришел грех и охладил его. Леденящая его сила есть эгоизм, источник разделения и особности. Убитие эгоизма есть возвращение к теплоте любообщения. Почему Господь первый шаг в последовании Ему определил самоотвержением: *да отвержется себя*, кто хочет по Мне идти, говорит Он. Апостол не выставляет этого главного, но перечисляет добрые расположения, противоположные эгоистическим стремлениям, и их кладет в основу любовного взаимообщения.

На первом месте ставит смиренномудрие. И Господь в заповедях о блаженстве его же поставил на первом месте, говоря: *блажени нищии духом*. Как в гордости преимущественно выражается эгоизм, разделяющий и отособляющий, так, напротив, в смирении больше всего выражается самоотвержение, условливающее взаимообщение. Ибо если самоотвержение требует самозабвения, то где оно явнее, как не в смирении. Смиренный ни во что ставит себя, всех других считая господами своими и себя им предоставляя в слугу. Оттого, у него только и дела, что для других, как у несмиренного только и дела, что для себя. Вот стану я для него трудиться или тратиться, обычная его поговорка. У смиренного не повернется язык сказать это и мысль —

подумать. Дело всякого он считает своим делом и готов ради его на все усилия и жертвы. Он то же, что член в теле. Ни один член в теле не живет для себя, а весь для других. Так себя имеет и христианин, под главою Христом сочетанный со всеми в единое тело. Иному члену в теле и можно бы повыситься над другими, да некогда, непрестанно занят он служением другим. Так и в теле Церкви. Иной большие дарования получает, но не высится ими, сознавая, что они не его и не для него даны, а напротив, всячески страшась, как бы не погрешить против них и цену их не уничтожить, направив их на одного себя, одним собою ограничив, заключив в этом маленьком пространстве, точке подобном.

Святой Златоуст говорил посему: «Как же достойно ходить звания? — *Со всяким смиренномудрием*. Кто таков, тот достойно проходит это звание: смиренномудрие есть основание всякой добродетели. Если ты имеешь смирение и помнишь, как спасен и из какого состояния, то воспоминание об этом служит для тебя побуждением к добродетели. Ты не станешь гордиться ничем, но, зная, что все у тебя есть дар благодати, будешь смиряться. Смиренный человек то же, что слуга, помнящий благодеяния и признательный за них. *Что имаши*, говорил тот же Апостол, *егоже неси приял* (1 Кор. 4, 7)? Равно и о себе говорил: *паче всех потрудихся: не аз же, но*

благодать Божия, яже со мною (1 Кор. 15, 10). Не просто сказал: *со смиренномудрием,* но *со всяким,* то есть не в словах только и делах, но во всех наружных приемах и в тоне речи. Не обращайся с одним смиренно, а с другим дерзко; сохраняй смирение со всяким, друг ли твой или враг, знатный или ничтожный человек: в этом состоит смирение. Также и в других делах блюди смирение; ибо Христос говорит: *блажени нищии духом,* — и это блаженство ставит прежде всех. Посему-то и Апостол сказал: *со всяким смиренномудрием*».

Блаженный Иероним пишет: «Кто сознает себя землею и пеплом и помнит, что спустя немного должен обратиться в прах, тот никогда не вознесется гордостию. И кто, созерцая вечность Божию, видит, что время жизни человеческой коротко, похоже на одну точку, тот всегда будет иметь пред очами исход свой, и будет смирен и самоуничижен. *Тело бо тленное отягощает душу, и земное жилище обременяет ум многопопечителен* (Прем. 9, 15). Почему будем говорить со всяким смирением: *Господи, не вознесеся сердце мое, ниже вознесостеся очи мои* (Пс. 130, 1). Смирение же — не в словах, а в настроении души. Будь смирен в совести, чтоб и Бог видел, что ты ни мыслию, ни чувством не даешь себе никакой цены».

На втором месте ставит Апостол кротость. Первое исчадие гордыни — гнев, серчание, оскорбительность; первый плод смирения — кротость. Гордый с презорством мыслит, чувствует и говорит к другому: как ты смеешь так относиться ко мне? Поступок ли ему не нравится, или слово, или даже мина, — и серчает. Смиренный не замечает, чтоб в отношениях других к нему было что-нибудь ниже его достоинства, и даже заметить сего не может, ибо считает себя ничем и всякое отношение к нему других — свыше себя. Потому все встречает не только без неудовольствия, но с благодарностию, как одолжение и почет, хотя другим может казаться, что его унижают и оскорбляют. Оттого в нем не бывает движения неудовольствия и даже тени оскорбительности. Он пред всеми кроток, как агнец. За это и к нему все относятся мирно, тепло и с уважением, хотя бы он был не высокого ранга. Вот и союз, вот и скрепа! Кроткого ничто не может разделить с другими и других с ним; и чем больше где кротких, тем крепче там между собою союз, — больше там покоя и радостей. И Царство Небесное есть земля кротких, как говорил Спаситель: *блажени кротцыи, яко тии наследят землю*. Блаженный Иероним пишет: «Кротость есть такое расположение духа, в котором не возмущаются никакою страстию, особенно же гневом и яростию. Кто ее имеет, тот сподобится обещанного Господом

блаженства». — «Напротив, смущение и раздражение чем-либо, — продолжает Амвросиаст, — рождают споры и побуждают защищать даже и то, что сознают недобрым и неправым. Отсюда раздор, прерывающий союз мира».

На третьем месте ставит Апостол *долготерпение.* — Терпение обнимает все сносимое: и неприятности, и обиды, и гонения, и лишения, и всякие труды и тяготы по доброделанию и исполнению своих обязанностей. Здесь у Апостола указывается только то терпение, которое упражняется во взаимноотношениях и столкновениях. У него стоит — μακροθυμία — долгодушие, или великодушие. У великодушия душа столько крепка и мощна, что никакие неприятности от других не производят в нем никакого потрясения и изменения. Смотрите на воду успокоившуюся: поверхность гладка, как зеркало. Но бросьте в нее самую легкую вещичку, тотчас она приходит в движение, сотрясается в одной точке, дает волну, которая расходится и по всей поверхности. Это — образ малодушия, которое мало-мало встретит что неприятное, тотчас смущается и скорбит. Но вот — утес! — Волны бьют в него, а он стоит, внимания на них не обращая, будто ничто тут его и не касается. Это образ великодушия и долготерпения. Посмотрите на великодушного! — Все вокруг волнуется и его сильно задевает, а он спокоен. Будто души у него нет. Может иной подумать,

что такого рода состояние свойственно тем, у коих жестко сердце. Напротив, великодушные суть самые мягкосердые: от них веет теплотою. В чем секрет такого состояния? — Это благодать Божия. Дается же дар сей за подвиг над собою, который в другом месте святой Павел выражает так: *не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое* (Рим. 12, 21). Опыты препобеждения зла добром дают непобедимость злом. Предписывая долготерпение, как средство к сохранению любовного взаимообщения, святой Павел говорит как бы: упражняйся в таком подвиге, и не потерпишь преткновения в хождении, достойном твоего звания.

Терпяще друг друга любовию. Великодушие и долготерпение спокойно переносят оскорбления и обиды; но во взаимообщении, помимо этого, могут встречаться неприятности отталкивающие, без намерения даже со стороны других причинить какую-либо неприятность. Сюда могут относиться недостатки душевные и телесные, сплетения обстоятельств, по которым иной становится помехою в делах и успехах общежития, разного рода столкновения и подобное. Все это терпеть и сносить заповедует Апостол. Терпеть друг друга — будто безучастное отношение к другим. Но Апостол устраняет это и велит терпеть любовию, как мать терпит все, ухаживая за ребенком. Святой Златоуст и говорит: «Как можно терпеть

друг друга? — Апостол указал способ, говоря: любовию. На все есть терпение только там, где есть любовь. Соедини себя узами любви с братом: все легко для людей, связанных между собою узами любви». Можно сказать, что тут и терпения не будет, ибо любовь не замечает трудов. Только сторонние могут дивиться, как терпеть такого и такого. Но не все вдруг созревают в любви. Сначала это терпение бывает и так, как терпят, стиснувши зубы; и готово бы прорваться выражение неудовольствия, но оно пресекается силою воли. Это начатки терпения друг друга. Усердно продолжающий сдерживать себя и напрягать на любовь, приобретает навык сначала спокойно сносить все могущее тревожить, а потом и все покрывать и поглощать любовию. На сей степени терпение друг друга переходит в поддержание сильными немощных, и в духовном, и в житейском. Греческое слово и означает — не сносить только, но и поддерживать. Это будет значить — скорбящего утешить, неразумного вразумить, грешащего исправить, бедного ссудить нужным, обижаемого защитить, то есть всячески друг другу вспомоществовать и содействовать. Любовь и не может спокойно оставаться при виде нужд другого, ибо чувствует себя срастворенною с другими и воспринимает чувства их. Чужая нужда у ней — своя.

Блаженный Иероним пишет на сии слова: «Понимая *терпяще друг друга*, — как звучат слова, можно думать, что эта заповедь не относится к мужам святым, — ибо святые не имеют что терпеть друг в друге, — а к тем, которые еще бывают одолеваемы какою-либо страстию. И не дивно, что слышат сие ефесяне, когда в числе верующих из них находились еще такие, которым надлежало терпеть друг друга. Это же самое, мне кажется, означает и то, что пишется к галатам: *друг друга тяготы носите* (Гал. 6, 2). Но оба эти свидетельства можно толковать и иначе, — именно, что ими побуждаются богатые облегчать нужды бедных. Кто больному брату помогает и прислуживает, тот терпит его любовию. Кто, проводя блаженную безбрачную жизнь, другому, у которого жена и дети, каким-либо образом поможет или утешение доставит, тот понесет тяготу другого. Бывает, что иной видит мать свою или сестру, вдову в крайней бедности и нужде, а помочь им не может: кто подаст ему руку помощи, тот потерпит его любовию. Первую ли мысль возьмем или вторую, явно, что кто не поддерживает брата грешащего и не утешает нуждающегося, тот не имеет любви и презирает слова Апостола, который заповедует: *должны есмы мы, силнии, немощи немощных носити, и не себе угождати*» (Рим. 15, 1).

Тщащеся блюсти единение духа в союзе мира. Все уже, кажется, есть: и смирение есть, и кротость есть, и великодушие есть, и терпение друг друга есть, — чего еще недостает для крепости общения? — Надобно, говорит, стараться еще о том, чтобы *блюсти единение духа в союзе мира.* Что это за единение духа? — Если разуметь под духом дух человеческий, единением духа будет внутреннее сердечное единение в отличие от внешнего союза. Быть смиренным, кротким, сносить неприятности, терпеть друг друга и помогать друг другу — все это такой образ действования, который силен поддержать между вами мир. Но вы не об этом только старайтесь, чтоб мир был, но чтоб при этом мире, в этом союзе мира, было у вас и единение духа, чтоб вы сердцами были соединены, чтобы у вас был один дух, одна душа.

Единение — ἑνότης — собственно значит единость, единство, одинаковость. Если разложим дух на его составные части духовные — мысли, стремления, вкусы, то единость духа даст нам указание на единомыслие, единонравие, единодушие, и в слове Апостола получим заповедь о том, чтобы блюсти всем один образ мыслей и воззрений, одни расположения, намерения, желания, одни чувства и сочувствия, чтоб в одном и том же всем находить удовольствие, словом, чтобы внутри не было никакого от других отделения и отособления,

но чтоб у каждого было то же только, что и у всех. Эта единость внутреннего настроения скрепит всех, утвердит союз между всеми — σύνδεσμος, — который даст прочную основу ненарушимому миру. Союз мира — внешняя сторона; душа его — единость духа. Таким только образом из всех может составиться единое тело.

Святой Златоуст говорит: «Что такое единение духа? — Как в теле душа все объемлет и сообщает какое-то единство разнообразию, происходящему от различия членов телесных, так и здесь. Но душа дана еще и для того, чтобы объединять людей. Старец и юноша, бедный и богатый, отрок и взрослый, муж и жена, и всякое существо, одаренное душою, есть что-то единое, и это единство более единства телесного. Первое сродство выше последнего: больше совершенства в духовном единстве. Как огонь, попадая на сухие деревья, обращает их в одно горящее тело, а над влажными не оказывает никакого действия и не соединяет их между собою, так бывает и здесь: холодность душевная не способствует к соединению, но теплота душевная большею частию каждого привлекает к себе. Отсюда происходит и теплота любви. Апостол хочет всех нас соединить узами любви. Он хочет, чтобы мы связаны были не одним миром, но чтобы у всех была одна душа. Это прекрасные узы: они соединяют нас и между собою, и с Богом. Эти узы не

обременяют и не стесняют связанных ими рук, напротив, дают им большую свободу, открывают им большее пространство для деятельности и делают узников веселее свободных. Этого союза не может нарушить ни пространство места, ни небо, ни земля, ни смерть, ни что другое: он выше и сильнее всего. Проистекая из единости душевной, он в одно и то же время может обнимать многих. Слушай, что говорит Павел: *«не тесно вмещаетеся в нас»* (2 Кор. 6, 12).

Но иные под духом разумеют Духа Божия, или благодать Святого Духа. В таком случае здесь будет такая мысль: «Все вы сподобились единой благодати; единый источник разливает различные потоки. Посему, водясь смиренномудрием и кротостию, терпите друг друга по закону любви и храните союз мира» (Феодорит).

Союз мира составит из всех вас один, крепко сплоченный сосуд, который способен будет удержать излиянные в вас потоки благодати. Дух Божий единый всех вас исполняет: старайтесь сохранить Его в себе, а для сего всячески сохраняйте между собою союз мира. Когда не станет между вами мира, вы будете то же, что сосуд разбитый. Дух благодати отойдет от вас, и вы станете по-прежнему плотскими. Апостол и говорит в другом месте: *идеже в вас зависти, и рвения, и распри, не плотстии ли есте, и по человеку ходите* (1 Кор. 3, 3)? Эту мысль блаженный

Феофилакт излагает так: «Как в теле дух есть начало, все сочетавающее и объединяющее, хотя члены и различны, так и в верующих Дух Святой есть, который объединяет всех, хотя мы разнимся друг от друга и родом, и нравом, и занятиями. Чрез Духа сего соделываемся мы единым телом. Итак, потщимся соблюсти сие единение посредством взаимного между собою мира. Если не будем иметь союза любви и не будем мирствовать между собою, то погубим единение, которое даровал нам Дух. Тогда будет с нами то же, что если б рука или нога отделились от прочего тела и пресекли свое с другими членами сочетание,— не будем уже мы содержимы единым Духом».

Что говорит Апостол: *тщащеся блюсти*,— то «дает этим разуметь, что это дело не легкое и не случайное» (святой Златоуст). Ничто столько не встречает препятствий, как соблюдение союза мира и единения духа. Много надо на это благоразумия, напряжения воли, самообладания и всесторонней осмотрительности. «Без особого старания и труда не соблюдем мира» (Феофилакт). Так в начале, но потом мирность обращается в характер и нрав. И уже не легко его чем-либо расстроить.

б)

Положив, таким образом, прочные *основы* любовному всех общению в противо-эгоистических расположениях сердца, или добродетелях,

святой Павел выставляет самые сильные *побуждения к тому* (4—6), чтобы святое дело сие совершалось не механически как, а свободно, по разумной решимости воли, по разумным убеждениям. Иначе, говорит, нельзя. Вы должны быть в любовном общении, ибо у вас все едино. Сего требует от вас единство тела Церкви, коего вы члены; единство Духа, Коего приемлете все и Который, проникая все члены, каждому сообщает жизнь и движение духовное, единство блаженства, к наследию коего призваны равно все, единство Господа — Искупителя и Спасителя, единство крещения, коим рождаетесь в новую жизнь, единство Бога—Творца, Промыслителя, Отца, Который одною любовию всех обнимает, единым всемогуществом правит, единым промышлением хранит,— везде сый и вся исполняяй.

Что ни слово, то побуждение к единению. Изобразил Апостол весь строй христианских отношений, каков он есть по идее христианства. Из каждой черты его выходит одно и то же следствие: итак, будьте едино между собою. Я указываю вам, чем вы есте по назначению. Но, чтобы делом быть такими, надо приложить вам и свое старание. Потщитесь же соблюсти единость духа в союзе мира.

Святой Златоуст, приступая к беседе о сих стихах (4—6), так говорит: «Когда блаженный Павел желает расположить христиан к чему-

либо особенно высокому, то, будучи исполнен мудрости и благодати Божией, он побуждает к этому предметами небесными — примером Самого Господа. Так в одном месте он говорит: *ходите в любви, якоже и Христос возлюбил есть нас, и предаде Себе за ны* (Еф. 5, 2), и еще: *сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе, Иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу* (Флп. 2, 5—6), точно также поступает и здесь. И хорошо он это делает, ибо, когда бывают указаны великие примеры, у человека рождается сильная ревность и желание (подражать им). Итак, что же он говорит, побуждая нас к единению? — ***Едино тело, един дух, якоже и звани бысте во едином уповании звания вашего***, и проч. (ст. 4)».

Таково существо христианства, что исповедующие его суть едино, что все верующие составляют *одно* живое и живосочетанное *тело*, в коем обитает *единый* дух, преисполняющий его и приводящий все в нем в движение, которое потому и едино, что оживляется сим единым духом. Вот вам первое побуждение к любовному единению в союзе мира. И это тем должно быть понудительнее, что, при единстве тела и духа, у вас еще и одни надежды. Как всякие общества единятся единством целей и надежд, так и вы на едино призваны, в одинаковых видах трудитесь, к одному стремитесь. Всем одно обетовано царство;

дверь в него равно для всех вас открыта. Блаженный Феодорит пишет: «Единый прияли вы Дух, одно составляете тело, одно дано вам упование Воскресения и Царства Небесного». Отсюда само собою выходит: из-за чего же вам особиться друг от друга, нарушать единение духа, разрывать союз мира?!

Пространно излагает сие святой Златоуст, всю речь направляя преимущественно к тому, чтобы верующих расположить к единодушию. «Что такое едино тело? — Верные всех мест вселенной, живущие, умершие и имеющие явиться на свет, а также угодившие Богу и до пришествия Христова — составляют одно тело. У нас о предметах, соединяемых между собою и имеющих большую связь, обыкновенно говорится: они — одно тело. Так точно и мы составляем одно тело. Тело, хотя состоит из разных членов, важных и неважных, однако ж, ни лучший из них не вооружается против члена ничтожного, ни первый не подвергается презрению со стороны последнего. Хотя не все члены имеют одинаковое отправление, однако они равно достойны уважения. Апостол Павел требует от нас такой любви, которая бы связывала нас между собою, делая неразлучными друг от друга, и такого совершенного единения, как бы мы были членами одного тела, ибо только такая любовь производит великое добро. Словами *едино тело*, он требует, чтобы мы сострадали

друг другу, не желали благ ближнего своего и участвовали в радостях один другого; все это он выразил вместе. Потом весьма кстати прибавил: *и един дух*, научая, чтобы при едином теле было у нас единомыслие. Он хотел побудить этим ко взаимному согласию, как бы так говоря: так как вы получили Единого Духа и пили от одного источника, то между вами не должно быть раздоров. Далее говорит Апостол: *якоже и звани бысте во единном уповании звания вашего*. То есть: Бог призвал всех нас к одному и тому же; никому ничего не предоставил больше против другого: всем даровал бессмертие, всем жизнь вечную, всем неувядаемую славу, всем братство (из единого сыновства Богу), всем наследие, для всех соделался общею главою, всех совоскресил и спосадил. Итак, имея такое равночестие в духовном, для чего вы высокомудрствуете? Потому ли, что такой-то из вас богат, а такой-то силен? – Но не смешно ли это?! Ибо скажи мне, если бы царь, избрав десять человек, облек их всех в порфиру, посадил на царском престоле и всем им даровал одну и ту же честь: посмел ли бы кто-нибудь из них поносить другого, потому что богаче и знаменитее его? – Отнюдь нет! Итак, ужели мы, будучи равны на небе, будем превозноситься друг пред другом земными отличиями?»

Стих 5. *Един Господь, едина вера, едино крещение.*

«Вот и еще побуждение к любовному общению!» (Экумений). Прежде говорил, что надо пребывать в сем общении, поколику все суть едино тело с единым духом не для времени только, но и для вечности. Теперь выставляет побуждением к тому — то, что всякий христианин, если смотреть на него отдельно, есть то же, что и другой; как люди делаются христианами, в этом все равны, ни преимуществ один, ни заделения другой не имеют; как на свет рождаются все одним путем, — ни царь, ни последний бедняк в этом не отличаются, так все и христианами творятся одинаковым образом. Господь совершил спасение и положил начало новой жизни, яко перворожденный. К Нему приступают верою и получают доступ к общению в единой, в Нем совмещенной жизни крещением. В ком совершилось сие, тот и стал христианин. И в этом и Господь для всех одно, и вера — одна, и крещение — одно. Ни для кого не имеют они значения — ни большего, ни меньшего, — для всех равны, и всем равно силу свою уделяют. *Един Господь* — Иисус Христос, Сын Божий Единородный, — Бог истинный от Бога истинна, рожденный, не сотворенный, — нас ради, человеков, сшел с небес, вочеловечился, пострадал, распялся, умер, погребен, воскрес, вознесся на небо и сел одесную Отца, всех в лице Своем воссоединив с Богом. Но, чтобы делом всем воссоединиться с Богом, надлежит

соединиться живым союзом с Господом, как и молился Господь: *да вси едино будут: якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в нас едино будут* (Ин. 17, 21). Или как объяснял Он прежде того: *Аз во Отце Моем, и вы во Мне, и Аз в вас* (Ин. 14, 20). Путь к сему единению открывает *вера*, которая здесь совершенно *едина* у всех и как бы одноречива. Всякий исповедует: я погибающий, нет мне спасения, как в Господе; к Нему прилепляюсь и Ему себя предаю и посвящаю. Это исповедание отворяет дверь к Господу. Никто лишнего, кроме того, ничего сюда не привносит, и ничто, кроме сего, при этом не берется во внимание: ни род, ни образование, ни дела, ни вера прежняя. Все прочь: только это одно исповедание надлежит предъявить для доступа к Господу. Предъявивший веру живым союзом сочетавается с Ним посредством крещения, в котором всякий в смерть Господню погружается и причастником воскресения Его соделывается, прививается к Господу и членом Его становится. Апостол говорит как бы: вот, как каждый из вас стал христианином. Смотрите же: имеет ли кто в каком-либо отношении лишнее что-нибудь против другого, чтобы особиться от него? Господь для тебя больше есть Искупитель, Спаситель и Примиритель, а для другого меньше? Вера у тебя с другим каким преимуществом соединялась, чтоб иметь силу больше, чем у других, или и она была

одна, такая же, как и у всех? Крещение не в три ли погружения над тобою совершалось с призыванием имени Пресвятой Троицы, как и над всяким другим, и не ко всем ли крещенным одинаково относятся слова: *елицы во Христа Иисуса крестихомся, в смерть Его крестихомся? Спогребохомся Ему крещением в смерть* (Рим. 6, 3—4); и: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. 3, 27)? Святой Златоуст говорит при сем: «Един и тот же (для всех Господь). Или Он для тебя наименовался бо́льшим, а для того меньшим? Ты спасся от веры, а тот от дел? Тебе отпущены грехи в крещении, а тому нет? — Удались от нас такая мысль!»

Стих 6. ***Един Бог и Отец всех, Иже над всеми, и чрез всех, и во всех нас.***

С Господом Иисусом Христом соединяемся, чтобы чрез Него воссоединиться с Богом, от Коего отпали преступлением заповеди в раю. И Господь на Себе никого не удерживает, но всех препровождает к Богу Отцу, с Коим и Сам едино есть, как и Святой Дух. Се златая Божественная цепь! — Господь во Отце, мы — в Нем, и Он в нас. Вот куда возвел Апостол единение всех. Теперь уже ни на небе, ни на земле не осталось ничего, чтобы могло послужить к отособлению от других и разделению друг с другом. Возвел всех к Богу Отцу и говорит об Нем, что Он *над всеми и чрез всех и во всех нас*, давая разуметь, что для

того, кто ясно понимает дело христианства, какое-нибудь отособление от других немыслимо, ибо он должен зреть единого Бога—Отца всем, всех преисполняющего, в нераздельности с Сыном и Духом Святым. Что здесь говорится о Боге, как Он благоволил поставить Себя к нам по домостроительству спасения, сие показывают слова: *Отец...* и: *нас*; а что говорится о Нем в нераздельности с Сыном и Духом Святым, сие видно из того, что, как уже сказано, все тело верующих исполняет Един Дух, и все крещаемые по вере в единого облекаются Господа. Как будет Бог Отец над всеми, и во всех, и чрез всех в раздельности, когда уже во всех них есть и Дух, и Господь? Почему словами: *над всеми, чрез всех и во всех* выражается отношение Божества к человечеству, примиренному с Ним по домостроительству спасения. *Над всеми* означает, что Бог над всеми верующими особенно надзирает, над всеми ими простирается особенным попечением и любовию, как над сынами; *чрез всех* означает, что Бог, всех их преисполняя, чрез них действует, они — покорное орудие, сознательно Его вседействию предавшееся, тогда как другие все сами делать покушаются, а Богу места действовать в себе не дают; *во всех* означает, что Бог почивает в них и благоволением, и любовию, и покоем: Он покоен в отношении к ним, ибо цели Его в них достигаются. И на Страшном суде, кому кто

покой доставляет, от того получит и воздаяние. Святой Златоуст говорит: «*Над всеми*, то есть выше всего; *чрез всех*, то есть о всем промышляет, всем управляет; *во всех*, то есть во всех обитает». Блаженный Феодорит пишет: «Сие же: *над всеми* означает владычество, *чрез всех* – промысл, *во всех* – вселение». Так и Экумений с Феофилактом.

Иные это нераздельное отношение Божества к верующим разделяют, не раздельно, однако ж, и первое относят к Богу Отцу, второе – к Богу Сыну, третье – к Богу Духу Святому, так что в последних двух Отец действует чрез Сына и Духа. Так святой Дамаскин: «Един над всеми Отец, Который чрез всех, чрез сущее из Него Слово, и во всех чрез Духа Своего. Желая показать, как просиявает в нас подобие Божеского единства, Апостол особности Троицы в едином Боге воспроповедал» (или особые действия в нас Лиц Пресвятой Троицы отнес к единому Богу). То же, между прочим, пишет и блаженный Иероним: «Некоторые слова *над всеми и чрез всех и во всех* относят к Отцу, Сыну и Святому Духу: *над всеми* – к Отцу, потому что Он Причина всего; *чрез всех* – к Сыну, потому что все сотворено чрез Сына; *во всех* – к Духу Святому, потому что Он дается верующим, и мы становимся храмом Святого Духа: и Отец, и Сын обитают в нас».

Вывод из всего вышесказанного такой: «Единого имеем Господа, единое прияли крещение, одну принесли веру, един у всех нас Бог и Отец. Посему надлежит вам, как братьям, иметь единомыслие между собою» (Феодорит).

в)

Указал святой Павел добродетели, на которых основывается любовное общение христиан, выставил сильнейшее к тому побуждение, теперь показывает, *в чем обнаруживается сие общение, или каково оно в действии.* Оно обнаруживается во взаимовспомоществовании и взаимосодействии, в том, чтобы служить друг другу, кто чем может и кто на что получит дарование. И в естественном порядке нельзя сказать, чтоб кто-нибудь был всем заделен; всякий к чему-нибудь способен. И в порядке благодатном, всякий в таинстве миропомазания получает дар Святого Духа. Так, кто что получил, тем и служи другим. Святой Петр выражает эту заповедь так: *кийждо якоже прият дарование, между себе сим служаще (живите), яко добрии строителие различныя благодати Божия* (1 Пет. 4, 10). А как именно служить, изображает святой Павел, в послании к Римлянам говоря: кто получил пророчество, пророчествуй, кто — служение, служи, кто — учение, учи, кто — достаток, подавай в простоте, и проч. (Рим. 12, 6—8). Здесь же он говорит только, что всякий получил благодать, давая самим ефесянам дора-

зуметь: получил — и служи другим тем, что получил.

Стих 7. *Единому же комуждо нас дадеся благодать по мере дарования Христова.*

Как в теле разные члены и всякий член свое особое имеет назначение, исполняя которое работает на все тело, так и в теле Церкви, коей глава — Христос Господь. Но в естественном теле голова не производит членов и не раздает им назначение, а в теле Церкви Господь Иисус Христос, глава его, есть и производитель его, производитель и каждого члена. Каждый член от Него получает духовное бытие; от Него же назначается ему место в теле Церкви и дается дар благодати на служение Ему. Вот о сем-то и поминает здесь Апостол. Всякий получил от Господа благодать и дар Святого Духа в той мере, в какой угодно было Господу. Служи тем другим, — и будешь находиться в живом и деятельном со всеми общении.

Такова, думается, цель, с которою говорит сии слова здесь святой Павел, так как и впереди говорил он все о теле, вслед за сим будет говорить о теле же, и именно с той стороны, как оно созидается стройным взаимодействием всех членов (15, 16).

То, что обще всем должно быть, чем условливается самая жизнь христианская, как то: принадлежание телу Церкви, вера, упование, крещение, то,

чтоб иметь Бога Отцем и Господа – главою своею, то все одинаково имеют. Но эта одинаковость не производит совершенного во всех равенства и не уничтожает различий. Каждый все имеет, что и другой, но в разной степени, и сверх того всякий особую получает благодать и дар. Под условием такой разности, и при сей разности взаимодействия и общения, и устрояется едино многосоставное тело, стройно сочетанное. Совершенное равенство не даст составиться телу, ибо, *если бы все были один уд, где тело? Ныне же мнози убо удове, тело же едино* (1 Кор. 12, 19–20).

Но разная благодать и разное дарование всякому дается не для него самого, а для тела Церкви. Потому иметь в этом повод к тому, чтобы особиться от других или выситься над ними, когда дар больше, или завидовать им, когда он меньше, совершенно бессмысленно. Святой Златоуст говорит: «Что один получил больше, а другой меньше, это не имеет никакого значения, но дело безразличное, ибо каждый из получивших способствует к созиданию. Не ради собственного достоинства один получил больше, а другой меньше, но для других, сколько кому Сам Христос распределил. Так и в другом месте говорит: *положи Бог уды, единаго коегождо их в телеси, якоже изволи* (1 Кор. 12, 18). Если иной имеет нечто большее в своем даровании, то ты этим не огорчайся, потому что и трудов у него более.

Помни и то, что с получившего пять талантов и (прибыли) взыскано было пять, а тот, кто получил два, два и (прибыли) принес и, однако ж, не получил за то воздаяний меньше первого. Апостол говорит о себе: *горе мне*, как и всякому, кто получил дар Апостольства, *аще не благовествую* (1 Кор. 9, 16). Но потому и горе ему, что он получил, а ты свободен от подобной опасности». Подобно сему рассуждает и Экумений: «Каждому дана благодать, то есть дар Святого Духа, по мере дарования Христова. Апостол говорит как бы: если Он (Христос) отмерил, то, конечно, отмерил хорошо, так, как для тебя благопотребно и полезно. И если все есть дар, то за то, что получил, благодари, а чего не получил, тому не завидуй, ибо и то дар. Раздаятель и Дарователь знает, как лучше и полезнее: так и сделал».

Когда дается сей особый каждому дар? – В таинстве миропомазания. В сем таинстве и естественные способности получают печать благодатную, а некоторые из них восходят на такую высоту, до которой по естественному порядку взойти бы не могли, но особенность его та, что в нем дается дар на потребу Церкви. Совершитель всех таинств Господь есть. От Него и дар, в миропомазании всякому сообщаемый. Христианские общества, лишившие себя сего таинства, суть бездарные.

Стих 8. *Темже глаголет: возшед на высоту, пленил еси плен, и даде даяния человеком.*

Сказал святой Павел, что раздаятель каждому благодати есть Господь Иисус Христос. Теперь поясняет это, или доказывает. Кто знает ход дела спасения, устроенного Господом, тот и сам видит то. Ибо то есть член исповедания веры, чтобы веровать, что Сын Божий снисшел на землю, воплотился, пострадал, умер на кресте, воскрес, вознесся на небо и воссел одесную Отца. Но верующих в Него не оставил сирыми, а, как обетовал пред страданием, послал им Духа Святого — источник всех благодатных даров. Не было Духа, пока Господь не был прославлен. А как прославился, приняв славу, которую имел у Отца прежде мир не бысть, вслед за тем нисшел на землю и Дух Святой. Дух Святой — источник даров благодати; но как Господь, — глава, — Сам Себе созидает тело Церкви, то и меру дарования определяет Он Сам: кому один, кому два, кому пять талантов. Это действование Божие во спасение наше очевидно само собою из строя веры. Но святой Павел сопоставляет его с ветхозаветными предуказаниями и тем придает ему силу предвечного предопределения.

Дух Святой указал святому Павлу прообраз того, как Господь, восшедши на небеса, раздает благодать всякому по мере дарования своего, в шествии Бога, изведшего израильтян из Египта,

проведшего их чрез пустыню, пленившего потом для них землю обетованную и раздавшего ее сынам Израиля. Это шествие воспевается в 67 псалме: *да воскреснет Бог...* коего содержание можно видеть в следующих словах: *видена быша шествия Твоя, Боже* (ст. 25).— То обстоятельство, как Бог раздал 12 коленам израильтян землю пленную, изображается в псалме так: *возшел еси на высоту, пленил еси плен: приял еси деяния в человецех* (ст. 19). Эти слова и применяет Апостол к Господу в показание, как Он, восшедши на небеса, приял в Свое ведение все благодатные силы и раздает их верным. Это применение ясно само собою, соотношение прообраза с прообразуемым очевидно и не требует пояснений. Что у Пророка стоит второе лицо, а у Апостола Павла третье, это оттого, что Пророк молитвенно изображал шествие Бога, а святой Павел поминает о том, как о событии. Речь его можно так читать: Писание и говорит, что Он, восшед на высоту, пленил плен. Говорит, то есть, в прообразе там. А что там говорится: *приял еси*, а у Апостола: *даде*,— это объясняется тем, что в подлиннике стоит такой глагол, который означает: принять, или взять, чтобы дать. Так, в Исх. 25, 2 Бог говорит: пусть возьмут Мне первенцев, то есть возьмут и дадут Мне. В 3 Цар. 17, 10 пророк Илия говорит жене: возьми мне воды в сосуд,— или возьми мне хлеба,— то есть возьми и дай

мне. В обоих этих случаях стоит тот же глагол, что и в псалме. *Приял еси*, потому, будет: приял и раздал, или взял и раздал даяния между людьми. Святой Павел вместо того, чтобы сказать: пленил его плен, взял и раздал даяния, говорит прямо: пленил плен и даде даяния.

Новую мысль внушает сие указание на такой прообраз, ту, что состояние уничижения Христа Спасителя было только на вид таково; в самом же деле оно было торжественное шествие к победе с богатою добычею. Чем уничиженнее что кажется, тем разительнейший удар победный сокрыт под ним. Что уничиженнее крестной смерти? — Но она-то и была главною победою. Ею попрана смерть, удовлетворена Правда вечная, небо примирено с землею, и открыта сокровищница милостей Божиих. Из нее — и самое воскресение, — которому нельзя было не последовать за такою смертию.

Какой плен пленил Господь? — Когда говорят о плене, разумеют обычно лица плененные, но это разумеется во-первых, и затем всегда доразумевается и добыча. Кого же пленил Господь и какую взял добычу? — Пленил врагов наших — диавола, смерть, грех, ад, и отнял у них всех, кого они полонили и держали в своем тиранстве. Со креста сходил Господь в ад и извел оттуда всех патриархов, пророков и праведников, и ввел в Царство Свое. По вознесении Господа они первые

составили небесное тело Церкви под главою Господом. И над всем родом человеческим враги сии потеряли власть; так что, коль скоро кто уверует в Господа, они тотчас отступают, или отражаются от уверовавшего. — Но как Апостол в сем месте говорит о раздаянии Господом благодати и в пояснение того приводит место о плене, Им плененном, то под пленом здесь прямее разуметь *все Божественные силы, яже к животу и благочестию*, — все, что стяжано для нас Господом, по домостроительству спасения, Им совершенному: отпущение грехов, новая жизнь, благодатные дары, всыновление, вечное блаженство. Эти даяния дает Он всем к Нему приступающим верою и всегда пребывающим верными вере.

Все, указанное здесь в виде плена, означается и святыми отцами, и учителями, — одно одним, другое — другим. Святой Златоуст говорит: «О каком говорит Апостол плене? — О плене диавола. Ибо Господь пленил этого тирана, разумею, диавола, и смерть, и клятву, и грех». — «И нас, — прибавляет Феофилакт, — бывших под диаволом и держимых означенными (врагами)». Экумений дополняет сие: «Пленил нас, — сей добрый и спасительный плен. В невидимой брани победив диавола, взял он нас в плен, не за тем, чтоб еще больше как поработить, но чтоб избавить нас от горького тиранства лукавого». Блаженный Иероним пишет: «Пленены мы были диаволом и

розданы клевретам его. Пришел Господь, избавил нас от уз врагов и освобожденным, которых исторг как победитель из рук врагов, роздал разные дары благодати. Это и есть плененный Им плен. Все же сие Апостол приводит на память затем, чтобы — так как прежде он сказал: *тщащеся блюсти единение духа в союзе мира*, — научить, что, несмотря на различные дарования, Церковь стройно согласна сама в себе и что никакого не подается повода к разделениям и разногласиям тем, что всякий получил дары по мере дарования Христова, а не одни и те же». Об изведении бывших во аде, как плене, говорит Амвросиаст: «Опустошил Он ад, когда пленников, содержавшихся в нем в плену за преступление Адамово и за собственные свои грехи, извел из него и, восшед оттуда, возвел на небеса. Некоторые из них воскресли тогда и явились многим во свидетельство победы над смертию (Мф. 27, 52). Пленники обыкновенно бывают чужие и уводятся в плен против воли. Но Спаситель взял в плен своих и не против воли их. Он пленил их, возбудив явлением Своим среди их желание освободиться».

Стихи 9 и 10. *А еже, взыде, что есть, точию яко и сниде прежде в дольнейшия страны земли? — Сшедый, Той есть и возшедый превыше всех небес, да исполнит всяческая.*

Указал Апостол в словах, приведенных из псалма, что Господь раздает по Своей воле дары благодатные, потому что Он, как добычу после победы, стяжал для нас все божественные силы, яже к животу и благочестию. Теперь ту же мысль полнее разъясняет, прилагая, что Он властен так действовать, ибо всюду был, везде положил печать Свою и все исполняет. Он не с земли только взошел на небо, но прежде сошел на землю и прошел в самые низшие страны, ниже которых уже нет, а потом взошел превыше всех небес, так высоко, что уже и восходить выше некуда. Так вот Он Кто! — Кто все исполняет, всем владычествует, все в руках содержит. Потому и властен раздавать благодать по мере дарования Своего. Святой Златоуст говорит: «От понятия о восхождении приводит к мысли о нисхождении. — Нисшел, говорит, в самые дольнейшие отделения земли, за которыми уже нет других. И восшел превыше всего, далее чего уже нет ничего другого. Это означает Его силу и власть (яко Богочеловека). Ибо (яко Бог) Он и прежде все исполнял. — Что говорит Он в другом месте: *темже и Бог Его превознесе* (Флп. 2, 9), то же высказывает и здесь словами: *сшедый, Той есть и возшедый*».

А еже, взыде, что есть, точию яко и сниде. Слыша слово: восшел, не останавливайся на нем, но приводи на мысль, что Он нисшел. Собственно

восхождение на небеса и можно приписывать только тому, кто и нисшел с небес, как говорил и Сам Господь: *никтоже взыде на небо, токмо сшедый с небесе, Сын Человеческий, сый на небеси* (Ин. 3, 13). Фотий у Экумения пишет: «Сказавши *возшед*, изъясняет, как должно понимать это *возшед*. Не так, чтобы движение свое Он и начал этим восхождением, или бы тут, долу*, начал и бытие Свое. Нет! Изначала Он был на высоте Божеского величия и Отческой славы; но по домостроительству спасения нисшел, и до ада нисходил, а потом взошел опять на подобающую Ему Божескую высоту. Вот что значит, когда говорится о Нем *взыде*».

Что значат: *дольнейшия страны земли?* — Иным кажется, что сим просто означается снишествие к нам, на землю, долу. Землю точно можно назвать, сравнительно с высочайшим небом, дольнейшею страною. Но святые отцы не останавливаются наверху земли и сходят в преисподняя ее. «Снисшел, говорит святой Дамаскин, — не на землю только, но и под землю». Блаженный Иероним пишет: «Дольнейшие страны земли — ад, в который Господь наш и Спаситель сходил, чтоб извлечь оттуда души святых и возвесть их с Собою на небеса». Также и Фотий у Экумения говорит, что Апостол этими словами указывает на ад. На этой же мысли заставляют остановиться и после-

* Внизу. — *Ред.*

дующие слова: *да исполнит всяческая*, и прежняя речь: *да возможете разумети, что высота и глубина*. У Апостола намерение есть сказать, что Господь и яко Богочеловек всюду проник и всюду положил печать Своего благотворного воздействия. Этим Он и привлек все к Себе, все в Себе соединил и восставил, став источником всякого блага для всего существующего.

Сшедый, Той есть и возшедый. Не за земной подвиг возвеличен, а восприял то, что имел у Отца прежде мир не бысть. «Не иной сошел, а иной взошел; но один и тот же, – хотя снисшел без плоти, а взошел с плотию» (Феодорит). «Это место поражает Евиона и Фотина. Ибо если восшедший на небеса есть тот самый, который и нисшел прежде с небес, то как можно говорить, что Господь наш Иисус Христос не был прежде Марии, а стал быть после Нее. Поражает оно также и тех, кои в безумии своем выдумали двух сынов, именно Сына Божия и Сына Человеческого. Ибо здесь очень ясно говорится, что восходящий и нисходящий – один и тот же есть» (Иероним). Последнее нечестивое учение принадлежит Несторию.

Превыше всех небес. Это то же, что впереди: *превыше всякаго началства и власти и силы* (1, 21), ибо не место важно, а то, что находится в месте. И *таков подобаше нам архиерей*, который... *выше небес* был (Евр. 7, 26) и всех превосходил

и совершенствами, и властию, и силою, и богатством благ. Нисходил Он ниже всего и взошел выше всего, не за тем, чтоб только побыть на всех местах, но чтобы всюду положить следы Своего воздействия на те лица, которые где пребывают и способны принимать его. Оно коснулось и сущих во аде, и тех, коими исполнены небеса. Блаженный Иероним пишет: «Мы не можем знать, как кровь Иисуса Христа была благотворна и для Ангелов, и для бывших во аде, но что она была благотворна для тех и других, этого не можем не знать. Нисходил Он до ада и восшел на небеса, да исполнит тех, кои были в тех странах, в такой мере, в какой они способны были приять Его. Из сего надо заключить, что прежде нисхождения и восхождения Христова все было пусто и имело нужду в исполнении Им».

Да исполнит всяческая. В дополнение к тому, что сказано у Апостола: нисходил ниже всего и восшел выше всего, Амвросиаст прилагает к Господу и следующие еще слова пророка Давида: *от края небесе исход Его, и сретение Его до края небесе* (Пс. 18, 7). От себя прибавим: *и несть иже укрыется теплоты Его.* Седя на престоле славы одесную Отца, и видим Он есть всеми, яко всего мира Владыка и Судия вселенной, и все исполняет властию, могуществом, славою, величием, вседержительством, всеуправлением, обилием благодатных даров, знамений и чудес.

Все в духовном мире Им зиждется и на небе, и на земле; и в физическом мире Им все строится; все направляется к одному, чтобы все наконец явилось в обновленном от Него виде. Теперь все сие совершается сокровенно и незримо. А будет время, когда и въявь все придет. Это сокровенное вседействие и есть исполнение Им всяческих. Верою видим: осязать сего нельзя.

2. Руководство Богоучрежденных пастырей 4, 11—13

В сообществе христиан всякий и естественные способности имеет особые, и дар благодати получает особый. Хотя, исходя из одного и того же источника, они и могут не входить в противодействие, но могут действовать не в соответствии друг другу и потому не споспешествовать общей всех цели. Отсюда беспорядочность, нестроение и смятение, даже в том случае, когда стараются действовать как должно. Необходимы потому направители общей всех деятельности, правители и руководители – всех и каждого. Если прибавим к этому, что, при всем том, что христианское общество есть благодатное, свобода и самодеятельность не отнимаются ни у кого и, следовательно, от всякого можно ожидать, что иногда он может поступить неправо и совсем сбиться с должного пути, то такая необходимость станет еще очевиднее: необходимо крепким немощи

немощных носить. К тому же в мире не все еще христиане и в начале христианства были, и доселе суть. Слова же Господа: *и тыя Мне подобает привести*, не ложны. Должны быть потому между христианами эти приводители к Господу нехристиан. Ибо как в начале Он благоволил приводить не лично, а чрез Апостолов, так действует и всегда.

По таковым причинам Господь, глава Церкви, благоволил учредить в Церкви особый чин лиц, возложив на них заботу о преспеянии наличных христиан и об обращении нехристиан и вооружив их соответственными тому дарами благодати. Святой Павел в каждом послании напоминает об них. Так существенны они в обществе христиан, что и речи к нему нельзя вести без обращения к ним. В настоящем послании святой Павел полнее изображает значение их в Церкви: а) перечисляя виды их, б) означая обязанности, лежащие на них и в) указывая цели, куда должны они направлять труды свои.

Виды руководящих лиц

Стих 11. *И Той дал есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же благовестники, овы же пастыри и учители.*

Что здесь дал Господь, не то же есть, что означается в ст. 7. Там говорится о том, что каждому христианину дается в таинстве миропомазания, а здесь говорится об особых дарах благодати

некоторым лицам, назначаемым в руководители общества. В других местах указывает Апостол, что эти дары сообщаются чрез рукоположение (1 Тим. 4, 14; 2 Тим. 1, 6; Евр. 6, 2). Здесь говорит только, что такого рода лица в Церкви суть не от общества христиан, а от Самого Господа. *Той дал есть* всех, кои тогда были в этом чине; Он же давал и дает таковых и доселе Церкви, чрез друг-друго-приимательную благодать, иногда и с помощию непосредственных, чрезвычайных, указаний. В этом слове: *дал есть*, — надо видеть и богоучрежденность руководства в Церкви, и богопоставляемость руководителей. И везде так говорит об них святой Павел, только относит их назначение и избрание иногда к Богу Духу Святому, как в последней речи к ефесянам же: *в немже вас Дух Святый постави епископы* (Деян. 20, 28); иногда к Богу Отцу, как в послании к Коринфянам: *положи Бог в церкви первее апостолов* и проч. (1 Кор. 12, 28); а здесь к Богу Сыну. Ибо действия Пресвятой Троицы не раздельны (святой Златоуст, Экумений, Феофилакт).

На первом месте ставит Апостолов: так как они имели все (святой Златоуст). Это собственно 12, с присовокуплением к ним и святого Павла, — самовидцы Господа, свидетели Его воскресения, от Него непосредственно посланные и преисполненные всех даров Святого Духа. Они и пророки, они и благовестники, они и пастыри, они и

дарования имели исцелений и всякий разум; — все в них было совмещено и чрез них вложено в Церковь. На них и низошел Дух Святой всею полнотою Своею, и чрез них исшел в Церковь и преисполняет ее. Они — каналы благодати, излившейся на всю вселенную. Чин Апостольства в той силе, как он был в первых Апостолах, неповторяем. И не представляется сие необходимым, ибо Апостолы все вложили в Церковь. Ей предали всю истину, которую им открывал Дух Божий; ей предали таинства для освящения верных и в ней учредили пастырство, — прямое преемство Апостольства, которого долг — хранить вложенное Апостолами в Церковь, держать то в действии над всеми и во всем обществе христианском. Церковь живет Апостольскими сокровищами и благодатию, от них излившеюся и непрерывно переливающеюся из рода в род. Если где ток сей пресечен, там нет настоящей жизни о Христе Господе.

На втором месте ставит Апостол пророков, — не ветхозаветных, а тех, кои являлись в новой благодати, — лица с особым даром прозревать будущее. «В то время были сподоблявшиеся пророческой благодати. История Деяний упомянула о пророке Агаве (Деян. 11, 27—28; 21, 10) и о других пророчествовавших в Антиохии, в числе коих был и сам блаженнейший Апостол Павел (Деян. 13, 1)» (Феодорит). На основании

некоторых об них указаний можно наводить, что вместе с прозрением в будущее им давалось прозревать тайны сердца человеческого и сокровенное в Писании и иногда изрекать учительное слово, по особенному возбуждению Духа Божия, слово, наиболее благопотребное присущим христианам. Существование их в Церкви не прекращалось и не прекращается, но проявление дара их не всегда бывает гласно и для всех явно. Самый дар не связуется ни с каким положением в Церкви и обществе и нередко бывает достоянием лиц, на которые, по обычному порядку, и смотреть не хотят. Судя по тому, что только чистые сердцем зрят Бога, а прозрение пророческое возможно только в Боге и чрез Бога, надо полагать, что дар сей вселяется в душах, преимущественно поревновавших о чистоте тела и души и преуспевших в том.

На третьем месте ставит святой Павел благовестников. «Это те, которые не обходили всех стран, а только проповедовали, как Прискилла и Акилла» (святой Златоуст). То есть благовествовали, когда и где приходилось, не имея исключительным делом своим благовествовать. Но это идет не ко всем известным под именем благовестников. Благовестником назван Филипп, один из 7 диаконов (Деян. 21, 8); а он, оставя Кесарию, ходил потом и с дщерями по Малой Азии и благовествовал, хотя под руководством святого

Иоанна Богослова. И при других Апостолах были лица, которые трудились в проповеди по их указанию. Всех их можно причислить к благовестникам. В деле проповеди они вторые по Апостолам; только Апостолы были начальные, а те от них зависели и ими были посылаемы, где требовала нужда. Святой Златоуст говорит еще: «Может быть, благовестниками он называет и написавших Евангелие». Святой Дамаскин пишет: «Иной в Церкви совершает благовестие словом или писанием, как, например, Филипп благовествовал словом, а написавшие Евангелия – Писаниями». И никакого нет основания полагать, что святой Павел не разумел и их, когда к тому времени ходили уже по рукам у христиан три первые Евангелия, – и когда в числе спутников апостольских, благовестников, были святые Евангелисты Марк и Лука. В этих двух видах благовестия благовестничество постоянно пребывало в Церкви. Одних пастыри, преемники Апостолов, посылали с проповедию в страны, не ведающие Бога и Христа Его, а другие по их благословению и руководству писали, излагая истины Божии. К первым относятся все равноапостолы, как, например, Кирилл и Мефодий для славянских народов, ко вторым — все писатели церковные. В наше время и у нас благовестники суть наши миссионеры, которых и лучше бы называть благовестниками. Божие благословение да

почивает на главах их и да сопровождает все труды их!

На четвертом месте ставит святой Павел пастырей и учителей, «которым был вверен весь народ» (святой Златоуст) и «которые были поставляемы Апостолами по городам и селам» (Феодорит). Это – епископы и священники, последние у Апостола, но первые в трудах созидания Церкви и тогда, и после, и теперь. Епископы как преемники Апостолов, а священники как их ближайшие помощники. Епископу вверяются души; но как он не может всюду быть сам, то разделяет труд свой с другими способными понести его. Священники суть очи, ноги и руки епископа. Епископ с священниками — одно пастырство, неразделимое. Бывало так, что Апостолы, засеменив веру в каком-либо месте, оставляли его и шли далее, поручив верующих избранным ими и рукоположенным пастырям, которые потом, благодатию Божиею, положенное Апостолами семя возращали в древо великое, назидая наличных верующих и приобретая новых, в той же местности, или и в окрестностях. Образец этому видим в трудах святого Павла. В Деяниях повествуется, что, проповедав Евангелие по ряду в Антиохии (Писидийской), Иконии, Листре и Дервии, Апостол опять прошел по всем тем местам – *утверждающе души учеников, моляще пребыти в вере... рукоположше же им пресвитеры на вся*

церкви, и помолившеся с постом, предаше их Господеви, в Негоже увероваша (Деян. 14, 22—23). И в другой раз был здесь Апостол, но только для назирания, так ли все идет. Церкви же росли благодатию Божиею из того, что положено в них было в начале под руководством Богодарованного пастырства. Что было в сих местах, то повторялось и во всех других, по всему миру. Апостолы потом прешли. В церквах всюду остались поставленные ими преемники их, пастыри; и они уже остались главными руководителями и производителями дела Христова, только не начальными (не оригинальными), а действовавшими по началам, положенным от Апостолов. Апостольская власть и сила остались в Церкви, только принадлежит не частным лицам, но целому корпусу епископов, который, действуя соборно, и есть законоположитель и правитель Церкви. Таким образом, пастырство стало главным в Церкви, после начала, в дальнейшем ее существовании. И к нему-то преимущественно относится то, что вслед за сим говорит Апостол об обязанностях и целях руководящих в Церкви лиц.

Блаженный Иероним долее других останавливается вниманием на пастырях и сначала сказывает, что пастыри и учители одно и то же; потом дает уроки пастырям, которые прилично нам послушать из уст человека такой строгой

жизни. «Не должно думать, что как в предыдущих словах: овы Апостолы, овы Пророки, овы благовестники, означил Апостол разные лица; так разные же лица означил он и словами: пастыри и учители. Ибо не сказал он: овы пастыри, овы учители, но: овы пастыри и учители, давая разуметь, что это одни и те же лица, и научая, что, кто пастырь, тот должен быть и учителем, и что в церквах не должен брать на себя пастырства тот, кто не может учить пасомых. Всякий предстоятель церкви должен быть пастырем и учителем, — пастырем овец, учителем — человеков. Полагаю, что и ныне в церквах, как есть пророк и благовестник, пастырь и учитель, так может быть и Апостол со всеми признаками Апостольства. И напротив, как вне, так и внутрь, как в Церкви, так и в еретических сборищах, есть много лжеапостолов и лжепророков, лжеблаговестников, лжепастырей и лжеучителей. Что касается до еретиков, то нет никакого сомнения, что как у них вера ложная, то и все ложно. Но и в Церкви не видите ли вы лживых пастырей, которые пасут овец не как пастыри, а как наемники, не заботясь ни о спасении стада, ни об обращении заблудших или взыскании погибших, а только о том, чтоб собирать с овец молоко и волну*, то есть пищу и одежду».

---

* Шерсть. — *Ред.*

Обязанности руководящих в Церкви лиц

Стих 12. *К совершению святых в дело служения, в созидание тела Христова.*

Вот Богом назначенные занятия и дела предстоятелей церковных!

Первое и главное — совершение святых. Святыми названы верующие (Экумений). Совершение их — выражено словом καταρτισμός, что значит приведение вещи в свойственный ей чин и строй, поставление ее в такое состояние, чтоб она была тем, чем ей следует быть по ее значению и цели. Прилагая сие значение к верующим, под совершением их должны будем видеть приведение их в строй и порядок и держание в нем, чтоб всякий на своем месте был и свое дело делал как должно. Это с внешней стороны. С внутренней же — настроение их умов и сердец, их мыслей, чувств, расположений и всей жизни — такое, какого требует христианство, или какое свойственно иметь тем, коих характерическая черта есть жизнь во Христе благодатию Святого Духа. Держание христиан в строе внешнем есть *управление*, должное настроение их во внутренней жизни есть назидание душевное, или *попечение о спасении* их. Кто ретив, направь, как лучше; кто ослаб, разбуди ревность; кто уклонился в сторону, возврати на должный путь; кто горем убивается, утешь и воодушеви; кто берется не за то, что ему пригоже, вразуми; поссорились, примири; обида произошла,

рассуди право; бедность гнетет, устрой помощь; не понимают чего, разъясни; страсти кого одолевают, укажи, как справиться с ними. Так всегда, — когда словом, когда делом, когда строгостию, когда ласкою, когда один, когда сообща, — имея в виду одно, да будут все *совершенни и ни в чемже лишени* (Иак. 1, 4).

Все сюда относящееся есть: при общем мире приведение всех к совершеннейшему познанию веры и соответственной вере жизни святой, чтобы всякий из управляемых и назидаемых ими *совершен будет, яко человек Божий, на всякое дело благое уготован* (ἐξηρτισμένος — 2 Тим. 3, 17). Для достижения сего: *проповедуй слово, настой благовременне и безвременне, обличи, запрети, умоли, со всяким долготерпением и учением* (2 Тим. 4, 2).

Второй долг представителей Церкви есть — *дело служения*. Святой Павел Апостольские труды свои называет служением (Рим. 11, 13; 2 Кор. 4, 1; 6, 3). Но он, приходя в какое-либо место, обращал к вере, освящал таинствами, учреждал порядки собраний общих или церковных, разъяснял все, относящееся к жизни христиан, рукополагал предстоятелей для ведения всех порядков и для ведения христиан к дальнейшему преспеянию, — и отходил в другое место. Продолжение Апостольского служения для всякой местной Церкви оставалось все на предстоятелях. Часть сего

служения исполняли они, ведя святых к совершению, как уже сказано. Остаются — освящение таинствами, ведение церковных собраний так, чтобы здесь все было благообразно и по чину, возгревание у всех духа молитвенного, держание в умно-сердечном общении с Богом. И это есть то, что Апостол назвал в настоящем месте делом служения. — Оно обнимает все, что совершается в Церкви, все чины церковные — молитвенные, освятительные, совершительные (таинства). Это — сердце пастырских трудов. Слово, которым преимущественно действуют в исполнении прежде указанного долга, действует, правда, но если не закрепить его в сердце силою Божиею, действие его испарится, и душа опять пуста. Сеемое словом срастворяется с душою благодатию таинств и далее развивается молитвенными чинами Церкви. Искра, брошенная словом, внедряется благодатию таинства (занимается, как говорят обычно об огне), а раздувается в пламень молитвою. Благодать созидает. Следовательно, дело служения в показанном смысле должно занимать наибольшую часть забот и попечений пастырских, как оно и есть в Православной Церкви. Веди, пастырь, эту часть боголепно, — и увидишь дивные плоды своего пастырства: невидимое, таинственное пасение паствы.

Последний долг пастырей назвал *созиданием тела Христова*. Тело Христово есть Церковь —

вселенская, единая. Ее созидали и создали Апостолы. Как? — Обращали лица и общества и прилагали их к общей целости верующих: Церковь и росла, как растет здание, когда в нем слой за слоем налагают новыми камнями. У Апостола стоит здесь слово οἰκοδομή — не внутреннее устроение дома — экономия, а здание его, строение. В отношении к Церкви — это приложение новых верующих, распространение веры, расширение пределов Церкви. Как делали это Апостолы — очевидно, но как могут и должны исполнять сие предстоятели каждой частной Церкви? — Благоустроение своей малой Церкви они совершают, ведя к совершению святых и исправляя дело служения; но это есть не всего тела Церкви созидание, а — малейшего члена ее. Апостол же возлагает на них долг созидать и все тело Церкви, вместе с созиданием своей малой части ее. Это не могли и не могут они иначе исполнить, как приобретая новых верующих. А это как? — Освящая нарождающихся в среде христиан детей, обращая к вере живущих в той же местности иноверцев, — в том же сожительстве или окрест, предпринимая, когда можно, и дальнейшие обходы с проповедническою целию или приготовляя из среды своих христиан, способных на сие дело, и рассылая их, куда нужно. Из истории видно, что предстоятели церковные старались точно исполнять не первые только два долга, но и этот

последний. Исполнялся он и в нашей Русской Церкви. Решительнее же приступлено к исполнению его в последнее время чрез учреждение Общества с сею целию — главного и епархиальных отделений его.

Святые отцы и толковники наши церковные при изложении содержания сего стиха говорят вообще о служении во спасение душ. Святой Златоуст видит три дела в каждом от получивших особое служение и особые дары в Церкви: «Видишь ли, — каждый созидает, каждый устрояет, каждый служит». Святой Дамаскин пишет: «Дары сии к тому, чтобы освященные в вере направлялись к совершенству, при служении обществу получивших дары сии». У Экумения так говорится, что особые в Церкви учреждены лица с особыми дарами «к совершению, то есть к окончательному преспеянию святых, или, что то же, верных, — на то, чтобы служить в Церкви и созидать ее».

Цели руководящих в Церкви лиц

Стих 13. *Дондеже достигнем вси в соединение веры и познания Сына Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова.*

Как приставленный к какому делу или взявший на себя его сам, для того, чтобы поддерживать в себе ревность к деланию и довести дело до конца, а не остановиться на полдороге, должен

иметь в виду цель, до которой должен довесть дело, как бы мерку и норму своего дела, так и для пастырей святой Павел указывает цель, предел, меру, до чего должны они стараться доводить свое дело пастырства. И как прежде возложил он на них три долга, так теперь указывает три предела, три меры и цели исполнения их.

Он говорит как бы: лежит на вас долг — созидать тело Церкви, чрез присоединение к ней новых верующих: все больше и больше прилагайте их, пока не останется ни одного неверующего; но все мы, — люди, — достигнем в соединение веры и познание Сына Божия. Соединение ἑνότης — единость, — пока достигнем того, чтобы у всех была одна вера и одинаковое познание Сына Божия: одна вера, — чтоб не оставалось более нехристиан; одно познание Сына Божия, чтоб и между христианами не было разномыслия, а все одинаково понимали, что есть Сын Божий и что — дело спасения, совершенное Им на земле, и то, как его усвоять каждый может и должен себе. Святой Златоуст говорит: «Пока окажемся все имеющими одну веру, ибо единость веры то и означает, когда мы все будем едино, когда все одинаково будем понимать этот союз. И до тех пор должно трудиться тебе, если ты получил дар созидать (οἰκοδομῆς) других. Когда мы веруем одинаково — это и есть единение веры».

Еще: лежит на вас долг совершения святых; и продолжайте неусыпно трудиться над этим, пока всех и каждого не сделаете мужем совершенным. Всякий верующий вначале, как дитя, несовершен в знании, не тверд в правилах жизни. Поставьте его на ноги в том и другом отношении, сделайте, чтобы все деятельные силы его были в полном развитии, так, чтобы всякий, какое ни встретится дело, умел и силен был сделать его как должно, в совершенстве. Под словом: *муж совершенный* должно разуметь совершенство, или последний предел деятельной жизни. Определяют его: — в уме — созрение здравых о всем понятий, — в области веры и вне ее — по руководству ее; в воле — утверждение добрых правил и укоренение в сердце истинных христианских расположений — смирения, любви, кротости, воздержания, миролюбия, самоотвержения и всякой другой добродетели; в сердце — воспитание преимущественно вкуса и сочувствия ко всему духовному, истинно христианскому, доведение его до того, чтобы оно не находило ни в чем другом удовольствия, как в круге вещей по делу спасения и жизни в Господе Иисусе Христе. Дальше этого деятельное совершенство идти не может; но оно само не последний предел.

Наконец: на вас лежит дело служения, чтоб молитвенными, освятительными и таинственными священнодействиями возвесть всех в духовное

Богообщение, чтобы Бог был во всех и все в Боге; и продолжайте боголепно совершать сие дело служения, пока, отрешась от всего и совершенно очистившись деятельною предварительною жизнию, все взойдут в состояние совершенного упокоения в Боге и, из себя представив достойное Богу жилище, возымеют Его вселившимся в себе. Это и есть мера возраста исполнения Христова. О Христе Иисусе говорит Апостол, что в Нем живет исполнение Божества телесне. И о христианах Сам Господь говорит: *кто возлюбит Меня, и заповеди Моя соблюдет, того возлюбит Отец Мой, и к нему приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). Вот мера возраста, соответствующая исполнению Христову. Деятельная в любви по заповедям жизнь подготовляет к сему. Само же Богообщение совершается в таинствах, при молитвенном успокоении в Боге. Дух молитвенный воспитывается церковными чинами; в тех же чинах — и совершение таинств. Очевидно, как совершение дела служения возводит в меру возраста исполнения Христова. И се — предел совершенства, до коего возводит христианство. Выше его и вообразить нельзя. Ибо если Бог в ком, чего тому еще желать? И сие-то надлежит всякому христианину иметь в цели, к достижению коей и употреблять все усилия, не щадя себя. Если не ложно обетование Господне, если оно несметное число раз уже оправдалось

на христианах, разумно ли не устремляться по указанию его?!

3. Возращение всего во Христа
4, 14—16

Сказал Апостол пред сим: вот вам руководители, вот их дела и цели! Они должны возвесть вас в меру возраста исполнения Христова. Но они — указатели только и без вашего труда собственного ничего для вас сделать не могут. Чтоб они могли возвесть вас в такой возраст, и сами возревнуйте возращать все во Христа (15). Это главный урок сих трех стихов (14—16). Чтобы возгреть посильнее ревность о том, Апостол очерчивает наперед кратко, но полно, горькое состояние душ вне истинной веры — ст. 14. А после, в ст. 16, указывает на решительную нравственную необходимость именно такого рода действования. Вступили в общество, где все от Христа. Остается одно — или быть в обществе сем и возращать все во Христа, или, не действуя так, перестать быть в сем обществе (16). Святой Апостол говорит от лица всех людей, или всего рода человеческого, почему и себя ставит в ряд лиц учимых и наставляемых, как обычно это делается и в проповедях, когда говорят: *мы.*

Стих 14. *Да не бываем ктому младенцы, влающеся и скитающеся всяким ветром учения, во лжи человечестей, в коварстве козней льщения.*

Поставил Бог в Церкви распорядительные и руководительные лица. Для некоторых из них первое дело — но и для всех не последнее — обращать к вере неверующих и чрез то все выше и выше возводить, все шире и шире — расстраивать здание дома Божия — Церкви. Этот труд и не должен у них прекращаться, пока все мы, люди, станем одинаково верить в Господа Иисуса и знать Его, пока весь род человеческий будет одной веры. Это великое Божие к нам благодеяние, чрез посредство их оказываемое, за тем устрояется, чтоб нам не быть более младенцами, не быть во лжи, не быть в коварстве козней. Довольно блуждать, суетиться попусту, быть игрою коварства вражеского. Сжалился над нами Бог, обратил милостивое на нас око и избавляет от этой нестройной жизни. Исповедуй всякий милость; прими благодеяние; и, видя, от какого зла избавлен, крепче прилепляйся к Тому, Кто избавил.

Признаем в сих словах изображение состояния вне веры Христовой, вне общения с Господом, следуя блаженному Иерониму, который, сопоставляя их с словами предыдущего стиха: *дондеже достигнем вси в соединение веры*, наводит, что вне сей веры — одно детское непостоянство и волнение ветреное. «Спрашивается, кого разумеет Апостол под *все*, когда говорит: *дондеже достигнем вси в соединение веры*: всех ли людей,

или только всех святых (то есть верующих)? — Мне кажется, что он говорит о всех людях, потому что среди них много ветров учений, дуновением которых воздымаемые волны туда и сюда бросают людей, увлекая их в разные заблуждения и в незнать какие направления жизни. Почему всякою заботою надо озаботиться достигнуть единения веры и чрез нее познания Сына Божия. Когда получим мы верное этим обладание, тогда перестанем быть младенцами».

Говорит Апостол: *да не бываем ктому**. Следовательно, прежде были таковы. «Этим выражением указывает на то, что некогда они были таковы» (святой Златоуст). А где были ефесяне прежде веры? — В язычестве. Язычество таково и было. Ныне то же приложимо ко всем неверам. Вне веры истинной нет определенных понятий ни о чем, все шатко, все колеблется сомнениями. Когда кто уверует, понятия устанавливаются. Печать на них налагает божественный авторитет откровения. А до сего невер колеблется, как легкий челн волнами моря, и носится туда и сюда, как легкий пух ветром. *Скитающеся* — περιφερόμενοι — носимы будучи туда и сюда. Всякий ветр учения — вне Церкви. Нет там единства: один одно, другой другое, и невер не знает, к чему пристать. Всюду ему представляются призраки истины: он и пристает то к тому, то к

* Впредь. — *Ред.*

другому учению. Как ни в одном нет истины, то ни одно его не успокоивает. Святой Златоуст говорит: «Апостол употребил это сравнение (колебание всяким ветром), желая показать, в какой опасности находится всякая душа, преданная сомнению». Под ветром учений не могут быть разумеемы разномыслия в Церкви, ибо их еще не было, а мнения языческие, кои в Ефесе ходили от лица всякого рода школ. Но в наше время это можно прилагать ко всем, кои находятся вне истинной веры и Церкви, не исключая и христиан инославных.

Во лжи человечестей — Ἐν τῇ κυβείᾳ τῶν ἀνθρώπων. «Κυβεία — происходит от глагола, который означает — играть в шашки» (Феодорит). Κυβευταί — так называются занимающиеся шахматною игрою. «Это люди хитрые. И они то и дело все передвигают и переставляют» (святой Златоуст). Потому быть во лжи ἐν τῇ κυβείᾳ будет значить или — быть игрушкою хитростей человеческих, или самому заниматься такой игрою, то есть увлекаться пустою суетностию, предаваться случайностям, действовать на *авось*, не имея постоянных правил жизни, а плетясь по заведенным обычаям людским. Судя по тому, что младенчески колебаться ветром учений есть у Апостола и принимать сии учения, надо признать, что и быть *во лжи человечестей* ἐν τῇ κυβείᾳ τ. ἀνθ. — у него то же есть — быть самому действо-

вателем по общему всем людям характеру действования, который справедливо можно назвать игрою. Все гоняются за счастием, наудачу, суетятся в хлопотах, преследуют призрачные цели, живут в непостоянстве, без определенных и верных надежд. Такова жизнь – без Христа; даже между христианами, у коих нет христианства в сердце, она такова. От такой-то жизни, говорит Апостол, избавляет нас вера, которую проповедовать, в которую обращать и в которой содержать учредил Господь особые благодатные лица, чтоб не быть нам более такими. Святой Златоуст и говорит при сем выражении: «Апостол коснулся здесь мирских обычаев». Если: *да не бываем ктому младенцы* – соответствует предыдущему: *дондеже достигнем вси в соединение веры и познания Сына Божия*, то *да не бываем во лжи человечестей* – ἐν κυβείᾳ... надо признать соответствующим словам: *в мужа совершенна*. Деятельность мужа совершенна, по твердым правилам, по верным планам с обдуманными целями точно противоположна суетности и пустоте жизни мирской.

В коварстве козней льщения, Ἐν πανουργίᾳ πρὸς τὴν μεθοδείαν τῆς πλάνης. Πανουργία – вселукавство, всестороннее, непрестающее, ни пред какими средствами не останавливающееся коварство. Цели его – πρὸς μεθοδείαν (Μεθοδεία – обходы, козни, сети; Πλάνη – обман, обольщение),

чтоб увлечь кого в порок, или заблуждение, или ошибку житейскую. Πανουργία – вселукавство употребляет все козни, хитрости, уловки к тому, чтобы обманывать, сбивать с толку, обольщать и увлекать на худое. Апостол говорит, чтоб не быть нам более в таком состоянии или под такими кознями, Господь веру дивную учредил, в которую и зовет чрез избранных Своих. Но тут возможны две мысли. Тут указывает Апостол или на ту часть неверующих, живущих по духу мира, которые дошли до крайней степени нравственного развращения, и не только во зле пребывают, но и стали заправителями зла в своем кругу, коноводами других на этом пути. Последняя степень огрешнения, когда человек осатаняется и начинает работать за сатану в кругу людей. Чтоб самим нам не действовать в таком духе или не быть опутываемым сетями других, так действующих, Бог дал нам святую веру христианскую и призвал в нее. Или, может быть, тут разумеется сам сатана – источник всякого лукавства, всяких козней и всяких обольщений. Апостол собрал здесь такие термины, которые наводят на мысль о сатане, власти и влиянию которого подлежат все, вне Христа Господа сущие. В таком случае мысль Апостола будет: за тем учредил Господь святую веру христианскую, зовет в нее и держит в ней чрез известные лица, чтоб избавить нас от власти темной исконного панурга – диавола,

который вселукавством своим опутывает всех и всех держит в своей прелести, под призраками. Так понимал блаженный Феодорит: «*Кознями льщения* назвал хитрые средства. Ибо диавол не открыто повелевает прелюбодействовать, но или уловляет посредством очей, или пленяет слухом, не явно побуждает отречься от Бога, но заставляет прибегать к птицегаданиям, к предзнаменованиям, к употреблению предохранительных привесок». Соглашаясь с этим, и вместе с тем, что первые две мысли сего стиха соответствуют первым двум мыслям предыдущего стиха, естественно приводимся к наведению, что и это: да не бываем *в коварстве козней льщения*, соответствует: *в меру возраста исполнения Христова*. Как вне Христа, состоя под действием сатаны, преданные греху осатаняются, так в вере Христовой, верные водительству Христову, соделываются Христоподобными, исполняются Христом и имеют Его в себе живущим.

Вот от каких зол избавились мы, говорит как бы Апостол; и хотя говорит о сем в виде следствия из достижения богоучрежденными в Церкви руководителями целей, для которых они назначены, — так, однако ж, что внушает: избавлены! Смотрите же, не возвращайтесь на старое, но, исповедуя благодеяние и плоды его в себе ощущая, всеусерднее прилепляйтесь к Тому, Кем избавлены. Что же именно делать?

Стих 15. *Истинствующе же в любви да возрастим в Него всяческая, иже есть глава Христос.*

Истинствующе в любви можно принимать, как выражение одной мысли: имея истинную, нелицемерную, искреннюю любовь. Так Феодорит: «Сие сказал Апостол и в послании к Римлянам: *любы нелицемерна* (Рим. 12, 9), сказал и в послании к Коринфянам: *в любви нелицемерне* (2 Кор. 6, 6). Так здесь повелевает иметь истинную любовь и ею возращать богатство добродетели о Самом Владыке. Ибо сказано: *всяку розгу о Мне не творящую плода* берут и бросают в огонь (Ин. 15, 2)». – Но можно и разделять, и под *истинствующе* разуметь – содержа истину, а *в любви* – «пребывая, или живя в любви». – Такое разделение проглядывает у Экумения и Феофилакта, которые, противополагая жизнь нехристианскую христианской, говорят, что там нет ничего истинного, все призрак и ложь, а у нас одна истина и любовь. «Мы истинствуем в догматах, и в жизни, и в слове» (Экумений). «Не держимся уже ложных догматов, не живем более в лицемерии (ибо здесь, кажется, он дает им уроки жизни)» (Феофилакт). Принимая такое различение, получим *истинствующе*, – стоя в истине, как приявшие веру и познание Господа Иисуса Христа и не влающиеся уже всяким ветром учения; *в любви*, – при истине пребывая и в делах любви,

коими приходят в возраст мужа и свидетельствуют о зрелости нрава, установившегося в правилах, в противоположность нехристианам, живущим в суете, пустой хлопотливости и хитростях друг пред другом.

Истинствовать и в любви пребывать кажется бы и довольно, но Апостол прибавляет: истинствуя в любви, все да возрастим во Христа,— то есть да будем все в себе, свое лицо, все свои силы и отправления, настроивать по духу Христову и в Его меру возращать, как, напротив, нехристиане действуют по духу сатаны и себя возращают в меру его, всезлобного панурга.— Возращение всего во Христа Экумений выражает так: «все наше: и жизнь, и слово, и догматы,— да созидаем во Христе (надстроиваем на Христе)»; Феофилакт так: «да возрастим во Христа все наше, и жизнь, и догматы. Ибо с Ним, как главою, должны мы сгармонировывать все свое, чтоб не преносить ничего несогласного и негармонирующего с главою, но все иметь возращенным по Нему». Святой Дамаскин так: «да достигнем такой высоты все, чтобы быть сгармонированными (гармонически сочетанными) со Христом, главою нашею».

Содержание истины и преуспеяние в делах любви есть только приготовление жилища Христу Господу. Надобно искать, чтоб Он вселился и жил в сем доме. Это и будет, когда в нас все будет согласно со Христом, ничего не будет

чуждого Ему. Для сего в самом начале облекаемся во Христа и затем действуем во Христе, от Него принимая возбуждения и все во славу Его обращая, и по примеру Его совершая. Действование в этом духе постепенно приводит в согласие со Христом и все более и более углубляет Его в нас. Когда трудом подвижничества и добноделания все чуждое Христу изгонится вон, – и напротив, все настроится по Нему, так как и вседействующим тут бывает Он же; тогда вместе с тем, как все окажется возращенным во Христа, окажется и Он всеисполняющим нас и живущим в нас. Но, чтобы так было, чтобы конец увенчался таким успехом, надо с самого начала все направлять ко Христу, чтоб не трудиться понапрасну. Ибо говорит Господь: *кто со Мною не собирает, тот расточает* (Лк. 11, 23). Много можно встретить людей, которые складно говорят и в жизни не зазорны*, но пусты от Христа, по той причине, что не в Него все возращают и живут, не имея Его и в мысли. Вот этой опасности и избавить хочет Апостол, говоря как бы: у вас все должно быть по мысли Христовой, силою Его, во славу Его. В таком только случае и достигнете вы в меру возраста исполнения Христова.

Стих 16. ***Из Негоже все тело составляемо и счиневаемо приличне, всяцем осязанием подаяния, по действу в мере единыя коеяждо части,***

---

* Не предосудительны. – *Ред.*

возращение тела творит в создание самаго себе любовию.

Хочет сказать: иначе нельзя; необходимо все в себе возращать во Христа, ибо такова вера наша. Вера христианская сочетавает верных со Христом и таким образом из всех составляет единое тело стройное. Христос творит сие тело, каждому сообщая Себя и Духа благодати ему подавая действенно, осязательно, так что сей Дух благодати, сходя на каждого, делает его тем, чем ему следует быть в теле Церкви Христовой. Тело Христово, стройно сочетаваясь таким подаянием Духа, растет затем в себе, по той мере, в какой каждый член отвечает своему назначению или действует во благо Церкви всею полнотою полученного дара благодати: *по действу в мере единыя коеяждо части*. Растет и созидает себя таким образом тело Христово, при взаимодействии всех членов или частей целесообразном. Сила, всюду пленяющая всех на такого рода труды, есть любовь – любовь к Господу, с Коим сочетан всякий и от Коего получает дар благодати и любовь ко всем другим христианам, чтоб чрез них воздать Господу полученное от Него. В сем – круговращение жизни тела Христова, в коем от Него все исходит и к Нему все возвращается. Это последнее и хотел сказать Апостол, то есть необходимо все возращать во Христа, ибо вера Христова такова, что в ней все верующие состав-

ляют единое тело под главою Христом и, все от Него получая, все к Нему возвращать должны чрез любовное взаимодействие друг на друга, по мере полученных от Христа Господа сил.

Прямо бы сказать: из Коего тело возращение свое творит, но Апостол сказал: *тело... возращение тела творит*, потому что вставлено было много посредствующих мыслей и можно потерять, кто это возращение творит. Первые прибавочные слова: *составляемо и счиневаемо приличне*, — указывают характеристическую черту организма, в коем обычно несколько органов, всякий на своем месте, с особым назначением, гармонически сочетаваются воедино и делают то, что тело живет. Так Господь стройно сочетавает Свое тело — Церковь. Особенность здесь сравнительно с вещественными организмами та, что в этих все созидает и возращает жизненная сила, — и самую голову; а в Церкви Господь — глава, другой главы не производит, а все тело устрояет Сам для Себя, член за членом, с Собою сочетавая и растя из Себя тело для Себя.

Слова: *всяцем осязанием подаяния* — показывают, как Господь творит Себе тело. *Подаяние* есть дарование благодати Святого Духа — благодати возрождения в крещении, где христианин получает христианское бытие, и благодати, яко дара на потребу Церкви, вследствие коего каждый в Церкви есть, кто яко рука, кто яко нога и

проч. *Осязание подаяния* сего означает, что благодать действительно приемлется ощутительно и осязательно проникает облагодатствуемого; вместе же с тем она член к члену прилагает, кои, прикасаясь друг к другу, чувствуют и осязают себя взаимно. Так строится тело Церкви. Очевидно, что слова сии дополняют предыдущее: *составляемо и счиневаемо приличне*. Слова же: *по действу в мере единыя коеяждо части* относятся к — *возращение тела творит*, — и показывают, как тело Христово, составленное всяким осязанием подаяния, продолжает возрастать и созидаться. Это совершает она — *по действу в мере единыя коеяждо части*, когда каждый член действует так, как действовать способным соделала его благодать, по мере дара, по своей мере. Каждый, восприят быв в Церковь, получил дар и стал тем, чем есть теперь в Церкви. Но Церкви от него ращение прибудет, когда он даром своим действует во благо ей, не заключает и не запирает его в себе, а всем посвящает. Так растет вещественное тело, в коем ни один член не живет для себя, так растет и духовное тело Церкви. Но тогда как в вещественном теле все делается механически, по закону необходимости, в духовном теле Церкви все должно делаться по свободному произволению. Оно окачествовано у Апостола словом: *в любви*. Любовь, тем же Духом благодати изливаемая в сердце верующих, делает то, что ни один

член тела Церкви не может за собою одним удерживать дар, но действенность его предает всем братиям о Христе, – всей Церкви. От этого она растет и созидается.

Этот текст трудноват к понятию. К большему уяснению его содержания приводятся святоотеческие на него толкования.

Святой Златоуст, приступая к толкованию сего текста, говорит, что святой Павел в нем «довольно не ясно изложил свои мысли – оттого, что хотел высказать все вдруг». Потом прилагает: «Вот что означают слова его: как дух, спущаясь из головного мозга, не просто сообщает, посредством нервов, чувствительность всем членам, но – сообразно с каждым из них, и тому, который способен принять больше, больше и сообщает, а который – меньше, тому – меньше (ибо дух есть корень жизни), так и Христос. Так как наши души также зависимы от Него, как члены от духа, то Его промышление и раздаяние даров, сообразно с мерою того или другого члена, производят возращение каждого. – Но что такое: *осязанием подаяния*? То есть посредством ощущения (αἰσθήσεως). Ибо этот дух, распределяющийся по всем членам от головы, прикасаясь к каждому из них, таким образом производит на них свое действие. Можно и так сказать: тело, воспринимая это воздействие духа, соразмерно своим членам, возрастает таким образом. Или иначе: члены, получая каждый

свою долю духа, так возрастают. Или и еще: дух, изливаясь обильно от головы и прикасаясь ко всем членам и распределяясь по ним, сколько каждый из них может принять в себя, так возращает. — Но для чего прибавил он слово: *в любви*? — Потому, что этот дух иначе не может сообщиться. В самом деле, если бы случилось руке отделиться от тела, дух, истекающий из головного мозга, ища продолжения и не находя его там, не срывается с тела и не переходит на отнятую руку, но если не найдет ее там, то и не сообщается ей. То же бывает и здесь, если мы не связаны между собою любовию... Любовь воссозидает, соединяет, сближает и сопрягает нас между собою. Итак, если хотим получить Духа от главы, будем в союзе друг с другом. Есть два рода отделения от Церкви: один, когда мы охладеваем в любви, а другой, когда осмеливаемся совершить что-нибудь недостойное в отношении к сему телу (Церкви)».

Блаженный Феофилакт, повторяя мысли святого Златоуста, прибавляет нечто и новое. Так к слову о любви: «Для того-то и сказал Апостол о теле: *составляемо и счиневаемо*, чтоб показать, что члены не просто положены один подле другого, но соединены между собою и каждый занимает свое место. Итак, наше дело сгармонировывать себя самих и сочетавать посредством любви, а ниспосылать Духа есть благодать Христа, главы

нашей. Слова же: *всяким осязанием подаяния* показывают, что Дух, от главы подаваемый, осязательно касается всех. Тело растет и созидается чрез то, что подаяние Духа касается членов и что Он действует в них, или что им доставляет силу действовать». У Феодорита на это сказаны такие слова: «Владыка Христос, яко глава, разделяет духовные дарования и чрез то сочетавает члены тела в единое стройное тело». Продолжением сей речи можно счесть слова святого Дамаскина: «Христос, главенствуя над нами, преподает нам Себя и чрез то сочетавает нас с Собою и друг с другом; вследствие чего мы имеем взаимное сгармонирование, хотя каждый подаяние Духа получает в такой мере, как может вместить».

Таков общий строй жизни христиан. Блюдя единение духа в союзе мира под руководством Богоучрежденных лиц, возращайте все во Христа. Что касается до первого и последнего пункта, никакое из христианских обществ не спорит. Во втором же иные много погрешают. Замечательно, что святой Златоуст говорил о сочетании тела Церкви так, как будто их имел в виду. «Слова: *все тело составляемо и счиневаемо приличне* значат, что все в нем должно занимать свое место, не вторгаясь в другое, ему несвойственное. Размысли об этом. Господь свыше всем распоряжает. Но как в теле есть приемные органы, так и у Духа, который всецело есть небесный корень

жизни. Именно, в теле — сердце есть корень духа, печень — крови, селезенка — желчи, и другие органы — других элементов; но все они зависимы от головного мозга. Согласно с этим и Бог поступил, удостоивая человека особенной почести: не желая покинуть его, Сам Он сделался для него виною всего (спасения), учредив в то же время сотрудников для Себя и одним из них поручив то, другим — иное».

Поговорив далее о руководительных в Церкви лицах, обращается к погрешающим в суждении о неотложной их необходимости. «Скажи мне: ужели ты считаешь достаточным, что и они веруют, тогда как у них оскудела и погибла благодать рукоположения? Что же пользы во всем прочем, если у них не соблюдена сия последняя? — Надобно одинаково стоять как за веру, так и за благодать священства. Потому что, если всякому позволено, по древней пословице, наполнять свои руки, если всякому позволено быть священником, то пусть приступят все, — и напрасно устроен этот жертвенник, напрасно установлен церковный чин, напрасно — лик священников: ниспровергнем и уничтожим все это».

Отсюда видно, что где недостает такого важного в строе жизни члена, там можно ли видеть жизнь христианскую, как ей следует быть? — Нет там ее, хоть об ней много толкуют.

Б. ПРАВИЛА ЖИЗНИ ХРИСТИАНСКОЙ

Указав строй жизни христиан, Апостол пишет правила для нее, сначала 1) *общие* для всех христиан, в каком бы состоянии кто ни находился, а потом 2) *частные*, по состояниям.

1. Правила общие
4, 17—5, 20

Приступая к изложению сих правил, Апостол ставит во главе их: а) *главное начало* для вывода их, и в руководство в жизни по ним — 4, 17—24; и затем уже предлагает б) *самые правила* нравственной жизни христиан, яко христиан, — 4, 25—5, 20.

а) *Главное начало*
4, 17—24

Это главное начало выходит у него из непосредственно пред сим сказанного. Сказал он пред сим, что Господь дал Церкви и всему роду человеческому особых лиц для научения людей спасению и для руководства на пути к нему, — чтоб мы, люди, не увлекались всяким ветром учения, не жили во лжи человеческой под коварством козней льщения, но, истинствуя в любви, возращали все во Христа — главу Церкви, потому что иначе нельзя быть христианином. По ходу мыслей следовало бы помянуть: вы призваны к сему спасению и вступили на прямой путь к нему. Но как он неоднократно поминал уже об

этом, да и здесь намекает не слегка (ст. 20 и д.), то прямо делает из того вывод: итак, вам не следует уже держаться тех порядков жизни, от которых вы избавлены, а следует все возращать во Христа. Как они были язычники, то Апостол и очерчивает кратко, но полно худобу жизни язычников в нравственно-религиозном отношении, для уяснения — чего же именно удаляться должно (ст. 17—19). То же, как все возращать во Христа, выясняет тем изменением, какое производит благодать в верующих при самом вступлении их в путь вслед Христа, чрез таинства, полагающие начало жизни во Христе (ст. 20—24). То и другое коротко: отложить ветхого человека и облещися в нового. Это и значит — отложить язычество и действовать, как свойственно христианам. Таково главное начало!

Стих 17. *Сие убо глаголю и послушествую о Господе, ктому не ходити вам, якоже и прочии языцы ходят в суете ума их.*

Сие убо глаголю... Как бы так: всю эту речь я вот к чему веду. Цель слов моих та, чтоб вы сами увидели, как вам теперь следует жить. А чтоб у вас никакого уже не оставалось сомнения, что так и должно, во свидетели привожу Господа — *послушествую о Господе*. «При свидетеле Господе сказую сие» (Феодорит). «Господа свидетелем ставлю, что слово мое неложно» (Феофилакт). Примите его потому не как мое, а как

Божие, как бы оно исходило из уст Самого Господа. «Так-то, преподавая учение истинное, не убеждать только должно, но и устрашать и Богу предавать» (Экумений), напоминая, что Сам Бог предстоит им (Феофилакт) и смотрит, куда клонятся расположения их сердца при учении, и что потому мало одного внешнего мановения* в изъявление согласия, а требуется и приятие его всем сердцем.

*Ктому*** *не ходити вам, якоже и прочии языцы ходят. Не ходити*,— «помня звание, которое есть призвание к святости, не возвращайтесь к жизни, какую вели вы прежде призвания» (святой Дамаскин),— и какую продолжают вести непризванные язычники. Мог Апостол и прямо сказать: не живите так и так; но он указал на пример язычников, потому что в примере яснее дело и речь при нем может быть короче, оставляя самим привесть на мысль многое, не захваченное словом, особенно для ефесян, которые и сами знали опытно всю худобу языческой жизни. И к тому могло это служить, чтоб, если кто держался еще чего достойного обличения, принял урок себе на ум под таким прикрытием без горечи (Экумений и Феофилакт). Святой Златоуст говорит: «Не сказал: не ходити вам, якоже вы ходите, так как это могло уязвить их, но указал

---

* Склонения.— *Ред.*

** Впредь.— *Ред.*

на других, хотя выразил то же самое. Также поступает он и в послании к Солунянам, когда говорит им: *не в страсти похотней, якоже и языцы* (1 Сол. 4, 5). Вы оставили, говорит он, языческие верования, но это всецело зависело от Бога, а я требую того, что зависит от вас, — именно: жизни и хождения по Богу. Это ваш долг, а я призываю Бога во свидетели своих слов, — того именно, что я не умолчал, но сказал, как вам должно вести себя».

Не ходити... в суете ума их.

Ум — высшая сторона человеческого естества, где сознание и произволение, или свобода и самодеятельность. Это слово обнимает весь строй нравственно-религиозной жизни, то, где человек действует своим сознанием и свободою, установившийся образ мыслей, правила жизни, надежды, цели, начинания, средства и приемы, — все круговращение жизни, за которое не заходит человек ни мыслию, ни желанием. Глядя на язычников с этой стороны, Апостол находит, что в них качествует суета ума. Ум, по первоначальному своему назначению, должен бы, возгревая страх Божий, заставлять человека быть верным совести в надежде блаженной будущности. Но по падении, сила которого во всей полноте раскрылась среди язычников, ум не выполнял такого назначения. Среди язычников Бог забыт, место совести заняли обычаи, вместо будущих благ преследуются

настоящие. Рай на земле хотели устроить — чувственный, из чувственных благ, своими подручными средствами. Все сюда и направлено было. Как это призрачно, то справедливо названо суетою ума. Ум стал вместо существенного преследовать пустое, непрочное, неудовлетворяющее. Суетится, а пользы нет,— не только для будущего, но и в настоящем-то, в коем он гонится схватить призрак счастия, всегда от него убегающий.

Хорошо изображает это состояние святой Златоуст. «Что такое суета ума? Занятие суетными предметами. А что суетно, как не настоящее, о котором говорит Екклезиаст: *суета суетствий, всяческая суета* (Еккл. 1, 2)? — Но скажет кто-либо: если то и то суетно и ведет к суете, то для чего же оно существует? Если притом это — дело рук Божиих, то как же оно будет суетно? И много есть подобных возражений касательно этого предмета. Но послушай, возлюбленный! Не дела Божии назвал Екклезиаст суетными, отнюдь нет: не небо суетно, не земля суетна, нет! — Ни солнце, ни луна, ни звезды, ни наше тело. Ибо все это — *добро зело.* Что же суетно? — Послушаем, что называет суетою сам Екклезиаст: *насадих ми винограды... сотворих ми поющих и поющия... сотворих ми купели водныя... и стяжание скота и стад много ми бысть... собрах ми злато и сребро... и видех, яко вся суета* (Еккл. 2, 6—11). Послушай, что говорит и Пророк: *сокровиществует*

и не весть, кому соберет я (Пс. 38, 7)! Поэтому суета сует — великолепные здания, обилие и избыток золота, толпы невольников, шумно бегущих за тобою по площади, гордость и тщеславие, высокомерие и надмение, — все это — суета, ибо произошло не от Бога, но произведено людьми. Почему, однако ж, это суетно? — Потому что не имеет никакой доброй цели. Суетны деньги, когда их расточают на удовольствия, но не суетны они, когда их употребляют на вспомоществование бедным. Когда ты употребляешь их на удовольствия, посмотрим, какое отсюда происходит следствие? — Тучность тела, головная боль, разленение, внутренний жар, расслабление всего тела. Как тот, кто стал бы наливать воду в просверленный сосуд, трудился бы напрасно, так и человек, предающийся удовольствиям, наливает воду в просверленный сосуд. — Еще суетными называют несбыточные честолюбивые замыслы, они действительно суетны, ненадежны, безрассудны; вообще суетным называют то, что ни на что не полезно. Посмотри же, не таковы ли дела человеческие? — Да *ямы и пием, утре бо умрем* (1 Кор. 15, 32). Какое же отсюда следствие, скажи мне? — Тление. Мы облекаемся в дорогие одежды и наряды: и что пользы от этого? — Ничего. Так мыслили некоторые и из эллинов, но — вотще. Они вели строгую жизнь, но по-пустому, не имея в виду никакой полезной цели, поступая так из

тщеславия, для снискания почета от толпы. Но что такое честь? — Ничто. — Видишь ли, что все суета? — Поэтому и сказал Апостол (об язычниках): *в суете ума их*». — После сего святой Златоуст изображает суетность языческой веры, что почитали Богом дерева, камни, огонь, воду, солнце. И это все, говорит, языческая суета ума. — «Впрочем, — прибавляет потом, — здесь Апостол выразился так об их жизни. Язычники предаются блуду и прелюбодеянию. Чего и должно ожидать от их веры. Изобретая себе таких богов, они согласно с этим поступают и во всем. Если они могут скрыть (свои поступки) от взоров людей, то нет уже ничего, что могло бы удержать их от худых дел. Может ли, в самом деле, иметь для них какую-либо силу учение о воскресении, когда они считают его басней? — А о мучениях в аду? — Для них и это — басни: и заметь здесь внушение сатанинское. Когда им рассказывают о распутстве их богов, они не называют этого баснями, но верят. А когда им будут говорить о наказаниях, то они говорят, что это поэты выдумывают все такие басни для того, чтобы повсюду расстроить счастливый порядок жизни. Но философы, говорят они, изобрели нечто, вполне заслуживающее внимание и лучше этих басней. Какие же это философы? — Ужели те, которые выдумали судьбу и утверждают, что все существует без Провидения, нет зиждительного Промысла,

все сложилось из атомов? Но, говорят, другие признавали Бога. Какие же это, скажи мне? — Не те ли, которые производят души человеческие от душ собак и уверяют людей, что в известное время тот или другой из них был собакой, львом, рыбой? — Доколе не перестанете пустословить?!»

Стих 18. *Помрачени смыслом, суще отчуждени от жизни Божия, за невежство сущее в них, за окаменение сердец их.*

Когда ум — дух — так ниспал и запутался в суету весь, тогда естественно было и всем силам души, жизнь коей, по строю естества нашего, — в духе, не только принять превратное направление, но и замереть. Они и замерли. Жизнь мысленной силы — свет ведения. Когда осуетился ум, света сего не стало, и смысл помрачился. Выпали из него здравые понятия о себе, о цели своей последней, о том, зачем настоящая жизнь, что́ ожидает его в будущем: все это забыто, забыт и Сам Бог и свои к Нему отношения. На место этого внедрились убеждения, — не выражаемые словом, но тем не менее строго содержимые,— что жизнь настоящая — все, что средства ее у тебя под руками и что сам ты с своим разумом и силами творец своей участи и хранитель ее, и больше ничего тебе не нужно, за себя стой, себя береги, себя питай — и довольно. Такие и подобные убеждения составляют руководящие начала для тех, у коих осуетился ум, или ниспал дух и

заглушен. Святой Златоуст говорит, что у кого какая жизнь, у того такого же рода придумываются и догматы. И как они все ложны, ложь же — тьма, то и окружают человека тьмою. «Подобно тому, как, погрузившись глубоко в воду, мы не можем видеть солнца, потому что над нами вода составляет как бы какую стену, так и в мысленных очах происходит» омрачение от превратных понятий, наполняющих голову. Тут же «многочисленное стечение житейских дел помрачает ясность ума и держит нас в темноте». — Вот что значит: *помрачени смыслом*.

Особенно это омрачение выражается относительно охранения и безопасности жизни. Взяв на свою опеку блюсти себя и о себе промышлять, осуетившийся умом при всех мощных своих средствах постоянно находится в страхе. Святой Златоуст пространно изображает это состояние — плод омрачающего суеверия, поставленного на месте Промысла Божия. «Осуетившиеся умом как в рассуждении догматов, так и касательно жизни все говорят и делают так, как бы находились в темноте; человек, окруженный мраком, не видит ничего пред собой: он веревку принимает за ползущего змея или, зашедши в темное место, думает, что его готов схватить человек или демон. И сколько тут страха и беспокойства! Подобных же вещей боятся (и язычники). *Тамо убояшася страха*, сказано, *идеже не бе страх* (Пс. 13, 5),

а чего бы следовало страшиться, того они не страшатся, но подобно тому, как дети, находясь на руках у своих кормилиц, неразумно протягивают руки к огню и смело порываются к зажженному светильнику, а между тем боятся человека в одежде из козьей волны, так и эти эллины — настоящие дети, как и сказал об них некто: «Эллины — всегда дети». Того, что не составляет греха, они боятся, как то: телесной неопрятности, одра, занимаемого мертвецом, погребения мертвых, роковых дней и тому подобного. А того, что составляет настоящий грех, как то: сладострастной любви к отрокам, прелюбодеяния, блуда, — они и не думают считать за грех. Ты можешь видеть, как язычник обмывается после мертвеца, но от мертвых дел он не омывается никогда. Он много прилагает старания о приобретении денег и в то же время думает, что пение курицы по-петушью может иметь влияние на его счастие. Так они *помрачены смыслом.* У них много примет, устрашающих их. Например, такой-то, говорит иной, — первый встретился со мною, когда я выходил из дому: выйдет непременно тысяча неприятностей для меня. Сегодня ненавистный слуга, подавая мне сандалии, поднес наперед левую: быть большим бедам и напастям. Сам я, выходя из дому, ступил за порог левою ногою: и это предвещает несчастия. Это домашние неудачи. Когда же я вышел из дома, у меня

правый глаз мигнул: это предвещает слезы. Равным образом и женщины, — когда при ткании то заденется что одно за другое, то издастся звук, — считают то за предвещание несчастия. И тысяча других у них достойных смеха суеверий. Закричит ли осел или петух, чихнет ли кто, — что ни случится, все тревожит их, так что они, как я сказал, как будто скованы тысячами уз и находятся во мраке и гораздо большем порабощении, чем невольники. Но мы не будем таковыми; напротив, осмеявши все такие суеверия, как чада света, как небесные граждане, не имеющие ничего общего с землею, — будем считать для себя страшным один только грех и оскорбление Бога. Если же мы удаляемся от греха и стараемся не оскорблять Бога, то будем смеяться над всем другим, равно как и над первым виновником греха — диаволом».

Суще отчуждени от жизни Божия, то есть «от жизни по Богу» (Феофилакт). «Обличает Апостол беззаконие их жизни, ибо жизнию Божиею назвал он жизнь добродетельную» (Феодорит). Когда свет истины освещает мысленную область человека, тогда при свете сем бывает ясен и путь истинной жизни, чем сильно возбуждается энергия деятельных сил к тому, чтобы устремляться по сему пути. Когда же смысл омрачится, путь жизни истинной закрывается, и энергия идти по нему падает. Омраченные смыслом

естественно и жизнию истинною не живут, отчуждаются от нее, оставляют ее.

Под жизнию Божиею Апостол не мог разуметь жизнь благодатную, а разумел ту жизнь по Богу, какую могли иметь язычники, следуя указаниям, какие давали им остатки образа Божия в падшем. Ум, или дух, человека первоначально назначен для жизни в Боге и по Богу. По падении он обессилел, но не уничтожился. Убеждение, что есть Бог и что Ему следует благоугождать, осталось у всех, и, где его не заглушали, являло плоды свои. И все язычники могли жить под действием страха Божия, по требованиям совести, в надежде будущего воздаяния. — В этом существо естественной религии и возможная для всех жизнь Божия вне благодати. И кто не имеет ее, тот виновен. В этой вине Апостол обличает всех, потому что преобладающий дух жизни язычников был таков. Забыли Бога, не внимали совести и жили только для настоящего, как будто Бога и другой жизни не было. Такова же жизнь и у тех, кои работают греху и страстям и среди христиан. Целые города и общества могут быть таковы. Тогда и к ним будет относиться Апостольское слово: *отчуждени от жизни Божия.*

За невежство сущее в них, за окаменение сердец их. Некоторые говорят: омрачение смысла — за невежество, а отчуждение от жизни Божией — за окаменение сердец. Но омрачение

смысла с невежеством одно и то же. Потому лучше то и другое относить к отчуждению от жизни, как причину, способствование или наказание. Отчуждение от жизни Божией последовало за невежеством и окаменением сердца как следствие. Когда началось такое отчуждение, невежество и окаменение сердца способствовали укоренению его, а когда оно укоренилось, то и Бог закрепил его за ними, как наказание: *предаде их Бог в неискусен ум, творити неподобная... Предаде их в похотех сердец их... предаде в страсти безчестия* (Рим. 1, 28, 24, 26). Но, собственно говоря, все эти три – омрачение смысла с невежеством, отчуждение от жизни Божией и окаменение сердца, идут вместе как прямое следствие осуечения ума, или заглушения духа. Светлость смысла, или ведение истины, падая на сердце, возбуждает в нем сочувствие к себе и образует побуждения к жизни по истине, или по Богу. Когда смысл омрачится и истины выпадут из него, сердце, не получая впечатлений, не дает и возбуждений к жизни – и она останавливается, и пути ее закрываются. Отчуждение от жизни, сим образом начавшееся, огрубляет сердце; огрубевающее сердце в свою очередь усиливает отчуждение от жизни и сгущает мрак в смысле. Так одно другим поддерживается, и круговращение жизни – не по Богу зреет. Божие становится непонятным, неприятным и в планы не входит. Жизнь духовная

замерзла. Мертвенность сия очевиднее всего выражается окаменением сердца, но и все другое вместе тут же. Святые отцы выражают это состояние совместностию — неведения, нерадения и нечувствия. Пробуждающиеся от жизни такой больше всего страждут от нечувствия. — Когда-то когда оживет омертвелое сердце!

Такова внутренняя жизнь язычников и вообще лиц безблагодатных, не получивших благодати или заглушивших ее в себе несообразною с нею жизнию. Но каков внутренний строй, такова и внешняя жизнь, или дела и поведение. Святой Апостол изображает ее так:

Стих 19. ***Иже в нечаяние вложшеся предаша себе студодеянию в делание всякия нечистоты в лихоимании.***

В нечаяние вложшеся — по-гречески у святых отцов выражается таким словом, которое означает ожесточение в худом — крайний предел нерадения и беспечности о добре. «*В нечаяние вложшеся* — ἀπηλγηκότες, то есть совсем разленившись, не хотя делать ничего доброго, потерявши всякий страх и сокрушение, как бы обуморенные» (Феофилакт). Замерло всякое чувство — и нравственное, и религиозное. *Уты, утолсте, расшире, и забы Бога* (Втор. 32, 15). *Несть страха Божия пред очима его* (Пс. 35, 2). *Рече безумен в сердце своем: несть Бог* — и предался всякому разврату вместе с другими: *растлеша и омерзишася*

в начинаниих (Пс. 13, 1). Святой Златоуст говорит: «Сердце окаменевает, когда никакой страх не тревожит души. Это происходит от бесчувственности. Когда какой член в теле делается бесчувственным, то хотя бы ты стал жечь его или резать, — что бы ты ни делал с ним, он ничего не чувствует. Так и они — язычники — после того, как раз навсегда впали в беспечность, что им ни говори, грози им огнем или мечом, — на них ничто не подействует, ничто не убедит их. Ибо у них раз навсегда омертвело сердце. И пока ты не уничтожишь в нем этого бесчувствия, пока твое прикосновение к нему не будет так же ощутительно, как к здоровым членам, до тех пор все твои усилия будут тщетны».

Пришедши в такое состояние, *предаша себе студодеянию в делание всякой нечистоты*. — Предались всяким способам удовлетворения плотской похоти. Две противоположности в нас — дух и плоть. Когда дух замрет, свирепеет плоть. Человек предается всякого рода чувственным удовольствиям и сластям. «Страдали сперва беззаконием, потом, поползнувшись в жизнь беззаконную, вскоре стали страдать бесчувственностию. Потом небоязненно уже отваживаются на всякий грех, до пресыщения предаваясь растленной жизни» (Феодорит).

Святой Златоуст говорит: «Жизнь их была такою по их собственной беспечности и нерадению.

Предаша себе, говорит. Итак, когда ты услышишь, что *предаде их Бог в неискусен ум* (Рим. 1, 28), то припомни и настоящее изречение, что они сами *предаша себе*. Как же предал их Бог, когда они сами предали себя? Если же они сами предали себя, то как предал их Бог? — Тебе кажется, что здесь есть противоречие. Но слово *предаде* значит *попустил*. — *В делание нечистоты* предали себя. Видишь ли, как Апостол лишает их извинения, сказавши о делании нечистоты? Не по стороннему увлечению, говорит, грешили они, но совершали все эти преступные действия, заботясь сами о вымышлении их. *Во всякой нечистоте* (и жили). Нечистота — это всякое любодеяние, блуд, сладострастная любовь к отрокам и всякое невоздержание. — У них, говорит, такой образ жизни обратился как бы в правило».

Слово *в лихоимании* одни понимают так, что при нечистых делах предавались и страсти к стяжаниям, которая в мирской суетной жизни не менее первой сильна. Святой Дамаскин пишет: «Любоимание есть необходимое последствие плотолюбия. Желают стяжаний, чтобы было что иждивать на удовольствия». Другие под этим словом разумеют жажду все больших и больших удовольствий — ненасытимость плотоугодия. «*Лихоиманием* назвал Апостол незнание меры» (Феодорит). По ходу речи у него это есть — незнание меры в плотоугодии. — Но у святого Златоуста

видна мысль — незнания меры ни в чем, ни в стяжании денег, ни в изнеженной жизни. «Можно бы, говорит, им пользоваться умеренно и деньгами, и удовольствиями, и всякими утехами. Но как они не соблюли в этом умеренности, то и испортили все». Та же мысль у Феофилакта. — Экумений же пишет: «Говорит: *в лихоимании*, в означение того, что они предавали себя двум страстям: студодеянию и любоиманию, которые более других страстей выдаются в грешной жизни и заправляют ею; — или того, что они предавались студодеянию и нечистоте чрезмерно и жадно».

Стих 20. *Вы же не тако познасте Христа.*

В безобразной жизни языческой указал Апостол, чего не должно быть в жизни христиан. Теперь показывает, что должно в ней быть; и как в ней все от Христа Господа, то в Него и устремляет внимание наше. *Вы же не тако познасте Христа.* Познали, то есть уверовали, прилепились к Нему, сочетались с Ним в таинствах, приняли заповеди от Него и вступили в путь жизни по Нем, — опытно уже познали, что есть быть христианином, быть со Христом. *Познасте* — по-гречески стоит ἐμάθετε, — изучили, заучили, как изучивают и заучивают уроки. Чем означается не голое — умовое — познание Христа, но освоение с Ним, живое изведание Его. Не *тако*, говорит, познали вы сим образом Христа; не к такого рода жизни, какую указал я вам в язычниках,

обязывает вас знание Христа; ничто подобное не может быть терпимо в вас. «Вы не для таких дел познали Христа» (святой Златоуст).

Или не *тако* означает — не даром. Указывает на великие обетования во Христе Иисусе, как бы говоря: вы приняты в Церковь Христову, истины Его вам сообщены, святое крещение преподано, отпущение грехов даровано и верное обетование Царствия за вами закреплено,— все это вам даром? Вы, все это получив, сами и рукою шевельнуть не хотите? Все бы готовы жить по-старому? — Нет, вам так не годится. «Вы не с такими условиями приняли Христа, чтобы оставаться при прежней жизни» (святой Златоуст). В том вся сущность христианства (истина о Иисусе), чтоб отложить все то ветхое и начать жить совершенно по новому закону и порядку.

Стих 21. *Аще убо слышасте Его и о Нем научистеся, якоже есть истина о Иисусе.*

Аще — «если»,— не означает, будто святой Павел не знал, слышали ль они о Господе Спасителе: ибо иначе, как бы он написал к ним все, что писано доселе? А означает, что то положение: *не тако познасте Христа* и с тем, что из него выходило,— они и сами должны вывесть и содержать в уме из того, что слышали о Христе и чему от Него Самого научились, паче же из того, что от Него Самого слышали и чему от Него Самого научились, приняв Его в себя в таинствах и

сердцем ощутив, что есть истина в Нем. Все так можно выразить: если вы надлежащим образом слышали и научились, то сами знаете, что вам не следует жить, как язычники. Подразумевается, конечно: но вы слышали и научились, как следует, следовательно, знаете то, как следует и жить. Святой Златоуст говорит: «Выражение: *аще убо слышасте Его* — не означает, будто он говорит с сомнением, напротив, показывает полную его уверенность; подобным образом он и в другом месте выражается: *аще убо праведно у Бога воздати скорбь оскорбляющим вас* (2 Сол. 1, 6). Познание Христа в том и состоит, чтобы вести праведную жизнь. Ибо кто ведет дурную жизнь, тот не знает Бога и Им не знаем. О сем Апостол говорит в другом месте: *Бога исповедуют ведети, а делы отмещутся Его* (Тит. 1, 16)».

Выражение, употребляемое здесь Апостолом: *слышасте Его, о Нем научистеся*, — дает мысли его особый оттенок, очень важный, ибо показывает, что христиане Самого Господа слышат и в Нем, — чрез общение с Ним живое пребывая в Нем, — научаются. Не всякий слышащий и научающийся о Господе от другого лица слышит Его в себе слово и научается в Нем. Ибо для этого надо к первому слышанию многие бы дополнить условия, — живую веру, крещение и готовность жить по заповедям Господа, не жалея живота. Но что действительно тот христианин, — который испол-

няет все уставы, точно слышит Христа в себе глаголющего, об этом свидетельствует святой Иоанн Богослов в том пункте, где говорит о помазании, что оно всему учит: ибо хоть здесь о Духе Святом говорится, но Дух и Господь едино суть (1 Ин. 2, 27). Кто достиг до такого состояния, что может различать и понимать глас в себе Христов, тот достиг полного обновления и освящения естества своего. Грех уже им не обладает; он ходит в обновлении жизни светлой, как светел Воскресший Христос, — по самому порядку жизни, качествующей в нем, чужд всего языческого, — человек ветхий уже отложен, и обновление ума в нем во всей силе. Держа эту мысль, можем в слове: *аще убо*... видеть надлежащее условие, не имея нужды прибегать к сторонним пояснениям.

Такая мысль у блаженного Иеронима. «Если бы все, которые, по-видимому, должны слышать Христа, слышали Его действительно, то святой Апостол никак не сказал бы ефесянам и вообще всем, кому открывал тайны Христовы: *аще убо слышасте Его*. Изучить Христа есть то же, что уметь добродетельствовать, и речение: слушать Его, не различается от того, как если бы кто сказал: слушать мудрость, правду, мужество, воздержание и прочее, чем Христос именуется. Кто таким образом выслушал Христа и изучил Его, тот не станет более ходить в суете ума своего, не

омраченный смыслом будет шествовать, не будет отчужден от жизни Божией, но будет иметь ведение, и вся слепота спадет с очей сердца его, потому что впущенный во внутренний мрак свет разгонит в нем всякое неведение. Когда это возымеет он, то не будет уже предавать себя студодеянию, не будет делать всякую нечистоту в лихоимании, преступая уступленные ему в этом границы в браке. Если же и случится ему иногда быть одолету какою-либо страстию, он поболит о ране своей и потерпит мучения совести, — за то, что потерял свободное дерзновение и чистоту непорочного ума. Будем же учиться у Христа и слушать Его. Христос говорит нам в Церкви чрез слово Свое и пастырей Церкви. Но не должно отчаиваться достигнуть и того, что Он некогда и Сам возглаголет в сердцах наших и Сам лично научит нас, не употребляя для сего стороннего орудия: только не будем поддаваться греху, не попустим, чтобы похотные сласти овладевали телом нашим».

Якоже есть истина во Иисусе. Якоже — καθὼς как: — научились, как есть истина во Иисусе, «какова истина во Христе Иисусе» (святой Златоуст); в чем она состоит? — В том, чтобы отложить ветхого человека и облещись в нового. Истина во Иисусе не теория, а жизнь и дело. Кто отложил ветхого человека и облекся в нового, тот и имеет истину во Иисусе. В ком этого нет,

в том нет и истины Иисусовой. И свидетельство сей истины заключается в отложении одного и в облечении в другого. В крещении это и совершается, и не номинально, а действительно. Кто воспринял силу крещения, тот самым делом испытывает, что прежнее в нем все умерло, а живет новое, чего он не знал и не ощущал. Царствие Христово, — то, что дается во Христе, — не слово, а сила. Тут делом совершается: *аще кто во Христе, нова тварь*. Что после сего предлежит делать? — Хранить данное и давать простор ему действовать и осуществляться, как долг в отношении к раю был — делати и хранити.

Стих 22. *Отложити вам, по первому житию, ветхаго человека, тлеющаго в похотех прелестных.*

Поелику в крещеных уже совершилось сие отложение, и ветхий человек умер, то *отложити* надо понимать не как заповедь, а как извещение о совершившемся деле. Та истина о Иисусе, — что вы отлагаете ветхого человека, как только приступаете к Нему и крещаетесь.

В сем отношении первые слова: *вы же не тако познасте Христа*... будут значить еще: вы же не без ничего познали Христа, не ведение только о Нем приняли и не имя только от Него заимствовали, но вы совсем изменились, совсем стали новы; тот ветхий человек, по коему вы жили, умер в вас, вы отложили его. И, кажется, это

прямая мысль Апостола, идущая еще от того обязательства, чтобы возращать все во Христа. Ибо, сказавши об этом, он тотчас и навел: *сие же глаголю*, — не жить вам по-язычески. Почему же? — Ибо та жизнь, говорит, уже умерла в вас, как только приступили к Христу. Вы познали Христа не *так-таки* — без всего, — а с вами вот что произошло: вы отложили.

Но это совершается не как-нибудь механически. Тому предшествует решение воли, которое и запечатлевается благодатию; отсюда нравственное обновление, сознаваемое и чувствуемое. Чувствующий это уже не покорствует похоти, а попирает ее и отревает, как нечто для него чуждое. Апостол говорил ефесянам: это вы уже испытали в Нем. Урок нравственный отсюда все же выходил: видите, как не пристало вам касаться прежней жизни, ибо свобода не отнимается новым рождением.

Что именно отложили, понятно из предыдущего. Две черты новые прилагаются: тление и прелестность. Или и третья — ветхость. *Ветхий человек* определяется прежним житием. *Житие* ἀναστροφή — все, в чем прежде вращались, и внутренно, и внешно, как изобразил пред сим святой Павел. Если б Апостол сказал только: совлекаетесь ветхого человека, то мог бы иной недоумевать, что это за ветхий человек, а когда при этом слове стоит: по прежнему житию, — тому, в

котором всякий из слышавших то слово сам вращался, — то для всех понятно было, что это за ветхий человек. Понятно для них и то, что значит: отложити, ибо сознавали и чувствовали, как отпала сия ветхость от них, — отпала, как проказа чешуею спадает с исцеленного прокаженного, и понятия, и вкусы, и позывы, и планы — все прежнее отпало, как бы того не было. Озирались назад и смотрели на это, как на сброшенную одежду — чужую будто.

Прежнюю жизнь в язычестве определил святой Павел так, что это была жизнь в суете ума, в слепоте, нерадении и бесчувствии, и в полном рабстве страстям, особенно похоти плотской. Это и есть ветхий человек. Говорит еще теперь, что такой человек *тлеет*. Эгоистическая жизнь в самоугодии и страстях разлагает, истощает и снедает естество человеческое. Ибо тогда человек бывает не в своей атмосфере. Как зараженным воздухом дышащий все более и более истлевает жизнь свою, так губит естество свое живущий во грехе и страстях. Но тлеет он, а никогда не истлеет. Разъедающая тля все более и более проникает его, точит и снедает. Так всю жизнь, так и всю вечность, если не покается и не обновится во Христе.

Тлеет в похотях ветхий человек. Похоть дает мысль только о плотских сластях, которые в ветхом человеке ярче других слабостей выдаются.

Но под сим словом можно разуметь и все страсти, в коих живет обычно самоугодливый человек. Похоть будет всякое самоугодливое пожелание, в удовлетворении которого ничего не имеется в виду, как только себя утешить и усладить. Прелестны сии похоти, потому что манят, обещая горы счастия, а ничего не дают, когда действуют по их влечению; прелестны еще и потому особенно, что умеют прикрыть свой обман, так что неудовлетворенный не похоть винит в обмане, а себя укоряет в неумении попользоваться ею как следует. Это прельщение и держит всякого во власти похотей без замечания и чувства пагубности такого рода жизни и без чувства тяготы ига рабства, налагаемого страстями. Святой Златоуст говорит: «Похоть растлевает и губит самое существо человека. Пагубно славолюбие, многих погубили удовольствия, обманула похоть. Впрочем, все это не составляет удовольствия в собственном смысле, но есть горечь, обман, подлог и тень. Наружная сторона этих предметов приманчива, но сами в себе они не что иное, как тяжелое бремя, влекущее за собою великую нищету, пустоту и бедность. И если ты снимешь с них эту личину, откроешь их настоящее лицо, то увидишь обман. Ибо в том и состоит обман, когда что-нибудь показывается нам не тем, что оно есть, но представляется тем, чего в нем нет, что и бывает

причиною ложных суждений о том или другом предмете».

Стих 23. *Обновлятися же духом ума вашего.*

Та истина во Иисусе, что вы в Нем отлагаете ветхость и обновляетесь духом ума. Что значит дух ума? — Поелику сказал: духом ума вашего, то очевидно, что святой Павел не разумеет здесь Духа Святого, а что-нибудь из находящегося в человеке. Высшая сторона человеческого естества называется то умом, то духом. Здесь соединены оба названия вместе: духом ума, то есть духом — умною силою вашею. Создан человек так, чтобы духом, или умом, жить в Боге. Если б он не отпадал от Бога, то жил бы все в Боге духом своим. Бог давал бы силу духу его властвовать над всеми силами души и тела и править всеми их потребностями. Но когда отпал человек от Бога, дух его силу потерял, и над ним стали властвовать душевные и телесные силы, расплодив и множество страстей похотных. Если, как видели, у Апостола эта похотная, страстная телесно-душевная жизнь составляет ветхого человека, который отлагается во Христе Иисусе, то очевидно, под обновлением духом ума он указывает восстановление духа нашего в его правах по созданию, высвобождение его из-под ига страстей и возвращение ему власти над всеми силами человеческого естества, под тем условием, что сам

он теперь в Господе Иисусе Христе воссоединяется с Богом.

К понятию, что́ есть дух ума, могут вести и обычные у нас выражения, например, дух какого-либо писания. Этим означаются существенные, характеристические черты того писания. Можно полагать, что и дух ума означает существенные, характеристические свойства ума. Судя по сему, слова Апостола: вы обновляетесь во Христе Иисусе духом ума вашего, будут означать: уму вашему во Христе Иисусе снова возвращаются существенные, характеристические черты его, Богом ему дарованные в сотворении и потерянные им в падении. Не это ли значат и слова святого Златоуста: «Духом ума, то есть духом, который в уме вашем!?» Но у Феодорита прямо говорится: «Духом ума нарек духовное стремление ума». Ум, или дух, по естеству – высшая сила наша, вся обращенная к Божественному. В нем сокрыто непосредственное ведение, что есть Бог, с чувством всесторонней от Него зависимости и с сознанием обязательства покорствовать Ему строгим исполнением воли Его, которая в том же духе, или уме, и начертана, и составляет скрижали закона совестного, исполняя которые он чает и угодным всегда быть Богу, и всегда в Нем блаженствовать, не во времени только, но и паче в вечности, отчего он и не находит довольства ни в чем тварном, хотя бы обладал всем миром. Все

сии черты ума, или этот дух ума был потерян чрез падение, в Господе же Иисусе Христе восстановляется, — иначе сказать: сим духом ума обновляется человек во Христе Иисусе и жить начинает всегда пред Богом, всегда в строгой верности воле Его, по совести, просвещенной заповедями, всегда с отрешением от всего тварного и с чаянием несомненным блаженства в будущем. Восстановляет его благодать Святого Духа, чрез сочетание с Господом. В этом акте возвращается ему и природная власть над душою и телом, вследствие чего и начинает он править всем своим, — и внутренним, и внешним.

Стих 24. *И облещися в новаго человека, созданаго по Богу в правде и в преподобии истины.*

Истина в Иисусе та, что вы не отлагаете только ветхого, но и облекаетесь в нового человека. Кто сей новый, видно по противоположности ветхому: видно также и из предшествующего указания на обновление духом ума. Но Апостол полнее определяет его здесь, в его происхождении, в его свойствах и направлениях его деятельности. Новый человек созидается вновь, или воссозидается, возрождается путем сверхъестественным. К уму, омраченному суетою, приходит благодать и пробуждает в нем страх Божий; страх Божий оживляет совесть; пробужденная и встревоженная совесть поражает безнадежностию и

заставляет искать примирения. Евангелие указывает его во Христе Иисусе: Христос объемлется верою и сочетавается с верующим в купели крещения, исполняет его благодатию Духа в миропомазании. Так, приступивший к Господу примиряется с Богом и посвящает себя на служение Ему, чувствуя, что принял силу, яже к животу и благочестию. Так начинается новая жизнь, которая есть жизнь по Богу, в правде и преподобии истины.

Созданный по Богу есть то же, что созданный по образу Божию (Кол. 3, 10). Как в начале создан человек по образу Божию, так теперь вновь воссозидается в тот же образ, воссозданный по Богу, и живет потом по Богу, то есть в жизни его первая забота — сохранение должных отношений к Богу, или богобоязненность, чтоб всегда хранить мирное общение с Богом и иметь к Нему дерзновение и доступ. Новый человек живет духом в Боге. Утверждаясь же в Боге, он нисходит и в круг жизни и является здесь совершенно праведным, ревнуя исполнить всякую *правду*, всякое ведомое определение воли Божией, чтоб ни в чем не погрешить пред Ним и ничем не омрачить своей совести. В этом настроении он есть *правый*, каким создан первоначально первый человек. Говорится: *созданаго в правде* — не «на правду», а уже «в правде». Так, из купели выходит на свет новый человек с таким внутри

строем, чтобы ревностно исполнять всякую правду в чувстве силы, на то благодатию в него влиянной. *В преподобии* то же значит, что и в правде. Преподобие прилично тому, кто во всем совершенстве исполняет то, что подобает. «Что есть преподобие? — спрашивает святой Златоуст, — и отвечает: Что чисто и согласно с требованием долга». Или, может быть, *правда* означает более деятельную сторону добродетели, а *преподобие* — более внутреннюю чистоту и непорочность чувств и расположений. *Истины* — относится и к правде, и к преподобию, и показывает, что новый человек воссозидается в правде истинной и преподобии истинном; не кажется только таким, но действительно таков, не пред людьми только, но и пред Богом. В ветхом человеке все прелесть (ст. 22), все призрачно, а в новом все истинно, все так есть, как чему следует быть и как сама Истина — Бог определяет.

Вот какими христиане соделываются во Христе Иисусе по истине Иисус Христовой.

Под новым и ветхим человеком разумеется нравственно-религиозный характер человека, а не лица какие особые от человека. Человек один, но то он живет в самоугодии и страстях, то посвящает себя Богу и всем Богу угождать ревнует. В первом случае он ветхий, во втором — новый человек. Святой Златоуст: «Дабы кто не подумал, будто он выдумывает иного человека,

когда говорит о новом и ветхом человеке, он говорит: *обновлятися*. Обновление происходит тогда, когда обветшавшее принимает другой вид, так что предмет остается один и тот же, но происходит перемена с его случайными свойствами. — *И облещися в новаго.* — Видишь, что предмет один, а одежды две: одна, которая совлекается, и другая, в которую облекаются? — Почему он представляет человека под именем добродетели? И также под именем порока? — Потому что для того, чтобы определить свойство человека, нужно указать на его деятельность. Таким образом, действия человека не меньше, чем естественные его свойства, показывают, добр он или не добр. Как легко разоблачить (раздеть) человека, так же легко по добродетели или пороку видеть свойства его». — Та же мысль и у Феодорита: «*Ветхим человеком* назвал Апостол не самое естество, но действенность греха. Ибо крещаемый слагает с себя не тело, но оскверненную греховную одежду; *новым же человеком* нарек жительствующего по евангельскому законоположению. А человеком назвал и добродетель, и порок, потому что людьми они совершаются».

Блаженный Иероним говорит, что облещися в нового человека есть облещися во Иисуса Христа (Рим. 13, 14), ибо Он есть истинно новый человек. И прибавляет: «Итак, кто подражает Его жизни и все Его добродетели в себе показывает,

бывает кроток, как Он был кроток и смирен сердцем, и полагает душу свою за други своя, как Тот положил за овцы Своя; будучи биен — не отвечает, и злословим будучи — не противозлословит, но препобеждает гордость смирением; тот облекся в нового человека и может говорить со Апостолом: *живу не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). И: *подражатели мне бывайте, якоже аз Христу* (1 Кор. 11, 1). Такой исполняет и слова Иоанна Богослова: *глаголяй в Нем пребывати, должен есть, якоже Он ходил есть, и сей такожде да ходит* (1 Ин. 2, 6)».

Святой Златоуст, сказавши, во что и как облекаются христиане в крещении, прибавляет, что намерение у Апостола при сих словах то, чтобы побудить всех «не жить больше по влечению похотей прелестных, но по заповедям Божиим. — Наш долг не совлекать уже более с себя этой одежды оправдания, которую Пророк называет одеждою спасения (Ис. 61, 10), чтобы нам сделаться подобными Богу. Апостол хочет, чтобы мы не один день, не два, не три, но всегда пребыли в добродетели и никогда не снимали с себя этой одежды. Ибо не так непристойно человеку быть нагим по телу, сколько быть обнаженным от добродетели. При телесной наготе его непристойное положение видят такие же рабы, а там — это видит Господь и Ангелы. — Как же простит нам Бог, если мы погубим эту одежду? — Обнажим

себя от денег, чтобы не обнажиться от праведности. Одежда, состоящая в деньгах, повреждает одежду оправдания. Чувственные наклонности также лишают нас этой одежды, ибо они суть огонь, а такой огонь сожигает сию одежду. Богатство также есть моль: и как моль поедает все и не щадит даже шелковых одежд, так и богатство не щадит нашей истинной одежды. Итак, оставим все это, дабы нам быть праведными, дабы облечься в нового человека. Не оставим у себя ничего ветхого, ничего преходящего, ничего тленного. Добродетель не тяжела, не неудобоисполнима. Не видишь ли тех, кои проводят жизнь в горах? — Они оставляют и свои домы, и жен, и детей, и все свои занятия и, удалившись из мира, облекаются во вретище, заключают себя в тесной келье... Изнуряют себя постом и постоянным голодом. Если б теперь я предложил вам это, не отказались ли бы вы все от такого предложения? — Но я не говорю этого... Даже что скажу еще? — Пользуйся и банями, имей попечение и о теле, ходи и на площадь, имей у себя дом, имей и слуг, употребляй и яства и напитки, — изгони только отвсюду корыстолюбие. И не говори мне, что те (отшельники) имели особые силы к такой строгой жизни, ибо многие, гораздо тебя слабее, и богаче, и изнеженнее, вступали в эту суровую жизнь. Но что я говорю о мужах? — Девы, воспитанные в неге, — эти девы, быв объяты внезапно

огнем Христовым, оставили всю свою роскошь и пышность и, забывши о своей изнеженности, подобно храбрым борцам, вступили на поприще подвигов. — Такую имеет силу огонь Христов, так благое изволение превышает самую природу! — Однако ж ничего такого я не требую от вас, потому что вы хотите, чтобы жены опередили вас на поприще благочестивой жизни. По крайней мере, делайте то, что не трудно: удержите свою руку от непозволительного, удержитесь от бесстыдных взглядов. Что в этом трудного, скажи мне? Что тяжелого? Будьте справедливы, никому не делайте обиды — ни бедный, ни богатый, ни продавец, ни наемщик. Вступай в брак, имей детей. Велик точно подвиг (отшельничества), высока скала та... и ты не в состоянии подняться на нее? — Имей же хотя меньшее и достигни нижайшего. Ты не можешь раздать своих денег? — Не похищай, по крайней мере, чужих, и не обижай других. Ты не можешь поститься? — Не отдавайся, по крайней мере, сластолюбию. Ты не можешь лежать на тростниковом ложе? — Не устрояй, по крайней мере, себе одров, обитых серебром, но употребляй одр простой и ложе, сделанное не напоказ, а для отдохновения; равно не устрояй одров и из слоновой кости; стесняй себя. Если будешь вести скромную жизнь, то не будешь бояться ничего: ни зависти, ни воров, ни козней. — Я не говорю тебе: услуживай больному;

прикажи, по крайней мере, это своему слуге. Видишь ли, как это не тяжко?».

б) Самые правила нравственной жизни христиан яко христиан вообще

4, 25—5, 20

Истинность в слове

Стих 25. *Темже отложше лжу, глаголите истину кийждо ко искреннему своему, зане есмы друг другу удове.*

На первом месте ставит святой Павел истинность в слове. Речь свою связывает с предыдущею. Там сказал он: облеклись вы *в новаго человека, созданаго по Богу в правде и преподобии истины.* Теперь берет в этих словах повод и говорит об истинности в слове: *темже отложше лжу, глаголите истину.* Основание сему правилу берет не в предыдущем положении, а в том, что мы *друг другу удове есмы.* Есть в логиках правило, что мышлению нельзя составиться, если ум не будет всякий предмет представлять одинаковым (закон тождества), всегда себе равным, одним и тем же. И обществу людей нельзя состояться, если каждый на деле будет не то, что на языке. Связующая людей цепь есть взаимное доверие. Доверию сему нельзя укорениться, если не будет у всех истины в слове. В какой степени, где сильна уверенность во взаимном истинноречии, — в такой — силен там и союз людей; и, наоборот, в такой — слаб союз, в какой — допускается неис-

тинноречие. Христиане составляют едино тело, живо сочетанное. Следовательно, истинноречие уже качествует среди них: иначе и составиться нельзя бы было такому союзу. Апостол говорит как бы: не ставьте себя в противоречие с тем, что вы есте. И то еще наводит это указание на мысль, что если мы друг другу удове*, то всякий должен иметь другого как себя. А пред собою кто лжет? – Хоть бы и хотел кто, да не может, ибо сознание и в лгущем, и в том, пред кем лгал бы лгущий,– одно и то же. И слово такое употребил Апостол: говорите *истину искреннему*,– тому, кто к вам искренен, и к кому вы искренни. Повернется ли язык сказать ложь такому? Но удове и должны находиться именно в таком друг к другу отношении.– Сказать: вы удове друг другу – то же, что сказать: между вами должны господствовать искренняя любовь. Где любовь, там невозможна ложь.

Святой Златоуст говорит: «Представив общее учение о ветхом человеке, Апостол потом изображает его подробно, потому что учение о каком-либо предмете, касающееся его подробностей, бывает удобопонятнее. Что же говорит он? – *Темже отложше лжу.* Какую лжу? Не разумеет ли он идолов? – Нет. Ибо хотя и идолы – ложь, но здесь речь не о них, так как ефесяне не имели никакого общения с идолами. Он говорит им о

* Члены. – *Ред.*

лжи по отношению друг к другу, то есть о лукавстве и обманах: *глаголите истину кийждо ко искреннему своему*, говорит он и представляет главное побуждение к этому: *зане есмы друг другу удове.* Заметь, как везде Апостол пристыждает их, указывая на взаимную верность членов телесных. Глаз, – говорит он, – не обманывает ноги, ни нога глаза... Если глаз увидит змия или зверя, обманет ли он ногу? Не даст ли тотчас знать ей об этом? И она, узнавши это от него, уже будет идти осторожно. Точно так же, когда ни глаз, ни нога не имеют средств узнать вредного яда, но все будет зависеть от обоняния, ужели обоняние солжет устам? – Никак. Почему? – Потому что оно в таком случае погубит и себя. Напротив, как ему (обонянию) представится, так оно и говорит. А язык разве обманывает желудок? Не выбрасывает ли он того, что находит противным? Таков взаимный обмен услуг и взаимные содействия между членами тела. Замечай же, как верно, и притом, так сказать, чистосердечно, производится это взаимное предостережение. Так и мы не будем лгать, если мы члены одного тела. Это будет знаком нашего дружества, а противное сему – вражды».

Безгневие

Стих 26. *Гневайтеся и не согрешайте; солнце да не зайдет в гневе вашем.*

Гневайтесь. Чтоб святой Павел разрешал на гнев, нельзя думать, тем паче, что тут же спустя несколько стихов говорит: *гнев... да возмется от вас* (31), то есть да будет изгнан из среды вас, чтоб и места ему тут не было. Надо полагать, что самую фразу взял Апостол, как она читается в псалме 4, 5, мысль же с нею соединил запретительную на гнев, как бы так: что касается до гнева, то не согрешайте им. – Закон вменения в отношении к гневу тот же, что и относительно всех других страстных движений. Приражения страсти не вменяются в грех. Вменение начинается с того момента, как, заметив движение страсти, уступают ей, и не только не противятся ей, но становятся на сторону ее, раздувают ее и сами помогают ей взойти до неудержимости. Коль же скоро кто, заметив приражение страсти, вооружается против нее и соответственными приемами в мыслях и положениях тела старается прогнать ее, то это не в грех, а в добродетель вменяется. То же и в отношении к серчанию и гневу. В непрестанных столкновениях с другими поводам к раздражению числа нет. Но когда кто всякое возникновение гнева подавляет и прогоняет, то он и гневается, и не согрешает. Совсем не гневаться и никакого разогорчения никогда не чувствовать есть дар благодати и принадлежит совершенным. В обычном же порядке долг всех не поддаваться гневу, чтобы не согрешить им.

Экумений и Феофилакт говорят: «Хорошо бы совсем не серчать, но уж когда прорвалось серчание, не допускай его до греха». Подавляй его внутри, чтоб оно не прорвалось в слово, в мину, в движение какое.

Но бывает иногда и так, что гнев мгновенно охватит, и прежде чем спохватится человек, он уже и в слово, и в движение вышел. И тут уместно невменение, но только до того момента, как спохватишься. Как же только сознана оплошность, надо спешить исправить дело братским примирением. Кто идет между разными расставленными в разных сочетаниях вещами и случится ему неосторожным движением иное повалить, иное сдвинуть с места, — что делает он тогда? — Оборачивается и ставит все опять на свое место с извинением пред хозяином. То же и между обычными у нас столкновениями. Случилась вспышка и размолвка, спеши опять все поставить в прежний лад примирением. Примирение может восстановиться тотчас же, но могут привзойти моменты, отдаляющие его. Всяко начни тотчас; Бог поможет, и сладитесь. Тут много значат внешние соприкосновенности, личные характеры, прежние отношения. Но ничто из этого не может оправдать и узаконить продления серчания и разлада. Грех начался с той минуты, как замечена погрешность, и в душе не положено тотчас же употребить меры к примирению. Коль же

скоро это сделано, то вменение греха отклонено. Всякая, однако же, опасность вменения минует, когда и делом употреблены меры и мир восстановлен.

Апостол заповедует поспешать этим делом и всячески стараться, чтобы солнце не зашло во гневе, то есть чтоб помириться в тот же день. Мало ли, впрочем, может быть обстоятельств, которые помешают исполнить это в тот же день, и солнце зайдет прежде примирения? Но Апостол и не пишет о примирении, а о взаимном друг на друга серчании. Перелом серчания есть внутреннее дело. Его можно устроить в один момент, а примирение требует времени. Он хочет, чтоб внутри гнев был подавлен тотчас, и движение к примирению начато в то же время, — а по крайней мере, до захода солнца. Может быть, слова Апостола можно и не понимать буквально. Всяко, однако ж, как замечают, есть опасность, что ночью, на свободе, малое неудовольствие может раздуться в пламень и сделать разлад непримиримым. О сне в отношении к телу говорят, что он закрепляет в теле новые элементы, принятые днем в пище. То же можно сказать о нем и в отношении к душе, — что он закрепляет в ней движения и мысли, какие лелеяла и набрала она днем. И гнев может в ней закрепнуть. Потому и надобно разорить его до сна, чтоб он не закрепился и не превратился в непримиримую вражду.

Приводим рассуждение об этом святого Златоуста. «Хорошо не гневаться; но если кто впадет в эту страсть, то, по крайней мере, не на долгое время: *солнце да не зайдет во гневе вашем.* Ты не можешь удержаться от гнева? – Гневайся час, два, три: но да не зайдет солнце, оставив нас врагами. Оно по благости Господа взошло, да не зайдет же, сиявши на недостойных. Ибо если Господь послал его по многой Своей благости и Сам оставил тебе согрешения, а ты не оставляешь их своему ближнему, то размысли, какое в этом зло? Притом от него может происходить и другое зло. Блаженный Павел опасается, чтобы ночь, захвативши в уединении человека, потерпевшего обиду и еще пламенеющего гневом, не разожгла сего огня еще более. Днем, пока еще многое раздражает тебя, тебе позволительно дать в себе место гневу, но, когда наступает вечер, примирись и погаси возникшее зло. Если ночь застанет тебя во гневе, то следующего дня уже не довольно будет для погашения зла, которое может возрасти в тебе в продолжение сей ночи. Если даже большую часть его ты и уничтожишь, то не в состоянии будешь уничтожить всего, и в следующую ночь дашь возможность более усилиться оставшемуся злу. Как солнце, если дневной теплоты его недовольно бывает для осушения и очищения воздуха, наполнившегося облаками и испарениями в продолжение ночи, дает этим повод

быть грозе, когда ночь, захвативши остаток этих паров, прибавляет к ним еще новые испарения: так точно бывает и в гневе».

Стих 27. *Ниже дадите места диаволу.*

Диавол не имеет доступа к душе, когда она не питает никакой страсти. Тогда она светла, и диавол не может воззреть на нее. Когда же она попустит движение страсти и согласится на нее, тогда омрачается, и диавол видит ее, смело подходит к ней и начинает в ней хозяйничать. Два главных порочных движения тревожат обычно душу — похоть и раздражительность. Кого успеет враг одолеть похотию, того и оставляет с нею, не тревожа или слабо тревожа гневом; а кто не поддается похоти, того спешит подвигать на гнев и собирает вокруг его много раздражающего. Кто не разбирает уловок диавола и за все серчает, тот дает место диаволу, давая себя побеждать гневу. А кто подавляет всякое возбуждение гнева, тот противится диаволу и отгоняет его, а не только места в себе не дает. При гневе дается место диаволу тотчас, как серчание признается справедливым и удовлетворение его законным. В тот же момент враг входит в душу и начинает влагать в нее мысли за мыслями — одна другой раздражительнее. Человек начинает гореть во гневе, как в пламени. Это диавольский, адский пламень. А бедный человек думает, что он так горит от ревности по правде; тогда как в гневе никогда

правды не бывает (Иак. 1, 20). Это своего рода прелесть в гневе, как есть прелесть в похоти. Кто подавляет тотчас гнев, тот рассеивает сию прелесть и диавола тем отражает так же, как иной в сердцах сильно ударяет кого в грудь. Кто из гневающихся, по погашении гнева, разобрав дело добросовестно, не находил, что в основе раздражения была неправда?! А враг эту неправду превращает в правду и в такую гору ее взгромождает, что покажется, будто и миру стоять нельзя, если не удовлетворить нашему негодованию.

Святой Златоуст говорит: «*Ниже дадите места диаволу.* Итак, враждовать друг против друга значит давать место диаволу. Ибо, тогда как должно нам соединиться вместе и восстать против него, мы, оставивши вражду против него, позволяем себе обратиться друг на друга. Подлинно, ничто так не способствует диаволу находить место среди нас, как вражда! Как камни до тех пор, пока они плотно сбиты и не имеют пустоты, трудно разламываются; коль же скоро окажется в них скважина, хотя бы такая малая, как острие иглы, или сделается трещина, в которую можно лишь продеть один волос,— распадаются и разрушаются, так и при нападениях (диавола). Пока мы будем тесно соединены и сближены между собою, тогда он не может ввести (в среду нас) ни одного из своих (злых наветов). Но когда хотя немного он разделит нас, тогда вторгается

к нам, подобно бурной волне. Везде ему нужно только начало, это для него самое трудное; когда же начало сделано, тогда он уже сам собой все подвигает вперед. Так, лишь только он открыл твой слух для клевет, и лжецы уже приобретают твое доверие. Ибо враждующие руководствуются своею ненавистию, все осуждающею, а не истиною, право судящею. Ибо как во время дружбы даже справедливым, но нехорошим слухам не хочется верить, так при вражде, напротив, и ложные слухи принимаются за истину. Другой тогда бывает у нас ум, другое судилище, выслушивающее не с равнодушием, но с пристрастием и предубеждением. Как положенный на весы свинец все перетягивает, так и тягчайшая свинца тяжесть вражды. Она заставляет и слова, которые говорятся в одном смысле, принимать в другом, заставляет заподозривать движение и все, что ни есть, перетолковывать в худую сторону и тем ожесточает и раздражает человека, делая его хуже бесноватых, так что он не хочет ни называть, ни слышать имени того, против кого враждует, но всегда называть его бранными словами. Как же мы смягчим свой гнев? Как погасим этот пламень? — Если помыслим о своих собственных грехах и о том, сколько мы виновны пред Богом; если помыслим, что мы мстим не врагу, но самим себе; если помыслим, что враждою мы доставляем радость диаволу, этому врагу, этому

истинному врагу нашему, ради которого мы наносим обиду собрату своему. Ты не можешь не злопамятствовать, не враждовать? — Будь врагом, но враждуй против диавола, а не против своего собрата. Для того и дал нам Бог в орудие гнев, чтобы мы не собственные тела поражали мечом, но чтобы вонзали все его острие в грудь диавола. Вверзи туда свой меч по самую рукоять, если хочешь, вдави и рукоять, и не извлекай его никогда оттоле, напротив, вонзи туда еще и другой меч. А это произойдет тогда, когда мы будем щадить друг друга, когда будем миролюбно расположены друг к другу. Пусть я лишусь денег, пусть я погублю свою славу и честь, — мой член всего для меня дороже. Так будем говорить друг другу: не будем оскорблять своей природы для приобретения денег, для снискания славы».

Трудолюбие с милостынею

Стих 28. *Крадый ктому да не крадет, но паче да труждается, делая своима рукама благое, да имать подаяти требующему.*

Между христианами ефесскими, может быть, и не было таких, которые бы падали в грех воровства, но, конечно, были такие, которые, до обращения, в язычестве промышляли этим. По святому Златоусту, это одна из черт ветхого человека, вместе с ложью и памятозлобием. Зная это и опасаясь, чтоб такие лица, по удалении его и прекращении личного его над ними наблюдения, не

возвратились на прежнее, он напоминает им, что это недоброе дело навсегда должно быть оставлено. Ктому никто из таковых *да не крадет*. Говорят, что воровство для занимавшихся им имеет особую привлекательность. Шумный город представлял повсюду благоприятные к нему поводы. Долго ли развередиться* старой болезни? Как мудрый и добрый врач, он и говорит им: смотрите, поопаситесь!

«Поелику грех сей преимущественно порождается праздностию, то Апостол справедливо противопоставил ему доброе делание» (Феодорит). *Но паче да труждается*. «Не довольно отстать от греха; надо вступить на противоположный ему путь добра. Прежде делали злое, теперь пусть делают благое, и не просто делают, но преутруждают себя в делании» (Феофилакт). Обращая такую речь к кравшим, не то внушает Апостол, будто другие могут сидеть сложа руки, но паче то, что кравший вступает теперь в общество лиц, живущих трудами рук своих. Почему не только да восприимет подобный ихнему трудолюбивый образ жизни, но даже да превзойдет всех их в труде, чтобы показать искренность исправления. В гражданском порядке вора остепеняет внешний суд и телесное наказание; в порядке нравственном связывает вору руки совесть. Но она одним прекращением худого дела не ограничива-

* Разбередиться. — *Ред.*

ется, а требует вознаграждения. Этого требует и совесть вора, чтобы противоположным трудом насытить себя, и совесть других, чтобы восстановилось доверие к недобросовестно жившему. Святой Златоуст говорит: «Для того, чтобы снять с себя осуждение, нужно не отстать только от греха, но и сделать что-либо доброе. Смотри, как должно заглаждать грехи. Они крали, — это значит — совершали грех. Но когда перестали, это не значит — загладили грех. Как же им это сделать? — Надо трудиться и помогать другим. Которые сделали так, те, значит, и загладили грех». И несколько ниже, под следующим стихом говорит он еще: «Такое наставление дает Апостол не столько для того, чтобы оказать снисхождение тем (кравшим), сколько для того, чтобы потерпевшим от сего внушить кротость и убедить их удовольствоваться тем, что они уже больше не подвергнутся этому». Блаженный Феофилакт прибавляет к сему: *Да труждается* — частию для того, чтобы сокрушить тело, которое прежде от бездействия проворно было на злые дела, частию для того, чтобы в достаточном количестве иметь способы к жизни и продовольствию, дабы уделять и другим, — и дабы тот, кто прежде других обирал, теперь являлся благодетелем других. Дивно!.. Как Евангелие делает ангелами тех, которые прежде были почти то же, что демоны».

Делать благое заповедует здесь Апостол, разумея под сим не вообще делание добрых дел, а какое-либо доброе и честное ремесло, ибо говорит: *делая своими руками благое*, что вместе с выражением *да труждается* указывает на рукоделие. У Апостола во всех посланиях как общий для всех закон прописывается: жить своими трудами. Нуждающиеся среди христиан — только те, которые не могут трудиться. Их нужды покрывать — назначаются избытки, остающиеся от содержания, которое могущие трудиться достают себе своими трудами. Эта последняя цель труда, по Апостолу, так неотложна, что, обязывая всех трудиться, он и не указывает на ближайшую цель — содержать себя, которая сама собою разумеется, но выставляет одну эту дальнейшую — помогать другим, которую легко могли забывать, — чтоб приблизить ее к сознанию или даже поставить напереди во внимании, чтоб из-за ней уже виднелась и та. «Апостол повелевает заниматься деланием (рукоделием и ремеслом) не ради одного чрева, но и на потребность нуждающимся» (Феодорит). Эта подача нуждающимся освящает и ту часть, которая употребляется на себя, и на весь труд низводит Божие благословение. Таков благочестивый строй жизни христиан! Все — к Богу, и все от Бога.

Назидательность в речах

Стих 29. ***Всяко слово гнило да не исходит из уст ваших, но точию еже есть благо к созиданию веры, да даст благодать слышащим.***

Слово гнило – надо объяснять из понятия о гнилом. Гнило говорится о дереве, – и в таком случае оно негоже ни на какое дело. Прилагая это к слову, гнилым надо счесть всякое пустое, праздное, шутливое и смехотворное лишь слово, остроты, каламбуры, – пересыпание из пустого в порожнее. Но иное тело, когда гниет, не только ни к чему негоже бывает, но распространяет зловоние и заразу. Зловонные слова суть злоречия, пересуды, клеветы, срамословие, лесть, коварные козни и всякие кривотолки. Слова, как зараза, суть те, которыми подрывается вера и колеблется добрый нрав, посевается раздор, подозрения, смятения народные. Всех этих родов слова запрещает Апостол, когда говорит: *слово гнило да не исходит из уст ваших*. Так разумеют все наши толковники. Святой Златоуст говорит: «Какое это слово гнило? – То, какое в другом месте он называет словом праздным, злословием, срамословием, буесловием». Феодорит пишет: «Слово гнило – сквернословие, злоречие, клевета, ложь и тому подобное». Блаженный Иероним: «Слово гнилое то, которое располагает к греху и приводит к падению». Экумений: «Гнилым называет или праздное и безрассудное слово, или растленное и

зловонное, как то: злоречие, клевету, срамословие, смехотворство, ибо что растленнее и зловоннее этого?» — То же и Феофилакт — прибавляя: «Ибо за всякое праздное слово должны мы будем дать отчет».

Слово благое определяется и само собою, по противоположности тому, что есть слово гнилое. Но святой Павел прямо его определяет — *благо к созиданию веры.* Кому заповедано со страхом и трепетом свое спасение содевать, тем все туда и направлять должно, — тем паче язык, подвижнейший и неудержимейший из органов. Есть у нас присловие: что у кого болит, тот о том и говорит. Кто вседушно болеет об одном, как бы душу спасти, у того не повернется язык говорить о чем-либо стороннем. Скажешь: вот все об этом, да об этом? — Но общество христиан предполагается, и должно быть, все состоящим из лиц, исполненных одинаковой болезненной заботы о спасении. Тут странно не то, что все ведут речь о спасении, а то, если кто заведет речь о чем-либо другом, кроме этого. Святой Златоуст говорит: «Говори только то, что назидает ближнего, но — ничего излишнего. Бог дал тебе уста и язык для того, чтоб ты благодарил Его и назидал ближнего. Если ты разрушаешь здание, то лучше молчать и ничего не говорить. Ибо и руки художника, назначенные для построения стен, но вместо того навыкшие разрушать их, справедливо было

бы отсечь. Так (о языке) и Псалмопевец говорит: *потребит Господь вся устны льстивыя* (Пс. 11, 4). Язык — причина всех зол, или, лучше, не язык, а те, которые злоупотребляют им». Потому нельзя без разбора говорить что ни попало.

Заметить надо, что у нас в славянском и русском стоит: *к созиданию веры*. Так и в Вульгате, так и в некоторых рукописях. И кажется, что это чтение лучше. Нынешние же приняли другое чтение: πρὸς οἰκοδομὴν χρείας — к удовлетворению нужды. Говори только то, что тебе нужно или нужно тем, с кем заводишь речь. Но если разуметь под нуждой не одну житейскую или гражданскую нужду, как и следует предполагать в тех, у коих и имеется единое на потребу, помимо этих нужд, то мысль сойдет на одно и то же. Какие нужды чувствительнее для христиан, как не нужды веры, вопросы и недоумения, касающиеся догматов и устроения жизни христианской по норме Христовой? Житейское и сам всякий сладит, а если и случится что, немного об этом речей требуется: слово — другое, и все тут. Напротив, область веры и жизни по вере и многообъятна, и затемнена бывает. Все содержать здесь в ясности — есть кровная потребность живой веры. Да, где собираются или случайно сходятся лица живой веры, у тех всегда и речь все о вере и о вере. Судя по этому, можно положить, что в каких

собраниях и помина нет о вере и жизни по ней, там она у всех оттеснена на задний план.

У святого Златоуста не видно, как он читал, но речь его вся направлена к тому, чтобы внушить — всегда весть беседы назидательные для веры и нрава. Феодорит понял слово Апостола, как указание, что слово должно быть приспособляемо ко времени. «Но и такое слово (то есть благое), — говорит он, — повелевает (Апостол) произносить вовремя». — Блаженный Иероним пишет: «Слово благо, которое учит, как следовать путем добродетелей и избегать пороков. Всякий раз, как слово наше приносит кому-либо пользу, и, по приспособленности ко времени, месту и лицу, созидает слушающих, — благое из уст наших исходит слово. А когда мы говорим или не вовремя, или не по месту, или не так, как потребно для слушающих, тогда гнилое слово исходит из уст наших. Итак, надо нам обсуждать, что говорить, потому что в день суда должны будем дать ответ за всякое праздное слово (Мф. 12, 36). Выходит, что пусть не вредим, но если не созидаем, то все-таки лежит на нас вина недоброго слова». И Экумений с Феофилактом читали вместо *веры* — *нужды*, но нужду разумели одну духовную. Первый пишет: «Но точию еже благо к удовлетворению нужды — πρὸς οἰκοδομὴν τῆς χρείας. Какой это нужды? — Предлежащей, то есть той, о которой идет разговор. Ибо духовному мужу

надлежит всякий предлежащий разговор направлять к созиданию соприсутствующих». Второй так: «То только, что созидает ближнего, будучи необходимо в предлежащей нужде, и будем говорить, — и ничего неблаговременного и непотребного».

Слова: *да даст благодать слышащим* прямо дают ту мысль, — чтоб слово благотворное оказало действие на слушающих, чтоб оно было, как дождь для жаждущей земли, или елей, целебный для раны. Как благодать, входя в душу, все там устрояет, созидает и оживляет, так чтоб и слово твое благотворно было для всех и всегда. Оно так всегда бывает, что благой из благого сокровища сердца своего износит благое, а злой — злое. Но благоразумную сдержанность ничто не мешает всякому всегда соблюдать, и, если не умеешь созидать, чтоб дать благодать, лучше молчи, как говорит Златоуст.

Святой Златоуст, впрочем, под благодатию разумеет и благодарность, в такой мысли: говори так, чтоб другой получил существенную пользу и за то был тебе благодарен. Он говорит: «Так как слов великое множество, то справедливо Апостол выразился неопределенно, давая повеление касательно их употребления и правило, как вести речь. Какое же правило? — *Еже есть — к созиданию*, сказал он. — Иначе сказать: говори так, чтобы слушающий тебя был благодарен тебе

(получив пользу). Например, твой брат соблудил: не поноси его обидными словами, не насмехайся над ним. Ты не доставишь этим нимало пользы слушающему, но решительно повредишь ему, если будешь язвить его своими остротами. Если же ты увещаешь его, как он должен поступать, то этим заслужишь от него великую благодарность. Если также научишь кого иметь благоречивые слова, научишь не злословить, то ты этим многому его научишь, и, конечно, заслужишь благодарность. Если будешь говорить с кем о раскаянии, о целомудрии, о милостыне (и расположишь к сим добродетелям); за все это он выскажет тебе свою благодарность. Если же ты возбудишь смех, произнесешь непристойное слово, или еще хуже — похвалишь порок, то ты все расстроил и погубил. Так можно понимать слова Апостола».

Иные — *да даст благодать* — иначе разумеют. Феодорит разумеет под сим приятность или благоприятность слова: «Благодатию назвал приятность, то есть чтобы слово казалось удобоприемлемым для слышащих». Экумений вместе с Златоустом разумеет благодарность и прямо по букве благодать Божию: «Да даст, говорит, слышащим Божию благодать». — Помазанное слово, благодатное, — благодатно воздействует на других. Говорит: благодать во устах твоих. И в каждом христианине есть благодать. Чрез благодатное

слово пришедши в душу его, благодатное воздействие возгревает присущую в нем благодать и поставляет его в облагодатствованное состояние. Святые слова Писания все суть Духодвижные слова. Кто ими ведет беседу, — тот проводит в души других струи действий благодати Святого Духа. — И точно дает благодать». И святой Златоуст прибавляет к прежней речи: «Или же слова эти значат: дабы их — слушающих — сделать облагодатствованными. Ибо как миро подает благодать помазующимся им, так и благое слово. Посему и сказал некто: *миро излиянное — имя твое* (Песн. 1, 2). Оно — благое слово — наполняет слушающих своим благовонием».

Эта мысль, может быть, и есть главная в сем месте, ибо она состоит в прямом соответствии с следующим текстом.

Стих 30. *И не оскорбляйте Духа Святаго Божия, Имже знаменастеся в день избавления.*

Урок о назидательности в слове продолжается и здесь, — и ограждается угрожающим побуждением. Всякий христианин есть храм Божий, и Дух Божий живет в нем, созидая в нем все ко спасению. Кто словом своим назидает, тот приходит в согласие с делом Духа Божия в сердцах верующих, помогает Его созиданию душ. Напротив, кто расстроивает души других, пусторечием рассеивая их, а злоречием возбуждая недобрые чувства, тот разоряет дело Духа Божия в верующих

и тем оскорбляет Его, Создателя. Но и сам расстроивающий другого есть жилище Духа Святого. Если, расстроивая других, он оскорбляет Духа Божия, живущего в них, то еще прежде и паче оскорбляет Его в себе самом, ибо худые речи исходят из худо настроенного сердца, к которому не может благоволительно относиться Дух Божий — Пречистый. Худо настроенное сердце то же, что дом, смрадом, чадом и всякою изгарью наполненный. Кому приятно обитать в таком доме? В этом отношении говорит Феофилакт: «Если сказал ты слово гнилое, недостойное христианских уст, то ты не человека оскорбил, но Духа Божия, Которым облагодетельствован, Которым освящены уста твои».

Имже знаменастеся. Все христиане знаменаны Духом Святым и прияли печать дара Духа Святого. «Дух Святой запечатлел нас в показание, что мы принадлежим к царскому стаду. Не оставил Он нас в числе повинных гневу Божию, но изъял от них и печать наложил, чтоб избавить от сего гнева. Его убо оскорблять не стыдно ли? Уста твои запечатлены Духом, чтоб не говорить ничего недостойного Его. Не отрешай печати сей» (Феофилакт).

Какой день разумеется под днем избавления? — Экумений говорит, что это есть день крещения. «В показание, что мы есмы народ Божий, Он запечатлел нас в крещении, ибо оно есть день

избавления». Иероним разумеет под днем избавления последнее решение участи каждого на Суде с определением к блаженству, – и мысль свою выражает так: «Верующий всякий знаменается Духом с тем, чтобы сохранить сие знамение и показать его в день избавления чистым и нисколько не поврежденным, и за то причислену быть к избавленным». Последняя мысль может оправдываться тем, что по-гречески стоит: εἰς ἡμέραν ἀπολυτρώσεως, – как бы на тот день, к тому дню. Тогда точно окажется вся сила запечатления Духом, который есть и задаток наследия; но самое запечатление совершается в начальных таинствах, – по крещении в миропомазании. Силою его соделываемся христианами и сохраняемся до будущего возустроения всех и чрез всю вечность хранимы будем.

Нельзя пропустить слов святого Златоуста на это место. Выписываем им сказанное по поводу его. «*И не оскорбляйте Духа Святаго*, – слова, приводящие в страх и ужас! – Если ты скажешь оскорбительное слово, если огорчишь брата, то огорчишь не его, а оскорбишь Духа Святого. При этом Апостол указывает еще и на благодеяние, полученное от Святого Духа, дабы тем сильнее было обвинение: и *не оскорбляйте*, говорит, *Духа Святаго Божия, Имже знаменастеся в день избавления*. Святой Дух соделал нас пажитию царскою, освободил нас от всех прежних зол,

не оставил нас в числе тех, кои подлежат гневу Божию — и ты оскорбляешь Его? *Не оскорбляйте Духа, Имже знаменастеся.* Пусть эти слова, как печать, лежат на твоих устах. Уста, запечатленные Духом, ничего непристойного не изрекают. Не говори: не важно, если я произнесу дурное слово, если оскорблю того и другого. Потому-то это и великое зло, что ты почитаешь его ничтожным. Ибо зло, которое почитают ничтожным, легко оставляют в пренебрежении, а оставленное в пренебрежении, оно усилится, усилившись же — станет неизлечимым. У тебя уста запечатлены Духом? — Помни же о достоинстве твоих уст. К тому же не забывай, что ты Бога называешь своим Отцом.— Бога называешь Отцом, — и в то же время поносишь брата своего?! — Не посрамляй своего благородства, — которое сам ты получил по милости, — жестоким обращением с своими братьями. Называешь Бога своим Отцом и оскорбляешь своего ближнего?! Это не свойственно сыну Божию. Дело сына Божия прощать врагам, молиться за своих распинателей, проливать кровь за ненавидящих его. Вот что достойно сына Божия: своих врагов, неблагодарных, воров, бесстыдных, коварных сделать своими братьями и наследниками, а не то, чтобы своих братьев оскорблять. Помысли, какой трапезы удостоиваются уста твои, к чему прикасаются, что вкушают, какую принимают пищу. Помысли, с

кем ты стоишь во время тайнодействия: с Херувимами, с Серафимами. Серафимы не злословят, но их уста имеют только одно занятие — славословить и прославлять Бога. Как же ты будешь прославлять Бога? Как ты вместе с ними будешь говорить: Свят, Свят, Свят, — после того, как произносил своими устами злословия? Скажи мне: если бы царский сосуд, всегда наполнявшийся царскими кушаньями и назначенный на такое употребление, кто-нибудь из слуг употребил для нечистот, посмел ли бы он после этого опять ставить вместе с другими, употребляющимися при царском столе сосудами и этот, наполненный нечистотами? — Отнюдь нет. Таково и злословие, таково же и оскорбление ближнего! Ты имеешь Отца на небесах: не делай же и не говори ничего земного. — Предстоишь пред престолом Божиим, и произносишь злословия? — Ужели ты не боишься, что Царь почтет твой поступок за оскорбление Себе? Когда раб пред нашими глазами наносит удары другому рабу и поносит его, то, хотя бы он делал это и по праву, мы оскорбляемся этим и принимаем такой поступок за обиду себе; а ты, — поставленный вместе с Херувимами пред престолом Божиим, — осмеливаешься поносить своего брата? Видишь ли эти священные сосуды? Они имеют одно назначение: кто же осмелится употребить их на другое? — А ты — святее этих сосудов, — и гораздо святее! Зачем же

ты оскверняешь себя и мараешь грязью? Стоишь на небесах, и предаешься злословию? Живешь с Ангелами, и предаешься злословию? Удостоился лобызать Господа, и произносишь злословия? Бог украсил твои уста столькими Ангельскими песнопениями, удостоил их лобзания не Ангельского, но превосходящего Ангельское, — Своего лобзания и Своих объятий, и ты предаешься злословию? Научим же уста свои благоречию. Отсюда происходит великая польза, а от злоречия — великий вред».

Удаление от всякого раздора

Стих 31. ***Всяка горесть, и гнев, и ярость, и клич, и хула, да возмется от вас, со всякою злобою.***

Улаживает здесь святой Апостол непрестанные житейские столкновения, от которых, если не положить законом уступать друг другу и извинять взаимные неприятности, лад и мир невозможен в общежитии. Обычнее, дело начинается из мелочей, легким огорчением, — горечью, — которая, если тотчас не уничтожить ее, скоро переходит в серчание; не удержи серчание, оно разгорится в вспышку гнева, — в ярость; после этого тотчас начинаются крупные слова, брань, а вместе с этим и хула, — укоры и поношения друг друга. Побранились, накричались, — разошлись, не помирившись, — и злятся друг на друга, придумывая и приговаривая даже: я тебе то сделаю,

я тебе докажу. Это месть в больших или меньших размерах. Всему этому неуместно быть среди христиан. *Да возмется*, говорит, от вас,— так, чтобы и духа этой вздорливости не было. Не указывает никакой, даже малейшей меры, в которой бы это могло быть терпимо между христианами, а решительно изгоняет все это из общества христианского.

Есть два недобрых возбуждения, смущающих нас,— похоть и раздражение. Как в похоти дело начинается помыслом, так и в раздражении — огорчением. Первый помысл, непрогнанный, чрез внимание, сочувствие и решимость,— приводит к делу похотному. Огорчение,— непрогнанное,— тоже своим путем, чрез осерчание, гнев и ярость, крик, брань и взаимные поношения, и наконец — злость доходит до раздора, непримиримой ненависти, драк и убийства. Как тот, кто прогоняет помысл, пресекает тем дальнейшее его движение к созрению до дела, так и тот, кто прогоняет первое огорчение, полагает тем конец дальнейшему его движению — до раздора, драк и убийств. Так да возьмется от среды огорчительность, будучи прогоняема взаимною уступчивостию, и мирное согласие никогда нарушаемо не будет.

Пространно рассуждает об этом святой Златоуст. «Как рой пчел никогда не садится в нечистый сосуд, и потому люди, опытные в этом, приготовляют для них место, окуривая его куреньями,

мастиками и всякого рода благовониями; сбрызгивают ароматными винами и всякими другими составами корзины, в которые они должны садиться, отроившись из ульев, — и делают все это для того, чтобы неприятный запах, противный пчелам, не заставил их лететь прочь, так все это применимо к Святому Духу. Наша душа есть как бы какой сосуд или корзина, в которой могут помещаться рои духовных дарований, но если она наполнена желчью, горечью и гневом, то эти рои отлетают от нее прочь. Поэтому-то сей блаженный и мудрый домохозяин (святой Павел) тщательно очищает наши сосуды, не употребляя для этого ни ножа, ни другого какого железного орудия. Посмотри, как он очищает наше сердце: отгоните, говорит, ложь, отгоните гнев; и при этом показывает, как можно истреблять зло с корнем: да не будем, говорит, гневливы духом».

Затем святой Златоуст изображает вредное действие желчи, когда она разливается по телу. Потом говорит: «Но для чего мы говорим обо всем этом с такою подробностию? — Для того, чтобы нам чрез сравнение с чувственною желчию лучше понять весь нестерпимый вред желчи духовной, — как она, производя совершенное расстройство в душе нашей, причиняет ей совершенную погибель, — и чтобы, зная это, мы береглись, чтобы не испытать на себе ее вредное действие. Как желчь вещественная производит воспаление

в телесном составе, так духовная – разжигает наши мысли и низводит того, кем овладевает, в геенскую пропасть. Итак, послушаем слов Павла: *всяка горесть да возмется*, – не сказал: да очистится, – *от вас*. В самом деле, какая мне в ней надобность и для чего мне удерживать ее при себе? Для чего мне держать у себя зверя, которого можно удалить из души и прогнать в чужую сторону?.. *Всяка горесть*, говорит, *да возмется от вас*, – так, чтобы ее уже нисколько в душе не оставалось. Иначе этот остаток, если будет возбужден, то, подобно искре, произведет внутри целый пламень.

И клич: почему Апостол запрещает и это? – Потому что таков должен быть человек кроткий (то есть не крикун). Крик – это конь, имеющий своим всадником гнев. Смири коня, и победишь всадника. Пусть выслушают это с особым вниманием женщины, потому что они особенно любят кричать и шуметь во всяком деле. В одном только случае полезно говорить громко, это – в проповедании и учении, а более нигде, ни даже в молитве.

Если ты хочешь поверить наши слова на деле, то воздерживайся всегда от крика, и ты никогда не придешь в гнев. Вот способ укрощения гнева! Потому что, как невозможно не прийти в гнев тому, кто кричит, так невозможно разгневаться тому, кто удерживается от крика. Итак, если мы

приучим себя воздерживаться от крика и брани, то это много поможет нам к укрощению гнева. Подави крик, и ты этим отнимешь крылья у своего гнева, подавишь волнение своего сердца. Ибо как невозможно, не поднимая рук, вступать в кулачный бой, так невозможно, не поднимая крика, предаться гневу. Свяжи руки у бойца и вели ему биться, он не в состоянии будет это делать: точно то же можно сказать и о гневе. Крик же может возбудить гнев даже и тогда, когда его нет.

И хула, говорит Апостол, *да возмется от вас.* Замечай, как происходит зло: горесть рождает гнев, гнев – ярость, ярость – клич, клич – хулу, то есть бранные слова, затем хула – удары, удары – раны, раны – смерть. Но ничего подобного не хотел сказать святой Павел, а сказал только: *да возмется от вас со всякою злобою*. Что такое со всякою злобою? – Всякая злоба ведет к этому концу. Есть люди, которые подобны тем хитрым собакам, которые не лают и не нападают прямо на проходящих, но, притворяясь смирными и кроткими, схватывают неосторожных и вонзают в них свои зубы. Такие гораздо хуже нападающих прямо. Так как и между людьми есть подобные таким собакам, которые, не прибегая к крику, к гневу, к оскорблениям и угрозам, строят тайные ковы и приготовляют другим тысячи зол, мстя им делами, то Апостол указал и на таких

людей. *Да возмется*, говорит, *от вас со всякою злобою.* Не мсти и делами, если щадишь слова. Для того я удержал твой язык, остановил клич, чтобы в тебе не возгорелся сильнейший пламень. Если же ты и без крика делаешь то же самое, таишь внутри себя пламень и угли, то что пользы в твоем молчании? Разве ты не знаешь, что те пожары хуже, которые таятся внутри и не бывают видны снаружи? Не так же ли и раны, которые производят воспаление внутри? Так и скрытый гнев хуже и вреднее для души. Но и он, говорит Апостол, *да возмется от вас со всякою злобою*, как малою, так и великою. Будем же послушны ему и изгоним из себя всякую горечь, всякую злобу, дабы нам не оскорбить Святого Духа. Истребим горечь с корнем, отсечем ее. Ничего доброго не может быть душе, наполненной горечью, ничего полезного, но от нее все несчастия, все слезы, все вопли и стенания».

Взаимное благорасположение и взаимное прощение

Стих 32. *Бывайте же друг ко другу блази, милосерди, прощающе друг другу, якоже и Бог во Христе простил есть вам.*

Врачевство прописывает Апостол против сердитости, бранчивости и злобы. Вместо этих недобрых расположений имейте добрые. Вместо всякой горечи, по коей и сами огорчаетесь, и других огорчаете, будьте блази — χρηστοί, — сладки

(блаженный Иероним), приятны, радушны; вместо всякой злобы будьте милосерды — εὔσπλαγχνοι — благосерды. Такого рода расположения не допустят до того, чтобы самому огорчиться кем и рассерчать на кого, а не только чтобы другого огорчить и рассердить. Радушие и благосердие поглощают все неприятности и вокруг распространяют сладостный, теплый мир. Но скажет кто: как же быть, когда у кого желчный характер! И рад бы покрывать все благосердием и кротостию, да не совладаешь с собою. Хорошо тому, у кого преобладают симпатические расположения,— а у кого преобладают чувства эгоистические, тому не обойтись без серчания, раздора и мстительности.— На это надо сказать, что в христианстве под действием благодати всякий дурной естественный нрав переделывается в добрый, когда кто возьмется за это усердно и с своей стороны употребит всякий над собою труд. Не сам собою он переделает себя, но переделает его благодать, действуя сокровенно под его собственным над собою трудом. В чем это усилие? — Прощать все другим наперекор своему неуступчивому нраву. Многократно повторенные опыты уступчивости и прощения, против воли, неохотно, приведут к охотному прощанию всего, а далее и к безобидливости,— к тому, чтобы и не огорчаться ничем. Чем воодушевляться на такое самопротивление? — Живым сознанием того, что сам безответно виноват

был пред Богом и, однако ж, Он простил тебе все даром, ради Господа Иисуса Христа. «Переносите, говорит Апостол, недостатки друг друга и уподобляйтесь Богу всяческих, Который Владыкою Христом даровал нам оставление всего множества наших грехов» (Феодорит). Тут движущая сила есть чувство благодарности; но если припомнить к сему и притчу Спасителя о немилосердом заимодавце и вместе должнике, который за то, что, после того как сам получил оставление большого долга, не хотел простить своему должнику сравнительно очень малого, лишен всякой милости и брошен в темницу, то к чувству благодарности присоединится и страх, которые вместе сильны возбуждать всякий раз достаточно энергии к тому, чтоб не поддаваться немилостивости к тем, кои причиняют нам какое-либо огорчение или оказываются в чем-либо не в должных к нам отношениях. И Господь, начертывая образец молитвы всегдашней, вложил в нее: *остави, якоже и мы оставляем*, — чтобы всегдашнее сознание нужды получать оставление* себе всегда располагало самих нас оставлять** другим. Ибо кто не оставляет сам, тот против воли и в молитву вставляет: не остави, как не оставляю, — хотя бы читал ее и иначе. Итак, памятию о прощении нам неоплатных долгов во Христе Иисусе, —

* Прощение. — *Ред.*

** Прощать. — *Ред.*

в крещении или покаянии, с соответственным размышлением принуждай себя прощать, и благодать Божия поможет тебе взойти в состояние не раздражаться ничем от сопротивных и все покрывать благосердием и кротостию.

Берем опять речь святого Златоуста.

Объяснивши пространно в начале, что для достижения Царствия недостаточно отстать от греха, но что должно еще стяжать и противоположную ему добродетель, говорит он далее: «Потому-то и блаженный Павел, отвлекая нас от неправды, ведет к добродетели, ибо что пользы, скажи мне, в том, если будут вырваны все терния, но не будут насеяны полезные семена? — Труд опять послужит нам к такому же вреду, если останется недовершенным. Потому-то и Павел, усильно заботясь о нас, дает нам заповеди не только об отсечении и удалении злых дел, но и побуждает в скором времени показать насаждение дел благих. Ибо, сказавши: *всяка горесть, и гнев, и ярость, и клич, и хула да возмется от вас со всякою злобою*, он присовокупил: *бывайте же друг ко другу блази, милосерди, прощающе друг другу*, ибо это — навыки и расположения, и недостаточно удалиться от одного навыка, чтобы вместо него приобрести другой (противоположный), но нужно снова некоторое движение и стремление, не менее скорое, чем при удалении от злых дел, для того, чтобы стяжать дела добрые. Тот,

кто не враг, не есть уже и полный друг: есть нечто среднее между враждою и дружбою, в каковых отношениях большая часть людей преимущественно и находится к нам. Тот, кто не плачет, еще не всегда смеется, но есть состояние среднее. Так и здесь, кто недосадителен, тот еще не совершенно добр, и кто не гневлив – не совершенно участлив. Но нужно еще новое старание, чтобы стяжать такое благо. И смотри, как по требованиям лучшего земледелия блаженный Павел очищает и возделывает землю, вверенную ему Землевладельцем: он выбросил гнилые семена, потом увещевает, чтобы приобрести растения надлежащие. *Будьте блази*, говорит он. Ибо, если после того, как терния вырваны, земля будет оставаться праздною, то снова возрастит бесполезные злаки. Апостол уничтожил гнев, – полагает доброту; уничтожил досаду, – полагает сострадательность; вырвал злобу и злоречие, – насадил помилование. Ибо слова: *прощающе друг другу* означают это. Будьте, говорит, склонны к прощению обид. Такая милость больше той, какая оказывается в делах денежных. Тот, кто прощает деньги сделавшему у него заем, делает прекрасное и достойное удивления дело, но такая милость касается тела, хотя он и приемлет себе воздаяние сокровищами духовными и относящимися к душе. Но тот, кто простил грехи, принес пользу душе – и своей собственной, и того, кто получил

прощение, потому что таким образом действий он сделал более кротким не только себя, но и его. Ибо не столько, преследуя обидевших, мы уязвляем их души, сколько, прощая их, приводим их в смущение и стыд. Между тем, поступая мстительно, мы не приносим пользы ни самим себе, ни им, а напротив, и им, и себе вредим. Итак, если хочешь мстить, мсти этим способом: воздавай добром за зло, чтобы сделать его (врага) должником и одержать дивную победу. Почему, думаешь ты, Господь наш Иисус Христос говорит: *аще кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мф. 5, 39)? — Не потому ли, что чем более будет кто великодушен, то тем более и себе и ему приносит пользы? Итак, не будем злопамятны, но погасим гнев, чтобы сподобиться милости от Бога. Ибо *в нюже меру мерите*, говорит Он, *возмерится вам, и имже судом судите, судят вам* (Мф. 7, 2)».

Богоподражательная любовь

5, 1—2

Глава 5, стих 1. *Бывайте убо подражатели Богу, якоже чада возлюбленная.*

Эти два первые стиха можно считать и продолжением предыдущей мысли, и особою заповедию о любви, как высшем христианском законе взаимноотношений.

Убо — итак, прямо связывает речь с предыдущим. Там сказал: *прощайте, как и Бог во Христе*

простил вам. Теперь говорит: прощайте, и: как дети Божии. Дети подражают отцу и с него берут пример. Берите и вы пример с своего Отца Небесного, Который простил не другому кому, а вам же самим, — и прощайте. Но не холодного прощения требует Апостол, а любовного, как видно было и впереди, где прощение он вывел из слов: будьте блази и милосерды, и здесь видно, ибо тотчас следует: *и ходите в любви*, как указание, в чем подражать. — В христианстве истинном не терпятся дела по холодному требованию рассудка, а требуется, чтобы все исходило из сердца, сердце же чтобы было полно любви. Сам Бог сказал: *будьте совершенны, как Отец ваш небесный совершен есть* (Мф. 5, 48). По сочетанию речи, где это говорится, видно, что требуемое Богоподражательное совершенство здесь есть любовь и милосердие, как святой Лука прямо и приводит в подобной же речи Господа: *будите милосерды, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лк. 6, 36). Любовь же Спаситель ту и почитает истинною, которая имеется ко врагам. Ибо говорит: *любите враги ваша, благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас, и молитеся за творящих вам напасть, и изгонящия вы; яко да будете сынове Отца вашего, Иже есть на небесех, яко солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и неправедныя. Аще бо любите любящих вас, кую мзду имате? Не и*

мытари ли тожде творят? И аще целуете други ваша токмо, что лишше творите? Не и язычницы ли тожде творят? (Мф. 5, 44—47). Вот проба любви. Такая только и должна быть почитаема Богоподражательною.

Святой Златоуст видит в этом Богоподражании несравненное преимущество христиан.

«Что может быть сладостнее сих слов, *подражатели Богу бывайте*? Если ты назовешь царство, если — другое что-либо, — все это нисколько не будет равняться с ними! Ты подражаешь Богу, ты уподобляешься Богу, когда прощаешь вместе с Ним. Грехи нужно прощать скорее, чем долги денежные, потому что, если ты простишь деньги, ты этим не будешь подражать Богу, а если будешь прощать грехи, ты подражаешь Богу».

Блаженный Иероним особый некий усмотрел оттенок в словах Апостола. «Кто разумеет, в каком смысле сказано: *будьте совершенны, якоже Отец ваш небесный совершен есть* (Мф. 5, 48), тот знает, в каком и здесь говорится: *бывайте подражатели Богу*. — Пиша к коринфянам, Апостол говорит: *подражатели мне бывайте, якоже аз Христу* (1 Кор. 11, 1; 4, 16). Ибо они не могли тотчас сделаться подражателями Христа, но велико было для них, если смогут быть подражателями подражателя. А ефесянам, — яко таким, коих научил уже он таким таинствам, — не говорит: подражатели мне бывайте или подражатели

Христу, — но подражатели Богу. Не потому, чтобы меньше было — быть подражателем Христу, чем Богу (ибо Христос есть Бог), но потому, что иное есть подражать по человеку, а иное по Богу, хотя и Христа мы уже не разумеем по плоти, как разумели (иные) его вначале. — Говорит и Сам Спаситель, показывая Свое по домостроительству спасения смирение: *не может Сын творити о Себе ничесоже, аще не еже видит Отца творяща; яже бо Он творит, сия и Сын такожде творит* (Ин. 5, 19). Не то, чтобы иное небо и иную землю сотворил Отец, а по подобию их иное небо и иная земля сотворены были потом Христом, но что и Сын творит то же самое, что творит Отец (то есть нераздельно). В чем же именно можем мы уподобляться Богу, об этом засвидетельствовал он выше, говоря: *прощающе друг другу, якоже и Бог во Христе простил есть вам*. Не думаю, чтобы в прочем, что творит Бог, человек мог подражать Богу. Но то возможно, чтобы как Бог милосерд есть и дождит на благие и злые, так и мы изъявляли свою доброту ко всем людям. Когда исполним это, то будем чадами возлюбленными или самого Павла, или, как думаю лучше, — Бога».

В словах: *якоже чада возлюбленная* видно указание на нравственную необходимость предлагаемого образа расположений, исключительно христианскую. — Феодорит пишет: «Сподобились

вы всыновления, именуете Бога Отцом, поэтому ревнуйте о сем родстве». *Чада возлюбленная*, или поколику Бог их любит, или поколику они Бога любят, то есть как чада Боголюбивые. Последняя мысль проглядывает у святого Златоуста: «А вот и еще прекраснейшее увещание: *якоже чада*, говорит, *возлюбленная*. У вас есть и другая необходимость подражать Ему, — не только потому, что вы Им облагодетельствованы, но и потому, что соделались чадами. Так как не все сыновья подражают отцам, но только возлюбленные, поэтому и говорит: *якоже чада возлюбленная*».

И дальше можно вести наведение из сих слов, именно — до того, чтобы положить, что, кто не таков, тот и не христианин. Чадами Божиими быть область приемлют те, которые от Бога рождаются. Рождаются же они так Духом Святым. Дух же Святой, пришедши, изливает любовь Божию — или Божескую в сердца наши (Рим. 5, 5). Доказательство такой любви, по слову Господа, есть любовь ко врагам, — не прощение только, но любовь. Идя обратно, получим: кто не имеет такой любви, тот Духа не имеет; кто не имеет Духа — и не рожден от Него; кто не рожден свыше, тот не сын Богу; кто не сын Богу по благодати, тот не христианин. Отсюда выходит, что в словах: *якоже чада возлюбленная*, сокрыта мысль: иначе не чада; — не чада? — так известно, что. — Это,

однако ж, не дает права тому, кто не чувствует такой любви, говорить: *что ж, когда не изливается*, — и сидеть сложа руки, ожидая, пока за него все в нем сделает Сам Бог. При всем том, что нравственные добрые расположения все бывают в нас в настоящем своем виде не иначе как от действия благодати Святого Духа, никто не увольняется от дел, принадлежащих к области тех расположений и служащих выражением их. Пусть нет расположения, нуди себя на дела, кои от него, — и оно придет; придет и благодать Духа и возведет в окончательное совершенство все, чему своими усилиями не мог ты придать совершенства.

Стих 2. ***И ходите в любви, якоже и Христос возлюбил есть нас, и предаде Себе за ны приношение и жертву Богу в воню благоухания.***

Течение мыслей таково. Подражатели бывайте Богу. В чем подражать? — В любви. А любить как? — Так, как Христос возлюбил нас. Предав Себя за нас, Он принес Богу наиприятнейшую жертву; предавай и ты себя всяким трудам и лишениям во благо других, и будешь тем и любовь свою искреннюю ко всем свидетельствовать, и дела пред Богом являть, кои будут Ему как жертва в воню благоухания. Как мудро у Апостола все нравоучение христианское возводится ко Христу!

И ходите в любви. Не одно, не два, не десятки и сотни совершите действий любви, и довольно; но — ходите в любви, постоянно и непрерывно действуйте в духе любви. Бог — Отец наш есть всегдашняя, неистощимая любовь (1 Ин. 4, 16). И мы по мере сил наших явим некую полноту любви, если будем всегда ходить в любви. Святой Златоуст говорит: «А вот и основание всего: *ходите в любви*. Если будет любовь, то не будет ни ярости, ни гнева, ни крика, ни брани, но все это будет уничтожено. Посему он и поставляет главнейшее на конце».

Дела любви, особенно в том смысле, как требует Господь, то есть чтобы являть любовь к врагам, требуют жертв — неизбежно. Как это может подрывать энергию нашу, слабую всегда, то для воодушевления нас Апостол выставляет жертву, которую Христос принес за нас. Он как бы говорит: уразумейте силу жертвы Христовой, войдите в сочувствие с нею, и уже не остановитесь ни пред какими жертвами в хождении вашем по духу любви. Христова любовная за нас жертва есть для нас второй образец любви, более близкий к нам, более осязательный. Любовь Бога невидима и всеобъемлюща; любовь Христа видима и всякого касается. Вкусив плодов ее, естественно и ею возгореться. Христос возлюбил нас и предал Себя за нас. Ради этого из любви предания Его за нас и ты помилован, принят в любовь

Божию, и не только прощен, но и сыновства Ему удостоен: возлюби же и ты сию самую любовь, себя предающую на всякие жертвы и ходи именно в ней. Святой Златоуст особенно останавливается на сей черте: «Скажи мне, если бы кто тебе, когда ты был в горячке и боролся со смертию, помог каким-нибудь лекарством, не превознес ли бы ты выше всего этого человека и даже самое название лекарства? Ибо если к временам и местам, при которых получили пользу, мы привязаны, как к собственной душе, то тем более к самым действиям. Будь привержен к любви, потому что чрез нее ты спасен, чрез нее соделался сыном (Божиим), и если в состоянии будешь спасать других, то тем же пользуйся врачевством и всех увещевай: *отпустите, и отпустят вам* (Лк. 6, 37); так поступать – дело душ признательных, свободных и благородных».

И то, что любить надобно до самопожертвования именно врагов, видно в примере любви к нам Христа Господа. Ибо Он принес Себя за нас, врагов сущих Своих и Божиих. Если долг лежит на тебе подражать любви Его, то люби врагов. «Иначе как слово: *якоже*, удержит свой смысл? Не явно ли, что в таком только случае, если мы будем благотворить врагам» (святой Златоуст).

О значении и силе жертвы Христовой не рассуждает здесь Апостол, а берет сию вину, как известную, и с тою особенною целию, чтобы возвысить

воодушевление к подражанию любви Христа Господа указанием на плод ее, — тот, что жертва, по силе ее Богу принесенная, была Богу в воню благоухания. Он как бы говорит тем: не бойся и не останавливайся пред жертвами, по силе любви, в них являемой, они будут Богу в воню благоухания. Кто, приняв это к сердцу, не готов будет на всякие труды и жертвы из любви к братиям своим?

Выражение: *в воню благоухания* — в жертву приятнейшую, Богу угодную и ценную пред Ним, — в первый раз встречаем в оценении жертвы Ноевой. Там сказано: *и обоня Господь воню благоухания и рече Господь Бог: не приложу ктому прокляти землю за дела человеческая* (Быт. 8, 21). Обоняние вони жертвенной приписывается Богу в означение, что жертва та дошла до Бога, принята Им благосклонно и заслужила благоволение Божие. Жертва Христа Спасителя, Себя принесшего, была наиприятнейшая: другая такая невозможна и не требуется, ибо она одна заменила все жертвы. Христос Сам, не яко человек, но яко Богочеловек, был и священник, и жертва. Принес Он не яко человек, но яко Богочеловек, и Себя принес не яко человека, но яко Богочеловека. Отсюда бесконечная цена Его жертвы! Воня же благоухания от сей жертвы — не одной ради цены ее беспредельной, но и ради того, что она была плод любви самоохотной:

возлюби и предаде Себе. В этом отношении она есть предмет подражания для нас: влагай искреннюю любовь в дела самопожертвования для других, и будет из них восходить пред Бога воня благоухания. Предал Себя Господь *за нас* — не святых и друзей, а за грешников и врагов, чтобы заслужить всепрощение грехам нашим, — чтобы, отогнав, говоря человечески, от Божия обоняния смрад грехов наших, наиприятнейшею вонею благоухания жертвы Своей, умилостивить Бога, да изречет нам всепрощение и всепомилование, — изречет, что проклятию, на нас лежавшему, положен конец. Из сей жертвы Христовой, за нас, врагов еще бывших, принесенной, да научимся любить врагов, с готовностию всем жертвовать для них до положения живота, чтоб всегда быть благоугодными пред Богом.

Доселе учил святой Павел, как исправить раздражительную часть души, поставить на верху очищения ее самоотверженную любовь. Теперь указывает на очищение другой части ветхого человека — похотной. На этом месте можно означить поворот общих наставлений Апостола о жизни христианской.

Всесторонняя чистота сердца от похотных пожеланий 5, 3—7

Стих 3. *Блуд же и всяка нечистота и лихоимство ниже да именуется в вас, якоже подобает святым.*

«Сказал о раздражительной страсти – гневе, ярости и горечи. Теперь приступил к страсти похотной – к блуду. Так и закон после того уже, как сказал: *не убий* – что есть дело раздражительной страсти, – сказал и: *не прелюбы сотвори* – что есть дело страсти похотной. Как горечь, клич, злоба и хула суть плоды раздражительной страсти, так и плоды похотной суть – блуд, прелюбодеяние, нечистота, любоимание, ибо если кто не похотствует на тела, похотствует на деньги и стяжания» (Экумений). Так и все наши толковники, и святой Златоуст.

Блуд – всякий грех с женщиною без брачного с нею союза; *всякая нечистота* – все другие проявления похотной страсти – похотные мысли, разжжения огня плоти самоохотные, удовлетворения ей неестественные; *лихоимство* – страсть к стяжанию, ненасытное желание иметь все более и более. Что и это принадлежит к похоти, показал и святой Иоанн Богослов, относя к ней не одну похоть плоти, но и похоть очес, под коею разумеют любоимание, как и все обычно говорят: глаза не сыты у тебя. Святой Златоуст и говорит: «Одна и та же у нас страсть, которою мы любим и деньги, и тела». *Ниже да именуется в вас.* «Достаточно показал отвратительность исчисленных пороков, повелев и самые наименования их истребить из памяти» (Феодорит). «Ибо знал, что речи об них бывают поджежкою (страсти) и

наводителями на дела» (Экумений). «Апостол желал, чтобы они всецело были чисты и непорочны, чтоб и самый язык их не осквернился произношением таких имен» (Феофилакт). О проявлениях раздражительной страсти говорит: *да возмутся от вас*; а о делах похоти говорит: *ниже да именуются.* Последнее сильнейший представляет запрет, ибо хочет, чтоб и помину об них не было, чтоб забыты были и самые имена их, чтобы дойти до того, что, когда произнесет кто такие имена, слышащие не понимали, о чем он говорит. *Якоже подобает святым.* Так надлежит тем, которые прежде сложения мира избраны быть святыми и непорочными (1, 4), которые, принимая веру в Господа, прилепляясь к Нему и от Него получая новую жизнь, дают обязательство к чистой совести (1 Пет. 3, 21), которые ревновать должны о всесторонней чистоте, поставлены в состояние чистоты и силы к хранению ее и жизни в ней приняли.

Святость есть исполнение сердца всеми добродетелями, но преимущественно она свидетельствуется чистотою от плотских влечений и сочувствий. Почему святой Павел, пиша к солунянам, и говорит: вот воля Божия для вас, — *святость ваша.* В чем же святость? — *хранити себя от блуда* (1 Сол. 4, 3). Так высоко ставит он чистоту, что и самому призванию нашему последнею целию назначает именно ее, говоря: *не призва*

нас Бог на нечистоту, но в святость (1 Сол. 4, 7). И пиша к коринфянам, он убеждает их бегать блудодеяния потому особенно, что телеса наши суть храм живущего в нас Святого Духа (1 Кор. 6, 18—19). Почему растлителям сего храма угрожает карою свыше: *не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас? Аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог: храм бо Божий свят есть, иже есте вы* (1 Кор. 3, 16—17). Дух Божий, пришедши, восставляет его в первоначальное его достоинство — жизнь в Боге. Сия жизнь, восприятая и ощущенная, отрешает от всего чувственного и плотского, как бы отрезывает от этого. Таким образом, жизнь в Боге, святость, чистота, исполнение Духом — стоят на одной линии в христианской жизни, и современно проявляются и действуют.

Стих 4. *И сквернословие, и буесловие, или кощуны, яже неподобная, но паче благодарение.*

И это все не должно иметь среди вас места. *Сквернословие* — αἰσχρότης — собственно срамотность,— срамные приемы, взгляды, движения, одежда, все поведение срамотное, или распущенность, свидетельствующая о нечистоте и к ней соблазняющая. Но, конечно, преимущественное проявление этой срамотности есть срамословие,— срамные речи, с которых и начинаются обычно срамные дела. *Буесловие* — μωρολογία — глупые, безумные, пустые речи. *Кощуны* — εὐτραπελία,—

страсть острить, шутить, смехотворить. *Яже неподобная*, надо перевесть: эти неподобности то есть тоже да не именуются в вас.— Не пристало нам так поступать. Обещали жить свято, со страхом Божиим содевая свое спасение. Как могут быть уместны у нас такие речи?! Богу себя посвятили, печатию Духа Святого запечатлены; когда же распускаем пустые, шутовские и срамные слова, скверня ими души других и воспеняя в них похотные мысли и движения, то святотатствуем, в Бога согрешаем. Это то же, что сосуд священный обращать на нечистое употребление. Вспомни всяк, какова была участь Валтасара!

У всех святых подвижников находим указание, что пусторечие и смехотворство состоят в прямой связи с похотию. Кто смехотворит, сам находится в состоянии похотном, которое чрез пусторечие свое распространяет он и вокруг. Святой Златоуст и говорит: «Не произноси слов, ни шутливых, ни постыдных,— и ты угасишь пламя, ибо слова ведут к делам. Как там (выше, говоря против раздражительной страсти) уничтожил Апостол ссоры, поддерживающие гнев, так теперь отсекает сквернословие и шутки, ведущие к распутству».

Но паче благодарение, то есть да выражается в слове и да слышится. Вот чем должна быть полна беседа христиан! Когда случится что особенно выдающееся из ряда, в обществе только и

речей, что о том. Но что может быть выдающимся из ряда больше того, чем христиане стали христианами? Бог Сам преклонил небеса и сниде, чтоб нас возвесть на небеса; все мы уже к тому и призваны и живем на земле только за тем, чтоб получше приготовиться к жизни на небе, где уже ждут нас уготованные нам обители. Прими это на сердце, — и не найдешь охоты говорить о другом чем, как об этом, в чувствах благодарения за неизреченные милости Божии. Кто получил назначение — явиться во дворец, чтоб там служить и жить, только и думает, как бы поскорее все уладить для того житья, — и благодарностям его к царю и меры нет. И у него, и у знающих его только и речей, что о милостивом его назначении. И благодарят все царя. Точь-в-точь в таком положении и все мы, христиане. Очень естественно потому сказать, что из уст наших должно исходить преимущественно благодарение Богу Отцу и Господу нашему Иисусу Христу со Святым Духом, за спасение, нам даруемое и действующее в нас, если не мешаем ему своим неразумием.

Никто не станет спорить с этим, равно и с тем, что неприлично срамословие и буесловие, но чтобы надлежало изгнать из христианских обществ шутки, острословие и смехи — это не всякий вмещает. Заметил это святой Златоуст и

пространно обличает такое суждение и дело. Выпишем некоторые из его положений.

«Что пользы сказать шутку? Только возбудим ею смех. Да не будет ни одного слова праздного, так как от празднословия можно перейти к разговору неприличному. Теперь время не увеселений, но плача, скорбей и рыданий. А ты шутишь! Какой боец, вышедши на арену, оставляет борьбу с противником и произносит шутки? Близ тебя диавол ходит вокруг, рыкая, чтобы поглотить тебя, все воздвигает и все обращает на твою голову, замышляет, как бы выгнать тебя из твоего убежища, скрежещет зубами, воет, раздувает огонь против твоего спасения, а ты сидишь и произносишь шутки, пустословишь и произносишь неприличные речи?! Можешь ли ты одолеть его? Мы забавляемся по-детски, возлюбленные!

Христос распят на кресте из-за твоих злодеяний, а ты смеешься? Он потерпел заушения и столько пострадал из-за твоих бедствий и объявшей тебя бури, а ты веселишься? И разве не тем более ты этим Его оскорбляешь? Посмотрим, каков должен быть святой? — Он должен быть тихим, кротким, скорбящим, плачущим, сокрушенным. Следовательно, кто говорит шутки, тот не святой, и такой — смешон. Это позволительно только играющим на сцене. Где срамота, там и шутки. Послушай, что говорит Пророк: *работайте Господеви со страхом и радуйтеся Ему с*

трепетом (Пс. 2, 11). Шутливость делает душу слабою, ленивою, вялою. Прекрасно, если душа трезвенна, – ее нельзя увлечь, а рассеянной кто не увлечет? Она будет обманута сама собою и не нужно ей будет козней и нападений диавола. Много зол гнездится в пристрастной до шуток душе, – большая рассеянность и пустота; расстроивается порядок, ослабляется благоустройство, исчезает страх, отступает благочестие. У тебя есть язык не для того, чтобы передразнивать других, а для того, чтобы благодарить Бога. Изгоним этот обычай из-за трапез. Изгнавши отсюду этот обычай, будем говорить то, что нам прилично, и пусть святые уста не произносят слов, свойственных устам бесчестным и позорным. *Кое бо причастие правде к беззаконию? Или кое общение свету ко тме* (2 Кор. 6, 14)?

Итак, упорядочивши эти два душевные состояния и подчинивши их разуму, как послушных коней, – я разумею похоть и гнев, – поставим над ними возницею ум, чтобы получить награду вышнего звания, которой да сподобимся мы во Христе Иисусе, Господе нашем».

Стих 5. *Сие бо да весте, яко всяк блудник, или нечист, или лихоимец, иже есть идолослужитель, не иматъ достояния в царствии Христа и Бога.*

К укрощению гневливости и прощению неприятностей располагал Апостол тем, что самим

нам прощение дается в Господе Иисусе Христе, с напоминанием, что, если не будем прощать, и нам не будет прощено. К погашению похоти плоти и очес располагает он опасностию потерять из-за них Царство Небесное, предлагая как бы на выбор: или минутную сласть похоти, или вечное блаженство в Царстве Христовом. Обоим им вместе быть нельзя. Одно из двух: или временная греха сладость и лишение вечного блаженства, или вечное блаженство и отвержение сласти похотной. *Сие да весте* — приговор решительный, без всяких исключений и ограничений, что те, которые имеют несчастие работать помянутым страстям, не имеют достояния в Царствии Христовом, — уже исключены из него, и те, которые впадут только в них, как только впадут, так и исключаются, самым действием падения. Так несовместно Царствие с похотствованием.

Апостол под этот приговор подводит только блуд, нечистоту и лихоимство, а сквернословие, буесловие и кощуны — пропустил. Но это не значит, что, по Апостолу, с ними можно войти в Царствие, а то, что они у него не имеют самостоятельного значения и суть орудные действия в отношении к тем главным страстям, так что их не бывает, когда не бывает тех, и наоборот, где те, там и они. С теми, следовательно, разделят они и участь. Пустословие и смехотворство на вид представляются не так важными; но как под

ними кроется блудная страсть, которая и приводит язык в движение, то, судя по этому родству, важность их значительна очень. И взгляд какой тоже будто незначителен; но *воззревый на жену ко еже вожделети ея* осуждается как блудник.

Блудник и *нечист* сказаны Апостолом в том же смысле, как прежде *блуд* и *нечистота*; но лихоимец окачествован особою вескою очень чертою; *иже есть идолослужитель*. И в послании к Колоссаям называет он лихоимание идолослужением (Кол. 3, 5). И Господь сказал, что нельзя служить Богу и мамоне (Мф. 6, 24). Следовательно, кто служит мамоне, то есть работает страсти любостяжания, тот не служит Богу. Мамона стал для него богом. Ему он предан всею душою, всем сердцем, всем помышлением и всеми силами. Как следовало ему быть расположенну к Богу, так он расположился к богатству. Такова, впрочем, и всякая страсть, что когда кого одолевает, то всего его поглощает; почему и чрево назвал Апостол богом (Флп. 3, 19), но в пристрастии к богатству есть особая черта, ставящая обладаемого им на одной линии с идолопоклонниками, именно упование на богатство. Надлежит всего ожидать от Бога и на Нем опираться всеми надеждами своими. Но обладаемый лихоиманием всего ожидает от денег и богатства, на них опирается и почивает своими надеждами. Там, где

следует стоять Богу, стоит у него мамона. Стало, он прямой идолопоклонник.

Не имать достояния в царствии Христа и Бога. Достояние, — κληρονομία, — что кому определено в наследство. Неисследованное богатство Христово все распределено по добродетелям, и всякой добродетели свое место и свой удел богатства Христова. Когда наступит Царствие Христово, тогда какою кто добродетелию особенно отличился, туда и поступит, где часть на добродетель ту отряженная. Все, по вере, в добродетелях потрудившиеся будут в Царствии, и всем будет неизреченно блаженно пребывать там, но всякий в своем будет месте и чине. Посреди сих светлых обителей нет места — никакой страсти. *Вне... любодеи... и идолослужители...* (Апок. 22, 15).

Это очевидно само собою, но Апостол напоминает о том с особым напряжением, говоря: *сие да весте.* Верно, нужно было сделать на этом ударение. Может быть, ходили какие-либо мысли, подрывающие уверенность в этом. Почему и далее, остерегая верных от кривотолков, пишет:

Стих 6. *Никтоже вас да льстит суетными словесы, сих бо ради грядет гнев Божий на сыны непокоривыя.*

Смотрите, как бы кто не обольстил вас и обманом не ввел в заблуждение. Относительно чего? — Не относительно новых каких предметов, а все тех же: дел похотных, лихоимства, пустословия,

смехотворства. Кто бы такие были суесловцы, не указывает святой Павел. — Ефес был полон разнородными школами и общинами. Между ними эпикурейцы не строго судили о делах блудных, как между иудеями — саддукеи. Говорят, что и симониане очень хромали на это плесно*. А чтобы так строго отнестись к любоиманию, как относится святой Апостол и как требовалось по духу христианства, никому в голову не приходило. Апостол, конечно, знал это, знал, что говорить могли все эти суесловцы, и, не входя в подробное рассмотрение их суесловия, одним словом отсекает соблазн: смотрите, что́ бы кто ни говорил против этого, не обольщайтесь: то пустые слова. А не дивно, что Апостол в бытность свою в Ефесе все эти пустые речи опроверг пред христианами, теперь же только напоминает, чтоб не забыли уроков личных и продолжали держать себя настороже.

А то — у всякого и свои мысли могли приходить, — что де похотные дела натуральны, — что иметь — нельзя не иметь, — что пошутить и посмехотворить — ничтожные дела. Почему, пиша к коринфянам, святой Павел писал: *не льстите себе: блудники... скверпители... лихоимцы... царствия Божия не наследят* (1 Кор. 6, 9). Верно, повсюду ходили тогда, как и доселе ходят, суетные речи, подрывающие уверенность в тяжести

* Ступню. — *Ред.*

отрицаемых Апостолом страстей и тем расслабляющие бдительность над собою верных долгу христиан. Святой Златоуст про свое время говорил: «Когда мы говорим, что всяк, назвавший брата уродом, подлежит геенне, некоторые говорят: “ужели назвавший брата уродом подлежит геенне? — Нет!” — говорят. И когда говорим, что ли-хоимец есть идолослужитель, и над этим опять смеются, говоря, что это выражение преувеличено, и все заповеди унижают подобным образом. Так их-то имея в виду, и писал тогда к ефесянам блаженный Павел, говоря: *никтоже вас да лстит суетными словесы*, — суетными словами называя слова не дельные, а между тем обольстительные и вводящие в обман».

Сих бо ради, — по причине размножения этих именно пороков, — блуда, нечистоты, лихоимания, — *грядет гнев Божий*, то есть Страшный суд. Быть Страшному суду определено. Когда он будет, никто не знает. Но время течет и его приближает. Естественно, — он идет к нам. Но размножение сказанных пороков ускоряет его шествие. Нравственное состояние в последние дни сравнивает Господь с нравственным состоянием живших при Ное. Тогда был ужасающий разлив чувственности. Все они — плоть, сказал об них Бог. То же будет и пред концом мира. Плотские дела — с лихоимством возьмут верх над всем. Думается, на это сходство указывает здесь и Апостол

Павел, — и *сынов непокоривых* образец видеть наводит он в противльшихся иногда во дни Ноевы. Ибо сыны непокоривые υἱοὶ τῆς ἀπειθείας — суть сыны неубежденности, такие люди, которых ничем не убедишь, что ни говори, не верят Самому Богу, не верят и противятся — упорные неверы. Таковы были жившие при Ное. Сколько он твердил от лица Божия, чтоб покаялись? — Не послушали. Таковы будут люди и пред концом мира. Тогда потоп взял сынов противления, в конце же мира суд Страшный внезапно постигнет непокоривых. Евангелие всем станет известно; все будут слышать уроки, что жить нечисто — пагубно, но никто слушать того не будет, успокоивая, конечно, свою совесть какими-нибудь суетными *словесы*, подобными тем, от которых предостерегал Апостол ефесян. — Вот что приводит святой Павел на мысль христианам ефесским, чтоб воодушевить их и пороков тех бегать и от всех кривотолков, суетными словами умаляющих их тяжесть, слух отвращать. Он хотел страхом суда Страшного исполнить души их и тем поставить их души в напряженную трезвенность и бдение как над сердцем своим, так и над внешними сношениями своими.

Стих 7. *Не бывайте убо сопричастницы сим.*

Сим, то есть сынам противления. Причастниками их станут, если им уподобятся, а уподобятся им, если, послушав суесловцев, расслабнут в строгом

блюдении себя против означенных пороков, и, впадши в них, окажутся противниками слову Божию, которое Апостол им проповедал и теперь предлагает. Убойтесь, говорит, противлением истине и поблажкою нечистоте и лихоимству уподобиться им. Если допустите это, то и участь тех разделите. А участь их — огнь суда и мучения! — Итак, остерегитесь, и всегда возбуждайте в себе трезвенную бдительность представлением себе картины Страшного суда, чтоб соблюсти себя чистыми от похотных не дел только, но чувств и мыслей. Видим в аскетических писаниях, что для отгнания приражений похоти нет могущественнее средства, как память о суде. Иные советуют стать на суде и не отводить от него мыслей. Это держит в страхе, поядающем все нечистое.

Два многовозбудительных образа заповедует Апостол держать в уме и сердце борющимся со страстьми — образ Господа, распявшегося за нас на кресте для погашения всех недобрых движений, порождаемых раздражительною силою души, и образ Страшного суда для погашения страстных движений похоти. Ими изгоняется из души всякая страсть, ими же, когда доброе намерение угождать Богу утвердится в душе, предотвращается и самое их возникновение. У кого они сорастворились с сознанием, тот вошел в область бесстрастия.

Состояние бесстрастия приближает к всесовершенству Божию, или к светлости Божией. Создав человека по образу Своему, Бог вложил в него все Свои добротности, какие только мог вместить тварь — человек. Сии добротности, по падении, помрачены, закрыты и извращены страстями, прившедшими с самостию, бывшею источником падения. Во Христе Иисусе привходящая благодать восстановляет дух наш, в коем образ Божий, и научает его, и помогает ему изгнать из естества человеческого все страсти, омрачающие его, положив в основание сего изгнания попрание самости самоотвержением — что составляет первый шаг в следовании Христу. Когда страсти изгнаны, естество человеческое входит в предопределенное ему совершенство Божеское, в Богоподобие. *Бог свет есть, и тмы в Нем несть ни единыя* (1 Ин. 1, 5). Этим выражается всесовершеннейшее Его всесовершенство. И человек, когда вступает в Богоподобие, или причащается всесовершенств Божеских, или вкушает Божеских доброт, называется вступающим в свет Божий, облекающимся в него, и самым делом он тогда становится светом. И вот это — и есть, о чем теперь начинает речь свою святой Апостол. Доселе вводил он христианина в борьбу со страстьми, из раздражения и похоти исходящими, и довел его до состояния бесстрастия — чистого и светлого

светлостию Божескою. Теперь, обращая внимание самих же христиан на это изменение, в них совершившееся, он говорит как бы им: вы были тьма, а теперь стали свет. С этого слова начиная, он изображает далее светлость деятельной христианской жизни в себе самой (ст. 8—10) и светоносность ее для всех не причастившихся света Христова (ст. 11—14). Подобное сему Господь говорил Апостолам: вы свет... будьте светильником для всех (Мф. 5, 14—16).

Светлость деятельной христианской жизни в себе 5, 8—10

Стих 8. *Бесте бо иногда тма, ныне же свет о Господе: якоже чада света ходите.*

«Потому так говорит об них, что они озарились Божественным светом» (Феодорит).

«Напоминает им о прежней жизни во грехе и заблуждениях языческих, говоря как бы: вспомните, что вы были и чем стали, — из тьмы — свет. Прежде вы и по догматам (по образу мыслей и верований), и по жизни были настоящая тьма, а ныне вы свет: и Бога истинного знаете, и дела света творите. Сбылось же так с вами не от вашей добродетели, а в Господе, то есть Божественною благодатию. Так не следует уже вам бывать причастниками сынов непокоривых, на которых грядет гнев Божий. Были некогда и вы таковы же, и были достойны за то гнева Божия, а ныне

уже нет: не бегите опять во тьму» (Феофилакт, почти слово в слово из святого Златоуста).

Первоначально все крещаемые и миропомазуемые — или возложение рук принимавшие осязательно для себя и видимо для других исполнялись светом. Отчего и день крещения Господня, в который наиболее собиралось крещаемых, назван праздником светов. В самих крещаемых это сопровождалось совершенным внутренним обновлением, состоянием, в коем они чувствовали, что грех ими уже не обладает (Рим. 6, 12),— иначе — состоянием бесстрастия, которое им предлежало лишь хранить. Ныне мы не видим этого, крещаемые в младенчестве. Не можем, однако ж, не видеть, что из детей, входящих в самосознательный возраст, одни бывают мирного строя духа, а другие — бурного, то и другое в разных степенях. Это следствие сохранения или несохранения благодати святого крещения и миропомазания. И вообще ныне такой порядок, что благодать в начальных таинствах дается вся сполна; получившие ее тогда, по вере и силе Церкви, пришедши в возраст, принимают обязательства, условливающие общение благодати, и с этой минуты становятся тем, чем первые христиане (и вообще возрастные крещаемые) становились в самый час принятия таинств. Другая разность теперь та, что мы, вступая в сознательный возраст, находим в себе в большей или меньшей

степени развившиеся страсти, несмотря на присутствие благодати: это дикорастущие сорные травы на поле, которого еще не касалась рука земледельца. Они и действие благодати Божией закрывают. Почему нам всегда предлежит труд борьбы со страстьми прежде, чем благодать Божия явится в силе. Когда страсти самодеятельно с помощию той же присущей нам благодати бывают наконец побеждены, тогда благодать Духа просиявает. И достигший сего ощущает ее, и другие могут заметить ее. Тогда к таковому вполне приложимо: был тьма и стал свет, — стал то, что первоначально крещаемый и принимавший возложение рук Апостольских становился в этот самый час.

Механического в духовной жизни ничего нет. На какой бы степени духовного просветления ни стоял кто, всегда на нем лежит бдительно хранить и усердно делать. Как тогда, так и ныне для восприявших действо Духа неотложный есть закон, выраженный в следующем стихе:

Якоже чада света ходите. Чада света, то есть рожденные вновь благодатию Святого Духа, в Господе Иисусе Христе, по благоволению Бога Отца. Чада света – чада Бога, в Троице поклоняемого. Почему? — По причине Богоподобия, благодатию восставляемого в духе нашем. Ходить, как свойственно чадам света, есть ходить в Богоподобии, — являя в своем хождении, или в жизни,

совершенства, или доброты Божии. Отрицательно определяет это святой Иоанн Богослов, в Ефесе же живший, так: *рожденный от Бога греха не творит* (1 Ин. 3, 9). И сам святой Павел в послании к Римлянам, по объяснении силы крещения, говорит: *грех вами да не обладает... да не царствует грех в мертвеннем теле вашем... ветхий* ваш *человек распят* в крещении; *да упразднится тело греховное, яко ктому не работати вам греху...* Теперь предлежит нам одно: *ходить в обновлении жизни* (Рим. 6, 14, 12, 6, 4). Таково состояние бесстрастных! — Но оно же есть состояние светлости духовной, по причине проявлений действенности Духа, или исполнения сердца Духом. — Почему далее, объясняя, в чем состоит это хождение яко чад света, Апостол указывает на плоды Духа.

Стих 9. *Плод бо духовный есть во всякой благостыни и правде и истине.* Ответ на то, если б кто спросил: что значит *ходить яко чада света?* — Ходить *в благостыне, правде и истине*. Ибо так естественно ходят те, в коих обитает и действует Дух; а эти-то и суть чада света, рожденные от Бога, Который свет есть. Почему указать плоды Духа есть то же, что указать, как ходят чада света. Чада света суть рожденные от Духа и исполненные Духом. Где Дух, там жизнь в благостыне, правде и истине. Следовательно, кто чадо света, тот так, а не иначе ходит. Святой

Златоуст говорит: «Объясняет здесь, что значит — ходить *яко чада света*, и говорит: *во всякой благостыни* — против гневливых и жестоких, — *и правде* — против любостяжательных, — *и истине* — против ложного удовольствия». Таким образом, по святому Златоусту, которому последуют Экумений и Феофилакт, благостыня, правда и истина, водворяясь в нас благодатию Святого Духа, изгоняют все страсти, или и водворяются под условием изгнания страстей, о которых доселе писал Апостол. Водворившись же, начинают и действовать вместо их: ибо они суть деятельные силы, а не покоящиеся свойства. Если же там, где прогнаны страсти, водворяются благостыня, правда и истина, то очевидно, что ими определяется состояние бесстрастия и чистоты.

Что значат именно благостыня, правда и истина, может иной и иначе объяснить, нежели наши толковники, но того нельзя перетолковывать, что они внедряются вместо страстей и что сами обнимают всю светлую, богоподобную жизнь. Что значит каждая из сих коренных добродетелей, — понятно из самого их названия. Благостыня обнимает всю любовь; правда — всякую правду, не допускающую ничего неправедного не только в деле и слове, но и в мысли. Любовь и правда — яснейшие представители богоподобия, ибо Бог любы есть и самая правда. — Что означает истина? — Поелику жить право и любовно нельзя без

ведения истины, то можно разуметь под сим и ведение истины. Сие ведение — благодатное — освещает все пути жизни, указывая, что и как в каком случае делать должно, чтобы действовать благоугодно Богу. Но ничего нет неуместного — принять вместе с святым Златоустом, что здесь указывается на вкушение истинного блага в Господе в противоположность обманчивым чувственным удовольствиям. Приобщающиеся ко Господу вкушают, яко благ Господь, и удостоверяются, что в сем только вкушении и есть их истинное благо. Это удостоверение, при постоянном вкушении благ от Господа, и служит истинною и прочною поддержкою жизни духовной, не дающею замечать лишений, сопряженных с тою жизнию. Как потоком течет в сердце сладкое истинное благо от жизни по Богу, когда кто вкушает, сколько благ Господь.

Пускаясь в подробности, что есть благостыня, правда и истина, можно построить целую систему христианского нравоучения и представить полный светлый образ жизни сынов света. Желающий может поруководствоваться при сем тем, что в пространном катехизисе и в православном исповедании говорится в объяснение блаженств: *блажени алчущии и жаждущии правды,* — *блажени милостивии,* — *и блажени чистии сердцем.* — Но святой Апостол хотел, кажется, обнять все сие и одним словом, говоря:

Стих 10. *Искушающе, что есть благоугодно Богови.*

Чада света ходят в благостыне, правде и истине, — искушая, тщательно доискиваясь и удостоверяясь, что именно в круге дел, подлежащих тем добродетелям как началам, благоугодно Богу, — и тому единственно следуя, а не тому, что хотелось бы их воле, вкусам и смышлениям. Ибо в области добра всякое добро только в своем месте, в свое время, в своей мере и в своем приложении есть истинное добро. Что вообще благоугодно Богу, то не трудно знать: в слове Божием все то подробно определено. Сказанное там верующий искренно принимает в совесть, которая, под действием благодати, с того времени становится просвещенным свыше руководителем в жизни и указателем воли Божией. Но и она общее тотчас указывает, а как определить подробности предлежащего доброго дела не всегда ясно указывает. Ибо бывают обстоятельства многочисленные и многосплетенные. Бог хочет, чтоб и здесь поступлено было по Его воле, а соприкосновенности дела не дают ясно видеть сию волю. Сыны света ревностию ревнуют попасть непременно на след воли Божией, как бы ни были запутаны случайности дела. И доискиваются того, и приступают к делу не иначе, как по удостоверении, что воля Божия есть, чтобы в предлежащем случае было поступлено именно

так и так. Феодорит пишет: «Одарены вы разумом и прияли благодать Всесвятого Духа. Посему удобно можете распознавать благоугодное Богу». — Всегда ли попадают они на след воли Божией, — кто это скажет? Но то несомненно, что они доискиваются сего и действуют всегда по ясному сознанию благоугодности дела Богу. Но жизнь течет все в одном и том же духе, растет и опытность. Если в искусствах человеческих доходят до того, что всякого мастерского дела части умеют слаживать хорошо, в совершенстве, можно ли, чтобы Духом Божиим научаемые не доходили наконец до такого искусства в жизни, что бывают в состоянии точно определять — что, когда и в какой мере благоугодно Богу? В лицах, Духом Божиим водимых, обновляется наконец дух правый во утробах их. Сей правый дух и диктует всегда, что право пред Богом, и имеющий его непосредственно видит и сознает сие правое. — Это есть достоинство совершенных, в которых погашены страсти, обычно сбивающие нас с пути правого. Но для лиц, начавших только жизнь Богоугодную, или даже и в средину ее доспевших, кроме указаний совести, требуется совет опытных. Под их руководством созреет и свой дух правый, и руководимый сам поступит в руководители. Так и жизнь христианская истинная, друг-друго-приимательна, как благодать и догмат.

Светоносность совершенных христиан для других, не причастных света жизни их
5, 11–14

Стих 11. *И не приобщайтеся к делом неплодным тмы, паче же и обличайте.*

Изобразил Апостол светлую жизнь бесстрастных, достигших совершенства, и указал норму их деятельности в делании всегда благоугодного Богу. Теперь поставляет пред лице тех, кои живут нерадиво, беспечно, в Богозабвении, в угоду лишь своим пожеланиям и в суетностях житейских, без мысли о спасении и без заботы о вечной участи, и говорит им: смотрите, не сделайтесь как-либо причастными делам такого рода. Не говорит: не делайте подобных дел, ибо для победивших страсти это излишне, когда они ненавидят всякий грех и все нечистое и Богу не угодное. Но говорит: не приобщайтеся, ибо можно, не делая худого сам, стать виновным в худобе другого чрез соучастие в делах его. Как? – Когда каким-либо образом обнаруживается согласие на худые дела других. Случаев к этому много. Последний предел, – если видишь, или слышишь, или знаешь, да молчишь. Его и берет во внимание Апостол и говорит: не молчи, а обличай.

Неужели всякий христианин так должен делать? Вникните в течение речи Апостола; она у него здесь обращается к победившим страсти, к совершенным, умеющим точно определять, что

в каком случае благоугодно Богу. Таковые знают — когда как направить обличительную речь, чтоб она шла во благо другим. Обличение — нож; не умеющий действовать им может только наделать ран к горшему злу, а болячки или нароста не отрезать в уврачевание болящего. С этой стороны смотрит на сей предмет блаженный Иероним: «Обличить других есть дело большой важности. Его достойно может совершать лишь тот, к кому неприложим следующий упрек: *лицемере, изми первее бервно из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего* (Лк. 6, 42). Так пророки, не запятнанные никакою нечистотою грехов и имея неоскверненную совесть, могли обличать других согрешающих. Из сего следует, что обличать может тот, кто сам в себе не обличается (совестию)». Это может идти только к совершенным христианам, о коих и речь у Апостола.

Но и всякий может — не соглашаться с делающим нехорошо, не одобрять его, даже и в шутку не говорить снисходительно о худом; и одною миною можно много сказать. Общедоступное же обличение других есть обличение светом дел. Удаляющийся делом показывает, что не одобряет того, от чего удаляется. Отчего жизнь совершенно богобоязненных всегда есть обличение нечестивых и грешных. Надо твердо стоять в христианских правилах жизни и, светя тем в окружающей

мрачности дел, обличать их. Фотий у Экумения говорит: «Обличайте, говорит, образом своей жизни. Не говорю: обличайте их, перечисляя их дела, укоряя за них, ибо знаю, что ревнители чистоты считают осквернением одно воспоминание об них. Между тем, как они не меньше (слов) будут обличены, когда дела ваши будут блистать добродетелями. Дела их светом жизни вашей обличатся, откроются и обнаружатся. Обнаруженные — осветятся и на лучшее преложатся и претворятся. Обнаружение вашею жизнию срамоты их дел приведет их в сознание и самоосуждение, а это есть начало обращения и исправления».— Таким образом светлая жизнь христиан молча доводит неисправных до того, до чего доводить их назначается обличительное слово совершенных.

Стих 12. *Бываемая бо отай от них срамно есть и глаголати.*

Мысль видна, но чего ради она вставлена здесь, не видно. Как будто святой Павел различает дела неплодные тьмы от того, что бывает отай* от них. И первые, говорит, обличайте, а второе так дурно, что срамно и говорить о том. И выходит, будто о том и говорить нечего; то дела самообличенные, когда с ними прячутся даже от тех, кои только и делают, что бесплодные дела тьмы. Неплодные дела тьмы, в таком случае,

* Втайне. — *Ред.*

будут означать ходячую жизнь нечестивых и грешников, – жизнь суетную, чувственную, небогобоязненную, не имеющую в уме смерти и суда, – которой непотребства и пагубности не сознают сплетшиеся течением дел ее. Апостол говорит: постарайтесь изобличить этой-то жизни непотребство и пагубность, а речью о тех срамотах, что делаются тайно, нечего язык сквернить. Обличение их уже есть, и оно еще сильнее станет, когда обличение первых произведет свое действие.

Или так: неплодные дела живущих в суете и бесстрашии не всегда бывают на вид слишком укорны. Это может связывать язык обличителя из снисхождения, как говорится, к немощам людским. Апостол говорит: не смотри на эту будто терпимую внешность, за нею кроются такие дела, о которых и говорить срамно; потому обличай их нещадно.

Но если разуметь обличение делами и жизнию, то прямее будет видно, почему сказал это святой Павел. Обличайте их светом жизни вашей, потому что, стань обличать их словом, осквернишь язык, ибо дела их крайне срамны. Святой Иоанн Дамаскин пишет: «Не одно и то же, говорит, обличать словом, как и делами. Словом срамно и говорить о том, что они делают: они и сами от стыда скрывают то. Но если мы будем светом и возможем обнаружить тьму (их дел)

противоположностию светлой жизни, то такое обличение будет самое лучшее». Эту же мысль высказал и Фотий, как видели.

Стих 13. *Вся же обличаемая, от света являются; все бо являемое, свет есть.*

Место темновато. Кажется, святой Павел хотел сказать, как пробуждается совесть у грешников и нечестивых чрез обличение. Дела их темны, совесть у них помрачилась, и никто из них не видит, как срамно и пагубно так жить, как они живут. Когда же, говорит, вы своею светлою, бесстрастною жизнию и своим словом обличите их, обнаружится вся срамота такой их жизни, совесть у них самих пробудится и в свою очередь станет их обличать. Так жизнь их срамная будет видна во всей своей наготе для всех. Свет воссиял в этой тьме, и все в ней скрывавшееся осветится. Подобное сему писал он к Филиппийцам: *вся творите без роптания и размышления, да будете неповинни и цели, чада Божия непорочна посреде рода строптива и развращена, в нихже являетеся, яко светила в мире, слово животно придержаще* (Флп. 2, 14—16). Жизнь совершенных христиан, — чистых и непорочных чад Божиих, — точно есть светило для грешного рода. Книг много, и слов много, и своего смысла у всякого достанет: чего недостает? — Уменья жить. Покажи, как жить, своею жизнию, и не нужно будет слова. Все ясно будет и без слова. Без жизни

же и ясное слово темновато. При жизни — и слово сильнее. Указание на то, как слово разоблачает совесть, находим у святого Павла в описании порядка, какой надо держать в церковных собраниях, и именно относительно употребления дара языков. На языках, говорит, если нет в собрании понимающих их, не говорите, разве только будет кто, который мог бы переводить и истолковать речь вашу собранию. В противном случае лучше молчать. Ибо в церковном собрании все должно быть направлено ко взаимному всех назиданию. Говори всякий на понятном языке и понятною речью. — Положите, что вы собрались в церковь, и все начали говорить на языках. Войди в эту пору кто неразумный и неверный: слушая вас, не скажет ли, что вы с ума посошли. Но если вы будете говорить на понятном языке и понятною речью, то какой-нибудь невер или невежда, вошедши, *обличается всеми и истязуется от всех. И сице тайная сердца его явлена бывают, и тако пад ниц, поклонится Богови, возвещая, яко воистинну Бог с вами есть* (1 Кор. 14, 24—25). — Об этом образе раскрытия совести и явления тайных сердца говорит и в нашем месте святой Павел. Обличайте, говорит, их и словом, и противоположным образом жизни. Сим светом, от вас исходящим, осветятся нравы нечестивых и грешных, и нечистота и срамота их, не видные для живущих по ним, обнаружится и явною станет.

Подобно тому, как предметы, сокрытые во тьме, когда падет на них свет, становятся явными от сего света, так и все неплодные дела тьмы, будучи обличаемы вашим словом и вашею противоположною жизнию, принимая на себя это освещение от вас, откроются и обнаружатся, яко непотребные, и будут сознаны таковыми от всех. Вот смысл слов: *вся же обличаемая, от света являются.* Далее: *все бо являемое, свет есть*, представляет пояснение предыдущего. Предмет темен, пока не пали на него лучи света, когда же падают на него лучи, он явным становится, светлым, освещенным. Слово: *свет есть* — то же, что — светел есть, освещен. Так светла станет жизнь нечестивых и грешных от вашего обличения и жизни, светла не яко издающая свет, а светла в своей мрачности, светло видно будет, как она непотребна.

Святой Златоуст говорит: «Сказал, что вы — свет; свет же открывает все то, что бывает во тьме, так что, говорит, если вы будете добродетельны и достойны удивления, нечестивые не будут иметь возможности таиться. Потому что, как в то время, когда стоит светильник, освещаются все, так при сиянии света от вас обличаемые нечестивцы будут поражены. Следовательно, должно обличать. — Как рана телесная, до того времени, пока таится, быв прикрыта снаружи, и пока углубляется далее, не пользуется никаким лечением,

так и грех, доколе скрывается как бы во мраке, до тех пор весьма свободно продолжает действовать смело, но как скоро будет обнаружен, – делается светом: не самый грех, – ибо как это возможно? – но тот, кто делал его. Ибо если он будет приведен на средину собрания, если будет вразумлен, если покается, если получит отпущение, то не разогнал ли ты тьмы его? Не исцелил ли тогда его раны? Не вызвал ли бесплодия к плоду?»

Стих 14. *Сего ради глаголет: востани спяй, и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос.*

Сего ради глаголет, – кто глаголет? В Божественном Писании нет такого изречения. Откуда же оно? Кто говорит, что святой Павел взял его из какого-либо апокрифа и, забывши, привел как место Писания; кто говорит, что такое изречение изошло из уст Самого Господа и дошло до святого Павла по устному преданию; кто говорит, что такой глас слышал святой Павел в духе и сердце и приводит его как слово Господа; кто полагает, что оно составлено святым Павлом из разных мест Писания. Все эти объяснения неудовлетворительны. Ближе всех, может быть, догадка блаженного Феодорита, что это слово какой-либо церковной песни, которые тогда составлялись совершеннейшими христианами или даже и Апостолами. Что так было, свидетельствует сам святой Павел в послании к Коринфянам: *кийждо*

вас псалом имать (1 Кор. 14, 26). — Не слышал ли кто из обращенных необыкновенным образом таких слов в минуты сверхъестественного возбуждения и, может быть, из среды самых ефесян. Поелику слово это было известно и ходило между ефесянами, как слово свыше, то Апостол и выражается так: сего ради глаголет, — разумея, — некто свыше, или глас свыше, как вам известно.

Другие наши толковники не обращают внимания на указание, кто сказал, а берутся прямо выяснять, что сказано. — Что же сказано? — Призывание грешника в покаянии обратиться к Господу Спасителю. Словом и жизнию совершенных христиан совесть грешника пробуждена; он ясно видит свое непотребство и готов взыскать спасения: что ему делать? — Встань от сна греховного, приступи ко Господу, и Он тебя осветит. Да и вообще христиане, образом своей жизни и своим исповеданием веры, что другое говорили тем, среди коих были, яко светила, как не то: восстани всяк от сна греховного и греховной смерти и приступи ко Христу Спасителю!

Сон и смерть естественные служат выражением сна и смерти греховных. И сонный, как и мертвый, не слышит, не видит, не чувствует, не движется. Так и грешник поражен в духовном отношении беспечностию, нечувствием и ослеплением, и никакого у него движения нет в смысле спасения души и получения вечного блаженства

богоугождением. — Но дух в нем есть, только поражен летаргическим сном. Когда луч благодати чрез помазанное слово христиан или светлую жизнь их проходит до духа, он тотчас открывает глаза и начинает обнаруживать свойственные ему движения — страх Божий, беспокойство совести, осуждение всей прежней жизни и требование перемены ее. Тогда грешник и сам в себе слышит: востани спяй! — Но одна совесть только измучит, а покоя не даст. К ней приходит слово о Спасителе, и она заставляет тогда грешника ятися* за веру в Него, как единственное средство спасения. Верует грешник, примиряется с Богом и просветляется Христом Господом. Ясно для него тогда становится все, как чему следует быть в его жизни и чего ожидать ему в будущем. Прочее он уже во свете лица Его идет и о имени Его радуется лишь. — Слава беспредельному Божию милосердию к нам, грешным.

Осмотрительность и благоразумие в поведении
5, 15—17

Стих 15. *Блюдите убо, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри.*

Имея такое высокое назначение — быть светом мира, ходите так, чтобы соответствовать своему значению, чтоб никто ничего не мог найти в вас укорного, кроме разве того, что вы христиане

* Ухватиться. — *Ред.*

и всем желаете быть христианами. — *Како опасно** — πῶς ἀκριβῶς, точно верно, пунктуально по лежащим на вас обязанностям, точь-в-точь как ожидается от вас. Но заповеди известны: по ним действуй — и все тут. К чему предостережение: *блюдите*, и эта норма: не *якоже немудри, но якоже премудри*? — К тому, что можно портить и добрые дела, когда безвременностию, когда неуместностию, когда излишнею ревностию. Определять, как сделать дело, чтоб оно как раз приходилось к своему месту и времени и в своей мере, есть дело мудрости. Мудрость и общую норму поведения определяет и держит, и каждое дело осматривает. Немудрость действует сплеча или, как еще говорят, зря. Оттого и силы, и время тратит, а плода мало имеет, хоть делать старается все доброе, а не худое. — *Блюдите* сверх того предполагает опасности, козни, сети. И в них недостатка нет. Много сплетений во внешних обстоятельствах, могущих отвлекать от правого и увлекать к неправому; и в себе много такого, что может сбивать с пути; и враг не дремлет. Так много причин к тому, чтобы блюстись и ходить с крайнею опасливостию. Блаженный Иероним пишет: «Добре говорится ефесянам, чтоб они, имея чувства, обученные в рассуждении добра и зла, опасно шествовали и, все искушающе, добрая

* Осторожно, осмотрительно. — *Ред.*

держали. Кто видит, как ему следует шествовать и умеет осторожно ступать ногою, чтоб не потknуться о камень, говоря: *светильник ногама моима закон Твой* (Пс. 118, 105), тот конечно мудр. И я не думаю, чтобы простец какой, человек недалекого ума, мог исполнить эту заповедь, хотя бы и хотел ходить опасно. Из этого понять нам должно, что и нравственные правила,— кои многими почитаются совершенно ясными, на том основании, что говорится: *заповедь Господня светла, просвещающая очи* (Пс. 18, 9),— имеют нужду во всестороннем обследовании, чтоб найти благоразумное приложение. Светлая та заповедь просвещает очи тех, кои, отвергши неразумие, посвятили себя деятельному усвоению уроков мудрости».

Стих 16. *Искупующе время, яко дние лукави суть.*

Показывает способ, как исполнить предыдущую заповедь, как мудро и опасно ходить. Успеете, говорит, в этом, *искупующе время*. Но что значит *искупать время*? — Не тратить его попусту, а всячески стараться сделать из него что-нибудь, что может споспешествовать целям нашей жизни. Блаженный Феодорит говорит: «Искупайте время, употребляя его как должно». Блаженный Иероним пишет: «Когда иждиваем время на доброе дело, тогда искупаем его».— Цель времени в вечности; жизнь настоящая дана для

приготовления к блаженной жизни в будущем. Кто все к этой цели направляет, не попуская и малым промежуткам своего времени проходить в пустых занятиях, тот все свое время искупает. Причина, почему надо спешить так искупить время, та, *яко дние лукави суть*. Лукавый означает злой, означает и хитрый. Хитрого человека думаешь, что вот-вот уловишь, а он ускользает из рук. Таково время: быстро течет, так скоро течет, что не уловишь. Апостол говорит как бы: спешите; в каждую минуту делайте что можно; не пропускайте его даром, — уйдет, не воротишь.

Или — *дни лукавые* — означает век нынешний лукавый, полный зла и прелестей. Он хочет у нас отнять все время, а нам надобно стараться не допускать до этого, стараться удержать за собою время, обращать его в свою пользу, для своих вечных целей. Время представляется предметом борьбы между нами и лукавым веком. Этот к себе тянет, а нам надлежит к себе тянуть. Блаженный Иероним пишет: «Делая добро, искупаем время и собственным его делаем, вместо того, чтобы продать его злу. Никто, снедаемый заботами житейскими и богатства ищущий, не искупает себе времени. — Если мы искупаем время как должно, то некоторым образом изменяем его: злые дни превращаем в добрые и делаем их из дней настоящего века днями века будущего. — Можно и иначе это место изъяснить: о, ефесяне,

которым, по пробуждении от сна века сего, воссияло Солнце правды – Христос Господь! Опасно и мудро ходите, не поддаваясь изменчивости времени, а напротив, стараясь, при изменчивости его, себя выдержать всегда одинаково неизменными. Пусть наступает гонение за гонением, вы держите одно течение и об одном заботьтесь, чтоб не меняться подобно луне, как делают неразумные, но, что однажды начато, в том стойте неуклонно. Объясню мысль свою примером из Писания. Иосиф одно имел в цели – как угодить Богу. И это неизменным было у него при многократном изменении обстоятельств его жизни. Не изменили этого ни ненависть братьев, ни состояние рабства, ни обольщения госпожи, ни мрачность темницы, ни власть над всем Египтом. Всегда он был одинаков и, искупая себе время, дни злые превращал в добрые. Это же самое можно сказать и об Иове. Разным подвергался он искушениям; но ни богатство, ни бедность, ни раны, ни укоры друзей, ни заброшенность всеми, ни потом восстановление его благоденствия – ничто не изменяло его. Он искупал себе время и дни злые превращал в добрые».

Стих 17. *Сего ради не бывайте несмысленни, но разумевайте, что есть воля Божия.*

Вот средство и ходить с мудрою опасливостию, и время искупать как должно! – Узнай, чего

хочет от тебя Бог в том или другом случае, и исполни то. Впереди говорил уже: *искушающе, что есть благоугодно Богови*; теперь опять то же говорит: *уразумевайте, что есть воля Божия*. Так это важно и так необходимо, чтоб не покривить своим благоразумием, всегда недостаточным, достодолжный образ действования. Наше благоразумие – очень часто, если не всегда, – кривит дело, будучи уклоняемо от правоты саможалением, человекоугодием и многими другими, по-человечески судя, уважительными причинами. Но уразумение воли Божией разгоняет все туманы, налегающие на тропы жизни нашей, и ясно указует прямую стезю, и этим обезопашивает правость действования нашего и устанавливает ее, или являет ее в жизни, – под условием, конечно, что первоначальный завет – ходить неуклонно в воле Божией, не щадя живота, – живо сознается, так что это сознание, а не другое что заправляет планами нашей жизни. Блаженный Иероним пишет: «Поелику время лукаво и надлежит искупать его, то наперед надобно испросить мудрость, чтоб уразуметь, что есть воля Божия. Не можем мы опасно ходить, если прежде не уразумеем воли Божией. Во всяком случае сначала надобно рассмотреть, чего хочет Бог, и уже по должном обсуждении делать то, что будет признано благоугодным Ему».

Молитвенное в Боге пребывание — единое христианское утешение 5, 18—20

Стих 18. *И не упивайтеся вином, в немже есть блуд, но паче исполняйтеся Духом.*

На горькой земле натурально искать увеселений человеку, не могущему забыть, что он создан для жизни райской. И ищет и находит всякий по-своему. У всякого народа и у всякого человека есть свои утехи. Наиболее развеселяющая стихия есть вино. Но как чувственное, оно и веселие подает чувственное. Для христиан, кои рождены Духом и суть жилище Духа и коих живот сокровен есть со Христом в Боге, нейдет такого рода развеселение себя. Им свойственна радость о Духе Святом. Апостол и пишет ефесянам — удаляться первой и искать второй.

Не упивайтеся. Но как положить меру, с которой начинается упивание? Христианам скорее идет — совсем не пейте, — разве только в крайностях, — в видах врачевания. Конечно, не вино укоризненно, а пьянство; но огонь в кровь влагается и малым количеством вина, и прибывшее от того развеселение плотское развевает мысли и расшатывает нравственную крепость. Какая же нужда ввергать себя в такое опасное положение? Особенно когда сознается, что всякую минуту времени надобно искупать, а этим поступком не минуты, а дни отдаются даром

врагам, и добро бы даром, а то еще с приплатою? — Так, строго судя, винопитие совсем должно быть изгнано из употребления из среды христиан.

Святой Златоуст хотя разрешает употребление вина для веселия, но не всем, а только сущим в печали и болезни. «Хочешь ли, говорит, знать, что вино хорошо? — Послушай слов Писания: *дадите сикера сущим в печалех, и вино пити сущим в болезнех* (Притч. 31, 6). И справедливо: ибо оно имеет силу смягчать огорчение и тоску и удалять печаль. *Вино веселит сердце человека*» (Пс. 103, 15). — Другое разумное употребление вина есть — питие его для здоровья. Это и есть, по Златоусту, первоначальное его назначение. «Вино, — говорит он, — дано нам не для чего-нибудь другого, как для здоровья тела. Послушай сего блаженного (Апостола Павла), который пишет и говорит Тимофею: *мало вина преемли, стомаха ради твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. 5, 23). — Для того Бог и сотворил тела наши умеренными, требующими немногого для своего насыщения, чтобы отсюда уже научить нас, что мы созданы для другой жизни. Такую жизнь Он и хотел даровать нам сначала, но так как мы стали недостойными ее, то Он отсрочил ее и во время отсрочки не позволяет нам наслаждаться без меры. Небольшого стакана вина и одного хлеба достаточно для насыщения чрева

человеческого. Владыку всех бессловесных Бог создал нуждающимся гораздо менее сравнительно с ними, дал небольшое тело, указывая тем, чтобы мы стремились к другой жизни. *Не упивайтеся*, говорит Апостол, *вином, в немже есть блуд*: оно не спасает, а губит не только тело, но и душу».

Блуд — ἀσωτία, — распутство, разгульная жизнь, всесторонняя распущенность и развратность. Упивание — матерь и питательница всех пороков; и раздражительную часть оно разжигает. Святой Златоуст говорит: «Оно делает нас вспыльчивыми и дерзкими, и стремительными, раздражительными и несносными». Но прямее всего — оно размножает блудные дела. Ибо «чрево, крайне разгоряченное, пенится похотию», как выражается блаженный Иероним.

Но паче исполняйтеся Духом. «Как невозможно двум господам работать, Богу и мамоне (Мф. 6, 24), так невозможно исполняться Духом вместе и вином» (Иероним). Почему «святой Апостол, отвергнув упоение вредное, ввел на место его духовное» (Феодорит). «Хочешь, говорит, веселиться? хочешь провести день? Я даю тебе пение духовное. Пьянство уничтожает благозвучие нашей речи, заставляя заикаться, равным образом извращает и глаза и все. Учись петь псалмы, и увидишь сладость этого дела, потому что поющие псалмы исполняются Духа

Святого, а поющие сатанинские песни — духа нечистого» (святой Златоуст).

Как разны плотских и духовных людей утехи! Те вином, а эти Духом Святым исполняются; у тех вино возбуждает плотское веселье, а этим Дух Святой подает обрадование духовное и божественное; тех вино разжигает на всякого рода похотные дела, а этих Дух Святой научает Богохвалению и благодарению со всякого рода добром. Утешителю, Душе истины, прииди и вселися — и в ны!

Какая мысль в словах: *исполняйтеся Духом*? — Дух благодати обитает в христианах со времени крещения и миропомазания. А приступание к таинствам покаяния и причащения не есть ли приятие обильнейших притоков благодати? Тем, которые имеют уже Духа, пристойно сказать: *Духа не угашайте* (1 Сол. 5, 19). Но как им же сказать: *исполняйтеся Духом*? — Благодать Святого Духа подается христианам, потому что такова сила веры христианской. Но живущий в христианах Дух содевает спасение их не один, а вместе с свободными действиями и самого христианина. В сем отношении христианин может и оскорбить и погасить Духа, — и может способствовать к тому, чтобы Он ощутительно проявлял в нем Свои воздействия. Когда сие бывает, тогда христианин сознает себя в необыкновенном состоянии, выражающемся тихою, глубокою,

сладостною радостию, восходящею иногда до взыграния духа. Вот и упоение духовное! Противополагая его упоению вином, Апостол говорит: не того, а вот этого упоения ищите, назвав его исполнением от Духа. Так повеление — исполняться Духом есть не что иное, как предписание — так себя держать, или такие употреблять с своей стороны действия, которые способствовали бы или дали бы возможность и простор Святому Духу — ощутительно проявиться: осязательно воздействовать на сердце.

В писаниях мужей Божиих, удостоившихся такой благодати и даже постоянно пребывавших под осенением ее, находим указание на два особенно дела, требующиеся для того от человека, — очищение сердца от страстей и молитвенное к Богу обращение. Эти же средства и Апостол Павел указал. Впереди учил он, как очищать душу от страстей похоти и гнева, а здесь — вслед за словом: *исполняйтеся Духом*, указывает и на молитву. Святой Златоуст ввел сии два способа и в толкование. Что молитва открывает Духу Божию свободу воздействовать на сердце, об этом он сказал уже в предыдущей выписке, говоря: «Поющие псалмы исполняются Духа». А что к тому же ведет и чистота от страстей, об этом он говорит вслед за тем: «В нашей ли власти исполняться Духом? — Да, в нашей. Когда будем очищать душу свою от лжи, жестокости, блуда,

нечистоты и любостяжания, когда сделаемся добродушны, сострадательны, заботливы о себе, когда не будет в нас кощунства (смехотворства), — когда мы сделаемся достойными того, то что воспретит Святому Духу приблизиться и прилететь к нам? — И Он не просто приблизится, но исполнит сердце наше».

Стих 19. *Глаголюще себе во псалмех и пениих и песнех духовных, воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеви.*

В каком сочетании принять слова сии, в таком ли: когда исполнитесь Духом, тогда и пойте устами и сердцем? Или в таком: если хотите исполниться Духом, то пойте? — Предлагаемое пение устами и сердцем сказывается ли как следствие исполнения Духом, или указывается как средство к тому?

Наитие Духа не в нашей власти, оно приходит, как благоволит Сам Дух. И когда приходит, приводит в сильное возбуждение силы нашего духа. Песнь Богу тогда сплетается сама собою. Свобода возможна лишь в том, оставить ли песнь сию петься в сердце, или выражать ее и языком гласно для всех. В последнем случае законом положено у Апостола, чтобы в церкви все шло благообразно и по чину.

Отсюда видно, что как исполнение Духом, так пение под действием и наитием Его не может быть предметом предписания, а лишь предметом

желания и искания, с употреблением соответствующих средств. Указание же на благоразумное обнаружение образовавшегося внутри пения не входит в содержание настоящего текста. Следовательно, слова сии должно принять не в первом, а во втором сочетании. Исполняйтеся Духом; и для того пойте. Пение возбудит Дух, или приведет в состояние наития Духа, или ощутительного Его воздействия. Блаженный Феодорит пишет, что Апостол вводит духовное упоение, когда говорит: *исполняйтеся Духом*, и показывает, как достигнуть до сего, именно: «непрестанно песнословя Бога, углубляясь в самих себя и возбуждая всегда помысл». Это то же, что сказать: посредством пения языком и сердцем.

Не трудно понять, что в сем деле главное — не благозвучие пения, а содержание поемого. Оно же воздействует так же, как с воодушевлением написанная речь воодушевляет читающего ее. Чувство, вложенное в слово, чрез слово переходит в душу слышащего или читающего. Так и в песнях церковных. Псалмы, гимны (пения) и оды (песни) церковные суть духодвижные излияния благоговейных чувств к Богу. Дух Божий исполнял избранников Своих, и они полноту своих чувств выражали в песнях. Поющий их как должно, обратно, может войти в выраженные в них чувства и, исполнясь ими, приблизить себя к состоянию, способному принять воздействия

благодати Духа или приспособить себя к нему. Таково именно и есть назначение церковных песней, чтоб посредством их возгревать и раздувать кроющуюся в нас искру благодати. Искру сию дают таинства. Чтобы раздуть ее и превратить в пламень, для этого введены псалмы, пения (гимны) и песни (оды) духовные. Они действуют на искру благодати так же, как ветер на искру, внедрившуюся в горючее вещество.

Но припомним, что такое действие принадлежит им под тем условием, если вместе с употреблением их идет и очищение сердца, как сказал святой Златоуст, руководствуясь ходом речи самого святого Апостола Павла. Другие условия указываются в этом самом месте, именно: первое, чтоб они были духовные, и второе, чтобы пелись не языком только, но и сердцем.

Апостол указывает три рода песней: псалмы, пения — гимны и песни — оды. Верно, все они употреблялись в апостольское время и чем-нибудь разнились между собою. Не имея образчиков, не беремся определять, что за песни были церковные песни, носившие сии названия, и будем разуметь по всяким из них песнь церковную. А что это точно были песни церковные, то есть песни, поемые в собрании христиан, это видно из того, что Апостол заповедует глаголать их себе «ἑαυτοῖς», что все толковники понимают: друг другу взаимно.

Итак, для того, чтобы пение песней церковных вело к исполнению Духом, требует Апостол, чтобы песни сии были *духовны*, под чем надо разуметь не то только, что они должны быть духовны по содержанию, но чтоб были духо-движны, сами были плодом Духа, или излились из сердец, исполненных Духа. Иначе они не будут вести к исполнению Духом. Это по тому закону, что что́ вложено в песнь, то она и даст поющему. Вложена туда человеческая мысль, человеческую мысль и породит; вложен туда элемент благодатный, благодать возбудит она и в поющем. Но если она — простой набор слов, то ничего и не породит.

Второе требование Апостолово то, чтобы песни пелись не языком только, но и сердцем. Не понимать только песнь надобно, но войти в сочувствие с нею, или восприять содержание ее в сердце, и петь ее уже так, как бы она исходила из нашего сердца. Из снесения настоящего места с другими видно, что в апостольское время те только и пели, которые бывали в таком настроении, другие входили в подобонастроение с ними — и все церковное собрание воспевало и пело Господу не иначе как в сердце. Что дивного, если вследствие того все оно исполнялось и Духом? Какое сокрыто сокровище в церковных песнопениях, если они совершаются как должно!

Святой Златоуст говорит: «Что означают слова: *поюще в сердцах ваших Господеви*? — Это

значит со вниманием приступай к этому делу, ибо невнимательные поют без пользы, произнося только слова, тогда как сердце их блуждает в другом месте». Блаженный Феодорит к этому прибавляет: «Поет сердцем, кто не только приводит в движение язык, но и ум возбуждает к уразумению произносимого». Другие святые отцы, пиша о молитвенном к Богу обращении, полагают, что оно наилучшим образом совершается, когда совершается умом, в сердце утвержденным.

То, что здесь у Апостола говорится о церковном собрании, идет и к частному псалмопению, которое всякий совершать может особо в доме. И плод от сего может быть тот же, когда оно совершается как должно, то есть со вниманием, пониманием, сочувствием, из сердца.

Заметим также, что хотя слова Апостола говорят о пении, но мысль его указывает на молитвенное к Богу обращение. И оно, собственно, есть возбудитель Духа.

Стих 20. *Благодаряще всегда о всех о имени Господа нашего Иисуса Христа Богу и Отцу.*

Псалмы, гимны, оды предполагают преимущественно богохваление – изображение бесконечных совершенств Бога, в Троице поклоняемаго, и необъятных Его дел творения, промышления, искупления и чаемого совершения всяческих. Но войди в созерцание всего этого, увидишь, что

главным предметом Божеских попечений был, и есть, и будет человек, высоко поставленный в творении, глубоко ниспадший в падении и превысоко подъемлемый в восстановлении; что сие благо восстановления уже в действии и что причастниками его сделаны те самые, которые поют, не призваны только к тому, но и вкушают уже плоды его. Отсюда само собою исходит благодарение, благодарение о имени Господа нашего Иисуса Христа, всех спасшего и каждого спасающего, благодарение Богу и Отцу, Коему по домостроительству спасения усыновляемся, не именословно, но существенно, становясь едино с Господом и возрождаясь благодатию Святого Духа.

Благодарение столь существенно в молитвенном к Богу обращении, что без него и приступать к сему делу нельзя. Ибо все у нас Божие — и самый сей ум, к Нему обращающийся, и самое дерзновение обращаться к Нему, все у нас Божие — и участь наша вся, и временная, и вечная, в деснице Его. Все Им для нас приготовлено, и все так устроено и приспособлено, что всякий имеет в своих руках возможность достигнуть вечного в Нем блаженства. Усмотрение всего этого в частности каждым в отношении к себе — естественно поставляет его в состояние благодарения, которого вполне нельзя выразить. Благодарение настоящее есть благодарное изумление беспредельной благости Божией. Много мешает

развиться благодарности непонимание, как все случайности жизни служат во благо нам вечное, особенно неприятности. Усмотреть это и не дается, кажется, никому. Живая вера признает, что так есть, и располагает за все благодарить. Всем, что бывает с нами, Бог устрояет наше спасение. Так это есть, хотя и не видно как. Святой Златоуст в объяснение этого говорит: введу тебя в мастерскую плотника. Что увидишь? — То режет, то долбит, то стругает. А к чему все это, ты не видишь. Однако ж не говоришь, что он все это делает без цели, а полагаешь, что из разбросанных в беспорядке частей выйдет какая-нибудь вещь полезная — стол, стул, ящик. Так это и бывает. Поверь же, что и Бог из тебя хочет сделать нечто гожее для Царства Своего. Оттого, когда бываешь в положениях, похожих на строгание, долбление и пиление, верь, что все то необходимо, чтобы из тебя что-либо вышло, и по вере сей — благодушно терпи и благодари.

2. Частные правила христианской жизни по состояниям 5,21—6,9

Берет во внимание святой Павел только отношения членов семейства и определяет христианский образ действования для каждого класса их. Может быть, потому так, что ефесяне, составлявшие Церковь, ни в каких других соотношениях и

не состояли; или, может быть, потому, что эти отношения – главные между людьми, и никого не найдешь, кто бы не состоял в них какою-либо стороною; или еще и потому, что исправный здесь будет исправен и везде. *Сначала* определяет Апостол отношения главных членов, на коих стоит само семейство, – мужа и жены, – 5, 22–33; *потом* – детей и родителей, – 6, 1–4; *наконец* – слуг и господ, – 6, 5–9. Так как весь сей семейный союз держится на повиновении одних другим, то он поставляет урок повиновения *во главу* – 5, 21; а далее прилагает его к тем членам семейства, которые должны особенно исполнять его, именно: к женам – *жены мужам повинуйтеся* – 5, 22; к детям – *чада послушайте родителей* – 6, 1; к рабам – *раби послушайте господий* – 6, 5. Вслед за уроками этим членам указывает он образ действования и соответствующих им лиц, коим принадлежит преобладающее достоинство мужей – 5, 25, отцов – 6, 4, и господ – 6, 9. Казалось бы, что со стороны сих последних не повиновение оказывается, а власть упражняется, но когда им предписывается любовно внимать нуждам соответствующих им низших и всячески устроять их благосостояние, то этим без слов говорится то же, что Господь сказал: больший – будь всем слуга (блаженный Иероним). И Апостол изображает образ служения сих бóльших меньшим в семействе, характеризуя власть их

возможностию к ширшему деланию добра. Взаимных обязанностей членов семейства касается святой Павел и в других посланиях. В послании к Ефесянам та особенность, что здесь существеннее определено значение брачного союза. Нигде он так высоко не поставлен, и на достоинство его нигде так глубоко не воззрено, как здесь, когда идеал союза сего указан в союзе Господа Иисуса Христа с Церковию.

а) Главный урок взаимного повиновения

Стих 21. *Повинующеся друг другу в страсе Божии.*

Грамматически этот текст относится к предыдущему, а по содержанию – к последующему. Сему дивиться нечего, ибо святому Павлу не чужды такие приемы. *Повинующеся* стоит в ряд с *благодаряще, поюще, глаголюще.* Но эти последние находятся в сочетании с *исполняйтеся духом,* а *повинующеся* – с этим в сочетание поставить нельзя. Святой Павел поставил так слово сие за ряд с теми, на переходе к последующим урокам. Будем принимать сии слова, как бы сказано было: *повинуйтеся друг другу в страхе Божии.*

Этот урок не одних членов семейства касается, хотя их отношения из него вытекают, но обнимает всех христиан. Всякий повинуйся другому, то есть никогда не ставь на своем, а свою волю подклоняй под волю другого. Таким образом,

не иметь своей воли есть коренной закон во взаимноотношениях христианских. Апостол не указывает никакого ограничения сему закону; разве только принять в сем смысле слово: *в страхе Божии*. Это значит: не из человекоугодия, не в надежде каких выгод, не по каким-либо другим внешним уважениям, а по *одному страху Божию*, по уверенности, что на то есть воля Божия, не вообще только, но и в каждом частном случае. Чтоб возыметь такую уверенность, надо в каждом случае увидеть, что желание или требование другого, пред которым должна склоняться наша воля, если будет удовлетворено, принесет ему существенную пользу, временную или вечную. Повиновение при этом условии будет истекать из христианского долга – самоотвержения и любви, которой заповедано простираться до положения души своей за брата. Крепость же сих обязательств стоит на страхе Божием. Как в совершенстве исполнить эту заповедь взаимного повиновения при многоразличнейших сочетаниях и сплетениях случайностей, – в этом христианская мудрость. То несомненно, что жертвующий для других собою и своим никогда не бывает в проигрыше, если делает все по страху Божию. Ибо есть Око всевидящее, и стакан воды не останется без воздаяния в свое время, нужнейшее для каждого.

Святой Златоуст говорит: «Если ты повинуешься из-за подчинения, из-за денег или из-за стыда, то тем более из страха Божия (повинуйся). Пусть не занимает один место свободного, а другой — раба, но пусть у вас будет общество друг другу служащих друзей, где нет ни гнева, ни досады, ни раздражения, где все действуют по свободному избранию и по любви друг к другу. Служи всем, как господам, и скоро ты будешь иметь их слугами. Еще более ты приобретешь их, если, ничего от них не получая, будешь отдавать им свое. *Повинующеся друг другу в страхе Христовом*, значит, чтобы мы обуздывали все страсти, служили Богу, питали любовь друг к другу, — и тогда будем достойны человеколюбия Божия» (сокращенно).

б) Приложение сего начала к членам семейства

К жене и мужу

5, 22—33

Стих 22. *Жены, своим мужем повинуйтеся, якоже Господу.*

Начинает с супружеского союза, показывая особенную о нем заботливость, как замечает святой Златоуст. «И это не напрасно, потому что если супружеские отношения в порядке, то и дети воспитываются хорошо, и слуги благочинны, и соседи, и друзья, и сродники (радуются), всем приятно их счастие, как бы некое благоухание. Если же где бывает напротив, то там во всем

беспорядок и замешательство». С жен же начал или потому, что к ним прямее идет — *повинуйтеся*, или, может быть, в показание высокого значения жены в семейной жизни. Ибо коль скоро она в порядке, то все в доме в порядке. Сила речи Апостола не в указании на долг повиновения, ибо это и без того повсюду велось, а на то, в каком духе должно быть оказываемо сие повиновение, именно: *повинуйтеся, якоже Господу*. Повиновение жены мужу в христианстве принимает высший характер, яко такое, которое вытекает из страха Божия и уравнивается с делами Богоугождения, прямо Самому Господу творимыми. Она повинуется мужу в уверенности, что Господь принимает такое повиновение, как бы оно Ему прямо было оказываемо; или повинуется ему, не яко сильнейшему и господственному по порядку естества, но яко представителю Господа. Святой Златоуст говорит: «Сказавши: *повинуйтеся, яко Господу* — Апостол *или* разумеет следующее: яко знающие, что служите Господу, как и в другом месте говорит, что (они должны повиноваться) если не ради мужей, то в особенности ради *Господа* (Кол. 3, 18); *или*: если повинуешься мужу, то думай, что ты повинуешься, как работающая Господу. Ибо если противящийся даже внешним общественным властям противится *Божию повелению* (Рим. 13, 2), то тем более не повинующаяся мужу. Этого Бог требует от начала».

Стих 23. *Зане муж глава есть жены, якоже и Христос глава церкве, и Той есть Спаситель тела.*

Муж — глава. Кажется, святой Павел хотел сим напомнить, что древнее присуждение: *к мужу твоему обращение твое и той тобою обладати будет* (Быт. 3, 16) не потеряло силы и в христианстве, только здесь муж представляется набольшим, не как носитель преобладающей власти, а как всесторонний попечитель и охранитель жены, и только в этом, а не в другом смысле — глава ее, к которой она, как тело, должна обращаться. Муж, по Апостолу, в брачном союзе то же для жены, что Христос для Церкви, в благодатном порядке, или по домостроительству спасения. Сравнивается муж со Христом, жена с Церковию. Пункт сравнения — главенство: муж — глава жены, как Христос — Церкви. Но Апостол пишет не как что есть, а как что должно быть. Потому в словах его должно видеть такую мысль: муж — глава жены в таком же смысле, в каком Христос — глава Церкви. Но Христос — глава Церкви, яко Спаситель сего тела Своего. Да будет же и муж глава жене по причине спасительства своего для нее. В чем и да будет для мужа основание главенства; для жены — побуждение к повиновению. Сказавши: муж — глава жены, как Христос — Церкви, Апостолу предлежало лишь сделать вывод: итак, пусть жены

повинуются во всем мужьям, как Церковь – Христу; что и делает он в следующем стихе. Но он намеренно прибавил положение, в коем указывает, почему Христос – глава Церкви, чтоб и главенству мужа придать христианское основание и повиновению жены – нравственнейшее побуждение, – именно: *Той есть Спаситель тела.*

Христос есть глава Церкви, потому что есть Спаситель сего тела Своего. Он стал главою чрез спасение спасенных, и спасенные стали членами Его чрез спасение. Поставляя главенство мужа над женою наравне с главенством Христа над Церковию, яко Спасителя ее, не указывает ли, что муж должен являть себя спасителем жены, чтоб и жена видела в нем своего спасителя, и на том чувстве, что он защита, оберегатель и покров ее и что она за ним, как за горою, должна держать и оживлять свое ему повиновение. Феофилакт пишет: «Как Христос, будучи главою Церкви, промышляет о ней и спасает ее, так и муж – спаситель жены, тела своего. Как же телу сему не повиноваться главе, пекущейся о нем и спасающей его?» «Таким образом, – говорит святой Златоуст, – он предложил мужу и жене, как основание их счастия, взаимную любовь и заботливость, указав каждому из них то, что кому прилично, – одному начальство и попечение. другой – повиновение». Та же мысль и у блаженного Феодорита: «Весьма премудро божественный

Апостол представил сей пример. Ибо оного достаточно, чтобы и женам внушить уважение к своим мужьям, и в мужей вложить нежную любовь к своим женам».

Стих 24. *Но якоже церковь повинуется Христу, такожде и жены своим мужем во всем.*

Текст этот и по содержанию понятен сам собою, и в том отношении, как он здесь стоит. Он есть прямой вывод из предыдущего и не представляет ничего нового, что бы не сказано было выше. И наши толковники ничего почти не говорят на него. Только блаженный Феофилакт решает вопрос: «Как во всем повиноваться? И тогда будто повиноваться, когда он уклонится в неверие и ее станет склонять к тому же? — Но, — говорит, — у Апостола здесь слово не о неверных, а о верных мужах. Христос — глава Церкви — Бог есть, собирает и ведет Церковь Свою к вечной славе. Это она знает и не колеблясь повинуется Ему во всем, что угодно Ему творить в ней и с нею во внутреннем ее устройстве и во внешней участи. Но о человеке всегда уместно сомнение, а потому и ограничение этого *во всем*. Оно, впрочем, и в речи Апостола очень сильно ограничено словом: яко Господу, которое дает и такую мысль: в целях и в видах Господа, как в послании к Колосянам и сказано: *якоже подобает, о Господе* (3, 18), и еще более сравнением главенства мужа с главенством Господа, которое исходит из спасения.

Что за спаситель муж, если он спасает тело только под условием погубления души?!»

Другое замечание делает блаженный Иероним — о святости супружеской жизни. «Если жена так должна повиноваться мужу, как Церковь — Христу, то между мужем и женою союз должен быть святой, и никогда не должны они работать плотским страстям». Та же мысль и у святого Дамаскина: «Апостол обязывает жену повиноваться мужу образом повиновения Церкви Христу для того, чтобы это повиновение было не телесного, но духовного характера».

Стих 25. *Мужие, любите своя жены, якоже и Христос возлюби церковь, и Себе предаде за ню.*

Дал женам заповедь и пример повиновения, дает теперь мужьям заповедь и пример любви, — в любви Христа Спасителя к Церкви. В брачном союзе главная обязанность жены — повиноваться мужу, главная обязанность мужа — любить жену. Но как в муже не исключается обязанность слушаться разумных советов и желаний жены, так в жене — обязанность любить мужа. У них все должно быть взаимообразно. Святой Павел в изложении их Богу угодных отношений настаивает на том особенно, что скорее с чьей стороны может быть нарушаемо. Что жена любит, об этом и говорить нечего, но она скорее и забываться может. Что муж любит себе подчинять жену, и это — само собою делается, но он может простирать сие

далее надлежащего. Святой Апостол и оговаривает сии возможные уклонения с той и с другой стороны. Жена должна паче всего соблюдать повиновение мужу, потому что покушение жены взять преобладание расстроивает мир семейный. Муж паче всего любить должен жену, потому что эгоизм с его стороны делает невозможными благоденствие и сладость семейной жизни.

Если сличить, на кого более налегает Апостол, то окажется, что больше на мужа. Приняв во всей строгости, что жены по образу повиновения Церкви Христу Господу должны повиноваться мужам во всем, должно принять во всей строгости и обязательную для мужей любовь — в мере любви Христа Господа к Церкви. Но Господь предал Себя за Церковь, следовательно, и мужья должны простирать свою любовь к женам до готовности жертвовать за них и самою жизнию. Где есть, впрочем, любовь, там это делается само собою. Но и справедливость этого требует: ибо, если взять в настоящей силе повиновение, увидим, что оно есть непрестанное умирание, — своих желаний и рассуждений отсечение. Справедливо, за такую долгую смерть жены, мужу в случае нужды умереть однократно.

Святой Златоуст в этой силе разумеет любовь мужа к жене. Обращаясь к мужу, он говорит: «Ты слышал о великом послушании, ты доволен Павлом, что он, как некий дивный и духовный

учитель, учит нас порядку в жизни. Хорошо! Но послушай, чего он требует и от тебя, тот же самый пример он приводит и далее: *мужие*, говорит, *любите своя жены, якоже и Христос возлюби Церковь*. Видел меру послушания? — Послушай же и о мере любви. Хочешь, чтобы жена повиновалась тебе, как Христу повинуется Церковь? — Заботься же и сам об ней, как Христос о Церкви. Хотя бы нужно было пожертвовать за нее жизнию или потерпеть и пострадать что бы то ни было, не отказывайся, но и хотя бы ты потерпел все это, не думай, что ты сделал что-нибудь подобное тому, что сделал Христос. Умей заставить ее быть тебе покорною твоим великим об ней попечением, любовью, дружбой. Нет уз крепче этих, особенно для мужа и жены. Слугу можно иногда связать страхом, но сопутницу жизни, мать детей и виновницу всех семейных радостей нужно привязывать к себе не страхом и угрозами, но любовию и расположенностию. Что за супружество, когда жена трепещет мужа? Каким удовольствием может насладиться муж, который сожительствует с женою, как с рабою, а не как с свободной? Если бы и случилось потерпеть что за нее, не ропщи: Христос этого не делал».

Стихи 26 и 27. *Да освятит ю, очистив банею водною в глаголе; да представит ю Себе славну*

церковь, не имущу скверны или порока, или нечто от таковых, но да будет свята и непорочна.

О сих спасительных действиях домостроительства нашего спасения святой Павел поминает не с тем, чтобы их изъяснить: это делает он в других местах; но душа его всегда полна была созерцанием сих таинств, и он не мог пропустить случая, когда он представлялся, чтоб не коснуться их. Он хотел провесть их во все порядки жизни, чтобы, в каких бы сочетаниях отношений ни текла жизнь, она не отвлекала от созерцания их, а оживляла и поддерживала его. В этом отношении можно предполагать у Апостола намерение – далее провесть параллель обязательных для христианского мужа отношений к жене из отношений Христа Господа к Церкви.

Самое содержание сих текстов понятно. Господь предал Себя за Церковь, благоволив понести крестную смерть. Предал Себя так Господь, да освятит Церковь, – или всех верующих чрез освящение каждого христианина. Каким образом? – *Очистив банею водною в глаголе*, то есть святым крещением, в коем с погружением в воду троекратным произносятся слова: во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Это видимые действия святого крещения. Невидимо же при сем крещаемый погружается в смерть Христову, получает отпущение грехов и совсем умирает греховной жизни, а, выникая из воды, приобщается силы

воскресения Христова и возрождается к новой духовной святой жизни. Крещеный, не именем только, но существенно, чист и свят. Это делается с каждым, следовательно, со всеми приступающими к Господу, со всею Церковию. Вся Церковь свята, прошедши чрез очистительную и освятительную баню пакибытия. *Да представит ю Себе*. Сими словами показывается, для чего так учреждено, чтобы всем проходить чрез купель крещения. Для того, говорит, так делает Господь, чтобы представить пред Себя Церковь, то есть всех верующих, славною, — внутренними совершенствами, не имеющею никакого недостатка, чистою и непорочною. Невесту для представления жениху, и тем паче под венец, — моют, чистят, наряжают всячески. Это делает и Христос Господь с Церковию. Положив сочетаться с нею, Он преукрашает ее всякими добротами. Ибо не пристало, чтобы с чистейшим и совершеннейшим могло что-либо сочетаться, оставаясь в нечистоте и с недостатками. В словах: *да будет свята и непорочна*, можно видеть указание на продолжение освящения, полученного в крещении, и чрез всю жизнь. Затем там все старое и безобразное умирает и подается все новое, чистое, чтобы получить возможность сочетаться со Христом, а далее и для того, чтобы, сподобившись сего великого блага, всю жизнь хранить себя в святости и

непорочности, чтоб сохранить и сочетание со Христом.

Таково отношение Церкви ко Христу. Параллели подобных отношений мужа к жене не делает святой Павел, предоставляя это сделать всякому. Главная цель его – расположить мужа ко всякой любовной попечительности о жене достигается и этим простым указанием. Наши толковники проводят эту параллель. Блаженный Иероним упоминает, что некоторые еретики злоупотребляли сим местом, покушаясь доказать, что брак в обыкновенном его смысле непозволителен христианам. «Таковым, – говорит, – коротко ответить должно, что если что воспрещается здесь Апостолом, то воспрещаются страсти, нечистота, чувственная похотливость, а не святой союз. Рождение детей в брачном союзе разрешается, а похотствования, наподобие блуднических обыманий, в супругах осуждаются. – Читая это, всякий муж и жена да разумеют, что, по зачатии, им следует более упражняться в молитве, а не в удовольствиях брачных. В животных это исполняется по закону естества, а в христианах то же должно быть делом свободы, чтобы воздержание имело нравственную цену и заслуживало воздаяния».

Блаженный Феодорит видит в сем указание вообще на попечительность о жене. «Подражайте Владычней попечительности, и, какую Господь оказал в рассуждении Церкви, такую же и вы

имейте в рассуждении живущих с вами в супружестве. Ибо Владыка Христос не отрекся и умереть за Невесту Свою, чтобы ее очистить, сделать славною, сгладить с нее следы прежней старости и явить свободною от всякого порока. Посему и нам надлежит иметь такую же любовь к супругам и прилагать об них попечение, как о собственном своем теле».

Святой Златоуст обязывает мужа обращать преимущественное внимание на нравственную сторону жены и при выборе ее, и во время жизни с нею. «*Да освятит ю, очистив.* — Значит, она была нечиста; значит, на ней были грязные пятна; значит, была безобразна и ничего не стоила. А ты какую бы ни взял жену, твоя невеста не будет такова, какою Христос обрел Церковь; она не так будет отлична от тебя, как была отлична Церковь от Христа. При всем том Он не возгнушался ею и не возненавидел ее за ее чрезмерное безобразие. Хочешь знать, как она была безобразна? — Послушай, что говорит святой Павел: *бесте бо иногда тма* (Еф. 5, 8). Видишь черноту ее? Что чернее тьмы? Что еще сказать? Она была и безумна, и богохульна. Однако несмотря на то, что в ней было так много дурного, Он и за безобразную предал Себя, как за прекрасную, как за возлюбленную, как за достойную дивной похвалы. И, принявши ее такою, Он украшает ее и омывает, и не отказывается от этого. И не только

украсил ее, но и сделал славною, не имеющею скверны или порока, или нечто от таковых. Не требуй от жены того, чего у нее нет. Видишь, что Церковь все получила от Господа? Чрез Него она сделалась славною, чрез Него — непорочною. Не отвращайся же и ты от жены из-за ее непривлекательности. Она Божие создание; не ее ты порицаешь, но Того, Кто создал ее; чем виновата жена? Не хвали ее и за красоту. Развратным душам свойственны такая похвала и такая ненависть, да и самая страстная любовь. Ищи красоты душевной; подражай Жениху Церкви. Телесная красота производит великую наглость и много неразумного; она возбуждает ревнивость и нередко заставляет подозревать себя в гнусных поступках. — Но она, скажешь, доставляет мне удовольствие? — Один месяц или два, и много, если год, но далее отнюдь нет; напротив, от привычки диво это скоро теряет свою прелесть. А то, что в нем есть дурного, остается навсегда: ослепление, безумие, высокомерие. В удовольствии же, доставляемом не этою красотою, ничего нет подобного; там любовь, начавшаяся надлежащим образом, остается постоянною, как любовь к красоте душевной, а не телесной. Будем же искать в жене благоразумия, умеренности, кротости; таковы признаки истинной красоты. Но не будем искать телесной красоты, и не станем много укорять ее за то, что не от нее зависит, или лучше

и вовсе не станем укорять, ибо это свойственно дерзости, и не будем огорчаться и негодовать. Или не видите, сколько таких, которые жили и с красивыми женами, но бедственно окончили свою жизнь; напротив, сколько таких, которые имели жен не очень благообразных, но в полном благополучии дожили до глубокой старости? Истребим внутреннюю скверну, очистим внутренние недостатки, уничтожим пятна душевные. — Бог желает такой красоты. Уготоваем ее (жену) прекрасною для Бога, а не для самих себя. Не станем искать ни денег, ни внешнего благородства, но благородства душевного. — Кто, скажи мне, оставив важнейшее, станет заботиться о маловажном? Но, увы, мы всегда так поступаем. Если у нас есть сын, то мы не о том стараемся, чтобы он был хорош, но как бы найти ему богатую жену, не о том, чтобы был благонравен, а о том, чтобы был богат. И если начертываем образ жизни, то также не о том заботимся, как бы нам жить безгрешно, но о том, как бы нам приобресть больше прибытков. Деньги стали значить все. Оттого и повредилось все, что мы одержимы этой страстию».

Стих 28. *Тако должни суть мужие любити своя жены, яко своя телеса; любяй бо свою жену, себе самаго любит.*

Выставляет новое сильнейшее и яснейшее побуждение к любви. Сказанное пред сим могло быть не ясно понято, могло казаться далеким.

Он и говорит как бы: может быть, сказанное не так для вас понятно, скажу прямее и ближе: *любите жен, как свои тела*; ибо, в самом деле, они суть тела ваши, и, любя их, вы не на сторону обращаетесь, а на себя же, ибо, любя жен, себя любите. Так сочетавает течение речи святой Златоуст: «Переходит Апостол к сильнейшему примеру; и не только это, но к ближайшему и яснейшему, и к новой причине. Ибо то (сказанное) не казалось весьма необходимым, и для того, чтобы не сказал кто-нибудь: Он был Христос, был Бог и Са́м Себя предал,— Апостол иным способом доказывает то же, говоря: *тако должни суть любити, яко своя телеса.*— Итак, это — не милость, а долг».

Что следует из обязанности любить своих жен, *яко своя телеса*, очевидно само собою. «Но каким образом жена есть плоть мужа? — Послушай: *се ныне*, говорит Адам, *кость от костей моих и плоть от плоти моея* (Быт. 2, 23). Ева есть плоть от плоти Адама» (святой Златоуст). Это основание Апостол не выставляет здесь, предполагая его известным. Ибо, кто знает, как первоначально произошла жена, тот не может недоумевать, как жена есть тело мужа. Праматерь Ева взята из праотца Адама, и Адам прямо определил ее, говоря: *се плоть от плоти моея.* Но что тогда физически совершено, то потом по закону, Богом положенному, совершается у мужа

с женою нравственно. По браке муж жену имеет, в чувстве своем, частию себя самого; и жена в чувстве своем имеет себя привитою к мужу, так что самым делом выходит, что они оба — плоть едина, то есть одно существо, одно лицо. Апостол и говорит как бы: нечего тебя учить, как любить жену; люби, как часть тебя самого. Конечно, любовь к жене требует жертв (как выше выходило из указания на отношение Христа Господа к Церкви), но эти жертвы не на сторону, а на тебя же. Любяй жену, себя любит. Следовательно, и жертвуяй чем для жены, на себя жертвует.

Стих 29. *Никтоже бо когда свою плоть возненавиде, но питает и греет ю, якоже и Христос церковь.*

Если любовь мужа к жене так натуральна, то нечего бы и говорить о том. Любовь и бывает всегда, но нередко смысл свой теряет. Бывает, что муж и любит жену, но помыкает ею, как вещию. Апостол напоминает такому: смотри, она часть, равная тебе, ибо вы с нею одно целое составляете. Бывает, что муж смотрит на жену слишком чувственными очами. Апостол напоминает такому: она тело твое, но не для телесных сластей; имей к ней разумную любовь, как закон велит разумно относиться и к телу. Разумно относящийся к телу питает и греет его не ради сластей плотских, а ради того, что оно есть необходимое орудие к исполнению целей жизни (блаженный

Иероним). Блюди, питай и грей жену, как орудие, но не механическое, а самодеятельное, — как помощницу и сотрудницу.

Цель в словах Апостола не та, чтоб располагать мужей любить жен, ибо это само собою бывает, но та, чтобы любовь сию — из естественной преобразовать в нравственный закон и долг, который не должен быть нарушаем по какой-либо блажи сердечной, а должен сохранять силу свою на всю жизнь, как союз души с телом, — и особенно та, чтобы из плотской преобразовать ее в духовную — одухотворить ее, что делает он указанием на разумное отношение к телу, наипаче же на указание отношения Христа Господа к Церкви.

Всякий питает и греет плоть свою: питай и грей и жену свою, но так, как питает и греет Церковь Свою Христос Господь. Словами — *питать и греть* означил Апостол всестороннюю попечительность, а указанием на грение и питание Христом Церкви определил качества и цели сей попечительности. Христос попечение имеет о Церкви в каких видах? — *Да будет свята и непорочна*, как сказано выше. Надо полагать, что подобные же цели разумеет Апостол и под питанием и грением жены, а не одно то, чтобы кормить только ее, одевать и обувать. Блаженный Иероним подает мысль: пусть и жены стремятся к полному Богоугождению, чтобы востечь в мужа

совершенна, — и перестать быть женами. Затем, взявши слова Апостола в переносном смысле и в муже видя — душу, а в жене — плоть, говорит: пусть душа так обучает плоть свою, чтоб и она увидела спасение Божие. Наконец сводит то и другое в едино и говорит: «Да греют мужья жен, и души тела́ так, чтоб жены преобразовались в мужей и тела в души, — и чтобы престало различие полов. Но как у Ангелов несть мужеск пол и женск, так и мы, имеющие быть равными Ангелам, уже отныне да начнем быть тем, чем обетовано нам быть на небесах».

Но все же нельзя упускать из вида, что Апостол выясняет долг любви только с христианской точки зрения. Пример же любви Христа Господа к Церкви выставляет он и в образец, и, может быть, для того, чтобы взаимно прояснить и отношение Христа Господа к Церкви, прилагая известное в естественном порядке к порядкам сверхъестественным. Но и то правда, что тому, как Христос питает и греет Церковь, ничего нет и быть не может подобного, ни в каком естественном порядке. Здесь не то разумеется, что сказал Господь о Своем попечении о Церкви ветхозаветной: *коль краты восхотех собрати чада твоя под крыле* (Мф. 23, 37; Лк. 13, 34), хотя и это имеет место, но нечто особеннейшее, ближайшее, существеннейшее. Ибо у Христа с Церковию не внешний союз — одного после другого, но

внутреннейший — одного в другом. Ева из Адама; но стала вне его, и союз у них остался душевный, каков и у мужа с женою. И Церковь из Христа, но не становится вне Его, а Его имеет в себе, проникающим все в ней и живущим в ней всей. Это выражает Апостол в следующем тексте:

Стих 30. *Зане уди есмы тела Его, от плоти Его, и от костей Его.*

Мы — все верующие есмы члены тела Его, составляем тело Его — Церковь. Каждый верующий от Христа отрождается и поступает в тело Его, не отделяясь от Него. *От плоти Его и от костей Его* — образное выражение того, что существенность христианская заимствована нами от Христа. Святой Златоуст говорит: «Как Сын Божий — нашего естества, так и мы — Его сущности; и как Он имеет нас в Себе, так и мы имеем Его в себе». Это совершается в крещении и поддерживается причащением: ибо — *во Христа облекостеся* — не одни слова, а существенное преобразование по образу Христа и по причине подобия такого сочетания с Ним. Равно и то, что говорится о причастнике: *во Мне пребывает и Аз в нем*, существенное дело есть. — Вот как мы от плоти Его и от костей Его, и как есмы уды Его. — Святой Златоуст говорит: «Что значит: *от плоти Его*? — Значит, истинно от Него. Но как чрез это мы бываем членами Христовыми? — Так, как мы родились подобно Ему. Каким образом от

плоти? – Это знаете вы, которые причащаетесь тайнам, ибо чрез это мы тотчас преобразуемся». Блаженный Феодорит пишет: «Как Ева создана из Адама, так мы из Владыки Христа. С Ним погребаемся и восстаем в крещении, ядим тело Его и пием кровь Его».

Вот как питает и греет Церковь Свою – всех верующих Христос Господь. Дело совершается существеннее и глубже, чем идет общее промышление. – Так это есть, хотя невместимо для понятия, а может быть, иную и веру превышает. Господи, приложи нам веру!

Стих 31. ***Сего ради оставит человек отца своего и матерь, и прилепится к жене своей, и будета два в плоть едину.***

Мысль места ясна. «Уважай сей первый закон, который дан по сотворении жены и внедрен в естестве человеческом. Ибо вступающий в брак, оставляя родителей, сочетавается с женою, и союз делается столько тесным, что двое почитаются составляющими одну плоть» (блаженный Феодорит). – Но чего ради приводится сей закон?

Все толковники относят слова сии к 28 стиху, как доказательство, почему муж, любя жену, любит ее, как свое тело и как самого себя. Потому, говорит, так это бывает и быть должно, что они становятся плоть одна. Но, думается, ближе относить их к непосредственно предшествующей речи о тесном живом союзе верующих со Христом

Господом. Сказано: мы от плоти Его и от костей Его. Поэтому к нам же идет и тот закон, который изречен Богом вслед за такими же словами, сказанными Адамом. Адам сказал: се кость от костей моих и плоть от плоти моея, — и Бог запечатлел это законом: сего ради оставит человек и проч. Так будет отселе во все роды века. Святой Апостол, приведши слова Адама в пояснение союза верующих с Господом, приводит и закон тот о сочетании мужа с женою. Но если мы слова — *от костей Его и от плоти Его*, взятые из речи Адама, должны понимать о союзе верующих со Христом, то чего ради закон, изреченный вслед за словами Адама, понимать в прямом, а не в применительном к союзу верующих со Христом смысле? — Никакой нет на это необходимости, тем паче, что вслед за сим Апостол определяет сам направление своей речи: это говорю я в отношении ко Христу и к Церкви. — Итак, ничто не мешает слова текста сего разуметь как указание на закон, по которому Христос Господь сочетавается с душами верующими и души верующие со Христом Господом. И, кажется, Апостол имел в виду преимущественно эту последнюю сторону союза, именно союз душ с Господом, — и цель слова его: — *два плоть едина*, — верующие и Господь — едино. Посему-то и стоит у Апостола: ἀντὶ τούτου — вместо сего. Впереди сказал: Господь питает и греет нас, так как мы плоть от

плоти Его и кость от костей. Теперь говорит: вместо сего — мы должны так прилеплены к Нему быть, чтобы составлять едино. Ибо и Он уже так приобщился нам, что всего Себя предал нам. Можно находить указание на такую мысль в словах святого Златоуста: «Таким образом, и мы делаемся со Христом едина плоть, — по причастию». И несколько ниже: тут происходит «духовный союз, в котором душа соединяется с Господом неизреченным союзом, как Он один знает. Посему и сказано: *прилепляяйся Господеви, един дух есть с Господем* (1 Кор. 6, 17). Об этом и Псалмопевец говорит: *слыши дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя, и дом отца твоего, и возжелает царь доброты твоея* (Пс. 44, 11—12)». На это же наводят и слова блаженного Иеронима: «Слова сии в переносном смысле относятся ко Христу и к Церкви. Адам прообразовал Христа, Ева — Церковь. Как из Адама и Евы народился весь род человеческий, так от Христа и Церкви народилось и нарождается все множество верующих, которое, составляя единое тело, опять влагается в бок Христов и наполняет место ребра, став в едину плоть с Ним, как с мужем. Об этом и Сам Господь в Евангелии молился: *да вси едино будут: якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут* (Ин. 17, 21)».

При такой мысли понятными становятся и следующие за сим слова:

Стих 32. *Тайна сия велика есть: аз же глаголю во Христа, и во Церковь.*

Очевидно, что предыдущие слова привел Апостол с тем, чтобы навесть читателей на мысль об отношении Христа Господа к Церкви и Церкви ко Христу. Это он и подтверждает теперь, говоря как бы: слова сии я привожу в высшем таинственном значении; в них прямо указывается на тесный союз мужа и жены, но выражается и великая тайна общения Христа Господа и Церкви. Как приложить их к сей тайне, Апостол не объясняет, оставляя это сделать самим верующим; но в руководство к этому он сказал уже несколько слов впереди, именно: Христос питает и греет Церковь, мы от плоти Его и от костей. Нетрудно после сего и далее провесть это соотношение и видеть в словах, выражающих существо брака и его неразрывность, выражение и таинственного союза Христа Господа с Церковию. Сын Божий в воплощении оставил как бы Отца Своего Небесного (не разделяясь с Ним) и вступил в таинственный союз с искупленным человечеством — Церковию, которая тоже есть от ребра Его и вместе с Ним составляет едино.

Святой Златоуст хотя указывает великую тайну и в брачном союзе, но настоящая тайна, и по нему, в снисхождении Господа и сочетании Его с

Церковию. Он говорит: «Подлинно это таинство, — что человек, оставив произведшего его, родившего, воспитавшего, и ту, которая зачала его, болела им, в болезнях родила, — оставивши тех, которые столько благодетельствовали ему, к которым он привык, — сочетавается с тою, которой прежде не видал, которая ничего не имеет с ним общего, и предпочитает ее всему. Подлинно — это таинство. И родители не печалятся, но, напротив, печалятся, когда этого не бывает, и в знак радости не жалеют издерживать деньги и делать расходы. Поистине — это таинство великое, заключающее в себе какую-то сокровенную мудрость». — Но это сказал святой Златоуст после того, как указал уже в сих словах тайну союза Христа Господа с Церковию. «*Аз глаголю*, говорит при том Апостол, *во Христа*, — так как и Он, оставивши Отца, сошел и пришел к невесте и сделался единым духом с ней (а она с Ним). Ибо *прилепляяйся Господеви, един дух есть с Господем* (1 Кор. 6, 17)». То же пишет и Феодорит: «Сам Христос, оставив вышнего Отца, сочетался с Церковию. Но оставил по понятию вочеловечения, потому что, как Бог, неотлучен от Бога, так как и Сам имеет неописанное естество». В этом и тайна. — Пополнее выясняет эту истину блаженный Иероним: «Не все сказание об Адаме и Еве, написанное в книге Бытия, можно удобно, как думают некоторые, относить ко

Христу и к Церкви, но только то, что сказано в настоящем месте, то есть: *сего ради оставит человек отца своего и матерь и прилепится к жене, и будета два в плоть едину.* Первый человек, Адам, как первый пророк, прорек это о Христе и о Церкви, — что оставит Господь наш и Спаситель Отца Своего Бога и матерь Свою, Иерусалим небесный, и придет на землю ради тела Своего — Церкви, и образует ее из ребра Своего: для чего Слово и бысть плоть. И как не все таинства равны, но одно таинство больше, а другое меньше, то и говорит теперь: *тайна сия велика есть*; показывая же вместе и знак смирения своего, прибавляет: *аз же глаголю во Христа и во Церковь.* Григорий Назианзин, муж красноречивейший и много сведущий в Писании, когда мы рассуждали с ним об этом месте, не раз сказал: смотри, какова таинственность той главки (кажется, в книге Бытия), что Апостол, истолковывая ее в отношении ко Христу и к Церкви, не утверждает, чтоб изъяснился, как требует достоинство свидетельства, но сказал как бы: знаю, что место сие полно неизреченных таинств и требует от истолкователя своего божественного сердца; я же, по малости моего смысла, думаю, что его должно разуметь в отношении ко Христу и к Церкви не потому, чтобы что-либо было больше Христа и Церкви, но потому, что все, сказанное об

Адаме и Еве, изъяснить в отношении ко Христу и к Церкви очень трудно».

Стих 33. *Обаче и вы по единому, кийждо свою жену сице да любит якоже и себе, а жена да боится своего мужа.*

Апостолу, кажется, пришло на мысль, как бы кто не злоупотребил его словом о прилеплении верующих к Господу до того, чтобы стать едино с Ним, – и не стал учить, что для христиан совсем неуместна любовь брачная к женам, а следовательно, и самый брак. Почему и оговаривает: *обаче*... Однако ж это не мешает каждому из вас любить свою жену; люби всякий свою жену, как себя, и жена да боится мужа. Надо прибавить: только все о Господе, – чтоб не допускать такой любви стать препятствием к прилеплению к Господу. Святой Златоуст говорит: «Как будто бы сказал: это иносказательное доказательство не уничтожает необходимости любви». «Хотя слова те я принял в таинственном смысле, однако ж это не отменяет того, буквально высказанного здесь закона, коим определяются отношения мужа и жены» (Феофилакт). То же говорят Феодорит и Экумений.

Слова: *жена да боится своего мужа*, не предполагают страха рабыни, но обязывают жену к почитанию и уважению мужа, будто благоговению пред ним. Так блаженный Иероним: «Да боится, то есть да чтит мужа и благоговеет пред

ним». В этом значении тут то же говорится, что выше: *повинуйтеся,* — чтоб жены не выходили из воли мужа, а чтили его распоряжения и строго исполняли их. Святой Златоуст говорит: «Жена есть второе начало; значит, не должна требовать равенства с мужем, так как стоит под главою, ни он не должен высокомерно смотреть на нее, как на подчиненную, ибо она — тело его. Если голова станет пренебрегать телом, то пропадет и сама; но взамен послушания должна она (глава — муж) привносить любовь: как глава, так и тело. Но какая, скажут, может быть любовь там, где есть страх? — Там-то, собственно, она и будет. Ибо та, которая боится, и любит, и, которая любит, боится, как главы, и любит, как член: так как голова есть член всего тела. Для того он и подчинил ее, а мужа превознес над нею, чтобы был мир. Апостол показал образ любви, а образ страха — нет. — Почему же это? — Потому что хочет, чтобы преимуществовала любовь. Если будет она, то за нею последует все остальное, а если будет страх, то не вполне. Кто любит свою жену, тот, хотя бы она была и не очень послушна, все переносит; но если супруги не связаны силою любви, то единомыслие между ними — дело трудное. Страх же в этом случае не производит такого действия. Потому Апостол и останавливается преимущественно на том, что сильнее. И жена, хотя ей, по видимому, назначается худшая доля в

том, что ей предписывается страх, но она ничего не теряет от этого, потому что мужу предписывается то, что особенно важно, — предписывается любить ее. — И ты, муж, слыша о страхе, требуй страха, приличного свободной, а не как от рабы: так как она — тело твое. А если будешь поступать не так, то опозоришь себя самого, бесчестя свое тело. Что же это за страх? — Чтобы она не противоречила, чтобы не выходила у тебя из послушания, чтобы не стремилась к первенству. Довольно возбуждать только такого рода страх. Если же ты любишь как должно, то достигнешь гораздо большего почтения себе, и достигнешь этого не столько угрозами, но собственно любовию. Женский пол весьма слаб; ему нужна большая помощь, особенное снисхождение. Снисходя к ее немощи, доставляй ей все, все для нее делай и терпи: это необходимо тебе. Хотя жене принадлежит также власть в доме, — вторая; хотя она имеет начальство и равночестна мужу, но при всем том муж имеет нечто большее, именно — преимущественное попечение о доме. Соответственно со Христом, он получил и то, чтобы не только любить свою жену как должно, но и благоустроять жизнь ее. *Да будет*, говорит, *свята и непорочна*. Если ты сделаешь ее святою и непорочною, то за сим последует все. Ищи того, что Божие, а человеческое последует весьма легко. Управляй женою, и дом твой будет благоустроен. —

Вспомни об Аврааме, о Сарре, об Исааке, о трехстах осьмидесяти домочадцах: как благоустроен был дом их, как он весь был полон благочестия. Сарра исполняла апостольскую заповедь и боялась мужа (господина того зовущи). И Авраам так любил ее, что слушал ее во всем, чего она желала справедливо».

К детям и родителям
6, 1—4

Стих 1. *Чада, послушайте своих родителей о Господе: сие бо есть праведно.*

«Как художники, изображая тела, начинают с головы, потом переходят к шее, и наконец — к ногам, точно так поступает блаженный Павел в речах своих. Сказав прежде о муже и жене, теперь приступает говорить о детях, потому что над женой господствует муж, а над детьми муж и жена — вместе. Итак, слушай, что говорит он: *чада, послушайте родителей своих о Господе*» (святой Златоуст).

Послушание — основная обязанность детей в отношении к родителям, естественное следствие физической и нравственной зависимости, в какой состоят дети от родителей. Христианский характер получает оно, когда, кроме того, исполняется *о Господе*, то есть Иисусе Христе, в духе Христовом, ради Христа, из предваряющего всестороннего послушания Христу Господу, или, как в начале сказано, в страхе Господни.

Словом: *о Господе* и то сказывается, что это послушание благоугодно Господу, и то внушается, что в случае, если воля родителей будет несогласна с волею Господнею, то дети могут и не послушать их, чтоб не преслушать Господа. Святой Златоуст говорит: «О Господе, то есть на это есть воля Господня. — Бог, говорит, повелел так. Но как поступить, если бы приказания были безнравственные? Хотя весьма трудно ожидать, чтобы какой-нибудь отец, даже самый бесчестный, стал приказывать своим детям что-либо безнравственное, впрочем, и для подобного случая Апостол дает наставление, сказав: *о Господе*, то есть так, чтобы исполнением воли родителей тебе не оскорбить Бога. Например, если отец будет эллин или еретик, то уже не следует во всем слушаться его, потому что это не *о Господе* (то есть слушаться по предметам эллинства и еретичества)».

Сие бо есть праведно. Первое основание заповеди сей и первое к тому побуждение. И естественный закон справедливости того требует. Что может быть справедливее, как повиноваться тем, от которых получили бытие, воспитание и направление жизни. Равного за это воздаяния и принесть нельзя. Да воздается всегдашнее послушание. Чтобы это естественное дело освящалось верою, надо детям видеть в родителях представителей Творца и Промыслителя, чрез

них волю Свою о них изрекающего, и в сем качестве слушаться их и чтить их. Святой Златоуст говорит: «Заметь, какое твердое основание для добродетельной жизни полагает Апостол, – и справедливо, – в почитании и уважении родителей. Запретив худые поступки и намереваясь изложить учение о добрых делах, он заповедует, прежде всего, почитание к родителям, так как они для нас, после Бога, главные виновники жизни нашей; поэтому они же первые имеют право на наше почитание, а потом и все прочие люди. Если же кто не почтителен к родителям, тот будет ли когда-нибудь таковым в отношении к сторонним лицам?!»

Стих 2. *Чти отца твоего и матерь; яже есть заповедь первая в обетовании.*

Второе основание и побуждение к повиновению родителям для детей берет Апостол в заповеди закона чтить отца и матерь. Кто искренно почитает родителей, тот как решится оказать им непослушание? – И кто не оказывает послушания, тому кто поверит, что он почитает родителей? Почитание родителей – внутреннее чувство; дела послушания им – обнаружение внутреннего почитания. Но как послушание возможно и не из почитания, а или по страху, или по расчетам каким, например, о наследии, то Апостол хорошо поставил в основу послушания закон почитания,

чтоб видно было, кто есть истинный оказыватель послушания.

«Но в каком смысле сказано: *Яже есть заповедь первая?* – Апостол называет эту заповедь первою не в отношении к порядку, а в отношении к обетованию» (святой Златоуст).

Стих 3. *Да благо ти будет, и будеши долголетен на земли.*

«Здесь не беседует Апостол ни о Христе, ни о других возвышенных предметах, потому что умы, к которым обращает свою речь, еще нежны; посему же и увещание делает краткое, так как дети не могут следовать за длинным словом; по этой же причине и о Царствии Божием не говорит ни слова: не такому возрасту слушать об этом; но что больше всего желает слышать младенческая душа, о том и говорит, именно, что она будет долголетна. Если же кто станет доискиваться, для чего Апостол не говорит детям о Царстве благодати, а предлагает заповедь из закона Моисеева, – тем мы скажем, что он поступил так с ними потому, что они еще очень молоды, и потому еще, что весьма хорошо понимал, что если муж и жена верны будут тому закону, который он им изложил, то для них не будет стоить большого труда подчинить и детей тому же закону. Когда дело получает доброе начало и имеет верное и прочное основание, тогда оно идет весьма легко, успешно и твердо. Но положить основание и

поставить опору — в этом-то и заключается немаловажная трудность» (святой Златоуст).

Стих 4. *И отцы, не раздражайте чад своих, но воспитовайте их в наказании и учении Господни.*

Отцы. *О* матерях не поминает, не потому, чтобы и им не принадлежала часть в попечении о детях, но потому, что труд этот у отца и матери неразделен и что говорится одному, то падает на обоих. Отцы — то же, что родители.

Не раздражайте чад. Образом своего на них действования не доводите их до того, чтоб они могли возыметь на вас неудовольствие, серчание, досаду, гнев. Гнев вообще грешен; гнев на родителей еще грешнее. Не вводите их в этот грех. Это бывает от излишней строгости, от неразборчивой взыскательности и каких-либо несправедливостей, — от чего всего детям иногда бывает теснее рабов. Почему в послании к Колоссянам в побуждение к нераздражению детей поставлено: *да не унывают* (3, 21). До христианства отцы слишком много власти являли над детьми: вошло в обычай так. В отсечение сего излишества и пишет так Апостол, чтоб между христианами не повторялось того, что обычно среди язычников.

Обязавши — *не раздражать*, чем, можно сказать, запретил всякое не соответствующее духу христианства действование на детей, — обязывает

воспитывать. Настаивает же Апостол не столько на том, чтоб заставить воспитывать, ибо это и так делается повсюду, по закону естества, сколько на том, чтобы воспитывали их как должно. Двумя словами определяет это Апостол: в *наказании и учении* — παιδεία и νουθεσία. Если брать во внимание образ воспитания, то первым внушается педагогическая строгость, а вторым — сердечные материнские внушения и убеждения. Отсюда: воспитывать в строгости, с кротостию и нежностию. Если брать во внимание предметы или стороны воспитания, то первым указывается на образование нрава, а вторым — на вложение в ум здравых о всем понятий.

Норма для того и другого — дух христианства, чтоб и наказание, и учение были Господни. Итак, Апостол требует от родителей, чтобы они, соразмеряя строгость с кротостию, научали их и жить по-христиански, и смотреть на все глазами христианскими, или судить о всем христианским умом.

Святой Златоуст говорит на это место: «Не сказал: любите их; к этому влечет их, хотя бы они этого не хотели, самая природа, а потому излишне было полагать закон касательно этого предмета. Но что говорит? — *не раздражайте чад своих*, как это делают многие родители, лишая детей своих наследства, оставляя их без призрения, обращаясь с ними жестоко, как с рабами.

Поэтому говорит: *не раздражайте чад своих*. Затем, что особенно важно, указывает, как сделать их послушными, и говорит, что это зависит от главы и начальника. Как причину послушания жены он указал в муже, с которым потому и говорит о многом, умоляя его, между прочим, привлекать к себе жену силою любви, так и в настоящем случае в нем же полагает причину послушания детей, когда говорит: *воспитывайте их в наказании и учении Господни*. Видишь ли, что, когда есть духовное добро, за ним явится и плотское? Хочешь ли, чтобы сын твой был послушен? — С детства воспитывай его в наказании и учении Господнем. Не думай, чтобы слушание Божественных Писаний было для него делом излишним. Там он услышит: *чти отца твоего и матерь твою*, — слова, направленные к твоей пользе. Не говори: "Это слушание Писаний — дело монахов; ужели мне сделать его монахом? Нет надобности быть ему монахом!" Что это в тебе за страх, — боишься того, что преисполнено многих выгод? Сделай его христианином. Ибо и мирянам весьма нужно внимать учению, заключающемуся в Писании, а особенно детям, так как в этом возрасте еще многого не знают. Но, не зная Божественных истин, они знают, однако ж, нечто из сочинений языческих, изучая в них жизнь дивных, по их понятиям, героев, которые служили страстям и ничего доброго в пример и

подражание не представляют. Итак, сын твой нуждается в этом спасительном руководстве, — в наказании и учении Господни.

Не безрассудно ли учить детей искусствам, посылать их в училище, ничего не жалеть для такого их образования, а о воспитании их *в наказании и учении Господни* не заботиться? За то-то сами мы первые и пожинаем плоды такого воспитания детей своих, видя их дерзкими, невоздержными, непослушными, развратными. Не будем же поступать таким образом и послушаем увещания блаженного Павла: станем воспитывать детей своих в наказании и учении Господни, подадим им пример благочестия, заставим их с раннего возраста упражняться в чтении Писаний. Ах! я постоянно говорю это; только мне думается, не напрасно ли трачу слова свои? Но при всем том я не перестану говорить об этом: это — мой долг!

Доколе будем мы оставаться плотскими людьми? Доколе будем пресмыкаться по земле? Все у нас должно быть второстепенным в сравнении с заботой о детях и с тем, чтобы воспитывать их *в наказании и учении Господни*. Кто прежде всего научается быть любомудрым, тот чрез это приобретает богатство, превосходящее всякое богатство, и величайшую славу. Не так полезно образовать сына, преподавая ему науки и внешние знания, посредством которых он станет приобретать

деньги, сколько — если научить его искусству презирать деньги. Если хочешь сделать его богатым, поступай таким образом. Богат не тот, кто заботится о большом стяжании имения и владеет многим, а тот, кто ни в чем не имеет нужды. Это внушай твоему сыну, этому учи его: в этом величайшее богатство. Не заботься о том, чтобы сделать его известным по внешней учености и доставить ему славу, но старайся о том, чтобы научить его презирать славу настоящей жизни; от этого он будет славнее и знаменитее. Это возможно сделать и богатому, и бедному; этому научаются не от светских учителей и не при пособии наук, а из Божественных Писаний. Не заботься, чтобы сын твой здесь пожил долго, но чтобы там удостоился жизни беспредельной и нескончаемой: давай ему великое, а не малое. Внимай словам Апостола Павла: *воспитывайте их в наказании и учении Господни*. Не ритором старайся сделать его, но научи его любомудрию. Если он не будет ритором, отсюда не произойдет еще никакого вреда, а при недостатке любомудрия самое обильное риторство не принесет никакой пользы. Благоповедение нужно, а не остроумие, — нравственность, а не сила речи, — дела, а не слова: это доставляет Царство, это дарует и действительные блага. Не язык изощряй, но очищай душу. Говорю это не с тем, чтобы запретить

светское образование, но для того, чтобы не привязывались к нему исключительно».

К слугам, с указанием соответствующей обязанности господ
6, 5—9

Стих 5. *Раби, послушайте господий своих по плоти, со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, якоже и Христа.*

«По необходимости поставляет закон и рабам. Ибо тело Церкви заключает в себе все, — и мужей и жен, и отцов и детей, и рабов и господ, и богатых и бедных, и начальников и подчиненных» (Феодорит). «Итак, не муж только, жена и дети, но и слуги с своими добродетелями входят в состав дома и обусловливают его благоустройство. Поэтому блаженный Павел и этой его части не оставил без внимания, но напоследок приступает к ней, так как и по достоинству она занимает последнее место. И с ними (рабами) много рассуждает он, и уже не как с детьми, но гораздо возвышеннее. Он не дает им здесь обетования, а указывает на последствия: *ведяще*, говорит он, *яко кийждо, еже аще сотворит благое, сие приимет от Господа* (ст. 8). Учит даже любомудрствовать. Ибо хотя они по достоинству ниже детей, но смысла имеют больше их» (святой Златоуст).

Рабство в древнем мире было в широком употреблении. Святой Павел, посланный не граждан-

ский быт перестроивать, а нравы людские преобразовать, берет гражданские состояния, как они есть, и влагает в них новый дух жизни в указаниях сообразного с христианством образа действования. Внешнее оставляет Апостол, как оно установилось, и обращается к одному внутреннему, и ему дает новый строй, чтоб, если нужно преобразование и внешнего, оно шло извнутрь, — вследствие свободного развития духовной жизни. Переделай внутреннее; внешнее, если оно нелепо, само собою отпадет. Столетия, однако ж, должны были пройти, пока дух язычества упразднился, в корне сокрушен был, и дух христианской свободы родил повсюдное убеждение в несовместимости рабства с христианскими отношениями людей и христианскою жизнию. Нельзя думать, чтобы рабство не делало никакой помехи и задержки истине Евангельской и развитию христианской жизни. Нет, оно было помехой, как и многие другие порядки иудейской и языческой жизни, но христианство было довольно сильно, чтоб препобеждать то.

Перемену во взгляде на рабство можно видеть в том, что Апостол научает считать господ — господами только *по плоти*. Рабство ограничено внешнею стороною рабов. Господа господствуют только над физическою их силою, дух же их не связан, совесть свободна, непринужденно предана Небесному Владыке Христу. Этою свободною

работностию Христу Господу освещает Апостол и невольную работность людям. «*Раби*, так говорит он, *послушайте господий своих по плоти*. Тотчас ободрил опечаленную душу, тотчас утешил ее. Не скорби, как бы так он говорит, что твоя доля ниже других: это рабство только по имени и господство по плоти, следовательно, господство временное и не продолжительное. Ибо все плотское скоропреходяще» (святой Златоуст). Самое послушание рабов окачествует Апостол тремя чертами, – со *страхом и трепетом, в простоте сердца*, – и, *якоже Христу*.

Со страхом и трепетом. «Видишь, что не одинакового страха требует от жены и от рабов. Там просто сказал: *жена да боится своего мужа*, а здесь усиливает речь, и говорит: *со страхом и трепетом*» (святой Златоуст). Блаженный Иероним поясняет, что если бы было сказано только: *со страхом*, то можно бы понять это: с почтительностию, благоговением, как можно понимать слово о жене *да боится*. Но когда прибавлено: *и трепетом*; то, верно, надо здесь разуметь настоящий рабский страх (не слово в слово). – В этом же смысле принимая сии слова, святой Златоуст спрашивает: «Что говоришь ты, блаженный Павле? Он (раб) – брат своему господину; он получил одинаковые с ним блага, одной с ним природы, а что всего важнее, – соделался братом не только своего господина, но Самого Сына

Божия, наслаждается равными с Ним благами, — и ты говоришь: *со страхом и трепетом?* — Но поэтому-то я и говорю так, отвечает Апостол. Ибо если свободным повелеваю подчиняться друг другу, ради страха Божия, как выше сказано: *повинуйтеся друг другу в страхе Божии*, если жене приказываю бояться своего мужа, хотя она имеет равную с ним честь, то не больше ли все это относится к рабу? В этом нет бесчестия, напротив, — это высокое благородство, уметь уничижаться, вести себя скромно, уступать ближнему, ибо и свободные свободным служивали с большим страхом и трепетом».

К тому же, когда Апостол говорит: *послушайте со страхом и трепетом*, то ничто не мешает видеть здесь указание на обязательный страх и трепет не пред господами, будто страшилищами, а пред самым послушанием, чтоб исполнить его как следует. Апостол внушает: принимая послушания от господ, не небрежно и не равнодушно принимайте их, и исполняйте не кое-как с рассеянностию и невниманием, а со страхом и трепетом, как бы не погрешить в чем против желания господ и не оказаться неисправными исполнителями своего долга. Страх и трепет — пред долгом послушания. Блаженный Иероним наводит и на другую мысль — ту, что Апостол так заповедует в видах нравственного воспитания. Не могли рабы вдруг стать совершенными в повиновении

воле Божией. Апостол представляет им Господа в лице господ и заповедует: «Служите им со страхом и трепетом, как Господу, и чрез это научитесь, как должно работать и Самому Господу».

В простоте сердца своего: с нераздвоенною мыслию, а с полным убеждением, что так и должно, потому нести послушание без раздумываний, с свободным решением быть всегда исправным в этом роде жизни, полюбив самую службу рабскую. «Повелевает, чтобы рабы служили господам надлежащим образом и были чужды злонравия. Сие и выразил, сказав: *в простоте сердца*» (Феодорит). «Хорошо сказано: *в простоте сердца*, – так как можно служить со страхом и трепетом, однако же не с добрым расположением, но как нельзя хуже. Есть много таких, которые втайне весьма много делают зла господам своим. Такое-то худое поведение Апостол и старается устранить, говоря так» (святой Златоуст).

Якоже и Христа. И рабы, прилепившись к Господу, на совесть приняли обязательство – ходить прочее* во всяком доброделании. Имея это на сердце, раб мог стать в недоумение: какое от меня доброделание, когда я плотию, – и всею внешнею деятельностию, – не принадлежу себе. Апостол говорит ему: ты служи усердно господину, и это будет служением Господу. Этим ограничивается весь круг обязательного для тебя

---

* Впредь, в последующее время. – *Ред.*

доброделания. Того требует от тебя Сам Христос Господь. Поставив послушание господам в такую тесную связь с послушанием Господу, Апостол и побуждение к покорности господам возвысил до начал веры, и придал нравственную силу рабам к понесению всей тяготы сего служения их. Ибо после сего они не могли не быть уверены, что, оказывая во всем послушание господам, они оказывают его не им одним исключительно, но чрез них и Самому Господу. Для Господа же истинно верующий чего не готов сделать?

Стихи 6 и 7. ***Не пред очима точию работающе яко человекоугодницы, но якоже раби Христовы, творяще волю Божию от души, со благоразумием служаще якоже Господу, а не яко человеком.***

Как только положил Апостол, что, служа господам, рабы служат Господу,— тотчас перенес на служение рабов и все те качества, какими должно отличаться служение Господу. Господь видит сердце. Ему нельзя показать только наружно служение, не имея его в сердце. Это должны иметь в уме и рабы, служа господам: не пред очами только их работать, а в сердце проклинать их или замышлять что злое, но работать от души, как следует работать Христу,— работать в уверенности, что этим исполняют волю Божию, а не напоказ только и не из человекоугодия. Тут две неисправные черты: *первая* — пред очами

работание, – когда на глазах, идет работа исправно, как только за глаза, все напротив: этим осуждается леность, «работание из-под кнута»; *вторая* – человекоугодие, – когда не дело имеется в виду, а лишь бы угодить: при этом и дело можно покривить, и в роде дел погрешить, соглашаясь делать и недолжное в угоду господам. Все это отрицает Апостол, обязывая работать – не только от души, но и с *благоразумием* – μετ' εὐνοίας, с благоумием, – с тем здравым воззрением на свою работу, что вы в ней не человекам работаете, а Господу. Одно это благопомышление если усвоят рабы, то оно исправит в них и внутренний строй, и даст внешнюю во всем исправность, так что рабство их будет не тягота какая, а свободное и самоохотное служение, совершаемое с радостию, вседушно, с удовольствием. Εὔνοια – можно перевесть – и благорасположением.

Святой Златоуст говорит на это: «Видишь ли, как многого требует Апостол? Он внушает полное добро, ибо многие, как видишь, служат своим господам точно со страхом и трепетом, и к этому много побуждает их строгость хозяина; но покажи, говорит он, что ты служишь, как раб Христов, а не как раб человека; сделай так, чтобы твои служебные занятия были у тебя добродетелию и не были производимы по необходимости. Как того, кто терпит обиды от другого, Христос убеждает

и научает принимать обиду, как благо для себя, и терпеть ее по собственному изволению, точно так же и рабов учит Апостол. Покажи, что несешь рабство добровольно, а не как человекоугодник. Человекоугодник – не раб Христов, и раб Христов – не человекоугодник. Ибо кто, будучи рабом Божиим, захочет угождать человекам? Напротив, кто, угождая человекам, может быть рабом Божиим? *От души*, говорит, *со благоразумием* (с благоумием, с благим расположением) *служаще*. Хорошо это сказано, так как можно служить в простоте и без злобы, однако же не всеми силами, а только выполняя долг. Поэтому говорит: по усердию, а не по необходимости, – по доброй воле, а не по принуждению. Если будешь служить таким образом, именно: по доброй воле, с благоумием, от души, ради Христа, то ты не раб. Видишь ли, как у твоего рабства отнимается бесчестие?»

Стих 8. ***Ведяще, яко кийждо, еже аще сотворит благое, сие приимет от Господа, аще раб, аще свобод.***

Этим решает святой Апостол все недоумения и вопросы, какие могли бы рождаться у рабов насчет их нелегкого служения. Самая крупная с их стороны речь обычно такова: служишь, служишь, внимания никакого! – Святой Павел сказал уже: служи господам, как Господу, исполняй волю их, как волю Божию, работай им, как пред

лицем Господа. Теперь говорит: если будешь так настроен, то Тот, для Кого ты будешь служить господам, ни одного дела твоего, как бы оно мало ни было, не забудет и не оставит без воздаяния. Если б ты служил только господам и пред их только очами желал отличиться, резонно было бы слово твое; но если ты чрез них имеешь в мысли служить Господу, то не раздумывай: все воздаст Господь. – Какое воодушевление из этого слова Апостольского к достодолжному рабскому служению должны были черпать рабы?! Прими только они это к сердцу. «Рабство и господство ограничиваются настоящею жизнию; по отшествии отсюда будет разность уже не между рабством и господством, но между добродетелию и пороком» (Феодорит). И самое рабское служение посредством указанных Апостолом расположений превращается в поприще добродетели. Не скажет ли всякий раб: буду же доброхотно и усердно рабствовать, когда и рабство не заграждает пути к воздаяниям. Воодушевляет такого и святой Златоуст, говоря: «Господа, обязанные твоими услугами, если не вознаграждают тебя, то тем самым доставляют тебе большую награду, делая должником твоим Бога».

Все сказанное Апостолом к рабам в настоящее время приложимо к слугам, которые, хотя добровольно поступают на служение, но из этого должны не повод к нерадению брать, а сильнейшее

побуждение почерпать к добросовестному и усердному служению. И им должно во всем слушаться хозяев, почитать их и уважать, волю их исполнять, как она дана, в простоте, без раздумываний, и все дела делать так, как умеют их делать, по совести, в той уверенности, что, поступая так, волю Божию исполняют и угодное Ему творят, — ни в чем не поблажая леносги, а служа как пред лицем Господа, от Кого не лишатся и достойного воздаяния за доброе служение свое.

Стих 9. *И господие, таяжде творите к ним, послабляюще им прещения, ведуще, яко и вам самем и тем Господь есть на небесех, и обиновения лица несть у Него.*

Как господие могут *таяжде* творить слугам? — Самих дел это не может касаться: ибо дело слуг — служить, а господам свойственно приказывать и требовать исполнительности. Потому этим словом верно определяется дух отношения господ к слугам. Те вам служат, как Господу и пред лицем Господа, а вы приказывайте о Господе; те вам доброхотствуют, а вы об них попечение возымейте; те видят в вас Господа, а вы видьте в них — братий; те чтут вас и боятся, и вы не помыкайте ими; те служат вам с благорасположением, будьте и вы к ним благосклонны и добры. Святой Златоуст это последнее особенно выставляет, — и еще возлагает на господ попечение о рабах, устрашая, как бы Бог не осудил их за нерадение о них.

Блаженный Иероним находит из сказанного рабам приложимыми к господам следующие внушения: *в простоте сердца*, — *творяще волю Божию*, — *от души*, — *и с благоумием*, — благосклонно, — но не объясняет подробно, в каком значении. Вообще тут одна заповедь: и вы, господа, по-христиански относитесь к слугам.

Сам святой Апостол на том особенно настаивает, чтобы господа умеряли строгость, — не совсем чтобы оставили ее, а послабляли бы прещения, чем обязывает их обходиться с рабами «с благостию и кротостию» (Феодорит), «не быть страшными для них, а отцами их» (Иероним). «Не будьте, говорит, жестокими и строптивыми» (святой Златоуст).

Чтоб удержать власть господ в должных пределах, святой Апостол не нашел лучшего побуждения, как указать на Господа на небесах, всевидящего и имеющего воздать как рабам, так и им без всякого лицеприятия. Он как бы говорит: «Каким хочешь иметь к себе Владыку, таким сам будь к слуге, потому что Бог не знает разности между рабом и господином, всех сотворил одинаково» (Феодорит). «Он хотел и в господах возбудить страх. Чем же? — А вот чем: *еюже мерою мериши, возмерится тебе* (Мф. 7, 2; Мк. 4, 24; Лк. 6, 38), то есть чтобы не услышать: *рабе лукавый весь долг он отпустих тебе* (Мф. 18, 32)! *И лицеприятия*, сказано, *несть у Него*, то есть

чтобы не подумал кто-нибудь, что за обиду, причиненную рабу, Бог простит потому, что она причинена рабу. Внешние законы, как законы человеческие, допускают еще различие между сословиями, но закон общего Владыки не знает никакого различия, так как благодетельствует всем вообще и наделяет всех одним и тем же» (святой Златоуст).

В. ДУХОВНОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ВСЕОРУЖИЕ 6, 10—18

Жизнь христианская есть непрестанная борьба – борьба с живущим в нас грехом, борьба с прелестями и неприязненностию мира, борьба с диаволом и слугами его. Наш подвигоположник – Христос Господь; противною стороною заправляют бесы. Ничто грешное не обходится без участия сих последних. Всюду они окружают борца Христова и всяким случаем пользуются, чтобы делать ему пакости. И плоть влечет, и мир соблазняет и теснит, но и тут всюду приражаются бесы. Их вмешательство в наши дела обширнее, нежели сколько мы вообразить можем. Потому святой Павел всю брань духовную почитает бранию с ними одними. – Уже пространно учил он преодолевать страсти – сначала гнева, потом похоти, учил и тому, какими христиане должны являться среди мира. Теперь вооружает их против главных врагов. – Они обычно своим лицом

вступают в борьбу уже после того, как плоть и мир оказываются бессильными против ревнивого христианина.

Стих 10. *Прочее же, братие моя, возмогайте во Господе, и в державе крепости Его.*

Прочее же. Теперь я все сказал; остается еще воодушевить вас на брань и вооружить. *Братие моя*. — Вы не одни, — и я с вами. Все одно, как бы сказал: ну, братцы, постоим! *Возмогайте*, — ἐνδυναμοῦσθε, — может значить — *и* исполняйтесь силою, облекайтесь в силу, — *и* собирайтесь с силами, воодушевляйтесь мужеством, дерзайте, выходите на брань не робея. Это то же, что в другом месте говорит Апостол: *мужайтеся и да крепится сердце ваше* (Пс. 30, 25), или, как Господь Сам воодушевлял Апостолов: *дерзайте, яко Аз победих мир* (Ин. 16, 33). На Него уповая, и Апостол учит возмогать, говоря: *возмогайте*.

Во Господе, и в державе крепости Его. Вот где возмогание! В Господе и в крепкой державе Его, в Его вседержительной власти, коею все содержит и всем правит. Таков Господь, — и Он же наш Господь, и мы — Его. Не даст Он Своих в обиду. — Господь нам помощник; не убоимся! Что сотворят нам?! Аще Бог по нас, кто на ны? Будем дерзновенны и мужественны. С таким Вождем и Защитником какая вражеская сила возможет преодолеть нас? — «*Возмогайте во Господе*, то есть в надежде на Него, чрез Его

помощь; говорит как бы: не бойтесь, возложите надежду на Бога, и Он все облегчит для вас» (святой Златоуст). «Отложите всякую боязнь, охраняемые силою Божиею» (Феодорит). – Когда Апостол говорит: *возмогайте во Господе*, – не искать помощи заповедует, а мужаться, уповая на готовую помощь. Господь уже с вами и готов защитить и разогнать врагов. Вы только не робейте. Робость будет означать ослабление упования на Господа, внутренняя измена Ему – будто умаление силы Его пред лицом врагов. За этим умалением следует умаление помощи и покрова, и вследствие того сильнейшие нападки врагов. Тогда как для совершенно уповающего на Господа и преданного Ему одно мановение Господне рассеивает все их полчища.

Стих 11. ***Облецытеся во вся оружия Божия, яко возмощи вам стати противу кознем диавольским.***

Уповать – уповай крепко, сам же не сложа руки сиди. Помощь Божия готова, но приходит не на твое бездействие, а на твое бессильное усилие. Истощи все свои средства, кои тоже суть дар Божий, и тогда, не сомневайся, тотчас начнется и Божие помогательное тебе содействие, которое и сделает твои бессильные силы всепобедительными. Что именно нужно делать с своей стороны, это описывает Апостол ниже; здесь гово-

рит он об этом в общем положении, под образом облечения во всеоружие.

Облецытеся, — не одевайтесь всякий раз, как брань настает, а — будьте всегда одеты, облекитесь во всеоружие и не скидайте его, ибо брань наша не имеет ни времени, ни места, а есть повсюдная и поминутная.

Во вся оружия — πανοπλία — во всеоружие, — как бы это было одно многосложное оружие, так тесно скрепленное в частях, что ничего из него отложить нельзя. Не одно, а все оружия надо надеть, чтобы со всех сторон оградить себя, а вместе чтоб, лишь только сделал движение, тотчас попасть на какое-либо оружие.

Божиими названы сии оружия ради того, что они Богом указаны и определены, Богом даются и сильны Богом: Бог ими побеждает чрез нас врага. Всеми оружиями надо вооружиться, ибо если недостанет какого, то устояние против врага сомнительно. Почему Апостол и говорит:

Яко возмощи вам стати — πρὸς τὸ δύνασθαι — для того, чтобы возмочь стать. Коль скоро нет оружия или недостает какого, тут уместно не стоять, а бежать или сдаваться. *Стати* — выступить на борьбу, стать в бранное положение, — или, поелику брань все идет не прекращаясь, стоять в таком положении небоязненно, лицом к лицу со врагом, или не стоять только, но и устоять, — чтоб возмочь вам ни в чем не поддаться врагу.

Противу кознем диавольским. Козни — μεθοδεῖαι — обходы. Воодушевляет Апостол, говоря как бы: враг не силен, он берет только хитростями. И у нас говорят: обошел меня такой-то. Главная уловка врага — в мыслях представлять истинным то, что есть ложь, — в делах и начинаниях представлять добрым то, что худо, — в исканиях увлекать обманчивыми надеждами. Все это умеет он так представить, что невнимательный попадается в сети и запутывается. В этом отношении — *стати* — неразлучно с *внимать*. Стой и смотри во все стороны зорко. Если не прозеваешь, враг ничего не сделает.

Святой Златоуст говорит: «Не сказал: стати против сражений, против войн; но против козней. Ибо враг наш не просто и не открыто воюет с нами, но с коварством. Что такое коварство? — Быть коварным значит — обольщать, обманывать хитростию: это бывает и в словах, и в делах, и в борьбе, — когда нам случается иметь дела с обманщиками. Враг никогда не предлагает явных грехов, но, по своему коварству, устрояет это иначе, именно: пользуясь предлогами, выставляет уважительную причину. Этим Апостол ободрил воинов и заставил их трезвиться, побуждая к осторожности. Он хочет не ослабить воинов, которые противостоят врагу (диаволу), но подвигнуть их против него. Сказав об ухищрениях врага, этим он научает внимательности. Если б

он указал им на силу врагов и на этом остановился, то привел бы их в уныние. Напротив, он и прежде, и после этого показывает, что возможно одолеть врага, и тем самым особенно ободряет их». Феодорит указывает и на некоторые козни: «*Кознями* назвал Апостол ухищрения врага, ибо он нередко под видом добродетели уготовляет порок; в иных случаях, например, к посту, к молитве и попечительности о нуждающихся примешивает тщеславие, а в целомудрие влагает предосудительную кичливость». Блаженный Иероним другие вражеские козни выставляет. «Не успеет, говорит, увлечь похотию, любоимание предлагает; этим не успеет пленить, наводит на то, чтобы чрево сделалось богом. Вообще и он так же действует, как военачальники искусные. Заметит слабую у человека сторону, на нее все силы свои и направляет в той мысли, что, завладевши слабою, и крепкие заберет в свои руки» (сокращено).

Стих 12. *Яко несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным.*

Причину показывает, почему заповедует быть всегда одетыми во всеоружие и находиться в постоянной бдительности и осторожности. Потому, говорит, это необходимо, что таковы враги наши и такова война, что этого требует злокозненность и невидимость врагов.

Яко несть наша брань – πάλη, – борьба, бой, схватки у нас идут не с *кровию и плотию*, «не с людьми, подобострастными нам и нам равносильными» (блаженный Феофилакт). И в послании к Галатам, когда Апостол говорил, что по обращении он *абие не приложился плоти и крови**, – сею фразою означаются люди. Хочет сказать Апостол, что не такова у нас брань, как бывает у людей с людьми. Тут враги друг друга видят, видят, что один предпринимает против другого и последний противопоставляет ему соответственный отпор, как в фехтовании. Наши враги невидимы, невидимы и козни их. Надобно, следовательно, поставить себя так, чтобы, что бы они ни предпринимали, уловки их не имели в нас никакого успеха. Так это и бывает, ибо, хотя мы и не видим их, но всеоружие наше таково, что и без видения сего можно противостоять им. Надобно, однако ж, заметить, что опытные в духовной брани доходят до разумения ухищрений лукавого; по первым приражениям его догадываются, куда он метит, и соответственно тому противодействуют ему. И святой Павел говорил о себе, что он не неразумеет умышлений сатанинских. Заметив их, он тотчас давал им и отпор. Но это есть достояние совершенных, большею же частию мы бьемся с духами, как бьются в потемках.

---

* Не стал тогда же советоваться с плотию и кровию (Гал. 1, 16) – *Ред.*

Блаженный Иероним иначе взглянул в этом месте на кровь и плоть. Он говорит, что есть у нас брань с плотию и кровию, когда плоть похотствует против духа. Апостол не отвергает ее, но дает разуметь, что за плотию и кровию надо провидеть другие силы, действующие чрез них и нас борющие. Ибо есть духи похоти, как пророк Осия поминает о некиих, обольщенных духом блудным (Ос. 4, 12); есть духи гнева, вражды, ненависти и всякой страсти. Апостол хочет научить нас, что страсти в нас не от естества тела, не из плоти и крови, а от духов злобы возбуждаются; почему и говорит так (сокращено).

Такой мысли нельзя не дать веса. Ибо она совершенно истинна. И всякий может осязательно удостоверяться в ней при наблюдении над проявлениями страстей, когда они доходят до мании, каковы: пьянство, блуд, воровство, обжорство.— Не дать ли даже этому пониманию преимущества пред первым?

Но к началом и ко властем,— и проч. При невидимости и спрятанности, враги наши еще многочисленны, и такие все властные, чиновные. Словами: *начала и власти* означаются ранги нечистых духов. В каких чинах пали, те и в падении удержали за собою. Как между чистыми Ангелами есть девять чинов, так есть свои ранги и между нечистыми. Апостол только два указал здесь. Так святой Златоуст: «*Началами и влас-*

тями он их назвал по подобию того, как между небесными духами есть Престолы, Господства, Начала и Власти». Феодорит прибавляет: «Злые демоны были в числе святых чинов, но за злобу лишились сего чина. Но и доныне имеют они сии наименования в обличение их растления».

Враги наши не только численны и властны, но и знатоки своего дела, от чего и титулует их Апостол: *миродержители тмы века сего, духи злобы*.

Миродержители не мира, Богом созданного и во вседержительстве Его состоящего, но мира, который во зле лежит и в котором только и есть что похоть плоти, похоть очес и гордость житейская, с достаточным количеством людей, увлеченных сими похотями и множеством обычаев в удовлетворение им. В этом мире люди толкутся по сим обычаям, разжигаемые похотями и их более и более разжигая. От толчения и смятения — никто разобрать ничего не может, от чего что, для чего и как. Тьма покрывает всю эту область и есть ближайшая причина того, что мир сей еще стоит и цену какую-то имеет. Этого-то мира злые духи суть держатели. Они прельщают людей, они и держат их в прелести. Власть их не по естеству принадлежит им, а по неразумию людей, падких на похоти. Люди сами себя предают в рабство им и рабствуют. Сатана и стал случайно князем, по избранию грешных людей.

Но как только кто отказывается жить по похотям и страстям, тотчас выходит из-под власти диавола. Если б все образумились, совсем бы пала власть сатаны, и бесы перестали бы быть миродержителями. Но так суждено, что люди будут грешить до конца века,— до конца века будет и миродержительство бесов. Оттого они и называются миродержителями тьмы только века сего. Святой Златоуст говорит: «Миродержителями Апостол назвал демонов не потому, что они держали мир, но потому, что они настоящие виновники злых дел. Ибо Писание обыкновенно называет миром греховные дела. Может быть, под миром разумеет он и злых людей, ибо демоны на них преимущественно простирают власть свою». Феодорит же пишет, что демоны потому стали миродержителями, что люди, нерадиво живущие, добровольно возлюбили их рабство (сокращено).

Другое титло бесов есть *духи злобы*,— πονηρίας,— лукавства. Лукавство так углубилось в них, что стало составлять будто их природу: они стали будто самое лукавство, и ничего от них не ожидай, кроме лукавства.

Наше слово — *поднебесным*, по-гречески стоит — ἐν ἐπουρανίοις. Ἐπουράνιος — не поднебесный, а наднебесный, потому к духам злобы слово сие относиться не может, ибо они свержены с неба. Не можно его относить к духам и по

грамматическому сочетанию. Наши толковники все и не относят его к ним, а разумеют под сим духовные небесные блага, полагая, что предлог ἐν стоит здесь вместо ὑπέρ — из-за, — на что они приводят и примеры. Выходит такая мысль: брань у нас с духами злобы идет из-за небесных благ. Так, святой Златоуст говорит: «Борьба происходит ἐν ἐπουρανίοις, — не из-за денег, не за славу. Ἐν ἐπουρανίοις то же, что ὑπὲρ ἐπουρανίοις — за небесное. Враги наши не затем воюют с нами, чтобы после победы чем-либо воспользоваться, но для того только, чтобы нас лишить неба». Так и Экумений с Феофилактом. Обыкновенный же образ перевода и понимания сего слова: *поднебесным*, означает, что духи витают между небом и землею, в воздухе, и как воздух обнимает нас повсюду, так повсюду окружают нас и духи злобы, и непрестанно приражаются к нам, как комары в сыром месте.

По цели Апостола то и другое уместно здесь. Феодорит будто хотел совместить обе мысли, ибо говорит, что борьба происходит с поднебесными, но из-за небесного. «Указывает Апостол и выгоды победы, чтобы воинов соделать более ревностными, потому что, говорит он, борьба с поднебесными, то есть с небесными чинами, и наградою за борьбу сию уготовано Царство Небесное».

Но все это, говорит Апостол, для того, чтобы показать, как необходимо всегда быть во всеоружии,

быть бдительными и трезвенными. Из невидимости и скрытности врагов видно это само собою, видно и из того, что они суть духи злобы — лукавства, и из того, что многочисленны. Как же видно это из того, что они миродержцы тьмы века сего, когда христиане изъяты из-под их власти? — Тем, что изъяты, злобу их раздражают и вооружают против себя. Если так, то и себе надо вооружаться против них.

Блаженный Феодорит ставит в этом смысле одну общую мысль: «Божественный Павел подражает доблестному военачальнику, который с тем намерением, чтобы в воинстве его не было лености, описывает мужество врагов». Святой Златоуст свою об этом мысль прикрепляет к слову: из-за небесного. «Заметь, какую бдительность возбуждает в нас сила врага и какая трезвенность происходит оттого, что мы знаем, что действительная опасность предстоит нашему великому благу, и что также мы должны заботиться о победе из-за великого блага, потому что враг старается свергнуть нас с неба».

Стих 13. *Сего ради примите вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют, и вся содеявше стати.*

Сего ради. Будто непонятно было, чего ради велел он впереди облещися во вся оружия Божия. Теперь, показав и скрытность врагов, их число и силу, и их уменье вести с нами брань,

говорит: вот для чего! Иначе нельзя вести брани, а не только успеха в ней чаять. *Приимите* — ἀναλάβετε, — возьмите, возложите на себя, то же, что прежде — облекитесь. Да возможете противитися — ἀντιστῆναι *и* противустать, — воспротивиться, *и* противоустоять, — не поддаться врагу, остаться победителями. *В день лют*, — прямее всего в минуту искушения, или внешнего, или внутреннего, когда оно налетает с такою силою, что подвергает опасности пасть, и чрез то потерять все. Так Феодорит: «*Днем лютым* называет день брани, дав имя сие, — πονηρά — от действующего в тот день диавола. В тогдашнее же время они явно подвергались брани, будучи гонимы, мучимы и терпя всевозможные виды смерти». Но как не бывает времени, свободного от искушения, так что и все житие человека на земле есть искушение, то не неуместно под днем лютым разуметь всю жизнь в веке сем лукавом, полном искушений. Так святой Златоуст: «*Днем лютым* называет Апостол настоящую жизнь, по причине зол, в ней бывающих и требующих, чтобы мы постоянно были вооружены. Днем же назвал, чтобы воодушевить. Непродолжительно время, как бы гак говорил он, потому можно простоять бодро во время брани». Впрочем, из слов святого Златоуста видно, что, именуя всю жизнь днем лютым, он также именует и всякое искушение, когда говорит, что и после победы не должно

ослабевать, а это то же, что, устоявши в день лют, не должно покидать бодренности, а стоять, ожидая нового лютого дня. Так и Экумений с Феофилактом.

Ничто не мешает кроме всего этого под днем лютым разуметь и особенные решительные минуты в жизни нашей, каковы смерть и суд. Так блаженный Иероним: «Днем лютым означает *или* настоящую жизнь, как и прежде сказал: *искупующе время, яко дние лукави суть, или* время кончины и суда, когда диавол – враг и клеветник, всячески будет усиливаться удержать нас на своей стороне. Так, чтобы устоять в этот день против диавола, который выступит тогда обличителем, надо восприять всеоружие Божие, все сделать и всякими добродетелями полну стать. И третье еще толкование этих слов приводится некоторыми, которые говорят, что смертию не кончается брань с диаволом, но что, когда исходим мы из сей жизни, нам предстоит брань с ним более сильная, – брань открытая, лицом к лицу». Этим очевидно указывается на мытарства, которых, как ни дичится их наша разумность, никому не миновать, как показывают многократные видения святых, достоверно засвидетельствованные.

И вся содеявше стати. Содеявше, – κατεργασάμενοι, – что означает *и* все сделавши, что от нас зависит, *и* все разделавши, разрушивши, уничтоживши. В первом случае будет мысль: когда

найдет искушение, становись в бранное положение и начинай употреблять оружия свои — одно за другим, пока достигнешь того, что враг уйдет. Не то внушается: перебери оружия, а перебирай, чтоб устоять. Потому, когда все перебрано, а враг еще стоит, не значит: бросай оружия и беги или отдавайся в плен; а: все перебирай оружия, пока одолеешь врага и устоишь. Во втором — такая: борясь с искушениями, — приражениями страстей, — когда и увидишь, что враг отошел уже, не оставляй труда над собою, но потрудись изгладить из сердца всякий след искушения, чтобы вполне восставилось то мирное устроение сердца, какое было в нем до начала искушения. Последний прием у святых подвижников особенно поставляется на вид борцам, ибо им отсекается повторение бывшего искушения, которое, если оставлен след его в сердце, скоро может возвратиться.

«Вся, говорит, *содеявше*, а не так, чтобы одно что-нибудь исполнить, а другого нет» (святой Златоуст). И, содеявши так все, *стати*. Когда началось искушение, надо ему противостоять, а когда прогнано, стоять, — не сложа руки, а в той же бодренности, смотря во все глаза и во все стороны, чтоб не подкрался враг опять откуда-нибудь. Апостол хочет этим сказать: не слагай оружий, все продолжай стоять во всеоружии. Или то имеет в виду показать, что то и победа,

когда устоишь на месте. Таков враг наш, что убить его мы не можем; и он имеет в цели не то, чтобы убить нас, а чтоб увлечь на свою сторону. Потому, когда мы устояли, это значит, что мы одолели врага.

Ту и другую мысль пространно излагает святой Златоуст. «*Вся*, говорит, *содеявше стати*, то есть стоять после того, как победим и страсти, и пожелания, и все, что причиняет нам зло. Надо не только одолеть, но и, одолевши, стоять; а то случалось, что многие, одержавши победу, тотчас падали. И после победы потребна бодрость, иначе то, что тебе удалось низложить, снова может подняться. Если мы не стоим, восстает то, что нами низложено. Когда же мы стоим, то оно не поднимается от падения. Пока мы бодрствуем, побежденный нами враг не воскреснет. Стой бодро по окончании борьбы, и ты победитель. Не должно ослабевать и после победы. В самом деле, если у нас идет война; если против нас составляются такие ополчения; если они состоят из бесплотных начал и миродержителей и духов злобы, то скажи, пожалуй, как можно предаваться неге? Как можно быть рассеянным? Можно ли победить, не будучи вооруженным? — Пусть каждый размышляет об этом всякий день, когда им овладевает гнев, одолевает его похоть, когда пожелает он этой изнеженной и беспорядочной жизни. Кто борется, тот еще встречает препятствия;

зато как он счастлив, если не падет! Победа бывает блистательнее тогда, когда была борьба. Например, если тобой овладело какое-либо злое пожелание, то весьма славное дело ты сделаешь, если погасишь его. Но, хотя этого в совершенстве и нельзя бы было сделать, все-таки мы должны бороться и всегда укрощать себя. Если мы не падем во время этой борьбы, то мы будем победителями. Здесь не так, как у атлетов. Там до тех пор не сделаешься победителем, пока не повергнешь на землю другого, а здесь только сам не будь повергнут, и ты победитель; ты уже одолел, если тебя не опрокинули. И действительно! Там оба бьются о победе, и, если один упадет, другой получает венец. Здесь же не так; здесь диавол старается поразить нас. Итак, если мы лишим его того, о чем он заботится, мы победили. Он усиливается не низринуть только, но низринуть вместе с собою; стало быть, он уже побежден, так как он уже свергнут и находится в состоянии погибели; он заботится о победе не с тем, чтобы потом получить венец, но с тою целию, чтобы погубить меня. Итак, я победитель в том случае, когда не буду опрокинут (диаволом), хотя бы сам я и не опрокинул его. В чем же состоит блистательная победа? — В том, чтобы с крайним презрением попирать врага. Сражающийся не знает, какой конец сражения, и может думать еще: не быть бы самому побеждену и

ранену! А кто попирает врага своего, тот очевидно одержал уже победу. Итак, будем попирать силу диавола, попирая грехи: гнев, похоть, высокомерие и все страсти, дабы по отшествии нашем туда не оказалось, что мы отказались от власти, какую получили от Бога (то есть наступать на всю силу вражию). Имеет ли кто недруга, терпит ли кто обиду, питает ли кто в сердце своем злобу, пусть он соберет и изольет всю эту ярость и гнев на главу диавола. В этом случае гнев будет делом добрым, негодование — полезно, злопамятство — похвально. Имей в сердце своем зло против диавола и никогда не прекращай вражды с ним. Всегда будь врагом, всегда гневливым, всегда непримиримым с ним. От этого он сделается смирным и не столько опасным».

Стих 14. ***Станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшеся в броня правды.***

«Устроив такое войско, пробудив в нем воинственный дух и ободрив его, святой Павел наконец и вооружает это войско. Ибо никакой пользы не будет от оружия, если прежде не будут собраны воины и в душах их не будет возбуждено мужество. Сначала надлежит вооружить их извнутри, а потом уже извне. Если так бывает в отношении к воинам, сражающимся против внешних врагов, то тем более так должно быть в отношении к воинам духовным, которым нисколько не свойственно вооружаться с внешней

стороны, но все их вооружение должно быть со стороны внутренней. И Апостол пробудил в собранных им воинах воинственный дух, воспламенил его, придал им смелости, поставил их в добром порядке и теперь вооружает их. Но смотри, как облекает их в самое оружие».

«*Станите убо*, говорит он. Первое дело строевых — уметь хорошо стоять: от этого зависит многое. Почему и Апостол нередко беседует о том, что должно стоять. Так, например, и в другом месте он говорит: *стойте, бодрствуйте* (1 Кор. 16, 13). И опять: *тако стойте о Господе* (Флп. 4, 1). Или еще: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12). Но заметь, что не о простом каком-нибудь говорит он стоянии, а о стоянии благочинном. Опытные в воинских делах понимают, что значит уменье стоять. Кто прямо стоит, тот стоит не развлекаясь и ни к чему не наклоняясь. В стоянии видна точная прямота. Итак, действительно, прямые стоят. А кто не стоит, те не могут сохранить прямого положения, развлекаются и предаются рассеянности. Тот, кто ищет удовольствий, находится не в прямом положении, а в наклонном, равным образом и сребролюбец, и человек сладострастный. Умеющему стоять самое стояние может служить как бы некоторой опорой, и все, касающееся борьбы, ему представится легким» (святой Златоуст).

Кого же именно в духовном смысле можно почитать стоящим? Припомним, что выше говорилось: *востани спяй*. Это воззвание — к грешнику спящему. Когда пробуждается он, то, возжелав лучшего, решается посвятить жизнь свою всю Богоугождению, во Христе Иисусе, Господе нашем, сие единое имея на потребу и на то единое взор свой, все силы и заботы свои устремляя. Вот такой — и есть стоящий! Такой только и становится целию для вражеских стрел и нападений. Такого только и вооружать можно, потому что он горит желанием все делать, чтоб достигнуть предначертанного. У кого же нет этого, тому, что ни говори, все бесполезно. Руки не протянет он и ноги не двинет в этом смысле, потому что не тем заняты его ум и сердце.

Принявшему такое стамое* положение и все мысли ума и все желания сердца своего к Богу устремившему, — что советует прежде всего сделать святой Павел? — ***Препоясать чресла свои*** *истиною*.

И святой Апостол Петр заповедует христианам препоясание, именуя его препоясанием помышлений, и уравнивает с трезвением (1 Пет. 1, 13). Мысли грешника непрестанно блуждают и никогда не постоят на одном. Это брожение помышлений делает его бессильным нравственно и вместе открывает его всем приражениям и

* Прямое, вертикальное. — *Ред.*

злокозненностям врага. Вместе с бродящими в голове мыслями и образами пробирается туда и враг, и начинает строить свои призрачные планы и увлекать на страстное и греховное. Грешник думает, что все то его построение собственное, а оно все вражье, и, исполняя то, он врагу служит. Когда покается он и станет, как показано, первая его забота должна быть — остановить брожение помыслов, чтоб преградить врагу всякий к себе доступ, ибо он чрез помыслы подходит. Останавливается брожение помыслов трезвением, которое есть постоянное внимание ума к движениям помыслов с целию не допускать ни одного недоброго. Это и есть препоясание помышлений святого Апостола Петра.

Святой Павел велит препоясать их истиною. — Самое действительное средство! Отчего блуждает ум в пустомыслии и мечтах? — Оттого, что пуст. Пуст он, — а между тем быстродвижен по природе и без занятия быть не может. Как нечем дельным заняться, он и пускается в пустомыслие, — пустое брожение мыслей и мечты. Наполните его истиной, — и вместо пустых мечтаний он будет переходить созерцанием от одной истины к другой. Тогда *и* движение быстрое помыслов прекратится, ибо всякая истина будет удерживать на себе внимание не на одно мгновение, а надолго, иногда часы и дни, месяцы и годы; *и* врагу доступ пресечется, ибо он ложь

есть и не может показываться там, где царствует истина; лучи ее, как молния, поражают его.

Как ум наполнить истиною?! – Пересмотри все содержание христианского учения, – каждую истину уясни, обставь приличными основаниями, возведи до убеждения и углуби ее в ум. Так истина за истиною будет влагаться в ум и проникать его; наконец и все войдут туда, и содержание ума отождествится с содержанием Богооткровенных истин. От этого он будет преисполнен здравых понятий и суждений о всем сущем и бывающем, и станет крепок сам в себе, так что его ничем не собьешь. Враг чем берет? – Представляет призрак истины и добра и увлекает. Но кто ведает истину полно, тот сразу разоблачит призрачность лжи и отразит тем нападение. Исполненный таким образом истиною силен бывает, как и тот, кто опоясан. Опоясываются затем, чтоб стать крепче. И тот, кто истиною исполняется, становится крепким, будто опоясывается. Такова и есть цель слова Апостольского. Воин духовный непобедим, когда полон истины.

Святой Златоуст говорит: «Не о чувственном препоясании говорит Апостол; в этом месте он выражается иносказательно. Что же это значит? – Человека рассеянного, преданного пожеланиям, у которого помыслы устремлены долу, он обуздывает посредством опоясания. Когда он опоясывает чресла, то тем самым укрепляет нашу

душу, потому что он разумеет не телесные чресла, но чресла в смысле духовном. И как телесные чресла служат основанием (скрепою) для нижних и верхних частей тела, так точно и духовные чресла. Чтобы нам удобнее было бежать, мы опоясываем себя: это обезопашивает нашу силу. Пусть то же, говорит Апостол, наблюдается и в отношении к душе, и тогда во всех делах своих мы будем иметь более силы. Телесные чресла мы опоясываем поясом; а здесь чем? — Главою наших помыслов, то есть истиною. — Итак, оставим всякую ложь, будем поступать во всем по истине. Будем ли искать славы, — но славы истинной, или желать жизни, — но жизни истинной. Если мы оградим себя этим, то есть опояшемся истиною, то никто нас не одолеет. — Препоясанный истиною, во-первых, никогда не почувствует изнеможения; во-вторых, хотя бы он и утомился, то получит подкрепление в той же истине. В самом деле, заставит ли его страдать бедность? — Нисколько. Помышление об истинном богатстве успокоит его, а бедность напомнит ему об истинной нищете — духовной. Не покажется ли ему тяжким рабство? — Нимало. Ибо он знает истинное рабство. — Болезнь? — И она — нет. — Быть препоясанным значит иметь бодрствующую душу. Чтобы стоять мужественно, для этого нужно опоясаться. Препояшем же и мы себя (подобно израильтянам пред выходом из Египта, вкушавшим

пасху, опоясавшись). Ибо и мы также хотим выйти, и много потом придется испытать нам трудностей. Когда мы проходим чрез эту греховную область, тотчас является диавол, начинает хитрить, употребляет все меры к тому, чтобы людей, которые избавились от Египта (греха и страстей), перешли Чермное море (в слезах покаяния), освободились от демонов и неисчислимых бед, — взять и погубить. Но да не унываем. И у нас есть столп огненный. Это благодать Духа. Нашим исходом предводительствует не Моисей, а Иисус. — Будем ходить благопрепоясанные, чтоб одолеть врагов».

Оболкшеся в броня правды. Воины надевают броню — многосоставные латы. Удар врага, падая на нее, не проходит до тела и раны не причиняет. Это — многопомощное оружие! Нужно им облечься и духовному воину. Что же здесь броня? — Правда. Правда здесь — праведность, всякое доброе и святое расположение сердца. Чтобы видеть, как совокупность таких расположений составляет броню, отражающую удары, приведем на память, как действуют вражеские искушения. Размах вражеского меча — есть нанесение помысла, в надежде, что в сердце отзовется ему сочувствие, на основании которого он потом сострoит сильное искушение. Представляется, например, лицо оскорбившее: это вражеский взмах меча. Когда на это в сердце отзовется

неприязненное чувство к оскорбившему: это значит, что меч прошел до тела души и уранил ее. Подскакивает тогда враг к душе и воздымает в ней целую бурю враждования и мстительности. Но когда в сердце лежит постоянное расположение прощать обиды и держать себя всегда в тихой кротости и мирности со всеми, тогда сколько враг ни напрягайся представлять душе в помыслах лица оскорбившие, в сердце никакого отзвука им не будет, а следовательно, врагу не к чему будет приплесть и свое искушение. Удар его меча отскочит от сердца, как от воина, облеченного в броню. Так вообразите, что в сердце положены все добрые расположения, возлюблены им и составляют предмет его драгости и блюдения, как сокровища: тогда какие бы хитрости враг ни употреблял насеять в душу возбудительные помыслы, пользы ему от этого никакой не будет, потому что от них никакого не останется следа в душе. Помыслы, при всем препоясании их трезвением, вниманием и бодренностию, могут проскользать, потому Апостол и не удовольствовался одним препоясанием, а велел надевать и броню — в сердце внедрить все святые расположения, чтобы хоть и прокрадутся как-либо помыслы, никакого от них худого воздействия не произошло в сердце.

Эту духовную броню, — многосоставные духовные латы, — святой Павел часто изображал в

своих посланиях. Так в послании к Колоссянам пишет он: *облецытеся... во утробы щедрот, благость, смиренномудрие, кротость и долготерпение... прощающе... над всеми... стяжите любовь... и мир Божий да водворяется в сердцах ваших* (Кол. 3, 12—15). Подобно сему и святой Апостол Петр сцепляет такую духовную броню: *тщание все привнесше, подадите в вере вашей добродетель, в добродетели же разум, в разуме же воздержание, в воздержании же терпение, в терпении же благочестие, во благочестии же братолюбие, в братолюбии же любовь* (2 Пет. 1, 5—7). И вообще, кто облечен в броню правды, тот о том только и помышляет, *елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвална, аще кая добродетель и аще кая похвала* (Флп. 4, 8).— Кто так огражден, того какой вражий удар поранить сможет?!

Такие добрые расположения все в естество наше вложены, как учит святой Макарий*, в самом создании, но прившедшие страсти помрачили их и прикрыли. Следует только возочистить их, сбросив налегший на них срамный покров. Это совершается уже в первой решимости благоугождать Богу возлюблением всякой добродете-

---

* Святой Антоний называет их нашим воинством. Упражняй только их, и пребудешь непобедим. Гл. 3 и 39 из 170.— *Авт.* См.: Наставления о доброй нравственности и святой жизни, в 170 главах. Добротолюбие. Т. I.— *Ред.*

ли. Хотя они не бывают еще внедрены, но возжелание их заменяет место внедрения, и хотя с болию, но все-таки всякий раз отражает удар и воина представляет непобежденным. В этом смысле говорит о сем и святой Златоуст: «Как броня хранит от поранений, так и правда спасает нас». Правдою же называет здесь всякую вообще добродетель. Как бы так было сказано: «Внедривши в свое сердце праведные намерения и предприятия». О таких людях и Христос говорит: *блажени алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся* (Мф. 5, 6). «Кто оградил свое сердце правдою, тот так же бывает крепок, как и самая броня». — О тех же, в сердце коих уже действительно внедрены все добрые расположения, святой Златоуст говорит ниже: «*Праведный, яко лев, уповая* ходит (Притч. 28, 1). Кто облечен в такую броню, тому нечего бояться вражеских полчищ. Напротив, он смело может идти в самую среду неприятелей».

Стих 15. *И обувше нозе во уготование благовествования мира.*

«Выражение не совсем понятное», — замечает святой Златоуст. Если б святой Павел писал наставление проповедникам Евангелия, то слова эти были бы понятны сами собою. Но как он пишет общие всем христианам правила брани, благовестие же Евангелия нельзя поставлять в общую всем обязанность, то его здесь и не

следует разуметь. И святой Златоуст не настаивает на этом, выставляет только как предположение: «Разумеет здесь Апостол *или* готовность к благовестию». Или, то есть может быть. — Нельзя разуметь здесь и добродетели миролюбия, как бы так: будьте готовы и всегда ревнуйте сохранять мир со всеми, ибо миролюбие заключается уже в броне правды. Можно бы понимать слово *мир* не как указание на особую добродетель, а как обозначение качества Евангелия умиротворительного, и потому заключающегося уже в слове *Евангелия*, так что и сего одного слова, — то есть Евангелия — достаточно бы было для выражения мысли, — можно бы разуметь здесь готовность жить по Евангелию. Святой Златоуст и другие наши толковники на этой мысли больше и останавливаются. Так святой Златоуст говорит: «Под уготованием благовествования разумеется самый лучший образ жизни». Что это за лучший образ жизни, сказывает он ниже: «Будем вести себя достойно Евангелия, будем поступать так, чтобы вся жизнь и дела наши были чисты в течение всего нашего земного поприща». — Но твердая решимость на такую жизнь, — готовность, — заключается уже во внушении: *станите*, и составляет существенную черту стояния. Частные же добродетели, в которых проявляется сия готовность, заключаются уже в броне правды. — Приходится или оставить нерешенным, что именно разумеет

здесь святой Павел, или придумать еще какое-либо предположение.

Решаемся на последнее и берем в руководство слово святого Златоуста, который говорит: «Или, — если это объяснение, — то есть понимание здесь готовности к благовестию, — неверно, — (Апостол) хочет сказать, чтобы они (ефесяне) готовились к исходу». — Память об исходе, или о смерти, с заботливым приготовлением к ней всех подвижников, — неутомимых борцов с врагами нашего спасения, — почитается самым могущественным средством к отражению вражеских стрел. Не она ли точно и разумеется здесь? Только надобно выяснить все соприкосновенные сей памяти проявления духовной жизни. — Память о смерти не есть голая память. Она содержит в себе переселение сердцем из сей жизни в другую. Помнят о смерти не затем только, чтобы пугать себя, но чтобы ни к чему временному не привязываться, потому что, как бы оно велико ни было, ныне или завтра его надо оставить. Сердце, ни к чему здесь не привязанное, отбросило все вкусы земные, а находит вкус только в неземном и тем услаждается. У кого таково сердце, тот телом здесь живет, а сердцем на небе, в другой жизни. Но такое настроение есть существо Евангелия. Ибо Господь говорит то, что Царство Его внутри нас есть, то, что оно не от мира сего. Кто в сердце, — тот внутрь и есть, и кто сердцем в другом

мире живет, тот уже не от мира сего есть. Не в Царстве же ли он, которое указал Спаситель и о коем благовествует Евангелие?

Возьмем другой несколько ход мыслей. Тем, которые решаются идти вслед Господа, что Он заповедует во-первых? — *Да отвергнутся себе.* По ходу речи слово сие значит: возлюбить путь Господень и решиться верным ему пребыть до положения живота. Оно требует готовности на всякие жертвы, на всякого рода лишения и страдания, и даже на смерть. У святых подвижников часто слышится завет: хочешь успешно течь путем Господним? — Умри наперед.

Собираем все эти мысли воедино и говорим: таков дух жизни по Евангелию, что он требует мертвости всему земному и переселения сердцем в иную жизнь, с готовностию на всякие лишения и даже смерть. Кто так настроился, тот уготовился к жизни по Евангелию, — исполнил то, что внушает Апостол, заповедуя обуть ноги в готовность, требуемую Евангелием*. Кто таков, тот не досязаем для стрел вражиих. — Какая стрела достанет то сердце, которое на небе? Или какая чувствительная рана может быть нанесена тому, кто умер, — и держит себя в недвижимой мертвости?

---

* Благовествование мира — Евангелие мира. Уготование благовествования мира будет готовность к Евангелию мира — то есть к жизни по Евангелию мира. Евангелием же мира названо оно, поколику дает мир. — *Авт.*

Остановиться на таком понимании слов Апостола заставляет и самый строй речи его. Препоясав воина духовного истиною, он преобразовал его ум; облекши его в броню правды — он преобразовал его волю. Ожидается, что скажет о преобразовании сердца. Указанное нами настроение и есть действительное его преобразование и вместе с первыми двумя — самое сильное средство к отражению врага. Но что все эти три орудия должно истолковать так, чтобы понятия, в них влагаемые, состояли в соответствии (были координаты), этого требует образ выражения: — *препоясавше*, — *оболкшеся*, — *обувше*.

Применим к обуви указанное настроение сердца. Кто бос или плохо обут, тот робко ступает, боясь боли от неровностей пути. А кто обут хорошо, тот смело ступает и по кочками, и по кремнистым, и по усеянным колючками стезям. Таков, кто всему земному умер и сердцем живет на небе, с готовностию на лишения и смерть. Смело идет он, ничего не боясь, ибо на все уже уготовился, и ничего нельзя придумать, на что бы он не был готов. А кто еще живет на земле и земные питает вкусы, интересы и надежды, тот непрестанно охает и вскрикивает, будто на колючки ступает.

Стих 16. ***Над всеми же, восприимше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженныя угасити.***

Следует новый ряд оружий духовных – щит веры, шлем спасения, меч духовный. И их, судя по обороту речи, надлежит истолковать так, чтобы понятия, ими подаваемые, состояли в соответствии (были тоже координаты) между собою. И не только это, – но и в известном соотношении с тремя предыдущими. Полагать можно, что щит веры имеет соотношение с обутием ног в сказанную готовность, шлем спасения – с облечением в броню правды, меч духовный – глагол Божий, – с препоясанием истиною. Идут в восходящем порядке. Если первый ряд орудий весь – указывает, что должно быть от нас, то второй укажет, что есть от Бога и порядка спасения, Им учрежденного. Так будем вести и толкование.

Над всеми, – поверх всех этих трех надложите новый ряд орудий, поверх каждого – особое. Во-первых, *восприимите щит веры*. «Под верою здесь разумеет Апостол не исповедание истин веры (познание догматов), но ту, которая несомненно верует в будущее, как в настоящее, может совершать знамения и горы преставлять» (Феофилакт). «Вместо щита да будет у вас вера, потому что она указует вам всемогущего Бога, она открывает награды за брань, провозглашение победителями и венцы за доблести» (Феодорит). Можно ее и так определить: детская уверенность в Боге, столь тесно с Ним соединяющая, что не разделяет себя от Него и Его от себя. Оттого она

и всесильна, ибо в ней действующим является Сам Бог, Который и дает ее. Святой Златоуст говорит о такой вере: «Весьма справедливо Апостол называет веру щитом. Подобно тому, как щит застеняет собою все тело, делаясь как бы стеною, – и вера защищает нас таким же образом. Ибо все ей уступает. Ничто не в силах разорвать сего щита. Послушай, что говорит Христос Господь Своим ученикам: *аще имате веру, яко зерно горушно, речете горе сей: прейди отсюду тамо, и прейдет* (Мф. 17, 20)».

Чтобы лучше уяснить себе, что это за вера, сделаем несколько выписок о ней из святого Исаака Сирианина. «Под верою разумеем не основание общего всем исповедания, но оную мысленную силу, которая светом ума подкрепляет сердце и свидетельством совести возбуждает в душе великое упование на Бога, чтобы не заботилась она о себе самой, но попечение свое во всем беззаботно возвергла на Бога» (Слово 44). «Душа, однажды с верою предавшая себя Богу и многократным опытом изведавшая Его содействие, не заботится уже о себе, но связуется изумлением и молчанием... Кто последует такой вере, тот вскоре делается свободен и самовластен, и как сын Божий всем пользуется самовластно. Возлюбивший веру сию, как Бог, распоряжается всяким тварным естеством... Многие по вере входили в пламень, обуздывали сожигающую силу огня и

невредимо проходили посреди его, и по хребту моря шествовали, как по суше... Сокровищ веры не вмещает ни земля, ни небо. Ничего никогда не утрачивает тот, у кого сердце подкрепляется верою. И когда ничего не имеет, все содержит он верою (2 Кор. 6, 10), как написано: *вся, елика воспросите в молитве, верующе, приимете* (Мф. 21, 22); и еще: *Господь близ. Ни о чемже пецытеся* (Флп. 4, 5—6). *Вся возможна верующему* (Мк. 9, 23), потому что для Бога ничего нет невозможного. Какое неизреченное богатство!» (Слово 25). «Вера говорит: на всякое дело довлеет* для меня Того, Кому единожды предал я душу свою. Меня нет здесь; Он это знает. Кто таков, за таковым последует благодать и открывает ему силу Свою в различных вспоможениях, сперва в этом явном, касающемся тела, а потом и в рассуждении сокровенного, открывает пред ним хитросплетение помыслов и прелесть их,— посрамляет пред очами его всю злокозненность демонов» (Слово 49). Святой же Златоуст говорит, что такая вера повелевает демонами. Вот какой обезопашивающий щит есть она!

Трудно нам вместить такие суждения о вере. Так она далека от нас, или мы от нее. Можем, однако ж, догадываться, что такова она от сорастворения сознания с Господом, со святою Цер-

* Довольно.— *Ред.*

ковию и со всеми святыми. Она чувствует в себе, что не одна, а что и Господь с нею, с нею Ангелы и святые Божии. Оттого чувствует себя столько сильною, сколько сильна Церковь и сколько могуществен Господь. *Богом моим*, говорит, *преиду стену... Аще и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси... Аще Бог по нас, кто на ны*?! (2 Цар. 22, 30; Пс. 22, 4; Рим. 8, 31).

И то не можем не понять, что такой веры нельзя себе набить самому думанием о ней или желанием ее. Она есть плод того, что Господь действительно принимает душу в десницу Свою, действительно исполняет ее Своею силою, действительно прививает ее живо к живым членам живого тела Своего. Сила Господа, главы Церкви, и сила всего тела Его Церкви отражается в ней. Она и сильна. Вот истинный щит!

Разжженныя стрелы суть внутренние и внешние искушения, сильные и решительные, как бы последние усилия врага, где он совмещает всю свою злокозненность. Их нельзя определить именно*; потому что они изменяются соответственно лицу, по обстоятельствам его. Для одного — одно, а для другого — другое бывает разжженною стрелою. Святой Златоуст говорит: «Стрелами лукавого Апостол назвал как искушения (внешние), так и неистовые пожелания, а

* Поименно. — *Ред.*

словом: *разжженныя* — означил свойство их. Много помыслов, волнующих душу, много сомнений и неразрешимых вопросов, но истинная вера на все дает успокоительный ответ. Много внушений, которыми диавол, воспламеняя душу, повергает ее в разного рода недоумения. Например, говорят: есть ли воскресение? Если ли суд? Есть ли воздаяние? — Имей только щит веры, и ты угасишь им стрелы диавола. Возникло ли в тебе какое-либо неистовое желание? Запылали ль внутри тебя огнем лукавые помыслы? — Покажи врагу веру в грядущие блага, и он более не покажется, мало того: погибнет. *Вся*, говорит, *стрелы*, а не так, чтобы одни угасить, а другие нет. Видишь ли, сколько стрел угасили некогда праведники? В нас воюют помыслы — пошлем вперед веру. Нас обуревают неистовые пожелания — призовем на помощь веру. Мы находимся в трудных обстоятельствах и несчастии — будем искать утешения в вере. Вера есть то, чем оберегается всякое оружие. Если ее потеряем, то и оружие (всякое) тотчас сокрушится. *Над всеми*, сказано, *восприимше щит веры*. Над всеми: над чем же именно? — И над истиною, и над правдою, и над уготованием благовествования. Значит, те нуждаются в вере».

Этот щит веры стоит в прямом соотношении с предыдущим обутием ног — или готовностию на все, с отрешением от всего. Та готовность

пролагает путь к восприятию сей веры, а вера эта запечатлевает ту готовность.

Стих 17. *И шлем спасения восприимите, и меч духовный, иже есть глагол Божий.*

Возложит шлем на голову, в послании к Солунянам истолковано: восприять *упование спасения* (1 Сол. 5, 8). Если то же толкование приложить и к настоящему месту, то шлем спасения будет то же, что предыдущий, — щит веры. Святой Златоуст так это и понимает. Он говорит: «*И шлем спасения восприимите*, то есть вы не иначе можете достигнуть окончательной безопасности и избежать всякой беды, как посредством веры. Как шлем охраняет голову от всяких ударов и ран, потому что укрывает ее со всех сторон, так и вера, кроме того, что служит вместо щита, заменяет еще собою шлем спасения».

Но если, как нельзя не согласиться, всякое из предполагаемых Апостолом оружий есть особое оружие, то и под шлемом спасения надо разуметь что-либо другое от щита веры. И сам святой Златоуст не удовольствовался предыдущим толкованием, а предложил новое. Берет он голову души и для нее определяет шлем. Голова души — ум. Голову телесную покрывает шлем, а ум — голову душевную — Божественные созерцания, в которые вступают по очищении от страстей, или по погашении всех огненных стрел лукавого. Вот слова его: «Когда стрелы лукавого (злые

помыслы) будут угашены, то на место их будем иметь помыслы, которые станут охранять владычественное (ум) в нас и не допустят, чтоб оно страдало каким-либо недугом. Ибо, когда угасишь одни — противные помыслы, то взамен их непременно возникают в нас другие, которые спасают и внушают надежду. И, как шлем голову, так они будут укрывать владычественное в нас». То же повторяют и Экумений с Феофилактом. В правилах святого Василия Великого против каждой страсти прописывается, как самое могущественное средство, Божественное созерцание, то есть память или сознание Божественного вездеприсутствия, и помышление о Божеских свойствах и действиях, и особенно об устроении нашего спасения, что все можно назвать спасительным Богомыслием. Оно всю душу облекает светом, на который диавол взглянуть не может и увидеть души, чтобы нанесть ей удар.

Но посмотрим все выражения Апостола. Когда он говорит: препояшьте чресла истиною, мы разумеем: пояс — истина. Когда говорит: облекитесь в броню правды, мы разумеем: броня — правда. Когда говорит: обуйтесь в уготование, мы разумеем: обувь — готовность на всякие жертвы и самую смерть. Когда говорит: восприимите щит веры, мы разумеем: щит — вера. Подходя после всего этого к словам: *шлем спасения восприимите*, мы, кажется, должны также разуметь,

по подобию разумения предыдущих выражений: шлем — спасение. Останется только определительнее выразить, что есть спасение.

Спасение, конечно, есть спасение в Господе Иисусе Христе. Состоит оно в сочетании с Ним, как Сам Он сказал: будьте во Мне и Я в вас. Иначе ничего не выйдет из вас. *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Сочетание с Господом совершается чрез таинства. Первое привитие Его к нам и нас к Нему совершается в таинстве крещения. Поддерживается и углубляется сие сочетание — чрез таинства покаяния и причащения. Существо причащения таково: *ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем* (Ин. 6, 56). Поставим эти истины в наше место,— и получим: шлем — спасение, то есть сочетание с Господом Спасителем в таинствах, и именно чрез частую исповедь и причащение. Кто так будет делать, тот не может не прийти в сознание, что стоит под Господом — Главою, Который и прикрывает его прочнее и обезопашеннее, чем шлем — голову. Впереди говорилось, что щит веры есть сила, исходящая от сочетания с Господом и святою Церковию,— Ангелами и святыми. Теперь выходит, что необходимое средство и условие к сему сочетанию и углублению его есть принятие Святых Таин. И это-то означает — *спасение*, в слове Апостола: шлем спасения. Потому Апостол и не сказал, как

обычно: σωτηρίας, но: σωτηρίου, — спасительного. Что у нас спасительное? — Ничего нет спасительнее таинств! Принимая в этом смысле слово Апостола, получим особое, мощное оружие против врагов. Оно и в действии состоит у всех борцов.

Не это ли разумел и блаженный Феодорит?! Ибо он пишет: «И *шлем спасения восприимите*. Сам Владыка Христос, говорит Апостол, покроет главу вашу, и, как бы некиим шлемом, оградит спасением, чтобы не принимать вам ударов, наносимых неприязненными».

В этом разумении шлем спасения будет стоять в соотношении с бронею правды, под которою разумеется вся совокупность добродетелей. Каждой добродетели одна надпись: *сие да мудрствуется в вас, еже во Христе Иисусе*. К кому же это приложимее, как не к тому, кто с Господом глубже сочетавается чрез таинства, получая чрез них и особую благодать на творение всякого добра.

И меч духовный, иже есть глагол Божий.

Что есть меч духовный, изъясняет сам Апостол, говоря, что это есть глагол Божий, то есть Богооткровенное слово. Как сим словом поражать можно врага, показал Сам Господь, когда, искушаемый в пустыне, все хитросплетения диавола рассекал мечом слова Божия. Восприять такой меч, значит — знать на память Божественные

изречения и во время благопотребное износить их из сердца, наперекор внушениям диавольским. Условие действенности такого оружия есть не вера только и любовь к слову Божию, но и расположение по нему жизни. Поелику такое состояние благодатию Божиею производится, то произносящий возлюбленное и делом осуществляемое слово в нем износит и благодатную силу, которая опаляет врага. Опытные борцы с диаволом — подвижники — говорят, что если в час искушения начнешь читать псалмы и особенно такие, в которых говорится что-либо относящееся к искушению, то оно тотчас исчезнет, как исчезает дым от дуновения ветра. Иные говорят: собери и содержи в памяти наготове изречения Писания против всякой страсти, и, когда случится быть искушаему какою, припоминай и читай вслух, если можно, сии изречения, — и искушение отойдет.

Святой Златоуст говорит на это: «Не один щит и шлем нам нужно взять, но также и меч духовный, дабы не только обезопасить себя от стрел, бросаемых в нас диаволом, но поразить и его самого. Действительно, владея этим мечом, душа, быв при этом еще ограждена от разжженных стрел, может с полной смелостию стать против врага и не опасаться за свой успех; она в силах будет, разорвав броню неприятеля, убить дракона и отсечь ему голову. И сам Павел тем

же мечом рассеял и пленил умыслы диавола. Глаголом Божиим он называет здесь заповедь, или учение, которое завещал Иисус Христос Апостолам и которое они повсюду проповедовали, совершая во имя Его чудеса. Будем же наблюдать одно: как бы сохранить во всем заповеди Божии. Ибо исполнение их поведет нас к тому, что таким образом мы низложим и умертвим диавола — этого хитрого змия».

В этом разумении меч духовный, глагол Божий, будет стоять в соответствии с препоясанием истиною, подавая обильный источник, откуда почерпать истину. Так эти новые три оружия стали в параллель с предыдущими, то есть союз с Господом в Церкви, что то же есть, что принадлежание Православной Церкви, — принятие таинств и слово Божие. Все это имеет всякий под руками и силою всего пользоваться может к преодолению вражеских падений.

Не можем пропустить без внимания особое понимание меча духовного, выраженное блаженным Феодоритом. Он говорит, что «*мечом духовным* (τοῦ πνεύματος — Духа) Апостол назвал действенность Духа, по которой духовный человек запрещает диаволу и обращает его в бегство. «Мысль та, что духовный человек, в котором благодать Духа начала явно действовать, по очищении страстей, получает особую силу на бесов. Почему говорит им: именем Господа Иисуса

Христа повелеваю тебе — изыди и ктому не вниди, — и бесы бежат. — Это и есть действенность Духа. Огнь Духа опаляет их. Христианам совершенным всегда принадлежала и принадлежит такая власть». — Не ее ли и разумел Апостол? Эту мысль, между прочим, приводят и Экумений с Феофилактом.

Стих 18. *Всякою молитвою и молением молящеся на всяко время духом, и в сие истое бдяще во всяком терпении и молитве о всех святых.*

Предшествовавшие два ряда оружий духовных завершает святой Павел молитвою. Грамматически сочетавается это последнее оружие с первыми тремя: там — препоясавше чресла, оболкшеся в броня, обувше нозе, и здесь — молящеся. Но, по существу дела, она не менее относится и к последним трем. Она сопровождает все их и всем им силу придает — Божескую. В другом месте сказал святой Павел, что оружие воинствования нашего сильно Богом. Сила сия от Бога низводится в них молитвою. Святой Златоуст так и представляет дело. Облек, говорит, воинов, теперь приводит их к царю с прошением о помощи. «Примечай мудрость блаженного Павла. Там он вооружал ефесян, научая и всем предосторожностям. А здесь, в заключение всего, научает, как нужно обращаться к царю и просить, дабы он послал им свою помощь. Ибо, сказавши:

всякою молитвою и молением молитесь, он указал на то, что если в каком, то наипаче всего в этом деле имеют они нужду в помощи Божией. Он как бы так сказал: вы этого достигнете, да и все можете совершать не иначе как в таком случае, если станете молиться».

Указывая на необходимость молитвы, Апостол тут же указывает и на то, какова должна быть молитва, чтобы быть услышанною. *Первое* — молитесь, говорит, всякою молитвою и молением, то есть всеусердно, с болезнию сердца, с пламенным к Богу устремлением. Святой Златоуст образец такой молитвы указывает в Анне, матери Самуила. «Много, говорит, пролила она слез. Устыдимся такой женщины! Она молилась о даровании ей сына и плакала, а мы просим о Царствии Небесном — и делаем это с какою-то небрежностию! — И *ста*, сказано, *пред Господом* и молилась: *Господи Боже сил* (Цар. 1, 11). Но слезы лились прежде, чем она могла что-нибудь выговорить. Ими она и надеялась преклонить к себе милость Божию. Где слезы, там полное сокрушение, а где сокрушение, там много любомудрия и осмотрительности. — Затем смотри, какое благоговение и в том, что *устне ея двизастеся, а глас ея не слышашеся* (ст. 13). С таким расположением приступает к Богу человек, искренно желающий получить просимое. Леность, невнима-

тельность, рассеянность, небрежность, беспечность не имеют в нем места».

Второе – молитесь, говорит, *во всяко время.* Этим заповедует он неотступность и неусыпность молитвы. Молитва должна быть не занятием известного времени, а состоянием духа всегдашним. «Смотри, не ограничивайся одним известным временем дня. Слышишь, что говорит! – Во всякое время приступай к молитве, как и в другом месте сказал: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 17). Не слышал ли ты о вдовице, как она победила судию, благодаря своей неотступности? Не слышал ли, как один друг в самую полночь крепко молил, и – умолил своего друга? Не слышал ли и о хананеянке, как она своею неотступною просьбою возбудила к себе участие в Господе? – Эти люди получили, чего желали, – и каждый потому, что был неотступен в своей просьбе» (святой Златоуст).

Третье – молитесь, говорит, *духом*, то есть молитва должна быть не внешняя только, но и внутренняя, умом в сердце совершаемая. В этом существо молитвы, которая есть ума и сердца к Богу возношение. Святые отцы различают умносердечную молитву от духовной. Первая творится сознательною самодеятельностию молящегося, а вторая находит, и хотя сознается, но движется сама помимо усилий молящегося. Эта молитва духодвижная. Последней нельзя предписывать,

ибо она не в нашей власти. Ее можно желать, искать и благодарно принимать, а не совершать, когда ни захочешь. Впрочем, у людей очищенных молитва большею частию бывает духодвижною. Надо потому полагать, что Апостол предписывает умно-сердечную молитву, когда говорит: молитесь духом. Можно прибавить: молитесь умносердечно, с желанием достигнуть и духодвижной молитвы. Такая молитва держит душу сознательно пред лицем Бога вездесущего. Привлекая к себе и отражая от себя луч Божеский, она разгоняет врагов. Можно наверное положить, что душа в таком состоянии неприступна для бесов.— Так только и можно молиться во всякое время и во всяком месте.

Четвертое — и в сие истое бдяще во всяком терпении. Этим заповедуется притрудность молитвы, или преутруждение себя в молитве. Опыты услышания молитв, народных ли или частных, показывают, что христиане, уповавшие испросить молитвою благопотребное, приступали к молитве не слегка и не как к легкому делу, но назначали пост и бдения, долгие молитвословия и многочисленные коленопреклонения. Такой болезненный труд в молитве и привлекал скорую Божию помощь. Такого рода преутруждение в молитве и предписывает здесь святой Павел. *В сие истое,* то есть для этого именно, чтобы получить свыше помощь, бдите в молитве с терпением. Терпение

по-гречески означено таким словом, которое указывает на терпеливое пребывание в труде, приседение одному и тому же делу, или усидчивость. — Феодорит пишет: «Божественный Павел повелевает бдеть и непрестанно молиться, и не ослаблять телесного труда, но пребывать в нем с великим терпением». — Как, потому, согласно с Апостольскою заповедию, в Святой Церкви нашей ведутся долгие молитвенные службы! — Как мы всегда окружены врагами, всегда, следовательно, имеем нужду в молитве скороуслышанной, то не-обходимы для нас и чины молитвенные преутруждающие. Они таковы у нас и есть. Об этом преутруждении себя в молитве часто поминают отцы подвижники. Есть у них такие отзывы, — что молитва, в которой не поболел кто телом и духом, не хорошая молитва. Или: льготность да изгнана будет из ваших молитвенных правил.

Труд в молитве — внешнее дело; но он вводится не за тем, чтобы заменял собою — внутреннюю молитву. Равно как и та введена не за тем, чтоб отменено могло быть дело внешнего молитвования. То и другое надо. Святой Златоуст говорит: «*И в сие истое бдяще*, сказано. Что бы ни разумел здесь (святой Павел) — всенощные ли бдения или трезвость души, — я принимаю то и другое». Затем святой Златоуст указывает пример молитвенного труда опять в хананеянке,

вдовице, и другие, показывая, сколько подняли они труда, пока достигли желаемого.

И в молитве о всех святых. Это может быть *пятым* свойством молитвы, потребным для того, чтобы она была услышана. Апостол пишет целой Церкви и ей заповедует молиться не о себе только одной, но и о всех святых, — о всякой другой Церкви верующих, — о благостоянии святых Божиих церквей; заповедует то есть, чтобы в молитве никто не особился, один ли кто молится, или целое собрание верующих, но, как у нас потребности духовные у всех одинаковы и враги, ратующие против нас, одни и те же, то чтоб, молясь, всегда молились и о всех. Из этого что выходило? — Если ефесяне молятся о всех, то и все об них. И становится чрез это их молитва сильною, как молитва всего тела Церкви. Назовем это общностию молитвы, поставляя и ее в условие скороуслышности молитвы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОСЛАНИЯ

6, 19—24

Стих 19. *И о мне...*

Облачение духовного воина во всеоружие Божие святой Павел кончил, и тем кончил предметы, о коих предположил писать в послании. Теперь пишет заключение. По грамматической форме эта речь тесно вяжется с предыдущею, но по смыслу тут начинается особая статья. Он как

бы говорит: вот все, что я вам намерен был сказать. Теперь прошу вас помолиться обо мне, чтобы Бог помог мне освободиться для свободного благовестия Евангелия. Святой Златоуст говорит: «Напоследок и о себе упоминает. Чего же ты хочешь, блаженный Павел, поставляя в заключении свое имя? Вот чего, отвечает он: *да дастся ми слово*».

В заключении сем святой Павел, во-первых, просит: а) молитв о себе, 19—20; затем б) извещает, зачем посылает Тихика, 21—22; наконец в) изъявляет свои благожелания, 23—24.

Стих 19. ***И о мне, да дастся ми слово во отверзение уст моих, с дерзновением сказати тайну благовествования.***

И о мне, то есть молитеся. Это не одна проформа и не одно свидетельство смирения святого Павла, а показание веры святого Апостола, что молитва Церкви сильна пред Богом. Об Апостоле Петре в Деяниях сказуется, что освобождение его из темницы ночью, пред тем, как наутро положено было предать его смерти, было плодом и молитвы всех верующих (Деян. 12).

Но со стороны ефесян такая молитва была долгом к своему просветителю истинною верою. В этом и для нас указание молиться о своих духовных отцах и о всех, каким-либо образом содействовавших и содействующих делу нашего спасения.

О чем просит святой Павел молиться? – О свободе благовествования. В узах был и не мог свободно ходить с благовестием, и на месте был столько стеснен, что ему не пред кем было и уст открыть. Святой Златоуст говорит, что святой Апостол не о том молиться просит, чтоб дано ему было, что говорить, ибо относительно этого всегда в Апостолах исполнялось обетование: *дастся вам в той час, что возглаголете* (Мф. 10, 19), но о том, чтоб освободиться ему из уз, подобно тому, как, когда Петр святой заключен был в оковы, о нем была непрестанная молитва (сокращено).

Это и выражает он словами: *да дастся слово во отверзение уст*, то есть отверстыми устами, *с дерзновением*, – смело, без стеснения, не опасаясь подсматриваний и подслушиваний, *сказати*, – γνωρίσαι – дать знать, довесть до сведения, сделать, чтобы знали. Кому *сказати*, не говорит, но это и так ясно, – всем, всему свету, или сказывать всюду; *тайну благовестия*, тайну Евангелия, или устроение спасения нашего в Господе Иисусе Христе, которое истолковано им в послании. Это была цель жизни Апостола. Трудиться в деле сем жаждал он, а для такого ревнителя удержание в бездействии на дни и недели тягостно, а не только на месяцы и годы. Вот он и просит молиться. А сам?! А вера в Промысл, и притом для Апостолов особенный?! – И сам, конечно, молился, и колебания в вере в особенное о нем

промышление Божие предполагать в нем нельзя, а все-таки он просит молиться. И не эти только, но и всякие другие возражения против действенности и плодотворности для нас молитвы других — этим словом Апостола опровергаются. Дела Апостолов законоположительны для нас. Они действовали как должно. По их образцу и нам надлежит действовать, пустомыслием же порождаемых вопросов не принимать во внимание.

Стих 20. *О немже посольствую во узах, да в нем дерзаю, якоже подобает ми глаголати.*

Посольствую — πρεσβεύω; а это слово в церковном греческом языке употребляется в значении усердной ходатайственной молитвы. Так к Матери Божией, к Крестителю, Апостолам и всем святым, говорится: πρέσβευε ὑπὲρ ἡμῶν — моли о нас, молите о нас. Не другая мысль и в настоящих словах Апостола: о немже посольствую, ὑπὲρ οὗ πρεσβεύω — о котором молюсь усердно в узах. Там их просил молиться, а тут говорит: я и сам молюсь. Их просит, чтоб не одному молиться, а будто вдвоем: он и Церковь Ефесская, как одно лицо. И было таким образом, по слову Спасителя, что если двое или трое вместе помолятся, будет им по молитве. В среде искренних молитвенников держится правило, чтоб, когда нужно что особенно,— приглашать к молитве другого, чтоб вдвоем молиться. Это по заповеди Господа и по примеру Апостола.

Другое значение слова πρεσβεύω — посольствую. Если это значение принять, то нельзя его переводить так: исправляю дело посла или Апостола и в узах, ибо святой Павел не имел свободы исправлять как должно своего Апостольства. Почему, скорбя о том, и просит молитв об освобождении. А надо так: *о немже*, по предмету, которого я посол есмь, — сознаю себя послом, обязанным исправлять посольское дело, и в самых узах сознаю себя таким, и скорблю о том, что не могу действовать, как должно мне действовать. Вот в этом и помогите мне вашею молитвою. Именно в чем же?

Да в нем дерзаю, якоже подобает ми глаголати, — чтобы мне в этом благовестии дерзновенно, смело, без стеснения, открыто говорить всюду и пред всеми, как и следует мне говорить, яко Апостолу Божию. Слово *глаголати* надо соединять с *дерзаю*.

Но нельзя не видеть, что если *посольствую* принять в значении *посол есмь*, то течение речи окажется не совсем связным: ибо тогда *да в нем дерзаю* будет стоять в зависимости, или от: *и о мне молитеся*, или от: *да дастся ми слово*. То и другое далеко, — и речь является возмущенною. Но если *посольствую* — πρεσβεύω принять в значении *молюся*, тогда — *да в нем дерзаю* будет прямо зависеть от сего *молюся*. И я молюся о том же, о чем вас прошу молиться, то есть чтобы

дерзновенно говорить мне в благовестии, как следует говорить Апостолу, «чтобы сказать все, о чем я послан возвестить» (святой Златоуст). Ту же цель и их молитве он назначал, то есть чтоб отверстыми устами, с дерзновением сказывать всюду тайну благовестия. Если не принять *посольствую* в значении молюся, то в словах: *да дастся ми слово*, и: *да в нем дерзаю* — будет ненужное повторение одного и того же в отношении к одним и тем же лицам.

Стих 21. ***Да увесте же и вы, яже о мне, что делаю, вся скажет вам Тихик, возлюбленный брат и верен служитель о Господе.***

«Апостол сам только помянул о том, что он в узах; в подробности же рассказать о своем положении поручает Тихику. Он изъяснил в своем послании все, что относится к догматам и устроению нравов; что же касается собственно известий, это предоставил тому, кто доставит послание. Потому и прибавил: *да увесте*, то есть чтобы осведомились вы, *яже о мне*. А чрез это и показал к ним свою любовь, и дал случай обнаружиться их любви к нему» (святой Златоуст).

Из слов: *и вы* делать какое-либо наведение не представляется основательным, то есть будто если: *и вы*, то следует нагадать и другого кого-либо. Слова: *яже о мне, что делаю* — одни другие поясняют и значат: все, что вам желательно будет знать о мне, — все то скажет вам Тихик.

Назначать особый предмет для *яже о мне* и особый для *что делаю*, излишняя забота, ничего положительно верного дать не могущая, кроме размножения слов.

Кто Тихик, не означает Апостол подробно ни здесь, ни в других посланиях. В Деяниях сказывается, что он родом асиец (20, 4), из той местности, где Ефес и где Апостол столько времени трудился в благовестии. Легко навесть, что это верующий, искренно привязавшийся к Апостолу и им избранный, чтобы споспешествовать Евангелию, чем может. Видно, что он разносил послания. Но как при этом поручалось ему многое дополнять, то надо предположить, что он и ума и нрава был такого, которые делали его способным к верному исполнению такого немаловажного поручения. Эти качества и указывает в нем Апостол, когда говорит *возлюбленный брат*, то есть христианин, достойный всякой любви по уму и нраву и мною любимый. Это высокая рекомендация. Но еще выше следующая: *верен служитель о Господе*. Служитель, не слуга, а διάκονος, — исполнитель возлагаемых поручений, или одного порученного дела, как семь диаконов в Церкви Иерусалимской. Святой Павел этим хотел означить: мой помощник и споспешник в деле благовестия. *Верен*. Как я на него во всем полагаюсь, так можете делать и вы, знающие уже его. Верен, потому расскажет вам всю правду, как что есть;

и вы, если бы имели нужду что сообщить чрез него, можете вполне положиться на него. *О Господе.* Он и верен, и труды служения Евангелию берет на себя не по человеческим побуждениям, а о Господе; действует в страхе Божием, пред лицем Господа, во славу Его и святого Евангелия Его, без всяких расчетов.

Стих 22. *Егоже послах к вам на сие истое, да увесте, яже о нас, и да утешит сердца ваша.*

На сие истое. Других целей, следовательно, и не было. На это — послания Тихика, а не написания послания. В отношении к посланию можно только отсюда навесть то, что и к написанию его не было особых побуждений, а одно желание: любовь свою им показать и возобновить в их памяти все домостроительство спасения. И написанием послания и посланием Тихика любовь только свою отеческую хотел показать Апостол и желание быть в общении. Не мог не предположить святой Павел, что и до них дошла весть об его узничестве. Из этого обстоятельства и сами они могли нагадать многое, а еще больше того могли наговорить недоброжелатели и святого Апостола, и самого Евангелия. Чтоб из этого не произошло какое смущение и чтоб разогнать скорбь, которой не могли не чувствовать духовные дети его, услышав об его узах, посылает он к ним Тихика, чтоб рассказал о делах и обстоятельствах Апостола и тем утешил их, удостоверив,

что никакой нет опасности их отцу, столь нежно их любящему и ими любимому. Одно, что тяготит его, это то, что он не может свободно проповедать. Об этом да молятся.

«Сколько тут (в слове и деле сем) любви!» (святой Златоуст).

Стих 23. *Мир братии и любовь с верою от Бога Отца и Господа Иисуса Христа.*

Благожелания чисто нравственные, из духа веры Христовой истекающие. *Мир братии*, чтоб все жили между собою в согласии, без всяких смущений; *любовь*, чтоб не внешно жили в мире, а имели сердечный между собою союз в любви. Где любовь, там мир уже непременно есть, и мир прочный, которого ничто земное расстроить не может. Любовь да освящается верою. «Никакой нет пользы от любви без веры, или, лучше сказать, без веры любовь вовсе и существовать не может» (святой Златоуст). Тут и предписание: да будет любовь не иная, как в духе веры, и предостережение, как бы любовь не завела к нарушению веры. «Он хочет, чтоб они не просто содержали любовь, но разумно, и не мешались с иноверцами» (святой Златоуст). Хранение веры — корень всего. Из нее — любовь; из любви — мир.

От Бога Отца и Господа Иисуса Христа. Всюду показывает Апостол, что свободе принадлежит только искание, дарование же самых добродетелей от Бога. Сколько ни бейся, сам ни в

чем не успеешь. Но если и биться не станешь, то ничего не получишь. Надо то и другое. Бог, видя усильное желание и искание, подает и, видя ревностное хранение поданного, удерживает дарованное за тем, кому оно даровано.

Вот перифраз сего текста, какой делает блаженный Феодорит. «Напереди поставил мир, но приложил и любовь, показывая, что последняя производит первый. С любовию же сочетал и веру, предписывая любовь по закону Евангельскому. Указал также и подателя их, не только Бога Отца, но и Господа Иисуса Христа, а с Ними и Всесвятого Духа. Ибо присовокупил: *благодать*»...

Стих 24. ***Благодать со всеми любящими Господа нашего Иисуса Христа в неистлении. Аминь.***

Два приема благожеланий. Там благожелалось больше то, что и от них зависело; а здесь больше то, что от щедрот Божиих исходит, хотя и это не безусловно, но под условием любви. *Любящими Господа* называет всех, кои уверовали в Него, прилепились к Нему и ходят в заповедях Его. *Благодать* — и благоволение Божие, и всяк дар совершен, свыше сходящий, необходимый всякому для спасения. Не вам только, ефесянам, но и всем повсюду любящим Господа желаю благодати. Оборот речи предполагает некое движение сердца Апостольского, которое всегда обнимало всех.

Что значит слово: *в неистлении*? Физическое тление — разложение тела. Нравственное тление — грех. Апостол желает, чтоб никто из христиан не подвергался сему последнему тлению, ибо иначе и любви у них уже не будет, и благодать они потеряют. Феодорит пишет: «Благодать подается не всем безусловно, но любящим Господа, да и тем не безусловно, но при любви хранящим и животворные Его законы».

Удаление от всякого греха и исполнение всякой заповеди уже предполагаются в любящем. Но, может быть, найдется кто, погрешительно думающий, что и любить Господа можно, и грешить в чем-либо. Апостол требует нерастленной, полной, совершенной любви. Требует, чтобы сердце все принадлежало Господу, а не было разделяемо между Ним и другим чем. Сердце, к другому чему обращающееся, есть поврежденное сердце, неверное, изменническое. И чистота побуждений тут же разумеется. Словом, Апостол требует любви безукоризненной во всех отношениях.

Святой Златоуст *неистление* понимает безгрешностию. Приводим его слова, которые вместе могут служить прекрасным заключением всему толкованию:

«Скажи мне, в чем состоит тление тела? Не в том ли, когда все оно разлагается и состав его распадает на части? Так бывает и с душою, когда в ней воцарится грех. Целомудрие и правда — вот красота души, а мужество и благоразумие —

это здоровье для нее! Что грехи производят тление, это видно прямо из того, что они делают людей срамными и слабосильными и иные причиняют недуги. Слушай, что говорит Писание: *растли всяка плоть путь свой на земли* (Быт. 6, 12). И в другом месте: *человецы растленни умом* (2 Тим. 3, 8). Тело у нас тленно, а душа нетленна. О, когда бы и ее не подвергнуть нам тлению (растлению)! Первородный грех сделал это возможным. Он даже после крещения может растлить душу и сделать ее добычею неумирающих червей. Но, с другой стороны, черви не могут и прикоснуться души, когда найдут ее нетленною. Смотри же, не растлевай души. Само тление некогда облечется в нетление. А что по природе не подлежит тлению (душа), то и само по себе не может разрушаться. Таким образом, возможны тление нетленное, без конца, и смерть бессмертная. Это именно и будет, когда тела сделаются нетленными. Потому если отойдешь туда с тлением в душе, то оно сделается для нас нетленным и не будет иметь конца. Постоянно гореть и быть всегда пищею червей, это, конечно, есть тление нетленное. Умоляю вас: устрашимся слов сих!

Будем и мы хранить сии законы (неистления) и пламенеть любовию к Господу, чтобы соделаться причастниками Апостольского благословения по благодати Спасшего нас Христа. С Ним слава Отцу, со Всесвятым Духом, ныне и присно, и во веки веков! Аминь» (Феодорит).

СОДЕРЖАНИЕ

Святитель Феофан Затворник

ТОЛКОВАНИЕ ПОСЛАНИЯ АПОСТОЛА ПАВЛА К ЕФЕСЯНАМ

Редактор *Раиса Букреева*
Художник *Димитрий Епифанов*
Компьютерная графика художественного редактора *Натальи Тихомировой*
Компьютерная верстка технического редактора *Марины Терентьевой*
Корректоры *Татьяна Савинская, Лина Егорова*
Набор *Ирина Музыченко*

Подписано в печать 10.11.04. Офсетная печать.
Шрифт Петербург. Формат 70×100 1/32.
Объем 20,25 печ. л. Тираж 5000 экз. Заказ 2674

Саввино-Сторожевский монастырь
143096, Московская обл., г. Звенигород

ИД 00161 от 22.09.99. Издательство «Правило веры»
109309, Москва, ул. Артюхиной, 8/10, стр. 1

Об оптовой продаже и доставке книг
обращаться по телефонам: 113-94-63, 451-31-94

ГУП Московская типография №2 Федерального Агентства
по печати и массовым коммуникациям
Тел.: 282-24-91. 129085, Москва, пр. Мира, 105

ISBN 5-94759-028-X